

Уильям Ф. Уоррен

НАЙДЕННЫЙ РАЙ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Уильям Ф. Уоррен **НАЙДЕННЫЙ РАЙ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ**

PARADISE FOUND

THE CRADLE OF THE HUMAN RACE
AT THE NORTH POLE

A Study of the Prebistoric World

WILLIAM F. WARREN, S. T. D., LL. D.

BOSTON
HOUGHTON, MIFFLIN AND COMPANY
1885

УИЛЬЯМ Ф. УОРРЕН

НАЙДЕННЫЙ РАЙ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Москва
2003

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД **Фэйр
плейс**

УДК 94(3)
ББК 71.0
У64

Издательство «ФАИР-ПРЕСС» выражает искреннюю благодарность научно-поисковой экспедиции «Гиперборея» и лично Валерию Никитичу Демину за предоставление ксерокопии редкой книги У. Ф. Уоррена на английском языке, полученной из библиотеки Дьюковского университета (Duke University) штата Северная Каролина

Уоррен У. Ф.

У64 Найденный рай на Северном полюсе / У. Ф. Уоррен. — Пер. с англ. Н. Гусевой. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 480 с.: ил. — (История и мифология).

ISBN 5-8183-0492-2

Эта книга выдержала десять изданий на Западе. Перед вами — одиннадцатое, теперь на русском языке. Ее популярность объясняется тем, что автор, американский историк XIX века У. Ф. Уоррен, затрагивает вопросы, всегда волновавшие человечество: где находится рай? Существует ли ад? Он объединил многие попытки ответить на эти вопросы, привлекая разные отрасли знаний, от мифологии до геологии. Читатель узнает о том, где зародилось человечество и в каких формах в его генетической памяти хранится представление об этом месте как о рае. Мифы, предания, легенды, изыскания ученых, приведенные автором, пробудят в душе каждого из нас то, что мы знали, но с течением времени забыли.

Для широкого круга читателей.

**УДК 94(3)
ББК 71.0**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Перевод. Гусева Н. Р., 2002.
© Издание на русском языке, оформление. «ФАИР-ПРЕСС», 2003.

ISBN 5-8183-0492-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — не труд мечтателя. Ее источником не служит и любовь к научным парадоксам. Равным образом она и не хитро выдуманная сказка, сочиненная в русле специфических тенденций современной науки, философии или религии. Это серьезная и искренняя попытка отразить то, что, по мнению автора, есть верное и окончательное решение величайшей и самой пленяющей умы проблемы из всех, касающихся истории человечества.

Нельзя считать странным тот факт, что это решение не было представлено раньше. Предположение, что изначальный Эдем располагался у Северного полюса, кажется на первый взгляд наиболее невероятным из всех диких и своевольных парадоксов. И лишь в течение жизни нашего поколения прогресс геологических открытий избавил эту гипотезу от фатальных предшествующих мнений о ее невероятности. Более того, легко можно увидеть, что при жизни предыдущего поколения нельзя было предпринять проводимую в этой книге попытку решения проблемы, так как оно могло стать результативным лишь в связи с недавно сложившимися так называемыми сравнительными науками, а самые поразительные из приводимых нами доказательств как в области физики, так и антропологии и есть новейшие выводы этих современных наук. Даже пять лет назад¹ еще не существовало наиболее интересных и неоспоримых в ряду приводимых нами аргументов.

Но интерес, который столь долго проявлялся к данной проблеме и породил многие попытки ее решения, никогда не заявлял о себе так сильно, как сегодня. В течение века устарели многие другие вопросы, только не эти. Чем дальше продвигался современный мир в области знаний, тем более требовательно нарастала необходимость отыс-

Читателю не следует забывать, что книга впервые увидела свет в 1885 году. — *Прим. ред.*

кать ее весомое решение. Как никогда прежде, люди стали остро чувствовать, что до тех пор, пока не будет определен стартовый пункт человеческой истории, исследователи — историки, археологи, палеонтологи — будут «блуждать в потемках». До того момента, пока по-новому не будет освещена проблема исходной родины и доисторических миграций человека, никто из этнографов, филологов, мифографов, теологов и социологов не сможет создать нечто, не подлежащее глубинным изменениям. Поэтому все антропологические знания и все науки, связанные с антропологией, выглядят в данный момент как бы пребывающими в состоянии сомнения и выжидания, недостатка изначально необходимых данных.

Тем, кто верит в Апокалипсис или просто в древнейшие и освященные веками этнические традиции, данная книга покажется необычайно интересной. Многие годы общественное мнение подвергалось воспитанию в пределах узкого натурализма, и в мировоззрении отводился лишь небольшой уголок для чего-то экстраординарного, кажущегося сверхъестественным. Десятилетие за десятилетием представители этого учения измеряли естественные явления, происходившие в каждом веке, мелкой единицей измерения, соответствовавшей их собственному опыту во времени и в пространстве. Столь долго и успешно догматизировали они постоянство законов природы и униформизм ее сил, что в конце концов это привело к отсутствию малейших проявлений мужества, которые сделали бы возможным для интеллигентного человека перед лицом своего поколения открыто признаться в своей вере, к примеру, в то, что некогда существовали люди огромного роста, длительность жизни которых приближалась к тысяче лет.

Особенно клирики и христианские учителя и писатели на темы библейской истории испытывали затруднение, встречаясь с распространенным недоверием к этим сюжетам и часто ощущая, что это недоверие они и сами разделяют в какой-то степени. К ним всем и, несомненно, к более широко мыслящим в среде самих натуралистов относится то, что они не могли не приветствовать

новую философию, утверждавшую, что все экстраординарные эффекты порождаются адекватными экстраординарными причинами.

Выполнение плана данной книги — это все, что только мог пожелать автор. Развитию и расширению аргументации (материалы для этого должны быть тщательно собраны по всем областям знаний) может посвятить неограниченный труд своей жизни более широко и глубоко мыслящий ученый. Писателю же, загруженному заботами трудовой исполнительской службы, не хватало и свободного времени, и средств, необходимых для выполнения столь высокой задачи. Поэтому лучшее, что он мог сделать, — посвятить два летних отпуска написанию этой книги и предоставить ее миру. У него нет сомнений в правильности своей точки зрения, и он уверен в готовности научного мира воспринять ее.

К этим предварительным замечаниям следует добавить, что, помимо своей непосредственной цели, книга представляет интерес и, как надеется автор, ценность в качестве вклада в новорожденную науку, именуемую сравнительной мифологией. В добавление к авторским словам «Истинный ключ к древней космологии и мифической географии», стало возможным привести в порядок и интерпретировать великое разнообразие древних космологических и географических утверждений, ранее не понятых современными учеными. Например, здесь впервые объясняются происхождение и значение понятия «Мост Чинват». Указание на полюсоцентрический характер, общий для мифических систем священной географии, свойственных всем древним народам, окажется новым для читателя. Новый свет брошен и на вопросы о священных странах света и их нахождении, о месте, где располагалось прибежище душ умерших, о характере и положении Космического Древа, на направление обратотекущей реки Океан, на корреляцию «пупов» Земли и небес — не будем все их здесь перечислять. Все это вряд ли пройдет мимо проявления живого интереса со стороны ученых и учителей, занятых работами по древней мифологии и мифической географии.

Свежий вклад в науку о Гомере, касающийся правильного понимания его космологии, докажет свою ценность для занимающихся этим ученых. И безусловно, эта книга написана не зря; в конце концов, для всех, кого она может привести к тем систематическим и разумным методам преподавания, которые столь долго отбрасывались в университетах и классических школах, но крайне важны в области таких наук, как древняя космология и мифическая география.

Нельзя, конечно, ожидать, что автор избежал ошибок и поверхностных выводов, когда пересекал столь многие и разнообразные поля исследовательской работы; иные из них лишь недавно были открыты первопроходцами в науке. Он только просит, чтобы любые подобные пятна, которые сможет обнаружить более компетентный ученый или которые могут быть выявлены в процессе прогресса знаний, не были использованы для нанесения ущерба верной аргументации, но подвергались искренней и приносящей пользу критике.

Автор с глубоким уважением вверяет эту работу всем обладающим духом поиска истины — не только терпеливым исследователям природы, но в равной мере и историкам, литераторам, религиоведам. И особенно он адресует ее тем жаждающим и пребывающим в ожидании «сыновьям королей», чьи переживания так прекрасно описал Х. К. Андерсен: «Некогда жил сын короля. Ни у кого не было столь много прекрасных книг, как у него. Он мог узнать из них обо всем, что происходило в мире, и увидеть это на великолепных гравюрах по меди. Он мог обрести знания о каждом народе и о каждой земле, но не мог узнать, где найти Райский сад, — об этом в книгах не было ни слова. А между тем именно об этом он думал больше всего».

У. Ф. Уоррен, Бостон

ЧАСТЬ I

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ЭДЕМА: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вы должны понять, что ни один смертный не может приблизиться к раю: по земле никто не сможет туда пройти, так как в пустыне обитают дикие звери, и через высокие горы и гигантские скалы, а также через места мрака не может пройти ни один человек; через те реки также человек не перейдет, потому что их вода столь резка и мощна — ведь эти потоки устремляются вниз с невообразимой высоты и порождают такие волны, которые не преодолееет ни один корабль, не устояв перед их мощью, а вода так ревет и издает такой грохот, порождая ураганы, что ни один человек на корабле не услышит другого, хотя и будет кричать изо всех сил. Многие властные люди проявляли необозримую волю, пытаясь неоднократно в сопровождении больших групп пройти через эти реки к раю, но не могли продвигаться вперед, и многие из них погибли в попытках бороться с могучими валами, а многие ослепли и оглохли от грохота этой воды, некоторые же погибали, поглощаемые волнами; так что ни один смертный не может приблизиться к этому месту, если не будет это милостиво допущено Богом.

Сэр Джон де Мондевиль

ГЛАВА 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛЕГЕНДАРНЫХ

Лучше всего изучать свет в путешествиях.

К. Г. В. Фёлкер

Один из наиболее интересных и патетических мотивов, встречающихся в литературе, — это сообщение Христофора Колумба своим царствующим патронам о предполагаемом открытии входа в ворота давно утерянного Райского сада (сада Эдема). Об эмоциях, которые потрясли его сердце, когда он направился к подъему, ведущему в сад, можно судить по его словам: он ощутил, будто «корабли начинают мягко подниматься к небу», а погода становится «ласковее» по мере подъема. Каким же изысканным ощущением должна была стать для одинокой души великого испытателя возможность так близко подойти к созданному Богом Райскому саду, стать первооткрывателем того пути, по которому весь верующий мир мог снова, после стольких веков, еще раз приблизиться к его священным пределам, даже если вход в него и запрещен!

Это было его третье путешествие. Он — в заливе Пария к северу или северо-западу от устья реки Ориноко. В своем исполненном преданности послании Фердинанду и Изабелле он пишет так: «Священное Писание сообщает, что наш Бог создал земной рай и посадил в нем Древо Жизни; и оттуда бьет фонтан, из которого истекают четыре главные реки мира: Ганг в Индии, Тигр, Евфрат и Нил.

Я не вижу и никогда не видел у римлян и греков сообщений, указывающих на место земного рая; равным образом не видел я этого и на картах мира, созданных по достоверным источникам. Некоторые помещали его в Эфиопии, на истоках Нила, тогда как другие, пройдя по этим странам, не обнаружили ни тепла, ни положения солнца, соответствующих их представлениям об этом; не было похоже и на то, что все покрывавшие землю воды потопа достигли этих мест. Некоторые язычники старались предъявить доказательства, что рай был на Счастливых островах, называемых теперь Канарскими.

Св. Исидор, Беда, Страбо¹ и Мастер «Схоластической истории»², наряду со св. Амброзием и Скотусом, и все ученые теологи согласны в том, что земной рай расположен на востоке.

Я уже описывал мои соображения относительно этой полусферы и ее формы³ и не сомневаюсь, что, если бы я мог пройти под линией равноденствия, после достижения наивысшей точки, о которой я говорил, я встретил бы зону более мягкой температуры и разнообразие в звездах и водах: не потому, что я считаю навигацию возможной на этой высоте, и не потому, что там есть вода, нет, я верю, что туда невозможно подняться, так как я считаю, что это — место земного рая, куда никто не может войти без разрешения Бога. Но эта земля, на которую в целях ее исследования направили меня Ваши Величества, весьма обширна, и я полагаю, что дальше к югу есть много стран, о которых мир никогда не знал.

Я не думаю, что земной рай имеет форму неприступной горы, как кажется по описаниям, но то, что он находится на вершине описанного мною места, выгля-

¹ Валафрид Страбо (Walafrid Strabus) (из Рейхенау, Баден).

² Петр Коместор (Petrus Comestor), написавший «Historia Scholastica».

³ См. Приложения, I «Земля, по Колумбу, не настоящая сфера».

дящего как верхняя часть груши, приводит к мысли, что приблизиться к нему возможно лишь путем постепенного подъема. И я верю, что никто не сможет достичь вершины; я думаю также, что описанная мною вода может стекать с нее, хотя она и очень далека, и, задерживаясь на том месте, которое я только что покинул, она образует озеро.

Здесь много указаний на то, что это, возможно, земной рай, поскольку его расположение совпадает с мнениями святых и мудрых теологов, о которых я упоминал. Более того, другие свидетельства совпадают с таким предположением, поскольку я никогда не читал и не слышал о появлении пресной воды в таком количестве, граничащей с морской водой; эта мысль соотносится и с повышением температуры. И если вода, о которой я говорю, появляется не из земного рая, это кажется еще большим чудом, так как я не верю, что существует где-нибудь в мире река, столь широкая и глубокая.

Когда я покинул Пасть Дракона, расположенную еще севернее тех трудных мест, которые я описывал и которые я так назвал во имя августовского праздника нашей Владычицы¹, я обнаружил, что море «течет» так сильно к западу, что между часом мессы², когда я поднимал якорь, и часом вознесения молений³ я прошел 65 лиг⁴ по четыре мили⁵ каждая. При этом ветер не только не был неистовым, но, наоборот, он был очень легким. Это привело меня к заключению, что на пути к югу идет постепенный подъем, а к северу — соответствующий спуск.

Я считал нерушимым, что воды моря текут с востока на запад, как движется и солнце, и имеют большую

¹ Праздник Успения Богородицы.

² Видимо, 6 часов утра.

³ 9 часов вечера.

⁴ 1 лига = 4,8 км. — *Прим. ред.*

⁵ 1 морская миля = 1,852 км. — *Прим. ред.*

скорость, покрывая огромные пространства земли, поэтому появляется и много островов. Эти острова служат дополнительным доказательством того, что лежащие на западе и востоке или на северо-западе и юго-востоке широки, а лежащие на севере и юге или на северо-востоке и юго-западе, то есть в противоположных указанных направлениях, узки. Более того, предполагаемое наличие на этих островах наиболее ценных материалов следует объяснять их теплым климатом, даруемым самим небом, поскольку они являются самой высокой частью мира. И хотя то, что воды в некоторых местах, как нам кажется, не следуют указанному направлению, это связано лишь с теми местами, где ходу препятствует суша и они меняют свое направление...

Теперь я вернусь к моему рассказу о земле Бога и о реке и озере, которые там обнаруживаются. Последнее следует скорее назвать морем, так как слово «озеро» относится к небольшому водоему, но когда он так велик, то вполне заслуживает название моря, как мы применяем это название к Галилейскому (озеро Кинерет) или Мертвому морю. Я думаю, что если река, упомянутая мною, не исходит из земного рая, то она порождается обширной областью земли в южной стороне, о которой нет никаких сведений. Но чем больше я размышляю об этом, тем сильнее нарастает мое убеждение, что земной рай расположен в описываемом мною месте, и мое мнение подкрепляется аргументами уже упомянутых мною авторитетных авторов.

Да одарит Господь Ваши Величества долгой жизнью, здоровьем и миром, дабы выполнить столь благородное исследование. Оно принесет нашему Правителю огромную пользу. Испания возрастет в своем величии, и все христиане обретут большое утешение и наслаждение, так как имя нашего короля станет всемирно известным»¹.

Select Letters of Christopher Columbus. Translated R. H. Major. 2 ed. London, 1860. P. 140—147.

Увы! Проблема поиска Эдема не могла быть решена естественным опытом!

Колумб не дожидаясь обнаружения рая, а географы много лет спустя доказали, что золотая вершина мира не находится ни в Венесуэле, ни в одной из соседних с ней стран.

Колумб считал, что он достиг восточного побережья Азии, а не совершенно нового континента. Его убеждение, что земной рай расположен или в дальних бластях Индии, или к востоку от нее, было доминирующим в его эпоху. Карта мира Херфорда, созданная

XIII веке, указывает на благодатное место, а именно на круглый остров к востоку от Индии, отделенный от континента не только водами моря, но и зубчатой стеной, имеющей лишь одни ворота, обращенные к западу. Именно через них прошли, как предполагалось, первые прародители, изгнанные из рая. Хуго де Сен-Виктор писал: «Рай — это место на Востоке, богатое всеми родами деревьев и плодами. Там есть и Древо Жизни. Там не холодно и не жарко, но всегда ровная температура. Там есть и фонтан, исторгающий из себя четыре реки». Готье де Мэц описывает в XIII веке в своей поэме земной рай как недостижимое место в каком-то районе Азии. Он окружен огнем, и его ворота охраняет вооруженный ангел.

Сэр Джон де Мондевилль совершил в 1322 году свое незабываемое паломничество на Восток. В описании того путешествия, после рассказа о чудесном царстве пресвитера Иоанна в Индии, он говорит: «А за этой землей и за островами и пустынями — владение Иоанна. Человек, идущий прямо на восток, не встретит ничего, кроме гор и огромных скал; там есть также бласть тьмы, где ничего не видно ни днем, ни ночью, как говорят люди его страны. И эта пустыня, и эта бласть мрака пролегает от берега до земного рая, где были Адам, наш первоотец, и Ева, но недолго... О рае не могу говорить с точностью — я там не был. Он

очень далеко, и я не решился отправиться туда, я не был достоин этого. Но охотно расскажу вам, что я слышал от мудрых там.

Земной рай, как они говорят, есть высочайшая точка Земли, такая высокая, что почти касается Луны, совершающей свои круги по небу. И она так высока, что ее не достигли воды потопа времен Ноя, покрывшие весь мир вверху и внизу, за исключением рая. Этот рай обнесен стеной, и людям неизвестно, из чего она сделана, так как эта стена вся покрыта мхом. И даже кажется, что она сделана не из натурального камня. Эта стена тянется с юга на север, и в ней есть лишь один проход, скрываемый пылающим пламенем, так что ни один смертный не может туда проникнуть. А в самой высокой точке этого рая, в самой его середине, есть колодец, извергающий четыре реки, текущие по разным землям. Первая из них называется Фисон, или Ганг, и она течет по Индии, или Емлаку, и в ней содержится много драгоценных камней, много железного дерева, алоэ и много золотого песка. А другая река называется Нил, или Гихон, и течет она по Эфиопии, а затем по Египту. Еще одна называется Тигр и течет по Ассирии и Великой Армении. И другая еще называется Евфрат и течет по Мидии, Армении и Персии. Люди сказали, что самая пресная в мире вода в верхних и нижних землях порождается райским колодцем, и даже все воды появляются из этого колодца»¹.

Разные писатели и создатели карт того века уверены в том, что рай, описанный в книге Бытие, идентичен Цейлону. Вплоть до нашего времени гора в центре этого острова носит название пика Адама. По традиции мусульман, это название было ей дано потому, что здесь очутился Адам, будучи изгнанным из истинного рая на небе. Тем не менее христианская

¹ Early Travels in Palestine. Ed. by Thos. Wright. London, 1848. P. 276.

легенда долго указывала на Цейлон как на первичное место истинного рая¹.

В полном согласии с этим взглядом находится и замечательная скандинавская сага XIV века, повествующая о принце Эйрике, в изложении Бэринг-Гулда. Эйрик был сыном Транда, короля Дронтхейма, и, приняв обет исследовать Землю Бессмертия, он отправился в Данию, где обрел друга, имевшего то же имя, что и его собственное. Вместе они направились в Константинополь и навестили императора, который долго с ними беседовал об истинности христианства и о месте расположения Земли Бессмертия, которая, как он утверждал, и была не чем иным, как раем.

«Мир, — сказал монарх, не забывший уроков географии, которую он изучал в школе, — по окружности насчитывает 180 000 стадий (около 1 000 000 английских миль²), и он ни в коей мере не опирается на столбы — его поддерживает сила Бога. Расстояние от земли до неба равно 100 045 миль (по другому подсчету — 9382 мили, хотя эта разница и невелика). А вокруг всей земли простирается огромное море, именуемое океаном». — «А что лежит к югу от земли?» — спросил Эйрик. — «О, там конец

¹ Даже Мондевиль, чей рай, как мы видели, находится еще дальше на востоке, нашел здесь Фонтан Юности, истекающий из рая: «В направлении леса есть город Поломбе (Коломбо), а над этим городом возвышается большая гора, тоже именуемая Поломбе. От этой горы получил название и город. А у подножия горы имеется волшебный колодец, издающий запах и аромат специй. И ежечасно он по-разному меняет свой запах и аромат. А тот, кто пьет три раза в день воду из этого колодца, полностью избавляется от всех болезней, которые он имеет. И те, кто живет там и часто пьет из этого колодца, никогда не болеют, и их семья всегда исполнено молодости. Я сам пил там три или четыре раза, и вот я прекрасно себя чувствую. Некоторые зовут его Колодцем Юности, так как те, кто часто пьет из него, всегда молоды и живут не болея. И люди говорили, что этот колодец порожден раем, поэтому он так и влияет на человека».

² 1 сухопутная миля = 1,609 км. — *Прим. ред.*

мира, и это Индия». — «Но где же я найду Землю Бессмертия?» — «Она лежит — я полагаю, ты говоришь о рае — немного восточнее Индии».

Получив такую информацию, оба Эйрика отправились в путь, снабженные письмами Великого императора. Они пересекли Сирию и сели на корабль — возможно, в Балсоре. Достигнув Индии, они поехали дальше верхом на лошадях. Так они доехали до густого леса, такого густого, что сквозь сплетение его ветвей даже днем можно было видеть звезды, как со дна глубокого колодца. Выбравшись из леса, оба Эйрика достигли края этой земли, ее берега, и увидели вдали прекрасную землю, которая явно была раем. Датский Эйрик, стремясь проявить знание письменных источников, заявил, что перед ними воды реки Фисона. И воду пересекал каменный мост, охраняемый Драконом.

Датский Эйрик, испуганный предстоящим столкновением с этим чудовищем, отказался идти дальше и даже пытался убедить друга отбросить попытку достижения рая как безнадежную. И они погрузились в созерцание благословенной земли. Но норвежец, сжимая в руке свой меч, решительно двинулся вперед, прямо в пасть дракона. И почти сразу же он оказался исторгнутым из чрева чудовища и безопасно доставлен в рай, что вызвало его бесконечное удивление и восторг.

Земля была прекрасна, а трава на ней расцвечена, как порфир, она была полна цветов, и всюду протекали медовые ручейки. Поверхность земли была обширна и ровна, не было на ней ни холмов, ни гор. А солнце светило с безоблачного неба, и не было там ни тьмы, ни ночи. Воздух был спокоен, и слышался лишь легкий шепот ветерка; каждый мог вдыхать приносимый ветерком аромат цветения. Пройдя немного вперед, Эйрик увидел нечто действительно замечательное: башню, висящую в воздухе без всякой поддержки и опоры. Земля была связана с ней лишь тонкой лест-

ницей. По ней Эйрик и поднялся в эту башню и обнаружил там приготовленный для него ужин. Поужинав, он отправился спать и во сне увидел ангела-хранителя и беседовал с ним. Ангел обещал, что вернет его на родину, но там он снова явится ему и заберет его навсегда через десять лет после его возвращения в Дронтхейм.

После этого Эйрик вернулся в Индию по своему прежнему пути. На этот раз его не тронул Дракон, который и не был удивлен тем, что ранее изверг его из пасти. Несмотря на его грозный вид, он был безвредным и слабым.

После утомительного семилетнего путешествия Эйрик достиг своей страны, где он и рассказал о всех приключениях, приведя в смущение язычников и в восторг — верующих.

А на десятый год, к вечеру, когда Эйрик начал молиться, он был унесен по воле Бога, и с тех пор его никогда не видели на земле. Так можно завершить рассказ о нем.

Здесь мы продвинулись дальше, чем с Колумбом, но как бы красиво и правдиво ни выглядела эта история об исследовании Эдема пятьсот лет назад, мы сейчас-то знаем, что единственным раем на Цейлоне является символический буддийский¹, который так же далек от изначального сада Бытия, как и римско-католический «Кальвариос» в Южной Америке от простого распятия. Более того, какими бы правдивыми ни были в других вопросах записи пятисотлетней давности, они, как нам кажется, несут в себе понимание истинного характера этой истории путешествия, так как, «судя по большей

¹ «Буддисты Цейлона старались преобразовать центральную гору острова, Дэва-куту (Вершина богов); в гору Меру и усмотреть в четырех потоках, стекающих с нее, соответствие их рекам рая». *Obry. Le Berceau de l'Espèce Humaine. Amiens, 1858. P. 118; Lassen. Indische Alterthumskunde. Bonn, 1862. Bd. 1. S. 196.*

части манускриптов, вся история выглядит не чем иным, как религиозной повестью»¹.

Что касается кельтского земного рая, Авалона, то он был островом в северных водах, и добраться до него можно было, конечно, только на корабле. Первым, кто совершил этот подвиг, был, по данным христианской легенды, св. Брендан, сын Финлого, прославленный святой ирландской церкви, умерший в 556 или 557 году.

Легенда гласит, что ангел принес этому доброму аббату с небес книгу, в которой излагались настолько удивительные вещи о неизвестных тогда частях света, что честный отец обвинил и ангела и книгу во лжи и сжег ее, движимый праведным негодованием. Бог в наказание за его неверие повелел ему восстановить книгу. Он должен был теперь искать ее в аду, на земле и в море непрерывно, пока не найдет этот божественный дар. Ангел пояснил ему, что когда он увидит два разных огня, вспыхнувших где-нибудь, он поймет, что это два глаза особого быка, на языке которого и будет найдена книга. Семь лет он плывал по Западному и Северному океанам², где увидел больше чудес, чем было написано в исходной неправдоподобной книге, и ему даже было разрешено посетить земной рай. Красота этого места, фонтан, рождавший четыре потока, восхитительный замок и его залы, озаренные сиянием драгоценных камней и украшенные драгоценностями, — все это превосходило те описания. Созерцание этой красоты длилось, однако, очень недолго, и, к несчастью, автор забыл упомянуть о местонахождении этого острова.

Еще более изысканная и сказочная картина того же средневекового рая предстает перед нами в истории

¹ *Baring-Gould. Curious Myths of the Middle Ages. London, 1866. P. 236.*

² *Carl Schroeder. Sanct Brandan. Ein lateinischer und drei deutsche Texte. Erlangen, 1871. P. XII, XIII and passim.*

Огера, или Холгера, датского рыцаря времен Шарлеманя. Переданная прозой, она выдержана в стиле, которым прославились придворные менестрели, повествовавшие о приключениях шестьсот лет назад перед восхищенной аудиторией.

Карахё и Глориан были в лодке в сопровождении прекрасных спутников, а Огера сопровождала тысяча вооруженных людей. Когда они отделились от берега, поднялась страшная буря, и они не знали, что делать, кроме как вручить свои души воле Бога. Мачта корабля Огера сломалась, и он должен был перейти в маленькую лодку с несколькими друзьями. Ветер гнал их с такой силой, что они потеряли из виду Карахё. А Карахё был так тяжело потрясен, что начал думать о смерти и оплакивать благородного Огера, так как не знал, что же случилось с его лодкой. А Огер стал также сожалеть о Карахё. Так горюющий Карахё и христиане из его окружения восклицали: «Увы! Что с тобой случилось, Огер? О таком неожиданном исчезновении я никогда не слышал». — «О нет, перестань, мой дорогой, — сказала Глориан. — Он не преминет вернуться, если на то будет Божья воля. Ведь он где-то недалеко». — «Нет, леди, вы не знаете, как опасно море, — отвечал ей Карахё, — и я молю Бога одарить Огера своей милостью...»

Теперь вернемся к Огеру, который встретился с такой опасностью, но продолжал горевать о друге, восклицая: «Ах, Карахё, надежда всех оставшихся дней моей жизни, ты, которого я любил почти как Бога! Как могло случиться, что Бог допустил столь скорую утрату тебя и твоей возлюбленной?» И в эту минуту большой корабль, на котором оставались воины Огера, ударился о скалу, и он увидел, как они погибали. Боль утраты пронзила его. Но в этот миг каменная скала начала двигаться к лодке Огера, и он, видя, что сейчас может погибнуть сам, воззвал к Богу: «О Боже, мой Отец и Создатель, который сотворил меня в своем образе и

подобии, пощади меня теперь и не дай мне погибнуть здесь — ведь я не жалел сил для укрепления католической веры. Но если Ты решил взять мою душу, молю Тебя беречь моего брата Гайу и всех моих родных и друзей, особенно моего племянника Готье, который намерен стать Твоим слугой и даровать доход Твоей святой церкви... Ах, мой Бог, если бы я знал о гибельном исходе этого приключения, я никогда бы не покинул Кларису, королеву Англии, не расстался бы с ее красотой, умом и честью. Если бы я мог вернуться к ней, я бы снова увидел и моего дважды повелителя Шарлеманя и всех окружающих его принцев».

В эти минуты лодка продолжала плыть и достигла каменного дворца, который люди зовут замком Авалона и который стоит недалеко от земного рая. Илья и Енох озарили его огнем. Здесь жила та Фея, которая так богато одарила его при рождении. Но моряки прекрасно видели, что они плывут все ближе к каменному утесу и сказали Огеру: «Господин, обратись к Богу и передай ему свою душу, так как ясно видно, что приходит конец нашему пути», но в этот миг лодка прочно прикрепилась к скале, точно была покрыта цементом.

Этой ночью Огер задумался о своем положении, но он едва ли мог бы сказать, что же происходит. А моряки обратились к нему: «Господин, мы не надеемся на спасение, так что взглянем на наши запасы, ибо пребудем здесь до конца дней своих». И Огер ответил: «Если это так, то я поровну поделю провизию и выделю каждому его порцию, как младшему, так и старшему». Для себя Огер выделил двойную долю, так как по морскому закону капитану полагается получать за двоих. Но даже если бы и не было так принято, он все равно взял бы себе двойную порцию, потому что всегда ел за двоих.

Разделив провизию, Огер обратился к гребцам: «Прошу вас, съедайте ваши порции очень экономно, так как, когда я увижу, что вы все доели, я сам брошу вас всех в

воды моря». Ему ответил шкипер: «Господин, тебе ведь лучше не будет, чем нам». И когда они доели свои порции, Огер сбросил всех в море и остался один. И в тревоге он не знал, что же делать дальше. «Увы! Мой Бог и Создатель, Ты меня покидаешь теперь? Никого нет, чтобы поддержать меня», — так воззвал он. И тогда — показалось ли это ему или нет — чей-то голос произнес: «Бог велит тебе с наступлением ночи идти в замок, так как ты достиг острова, который и хотел найти. А когда вступишь на остров, увидишь узкую тропинку, которая приведет тебя к замку. И не пугайся ничего, что ты там увидишь». Огер огляделся, но не увидел говорящего.

Он был настолько заинтересован случившимся, что, не зная что и делать, решил предпринять попытку. Когда пришла ночь, он, доверив себя Богу, прося Его о милосердии, направился вперед и увидел замок Аваллон, который волшебным образом светился. Он видел его по ночам и до этого, но при свете дня замок исчезал. Как только Огер увидел замок, он решился идти на остров и увидел много кораблей, причаленных к скале. Переходя с одного на другой, он достиг острова и заметил там тропинку, огибающую гору. Когда он дошел до ворот замка и хотел войти, перед ним появились два огромных льва, которые сбили его на землю. Но Огер, вскочив, выхватил свой меч и рассек надвое одного из них. Тогда второй бросился ему на шею, но Огер быстро обернулся и отсек ему голову.

После того, возблагодарив Бога, он вошел в замок и увидел в зале стол со множеством яств, накрытый как бы для обеда. Но ни хозяина, ни принца он там не заметил. Удивленный тем, что никого нет, он увидел сидящую за столом, подобно человеку, лошадь. Эта лошадь, известная под именем Папильон (Психея?), ждала Огера; она поднесла ему напиток в золотом кубке, а затем провела его в отведенные ему покои, где стояла кровать, покрытая златотканым покрывалом невиданной красоты.

Когда Огер проснулся, он не обнаружил ни лошади, ни мужчины или женщины, готовых проводить его из спальни. Он увидел дверь, в которую, перекрестившись, решил войти, но при этой попытке он встретил змею, такую страшную, каких никто не видал. Она набросилась на Огера, но рыцарь схватился за меч, и она сначала отпрянула в сторону, а затем решительно вернулась, так как была очень сильна, и они стали биться. И когда Огер почувствовал, что она его одолевает, он разрубил ее надвое, а затем вышел в сад, такой прекрасный, что казался истинным раем: в нем росли волшебные деревья, на которых зрели разные плоды, имевшие разный вкус, и эти деревья издавали такой аромат, который ему не приходилось раньше вдыхать. Увидев дивные плоды, Огер хотел их попробовать и сразу же подошел к прекрасной яблоне с плодами, подобными золоту, сорвал один из них и стал его есть. Но по мере вкушения плода он становился все слабее и болезненнее и лишался силы мужа. Он снова обратился к Богу, вверяя Ему свою душу, и приготовился умереть... Но, обернувшись, он вдруг увидел прекрасную женщину, одетую в белое платье и выглядевшую настолько изысканно, что она излучала славу. Глядя на нее, неподвижный Огер подумал, что это сама Дева Мария, и сказал, поклонившись ей: «Аве Мария». Но она промолвила: «Не думай, что я та, которую ты считаешь, потому что я та, которая была при твоём рождении, я волшебница — Моргана, и это я дала тебе дар, обещавший возвеличение твоей славы во всех землях. Но вот ты отказался от ратных подвигов ради развлечения дам. Как только я заберу тебя отсюда, я отнесу тебя в Авалон, где ты увидишь представителей наивысшего благородства в мире».

И она дала ему кольцо, обладавшее такой силой, что Огер, которому уже сравнялось сто лет, сразу стал тридцатилетним. И тогда он сказал: «О леди, я обязан вам больше, чем кому-либо в этом мире. Будь благо-

словен миг рождения, когда вы дали мне, не имеющему никаких заслуг, бесчисленные дары, а вот этот дар есть новая жизнь, что превыше всех других. Ах, леди, кем я был ранее перед Шарлеманем и кем стал теперь — я ведь сейчас чувствую в себе такую силу, которой раньше не знал. Скажите, дражайшая, чем я могу отплатить за все, что вы для меня сделали, за вашу доброту и дар чести?» Тогда Моргана взяла его за руку и промолвила: «Мой преданный друг, целью для достижения моего счастья служит то, что я сейчас отведу тебя в мой дворец, в Авалон, где ты и увидишь и высших среди благородных, и прекраснейших среди красавиц». И она взяла его за руку и повела в замок Авалон, где были и король Артур, и Оберон, и Маламброн — воплощение волшебной власти над морем.

Как только Огер приблизился к замку, его встретили феи, танцующие и распевая дивные песни. И он увидел много красавиц, богато украшенных и наряженных. И появился Артур, и Моргана обратилась к нему: «Подойди, мой брат и господин, чтобы приветствовать этот прекрасный цветок рыцарства, эту славу французской аристократии, того, в ком воплощены мужество, и честь, и все другие достоинства, этого Огера ле Дануа, кого я преданно люблю, эту мою радость, на которого возложено оправдание всех моих надежд». Затем Моргана увенчала его короной такой богатой, что никто здесь и представить себе не мог ее цены. Эта корона имела волшебное свойство избавлять тех, кто ее носил, от всех забот, печалей и грусти, и он забывал о своей стране, о родных, которых он оставлял в мире.

Тут мы оставим его, предоставив его заботам прекрасных дам, и вернемся на землю, где обстоятельства складывались не так прекрасно. За время, что он пребывал в царстве грез, враги захватили Иерусалим и продвигались к Вавилону. И тогда самые достойные рыцари из числа оставшихся в живых на земле — Мусан, и Флориан, и Карахё, и Готьё (племянник Оге-

ра) — собрали все свои силы, чтобы защитить это место. Они очень сожалели, что не было с ними Огера. Великая битва разгорелась в стенах Вавилона, и победили в ней сарацины при помощи ренегата адмирала Гандиса.

А Огер провел долгое время в замке Авалона, подарив сына Моргане. И она, услышав о делах на земле и об опасности, нависшей над христианским миром, сочла необходимым пробудить его от забвения всего земного и сказать ему, что необходимо вернуться в мир. Затем следует рассказ о возвращении Огера на землю, где никто его уже не знал, и всех удивляло его странное одеяние и поведение. Он спросил о Шарлемане, который задолго до этого умер, а поколение, которое было моложе него, уже состарилось, но все же у него сохранялись свойства тридцатилетнего человека. Уж не будем вспоминать и о том, что речь его вызвала подозрения. Но наконец он представился королю Франции и присоединился к его армии, а также внес свой вклад в церковь, забыв полностью о своем пребывании в волшебном мире. Его возлюбила королева (короля к тому времени убили) и готова была выйти за него замуж, но снова появилась Морганя и вновь увлекла его в Авалон¹.

Вглядываясь в эту долгую историю, мы стараемся понять, где в ней место для рая и как можно было проникнуть туда, но видим, что все ее данные слишком скупы и приводят к разочарованию. Более же

¹ Кири замечает: «Повесть, которую я здесь перевожу, является версией повести XVI века, но она дословно списана с варианта поэмы трубадура Аденеца, главного менестреля при дворе Генриха III Баварского (1248—1261), за любовь к его искусству носившего имя Лё Руа — «король всех». Не может быть сомнений в том, что в своих основных чертах эта история гораздо древнее времени жизни Аденеца» (*Keary. Outlines of Primitive Beliefs. P. 452—458*).

древняя повесть Плутарха, касающаяся того же благословенного острова, тоже лишена указаний на его точное место¹.

Обратясь на несколько веков назад, мы встретим еще одного путешественника, который тоже претендовал на то, что посетил рай. Он повествовал: «Когда я взглянул на север через горы, я увидел семь гор, полных драгоценного бальзама, и ароматных деревьев, и корицы, и перца. И оттуда я отправился через вершины этих гор далеко на восток, пересек море и зашел далеко за него. И я достиг Сада Истины и увидел множество самых разных деревьев; большинство из них цвели, очень красиво и привлекательно; там было и Древо Мудрости, дающее мудрость всем, кто вкушает его плоды. Оно подобно хлебному дереву Иоанна, и его плоды похожи на гроздья винограда.

Аромат этого дерева распространяется далеко вокруг. И я воскликнул: «Прекрасно это дерево! Как красив и восхитителен его вид!» И святой ангел Рафаил, бывший со мною, откликнулся мне: «Это Древо Познания. Твой первоотец и твоя первомать съели его плод и приобщились к познанию, и у них открылись глаза, и они обнаружили, что они наги, за это их изгнали из сада».

Этот удачливый исследователь-испытатель, которого столь милостиво сопровождал ангел, был неизвестным автором Книги Еноха, чье писание, как полагают многие, относится ко II веку до н. э. Читая главы из него, каждый приходит к выводу, что нельзя надеяться на понимание священной географии по такому источнику².

¹ «On the Face appearing in the Orb of the Moon», Sect.26. Plutarch's *Morals*. Goodwin's ed. Vol. V. P. 201.

² Das Buch Henoch. Übersetzt von Dr. A. Dillmann. Leipsic, 1853. Существует более ранний английский перевод (by R. Lawrence. Oxford, 1821. P. 33, 38).

Переходя же к путешественникам нашего времени, мы тоже многого не достигнем, хотя они не испытывают нашу доверчивость историями об ангелах-проводниках или о сторожах-драконах. Один из них, писавший всего десять лет назад, сообщает явно из самого сада: «Открытия, сделанные за последние десять лет, свидетельствуют, что первое прибежище человека, скорее всего, находилось вблизи слияния Евфрата и Тигра; и не следует противиться найденным здесь в земле надписям на таблицах, которые полностью подтверждают эту мысль». Но насколько быстро возрастают наши надежды, настолько же скоро наступает и разочарование. Недоверчивые критики встречают утверждение об ископаемых табличках с надписями о этом сюжете хором насмешек. Указанный автор тоже не рискует придавать значение «открытиям, сделанным за последние десять лет», отражающим тенденцию подтвердить мнение, что Эдем был расположен в описываемой местности. Напротив, в следующем же предложении текста он отказывается от этого факта и тем самым показывает, что сам проявляет неуверенность, говоря: «И хотя по истечении многих веков нельзя рассчитывать на точные соответствия в топографии, все же, следуя за общим описанием картины, а не за детализированными указаниями, можно принять данную традиционную локализацию сада Эдема, пока не будет открыта другая и ее достоверность не будет доказана более точно»¹.

В таком мраке умирает малейшая надежда. В то же время в письме, адресованном сэру Фредерику Марчисону и опубликованном вскоре в «Атенеуме», неутомимый Давид Ливингстон открыл нам секрет своего непрерывного продвижения по Центральной Африке. Он верил, что у истоков Нила, если он их однажды от-

J. P. Newman. A Thousand Miles on Horseback. New York, 1875. P. 69.

кроет, он обнаружит место изначального рая! Доказательные изыскания, поразительные, как и их достижения, все еще не решают проблему местонахождения Эдема. До сего времени верными остаются слова древнегреческого поэта Пиндара, сказанные за полтысячи лет до Христа:

Ни при помощи корабля,
Ни пешим ходом
Не найдете вы волшебного пути.

К Гиперборее

ГЛАВА 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОЛОГОВ

Некоторые помещали его на третье небо, некоторые — на четвертое, на небо Луны, на саму Луну, на гору, достигающую неба Луны, в середину атмосферы, вне пределов земли, над землей, под землей, в скрытое, отделенное от людей место. Его помещали и под Северным полюсом, и в Тартаре, и на том месте, где находится Каспийское море. Другие помещали его на крайнем юге, в земле огня, некоторые — в Леванте, или на берегах Ганга, или на Цейлоне. Он размещался то в Китае, то в некоем недоступном регионе за Черным морем. По мнению других — в Америке, Африке и т. д.

Епископ Хьют

Не стоит думать о результате, который удовлетворяет лишь до некоторой степени.

Ветцер и Вельте. Церковный словарь

Теологи, как христиане, так и иудеи, расходились во мнениях и расходились непримиримо по всем вопросам, касающимся колыбели человеческих рас. Очевидность этого столь известна или же столь легко воспринимается каждым интеллигентным читателем, что о ней не имеет смысла здесь и говорить¹.

«Отцы и теологи ранней или средневековой церкви высказывали много любопытных и противоречивых мнений по этому поводу. Некоторые, следуя аллегориям Филона, объясняли все повествования в книге Бытие как притчи, излагающие духовные мотивы».

McClintock and Strong. Cyclopaedia of Biblical, Theological and Ecclesiastical Literature. Arts. «Eden» and «Paradise».

вы. Эдем не был определенным местом, а лишь состоянием духовного благолепия. Четыре реки были не реками, а главными добродетелями и т. п. Большинство, однако, придерживались взгляда на исторический характер повествований и на строгие географические указания, касающиеся Эдема. Бесчисленны были и ответы на вопрос о его местонахождении. Часто его помещали на дальнем востоке, вне обитаемых земель. Иногда думали, что он расположен, вероятно, внутри земли или под ней, в области пребывания мертвых. Иногда его помещали не под землей, а высоко над ней, на третьем небе или где-то возле Луны. Считалось, что было два рая — небесный и земной, один в небе, а второй на земле. Тертуллиан представлял себе тропический пояс как огненный меч, «обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Бытие, 3:24). Он считал, что место Эдема лежит вне этого пояса, в Южном полушарии. Иногда рай находился на дне моря¹ или на середине пространства между небом и землей. Он бывал также и на вершине волшебной горы, достигавшей Луны. И лишь подножие этой горы омывалось водами потопа, а все другие горы были ими покрыты. Эту волшебную гору считали состоящей из трех огромных ступеней. Ее украшали все виды чудесных деревьев и драгоценных металлов и сокровищ, но главным ее убранством служила небесная река, которая, изливаясь от трона Бога, что был на самом высшем небе, стекала к священному саду на вершине горы, а затем, разделившись на четыре потока, омывала и украшала склоны горы. Эти реки постепенно утрачивали свою небесную суть и свойства добродетелей, превращаясь в воды обитае-

«В некоторых легендах Эдем был затоплен первичным потоком, покрывшим гору. Этот сад счастья, как полагают, лежит на дне озера Ван в Армении» (*Gerald Massey. The Natural Genesis. Vol. II. P. 231*).

мой земли. Иногда эта гора описывалась как находящаяся в отдаленной области земли, «где встречались небо, море и земля».

Потеряв терпение от всех этих противоречий, Лютер, резко отбросив в сторону все попытки локализовать изначальный сад, утверждал, что потоп так изменил весь облик земли и течение ее первичных рек, что все эти поиски бесплодны.

Кальвин, напротив, убежденно утверждал, что описания в книге Бытие должны восприниматься как локализация Эдема вблизи устья Евфрата. Вскоре эти первоначальные расхождения в протестантском учении были вытеснены новыми теориями. Некоторые из них дышали ортодоксально искренней верой, другие утверждали в своих рационалистических концепциях полумифический характер Библии, а в наше время теологические толкования учений, касающихся вопроса об Эдеме, являют собой, если это только возможно, еще худшее, чем некогда, вавилонское смешение языков.

Хотя бы для частичного доказательства существования такой путаницы, следует взглянуть на самые недавние и авторитетные библейские, религиозные и теологические энциклопедии. В энциклопедии МакКлинтона и Стронга автор статьи об Эдеме склонен поместить его в Армении. У Смита в «Библейском словаре» проблема отбрасывается, видимо, как неразрешимая. В Большой немецкой энциклопедии Герцога утверждается необходимость отказа от приписывания истории об Эдеме строго исторического характера, так как она является «частицей мифической географии». Однако в приложениях (там же) Прессель приводит на нескольких страницах избранные аргументы в пользу локализации местоположения сада у слияния Тигра с Евфратом. В «Библейском лексиконе» Шенкеля Дильман помещает его в Гималаях, к северу от Индии. В Главной римской католической энциклопедии и в «Церковном словаре» Ветцера и Вельте автор колеблется в

выборе между Восточной Азией, описываемой в неясном и неопределенном смысле, и в равной же мере неопределенным Севером. В недавно завершенной «Энциклопедии религиозных учений» Лихтенберга вся история в Бытии объявляется «философским мифом». Профессор Броун из Нью-Йорка в своей новой работе, изданной доктором Шаффом на основе Энциклопедии Герцога, перечисляет разновидности мнений, приводимых другими, но сам воздерживается от изложения собственного мнения. Таков тот свет, который теологи пытаются пролить на проблему.

Но вот обыкновенный читатель открывает вторую главу Бытия в Библии и читает: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» (2:8). И простой читатель начинает сомневаться — как верующий в Библию может сомневаться в том, что эти строки определяют место сада где-то к востоку от Палестины. Но, взглянув критичнее, наш вопрошающий сам увидит, что эти строки ничего не утверждают относительно места сада. Это все, естественно, означает, что сад был насажен в восточной части земли Эдема, где бы она ни была, а обратившись к более тщательным и ортодоксальным комментаторам, читатель увидит, что немалое их число придерживается такого же взгляда, как и он. Более того, слово «миккедем», переведенное как «к востоку», может быть переведено и по-другому. Так, например, как в версии короля Джеймса и др. Действительно, в «Вульгате» (латинском переводе Библии IV века) это переведено как «вначале или с самого начала». Среди многих переводчиков-греков Симмах, Теодотион и Аквила так же понимают этот термин. Поэтому ученый Томас Барнет писал около двухсот лет назад: «Некоторые думают, что слово «миккедем» следует понимать как «на востоке» или «к востоку», как мы читали, а поэтому оно определяло местонахождение рая, но только «Септуагинта» (греческий перевод Ветхого

Завета) так переводит. Все же другие греческие версии, а также св. Иероним, и «Вульгата», и халдейский пересказ, и сирийский переводят как «с самого начала» или «вначале» либо в этом роде. А поэтому мы не верим, что создатели «Септуагинта» были настолько непогрешимы или вдохновенны, чтобы признавать, что их авторитет выше всех других»¹ Этот же писатель снова говорит: «Мы можем обоснованно утверждать, что ни один из отцов христианства, латинян или греков, когда-либо помещал рай в Месопотамию. Это выдумка и инновация некоторых современных авторов, весьма вдохновлявшихся прежними, так как это сообщало им больше легкости и спокойствия, чем труд дальнейших поисков аргументации, которой они не располагали»².

Что же касается новых источников, свидетельств, открытых в процессе расшифровки клинописных надписей, Ленорман считает, что ни одна из уже расшифрованных не содержит чего-либо, указывающего на то, что халдео-вавилоняне верили в роль своей страны как колыбели человечества³.

Однако наш вопрошающий читатель говорит: «Но ведь четыре реки, о которых сказано в главе второй, в строках 10—14: «Из Эдема выходила река для орошения рая и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон... имя второй Гихон... и имя третьей Хиддекель... а четвертой Евфрат». Поистине мы видим здесь, в этой четвертой реке, одно несомненное указание места на земле. Сколь бы ни была невозможной удовлетворительная идентификация всех четырех изначальных рек Эдема, указание на Евфрат, по крайней мере, ограничивает локализацию сада какой-то частью орошаемой этой рекой области».

¹ Sacred Theory of the Earth. 2 ed. London, 1691. P. 252.

² Ibid. P. 253.

³ Les Origines de l'Histoire. T. II. Paris, 1882. P. 120.

Консультируясь с теологами, наш вопрошатель встретит множество серьезных возражений, выдвигаемых против такого скорого и легкого способа разрешения противоречий.

Во-первых, ему скажут, что некоторые критики Библии высказывали сомнения в оригинальности текстов, и такой искренний защитник Библии, как Гранвилль Пэнн, считал все указанные строки интерполяцией.

Во-вторых, он услышит, что название Ферат, или Фрат, то есть еврейское название реки, образовано из более древней формы Буратти, или Пуратту, — из слова, имевшего значение «широкий» или «глубокий»¹ Такая описательная форма, конечно, могла служить названием более чем одной реки в древности, равно как название «Широкий ручей» относится в Америке ко многим речкам. Обри в своем научном труде «Колыбель человечества» указывает, что в древности Фрат, или Евфрат, было названием одной, а возможно, и двух рек в Персии. Одна из них еще во времена Плиния носила измененное название, которое звучало как Офрадус. Ленорман говорит, что он без колебаний считает название Фрат в «Хорда-Авесте» идентичным с рекой Гельменд в Персии². В Африке тоже имеется свой тайный Эуфратес³ Если пассаж в Бытии первичен и Моисей писал о Фрате, то нельзя с уверенностью определить, какую «широкую» или «изобильную» реку он имел в виду... Более того, в любом случае Эуфратес в Месопотамии не является одним из четырех равных потоков, на которые разделилась единая «река», вытекавшая «из Эде-

¹ *Delitzsch*. Wo lag das Paradies? P. 169; *Grill*. Die Erzväter der Menschheit. Bd. I. P. 230. На старом персидском — это Уфрату, то есть «прекрасно текущий». *F. Finzi*. Antichità Assira. Turin, 1872. P. 112.

² *Origines de l'Histoire*, T. II. P. 99.

³ «Есть также священная река в Хавиде, именуемая Эуфратес, или Эупхратес (*Gerald Massey*, *The Natural Genesis*. London, 1883. Vol. II. P. 165).

ма», как указывается в тексте. Ее источником является не другая река, а обычный горный источник.

В-третьих, не следует забывать, что нашему «другу» скажут: все народы, приходя в новую страну, любят давать новым рекам и городам старые (то есть из их прежних мест), любимые ими и священные для них названия. Темза в Новой Англии сохраняет память о Темзе Старой Англии. «Очень редко бывает так, что у реки не бывает тезки», — говорит современный писатель¹. Весьма вероятно поэтому, что Фрат в Месопотамии мог получить свое имя от имени старой реки, существовавшей в допотопном мире, где бы она ни протекала. В то, что это было именно так, твердо верят разные ученые².

В-четвертых, продолжают теологи, язык Библии говорит о том, что обычным было поэтическое и символическое применение имен и описаний Эдема (Книга пророка Иезекииля, 28:13—19; Притчи Соломона, 3:18; 11:30 и т. д.). И если евреи именовали одну из рек Иерусалима Гихоном в память одного из потоков рая³, то разумно предположить, что население Месопотамии могло дать имя главной местной реке в честь другого из четырех потоков. Ленорман, Грилл, Обри и другие поддерживают эту точку зрения. Они могли бы подтвердить эту вероятность, обратив внимание общества на тот факт, что старейшее название Вавилона — Тин-тир-ки — отражало такое же напоминание или символическое уподобление и означало «место Древа Жизни»⁴.

¹ «Нет ничего невозможного в предположении, что в Британии было две реки, носивших название Трисантон. Как раз очень редко бывает так, что река не имеет тезки» (*Henri Bradley*. In: *The Academy*, April, 28, 1883. P. 296).

² См.: *Grill*. *Die Erzväter der Menschheit*. Bd. I. P. 239, 242.

³ *Ewald*. *Geschichte der Volkes Israel*. 2 ed. Bd. III. P. 231—238.

⁴ *Lenormant*. *Origines de l'Histoire*. Vol. I. P. 76. English version. P. 85. См. также: *Rev. O. D. Miller*. «The Symbolical Geography of the Ancients» in the *American Antiquarian and Oriental Journal*, Chicago, July, 1881.

Наконец, следуя далее по пути этого рассмотрения, наш читатель находит упоминание у Павсания (II, 5) о странной вере древних в то, что Эуфратес исчезает в болоте и после долгого пребывания под землей появляется вновь за пределами Эфиопии и протекает по Египту, превратившись в Нил. Это напоминает ему о сказании Иосифа, в котором Ганг, Тигр, Евфрат и Нил — составные части «единой реки, которая обтекает всю землю», — у греков она именовалась Океанос-рекой¹. Читателя удивляет, что старое семитское название, от которого произошло название современного Евфрата, не было изначально наименованием всей общемировой водной системы, то есть именем этой Океанос-реки, которую Аристотель описывал как восходящую на высшее небо и изливающуюся в дождях оттуда на землю. О ней говорится, что она, по утверждению Гомера, насыщает все ключи и реки и каждое море, протекая по всем руслам и вливаясь в великое и широкое океанское течение, охватывающее весь мир и разделяющееся у дальних берегов на реки подземного мира, чтобы, очистившись огнем и пройдя возгонку, вернуться в чистоте на высшее небо и снова повторять все сначала².

И сразу же, захваченный этой проблемой, он обнаружит, что некоторые из ассириологов в процессе изучения аккадской мифологии доававилонского периода нашли причину считать это предположение правильным, утверждая, что в этой мифологии название «Евфрат» применялось к «мировому каналу», к «всеохватывающей реке Змея — бога Древа Жизни», к «небесной реке, окружавшей всю зем-

¹ Ср.: Откровение, 9:14.

² См. ниже: часть V, глава 5 «Река, разделяющаяся на четыре

лю»¹. И далее, если он вернется к страницам трудов Юлия Гигина, Маня Манилия и Луция Ампелия, то прочтает о падении «мирового яйца» сначала «в реку Евфрат». И тогда он поймет, что попадает в область мифологии, а не истории²

И когда свет прольется на многокрасочный фрагмент древней ассирийской надписи, в которой описания видимого и невидимого миров перемешаны и в которой река «жизни мира» именуется «Евфратом»³, он быстро придет к заключению, что не следует считать, будто название «Фрат», или «Эу-фрат (Ев-фрат)» всегда и повсюду относится к исторической реке Месопотамии.

Отсюда следует, что данные теологов относительно локализации Эдема противоречат друг другу. Один из них говорит: «Было бы очень трудно найти какой-либо сюжет во всей истории разных мнений, который был бы столь же привлекательным и в то же время столь же опровергаемым предположением, как этот. Предлагалась одна теория за другой, но ни одна не была признана удовлетворительной в свете требуемых условий. Местонахождение Эдема стоит в том же ряду проблем, как и квадратура круга, а несбывшиеся пророчества — в ряду тех нерешенных и, вероятно, неразрешимых проблем, которые снискали славу странно обаятельных»⁴.

¹ The Rev. A. H. Sayce in: «The Academy». London, Oct. 7, 1882. P. 263. «Профессор Сэйс после недавно высказанного наблюдения, что «в ранней аккадской мифологии исток Евфрата совпадал с рекой Смерти», добавляет, что «Океанос Гомера произошел, как я себе представляю, от этой аккадской реки, обвивавшейся вокруг Земли». Robert Brown. The Myth of Kirké. London, 1883. P. 33.

² Bryant. Analysis of Ancient Myths. Vol. III. P. 160—162.

³ Records of the Past, X. P. 149.

⁴ William A. Wright, of Trinity College, in Smith's Dictionary of the Bible, Art. «Eden».

ГЛАВА 3

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ УЧЕНЫХ- НЕТЕОЛОГОВ: НАТУРАЛИСТОВ, ЭТНОГРАФОВ И ДРУГИХ

Бесполезно размышлять на эту тему.

Чарлз Дарвин

Обнаружение места колыбели человеческой расы — такая же сложная проблема для этнологов и антропологов, как и для теологов. Ни археолог, ни зоолог, ни даже биолог, подходя широко и философски к своим изысканиям, не сможет игнорировать факт высокого интереса к таким вопросам, как: существовали ли единый центр распространения человеческой расы в самом начале? А если это так, то где он находился?

Необычайное внимание было привлечено к первому из этих вопросов триста лет назад претенциозной американской работой Нотта и Глидона «Типы человечества»¹, написанной в духе противоречия доктрине о единстве всего человечества. В ней отражалось учение, утверждающее, что имеется множество вариантных типов людей, не связанных генеалогически друг с другом, а поэтому следует считать, что должно было существовать великое множество изначальных центров их расселения. Открыто признаваемые предубеждения авторов проекта против некоторых рас, в частности африканцев, крайне ослабило бы влияние работы на научный мир, если бы в нее не вошли ценные данные доктора С. Дж. Мортонна и профессора Луи Агассиса. Но в целом это произведение дало европейским этнологам возможность ощутить и

¹ Nott, Gliddon. The Types of Mankind. Philadelphia and London, 1854.

выразить весьма некомплиментарную оценку работ американских этнологических исследователей¹.

К счастью, эти грубые основоположники науки не приобрели влиятельных последователей в своей стране, а в других странах у них появились лишь неизвестные и нерешительные ученики². Идея о множестве рас не имеет в наше время весомой поддержки. Даже автор самой последней и, видимо, наиболее состоятельной работы о доадамитских гипотезах замечает: «Доктрина о множественных источниках происхождения человека в наше время почти вытеснена из оборота. Все научные школы принимают идею вероятности происхождения человека из одного корня»³. Постепенно на втором вопросе концентрируется внимание научного и, в частности, археологического мира. Но, признавая наличие исходного центра расы, где будут его искать?

Ответ, недавно данный на этот вопрос биологами, натуралистами и этнографами, не единичен: такие ответы вряд ли менее многочисленны и менее конфликтны, чем решения, предлагаемые теологами.

В числе таких ответов профессор Цёклер в своей последней работе насчитывает десять, каждый из которых связан с именами известнейших ученых⁴. Их данные колеблются в широтном направлении между

Нередки были высказывания такого рода: «Сохраняется значение исходного вида всех человеческих рас в противоположность выводам американской школы антропологов, которые, видимо, основывали свои знания на обращении в рабство негров и геноциде индейцев, а в новое время создали столь много видов людей — не рас, постановив, что это типы народов» (*O. Peschel* in: «Ausland», 1869. P. 1110. Цит. по: *Caspari*. Die Urgeschichte der Menschheit, 2 ed. Leipsic, 1877. Vol. I. P. 241).

² См. *Simonin*. L'Homme Américain. Paris, 1870. P. 12; *A. Réville*. Les Religions des Peuples non-civilisés. Paris, 1883. Vol. I. P. 196.

³ *Alexander Winchell*. Preadamites, or a Demonstration of the Existence of Men before Adam. Chicago, 1880. P. 297.

⁴ The Cross of Christ. Translated by Evans. London, 1877. Appendix III. P. 389.

Гренландией и Центральной Африкой, а по долготе лежат между Америкой и Центральной Азией. Из их общего числа два, как кажется, вызывают широкую и наиболее заслуженную поддержку: первый говорит о том, что Лемурия — воображаемый доисторический континент, ныне затопленный северной частью Индийского океана, — был «материнской областью» расы; второй же утверждает, что такая область лежала в Центральной Азии.

Указание на первое из этих мест поддерживают Геккель, Каспари, Пешель и многие другие¹. Дарвин же и Лайель, правда не столь решительно, склоняются к локализации этой области в какой-либо из частей суши, близких к Африке. Большая часть современных карт, характеризующих распространение человечества по земному шару, построена в соответствии с этой теорией². Вероятно, наиболее популярный итог всех аргументов в ее пользу содержится в труде Оскара Пешеля «Расы людей»³.

Но в то время как биологи, главным образом дарвинисты, в попытках определить изначальный пункт расселения людей склоняются преимущественно к месту обитания обезьян, представители сравнительной филологии, археологи и этнографы проявили сильную тенденцию помещать колыбель человечества на высоком плато Памира в Центральной Азии. Ведущим выразителем их воззрений выступает выдающийся французский антрополог Катрефаж.

Он говорит, что в Азии известна обширная область, ограниченная с юга и юго-запада Гималаями, с запада

¹ *Ernst Haeckel*. The Pedigree of Man, and other Essays. London, 1883. P. 73—80; *Otto Kuntze*. Phytogeogenesis. Leipsic, 1884. P. 52, note.

² См: *Caspari's*. Die Urgeschichte der Menschheit. Vol. I; *Kracher's*, Ethnographische Weltkarte // «Novara Expedition». Vienna, 1875; *Winchell's* in: His Preadamites. P. 1.

³ *Oscar Peschel*. Races of Men. New York, Appletons. P. 26—34.

горами Болор, с северо-запада хребтом Алатау, с севера горами Алтая и их предгорьями, с востока Хинганом, а с юга и юго-востока Фелиной и Куньлуном. Судя по тому, что представляет собой этот большой центральный регион сейчас, он может рассматриваться как земля, включавшая в свои пределы колыбель человечества.

И действительно, три основных типа человеческих рас представлены в населении, живущем вокруг этой области. Негроидная раса более других отдалена от этих мест, но имеются тем не менее места у моря, где она представлена в чистом или смешанном виде, от острова Кюсю до Андаманских островов. На континенте они смешали свою кровь с жителями Гангского полуострова (Индостан), но и доныне их встречают там в их естественном облике; они достигли и таких высот, как Непал, и, по словам Элфинстона, распространились к западу до Персидского залива и озера Зарех. Кажется, что единственной расой, обитающей в этой области, являются представители желтой, как в чистом облике, так и смешанные в разных долях с представителями белой расы. Периферия этой области заселена ими к северу, востоку, юго-востоку и западу. На юге эта раса наиболее смешанная, но тем не менее составляет значительную часть населения. Представители белой расы, похоже, спорили с представителями желтой за обладание центральной частью области. Мы находим в ранние времена юэчжей и усуней к северу от Хуанхэ, а сейчас видим небольшие группы белого населения в Малом и Восточном Тибете. Мяо занимают горную область Китая. На границах Болора мы находим на востоке айнов и высокородных японцев, а на Филиппинах, к югу от индусов, — тингианов. Люди белой расы полностью преобладают, будучи как чистыми, так и смешанными, на юго-западе и западе. Ни одна другая территория на земном шаре не отличается подобным совмещением экстремальных типов человеческих рас, рассеянных вокруг общего центра. Сам этот факт мог бы подтвердить натуралистам справедливость высказанного мною выше

предположения, но нам следует обратиться и к другим утверждениям.

Одно из них содержится в филологии. Три основные формы языков обнаруживаются в этой области в аналогичных соотношениях. В центральной и юго-восточной частях области моносиллабические¹ языки представлены китайским, вьетнамским, сиамским и тибетским. Из числа агглютинативных языков мы обнаруживаем на землях с северо-востока к северо-западу угро-японский; на юге дравидийские (распространенные главным образом в Индии) и малайский, а на западе тюркские. И наконец, санскрит со своими производными и иранский являются на юге и юго-западе флективными языками. Вокруг центрального региона Азии сосредоточены все языковые типы, проявляющиеся или в своей грамматике, или в своем словарном запасе. Некоторые из этих языков Азии выглядят близкими тем языкам, на которых общаются в очень отдаленных от них районах, и отделены от них населением, говорящим на языках совсем других типов.

Наконец, это ведь в Азии появились у нас первые одомашненные животные. В этом вопросе полностью сходятся во мнениях Исидор Жоффруа Сент-Илер и Дюро де ла Маль.

Итак, сообразуясь лишь с современной эпохой, мы видим, что все данные уводят нас к этому центральному плато или скорее к этому обширному вместилищу. Мы склонны сказать себе, что здесь появились первые человеческие существа и умножились к тому моменту, когда население стало выплескиваться через край, подобно содержанию переполненного сосуда, и эти человеческие волны растеклись по разным направлениям².

¹ *Моносиллабизм* — преобладание односложных слов в каком-либо языке. — *Прим. ред.*

² *The Human Species*. P. 175—177. Здесь следует отметить предположение Катрефажа о возможности изменения приведенного заключения в соответствии с недавними палеонтологическими открытиями, на что указывается в части III, главе 7 этого труда.

Подобный взгляд на локализацию первого центра образования человечества принят очень широко. Его поддержали многие видные ученые. Его установлению помог вклад, внесенный представителями разных течений в науке. Среди них можно назвать такие имена, как Лассен, Бюрнуф, Эвальд, Ренан, Обри Д'Экштейн, Хофер, Сенар, Масперо, Ленорман и др. Вероятно, наиболее важно единственное исследование, представляющее взгляд Обри, — «Колыбель человечества». Эта работа определенно интересна каждому ученому¹.

Но в дальнейшем те, кто писал по этому вопросу, безусловно, склоняются к наличию двух вышеупомянутых мест. Мысль о появлении в Америке первого человека воспринять трудно, если не предположить, что в древности существовала более тесная, чем ныне, сухопутная связь между Восточным и Западным полушариями в среднетропической области. А это приводит некоторых этнографов к гипотезе об утерянной Атлантиде; к ней условно присоединяют острова Канарские, Азорские и Мадейру или располагают эту связку к северу или югу от них, а также считают ее местом исхода населения, освоившего как Старый, так и Новый Свет².

Другое место локализации, недавно предложенное с большой уверенностью и поддержанное с остротой и научностью, — то, которое указывает Фридрих Делич

¹ Le Berceau de l'Espèce Humaine selon les Indiens, les Perses et les Hébreux. Amiens, 1858. См. также: *Lenormant*. Origines de l'Histoire. Paris, 1882. Т. II. Р. 41, 144, 145 (частичный перевод в: The Contemporary Review, Sept. 1881). Fragments cosmogoniques de Berosé. Р. 300—333. *Renan*. Histoire générale des Langues Semitiques. Р. 475—484. *Wilford*. Asiatic Researches. Vol. VI. Р. 455—536, и следующие тома.

² *Unger*. Die versunkene Insel Atlantis, Vienna, 1860. Эта теория поддерживается американцами в работе: *Ignatius Donnelly's*: Atlantis: The Antediluvian World. New York, 1882. В Европе эту работу полностью отвергли: *Engler*. Die Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt. Leipsic, 1879. Vol. I. Р. 82. Но с тех пор появилась новая модификация в работе: *M. Berlioux* of Lyons: Les Atlantes. Histoire de l'Atlantis et de l'Atlas primitif, ou Introduction a l'histoire de l'Europe. Paris, 1883.

в своей весьма ценной работе, озаглавленной «Где находится рай?»¹. Это место лежит на Евфрате между Багдадом и Вавилоном²

По другим предположениям, «четыре реки» — это большой канал к западу от Евфрата, который греки называли Паллакопас, Шат-на-Ниле и нижний Тигр и Евфрат. Однако в наше время мало перспектив для принятия этой гипотезы. Выдающийся ученый Теодор Нёльдеке в недавно опубликованном обзоре, наряду с сердечным выражением похвалы в адрес научных находок в работе, указывает все же, что его не тронули приводимые аргументы³. Равным образом, критик, соотечественник Нёльдеке, пишет: «К сожалению, лингвистические данные, направленные к поддержанию столь резко выдвигаемой теории, почти все не соответствуют этому назначению и выглядят сомнительными, а высокоавторитетные знатоки в области этого туманного поля исследований оспаривают этимологию многих вавилон-

¹ Автор — доктор Фридрих Делич, профессор ассириологии в Лейпцигском университете (сын известного исследователя Библии, профессора Франца Делича). *F. Delitzsch. Wo lag das Paradies? Eine biblisch-assyriologische Studie. Mit zahlreichen assyriologischen Beiträgen zur biblischen Länder- und Völkerkunde und einer Karte Babylonien. Leipsic, 1881.*

² Сравните это с текстом его коллеги по ассириологии, профессора Фелиса Финче: «Что касается исследований об ариях, то мы должны обратиться к Востоку, Уттар-Куру в Индии, к мифическому раю горы Меру, к Айрьяна Ваэджо иранцев, к царству Удаяна близ Кашмира; в то время как одно из мест урало-алтайской системы может означать центр формирования туранской семьи, а орография Кавказа может быть принята за единственный определитель наиболее подходящего места для развития племен, считающих себя автохтонными; семиты считают себя потомками этой земли, где разворачивались самые прекрасные страницы их истории. Может быть, там, в одном из уголков этой богатой страны, имевшей некогда пышную природу, сформировалось это семитское племя». *Ricerche per lo Studio dell' Antichità Assira. Torino, 1872. P. 433.*

³ «Он тратит много эрудиции и еще больше остроумия для обоснования своего взгляда, но я чувствую, что это напрасно. После тщательной проверки я вынужден твердо считать, что место рая — в «Утопии», как он и говорит с легкой насмешкой». *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1882. P. 174.*

ских имен и прочтение некоторых из них. Когда лингвистические данные доказаны, трудно возражать против верности такой аргументации, несмотря на многие неясности, порождаемые текстом Бытия. Хотя все другие толкования запутанной проблемы библейских текстов могут вызвать еще более серьезные возражения, приводимые ниже вопросы все же остро направлены против решения, предлагаемого Деличем: почему, если река Эдема была средним течением Евфрата, оно не было так названо в устной традиции, хотя известно, что евреи были прекрасно знакомы и со средним, и с верхним течением этой реки? Почему, если Фисон и Гихон обозначают каналы Паллакопас и Шат-на-Ниле, о них сказано, что они окружают ту землю, которую эти каналы пересекают? Если Тигр в нижнем течении упоминается у Хиддекея, почему эта река описывается как протекающая по границе Ассирии, расположенной выше Месопотамской центральной низменности, считавшейся Эдемом? Как мог автор, которому известно все течение Тигра, принять его нижнюю часть за приток Евфрата? Почему название Куш, обозначавшее, как известно, Эфиопию, использовалось в том смысле, в котором оно нигде больше не встречается в Писании, и этому не дается больше никаких определений? Почему, с другой стороны, так полноценно описываются продукты Хавила, если упоминается столь хорошо знакомая евреям граница Аравии? И кто вам сказал, что такие вещества Вавилонии, как золото и бделлий, были столь же типичны для прилегающего Хавила? Но если эти возражения станут или не станут фатальными для теории профессора Делича на современном уровне изучения Ассирии, мы, не колеблясь, можем утверждать, что его исследование, подтверждаемое добавочными данными по географии и этнологии Месопотамии и соседних с нею стран — Ханаана, Египта и Элама, — представляет собой истинную сокровищницу знаний, восприятию материала которой способствуют прекрасные указатели. Вероятно, это исследование — наиболее блестя-

щая работа в ряду всех литературных трудов по ассириологии библейских времен¹.

Одна из последних современных работ на данный сюжет — монография, написанная Е. Бовуа и опубликованная в «Истории религий»².

В этой работе Эдем, по этническим традициям, локализуется в Америке, и кельтской расе не приписывается влияния на греко-римскую мифологию в развитии вопросов, имеющих отношение к Садам Гесперид, Островам Блаженных и т. п. Защищаемая точка зрения не нова, но аргументация свежа и научна. Гипотеза о необходимости поисков колыбели человечества в Америке и раньше находила защитников, таких, как Клапрот, Гобино и др.

То, что это не последнее и не единственное суждение по этой проблеме, подтверждается словами английского автора обширной и недавно вышедшей из печати работы: «Если бы существовал земной оригинал небесного Эдема, он был бы расположен в экваториальной Африке, земле бурлящей, массовой, разнообразной и великой жизни, там, где материнская природа обрела величие в своей последней расе; в этом ложе, где жаждущий производитель породил свое черное варварское потомство и обеспечил его таким теплым и здоровым окружением, параллели которому нет нигде на земле. Это был мир влаги и небо жары, земля равновеликих дня и ночи. Она одарила египтян Двумя Правдами: это вершина мира; это истинный сосок (Кепа) земной груди, что изливает там широко льющуюся струю влаги, насыщенную жизнью.

Настолько же вероятно и то, что топографическая гора Меру находится в Хабеше, земной рай — оригинал ми-

¹ The Nation. New York, Mar. 15, 1883. См: Lenormant's criticisms in: Les Origines de l'Histoire, T. II; Halévy's in: The Revue Critique. Paris, 1881. P. 457—463, 477—485.

² «L'Elysée Transatlantique et l'Eden Occidental», par E. Beauvois. Revue. Paris, 1883. P. 273. См. также: «L'Elysée des Mexicains comparé a celui des Celtes», того же автора, в том же Review, 1884.

фического, — пронесенный по земле миграциями из Кама, находится здесь, если он вообще где-либо есть»¹.

В общем, столь безрезультатными кажутся все дискуссии и исследования в этой области, что Юлиус Грилл, подобно Нёльдеке, в своей работе «Патриархи человечества» предпочитает локализовать утерянный рай в «Утопии» и отказывает ему во всякой исторической реальности². Ясно, что натуралисты и этнологи, авторы работ по сравнительной мифологии и истории культуры не смогли еще разрешить эту проблему. Их «материнская область» человеческой расы столь же неуловима, как любой из земных Эдемов у теологов, или в легендах, или в поэзии.

Итак, до сих пор все поиски были бесплодны. Рай, без сомнения, утерян. Исследователи не находят его: тщетны поиски теологов, натуралистов и археологов. Ученые из разных лагерей признаются в полном незнании той области, где начиналась история человечества. «Проблема, — говорит профессор Эберс, — остается нерешенной».

¹ The Natural Genesis, containing an attempt to recover and reconstitute the lost Origins of the Myths and Mysteries, Types and Symbols, Religion and Language, with Egypt for the mouthpiece, and Africa as the birthplace. By Gerald Massey. London, 1883. Vol. II. P. 162. Невозможно представить себе как соотнес доктор Мессі предыдущие слова с теми, которые употреблены им же на с. 28 того же тома, где он говорит о кривом мече Хепше, «который пресекал каждый путь и своим вращением создавал кольцо вокруг Эдема или заграждал путь к Древу Жизни, к полюсу, где был создан счастливый сад как первый акт творения и где было прибежище изначальной пары людей». Но, по выражению в «The Nation» (26 июня, 1884), эта работа представляет собой «огромный конгломерат фактов, приводимых с полным безразличием по отношению к научным принципам сопоставления... и она не имеет никакой цены в том, что относится к достижению автором своей цели».

² «То место, куда относил древнееврейская традиция колыбель всей истории человечества... тоже находилось на земле и не имеет отношения к сфере истины». Grill. Die Erzväter der Menschheit. Leipzig, 1875. Abth. I. P. 242.

ЧАСТЬ II

**НОВАЯ ГИПОТЕЗА:
ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЭДЕМ
НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ**

Когда Ньютон сказал: «Hypotheses non fingo», — он не имел в виду, что он отрешается от условий исследования, дающих основание с первого же раза — на что он надеялся — быть способным прийти к решению. Без подобных предположений наука никогда не достигла бы своего современного состояния.

Джон Стюарт Милл

При проведении научных исследований допускаемо изобретение любых гипотез, и, если гипотеза разъясняет значительные и взаимно независимые группы фактов, она достигает ранга правильно обоснованной теории.

Чарлз Дарвин

ГЛАВА 1

ГИПОТЕЗА И УСЛОВИЯ ЕЕ ПРИЕМЛЕМОСТИ

Золотая догадка — это утренняя звезда к полной мере правды.

Теннисон

Из прочтения предыдущих глав может создаться впечатление, что как бы воображаемое место Ган-Эдема из Бытия было предложено, исследовано и найдено неприемлемым. Осталась, однако, одна область, которой наиболее редко уделяли внимание астрономы, физики и специалисты по исторической географии: это естественный центр единственно-исторического полушария.

При обсуждении привлекательности этого сюжета, а также неисчерпаемого количества связанных с ним выдумок, замечательно, что именно завершающим годам XIX века досталась обязанность разрабатывать и серьезно испытывать суть предположения о том, ЧТО КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ЭДЕМ ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ, НАХОДИЛСЯ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ, В ОБЛАСТИ, ЗАТОПЛЕННОЙ ВО ВРЕМЯ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА¹.

¹ Относительно приписывания «новшества» вышеприведенной гипотезе точнее будет сказать, что прошло уже около года после того, как она была воспринята и возведена обществу автором. Так было еще до того, как он смог убедиться, что она может быть поддержана кем-либо другим, готовым выступить на ее защиту. Затем он встретил упоминание об отрывке из работы епископа Хьюта, что послужило эпиграфом второй главы предшествующей части, и подобное упоминание в анонимной статье в издании Диккенса «Круглый год». Он долго сомневался — не были ли это просто риторические укра-

На следующих страницах предполагается провести исследование этой гипотезы и вынести по ее поводу окончательное решение, сообразуясь с данными проверки. Мы намерены провести испытание строгое и исчерпывающее. Все гипотезы, какими бы многообещающими они ни были, должны открыто встретиться с реальным положением вещей. Наши предположения, подобно бесчисленным предыдущим, тоже должны быть отброшены, если будет доказана их неприемлемость в сопоставлении с серьезными фактами из сферы таких наук, как:

1. Общая география, или учение о происхождении Земли.

2. Математическая или астрономическая география и, в частности, ее учение о необитаемости (или отсутствии таковой) циркумполярной области в связи с ее освещенностью.

3. Физиографическая геология и особенно ее учение о возможности или невозможности предшествовавшего существования и дальнейшего затопления циркумполярной области.

4. Доисторическая климатология, особенно с указанием на температуру на полюсе в начальный период человеческой истории.

5. Палеоботаника.

шения. Но после того, как была закончена рукопись настоящей работы и она была упакована и отправлена издателям, уже не возникало сомнений при обнаружении в анонимном английском журнале статьи, опубликованной более тридцати лет назад, в которой говорилось: «Пастеллус утверждает, что рай находился под Северным полюсом». Еще остается выяснить, кем был этот Пастеллус и что именно он писал по этому вопросу. Достаточно сказать, что вплоть до времени появления статьи автор не нашел ни единой книги или трактата, в которых когда-либо выдвигалась наша гипотеза. Этот факт превращает некоторые из далее приводимых эпиграфов к главам в весьма значимые и впечатляющие. Их авторы во многих случаях выражают ту истину, которую сами и не осознавали.

6. Палеозоология.

7. Палеоантропология и этнография.

8. Сравнительная мифология, воспринимаемая как наука о древнейших традиционных верованиях и воспоминаниях человечества.

И наоборот — если гипотеза окажется способной выдержать это восьмичленное испытание и особенно если мы сможем доказать, что она не только приемлема, но и поддерживаема в большей или меньшей степени положительными свидетельствами, выявленными почти во всех этих сферах знаний, мы убедимся в достоверности гипотезы в гораздо более полной и убедительной степени, чем та, что требуется обычно для исследований в области доисторического периода.

ГЛАВА 2

НОВЫЕ ВАЖНЫЕ ЧЕРТЫ, ВВЕДЕННЫЕ В ПРОБЛЕМУ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЭДЕМА. ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА

Кажется, существует некое условие, по которому истинно научной гипотезе не предназначено всегда оставаться на положении гипотезы, но ее определенно или докажут, или опровергнут путем сравнения с теми наблюдаемыми фактами, которые и есть предельное подтверждение... Подтверждение есть доказательство; если предположение совпадает с явлением, тогда ему не требуется других свидетельств.

Джон Стюарт Милл

Требуется всего лишь мгновенное умозаключение, чтобы стало очевидным, что наша гипотеза сразу и существенно изменит всю проблему локализации рая.

Если считать циркумполярный континент возле Северного полюса колыбелью человечества, то какими должны были быть отмечаемые и запоминающиеся черты этого изначального прибежища?

1. Первому человеку весь год должен был представляться как один день и одна ночь.

2. Звезды должны были, по-видимому, кружиться в горизонтальной плоскости, слева направо от наблюдателя, а не выглядеть восходящими и заходящими.

3. Полюс, будучи неподвижной центральной точкой в небе прямо над головой, естественно, казался вершиной мира, истинным небом, всегда неизменным тронем всевластного Бога. И если, соответственно, циркулярное небо было для человеческого восприятия в течение всего долгого периода жизни до потопа истинным жилищем Бога, то люди после потопа, даже расселившись по всему земному шару на расстоянии в половину и две трети пути до экватора, не могли легко забыть, что трон Великого Создателя был в центре вершины вращающегося неба и что там, на далеком Севере, находилась «священная четверть» мира (одна из четырех сторон света).

4. Стоящий на точке полюса наблюдатель находится не только под центром небесной полусферы, но и прямо в центре земной полусферы. Там и только там небесные тела будут двигаться в горизонтальной плоскости, кружась и кружась вокруг него всюду на примерно равном расстоянии. И он мог бы казаться себе стоящим точно в центральном пункте всей земли. Это первое впечатление было бы сразу нарушено, если бы он отошел от этой точки на несколько миль в любом направлении. А поэтому, если первичный Эдем был на полюсе, вряд ли перестали бы вспоминать его как центр всех стран, как «пуп» всей Земли.

5. Если предположить, что первочеловек находился в центральной и самой высокой части гипотетического Эдема, то потоки, рождавшиеся там и текущие на юг, должны были бы течь не в одном, а в разных направлениях, устремляясь к четырем основным точкам горизонта. Более того, поскольку все эти потоки текли, наполняясь не за счет друг друга, а лишь небесными дождями, не требовалось сильно напрягать воображение, чтобы представить их себе в качестве частей пре-

краснейшего и самого небесного потока, истекавшего из источника на небе¹ И наконец, если потоки, текущие в противоположных направлениях, превращались затем в четыре реки, устремляющиеся в противоположные стороны, — *flumina principalia* (лат. «главные потоки»), как их называли прежде многие теологи, разделяя циркумполярную землю на четыре почти равные части, — это представляло бы собой такую черту первого прибежища человека, которую он никогда не смог бы забыть.

6. В другой главе мы покажем безосновательность распространенного впечатления, что на полюсе тьма длится шесть месяцев из двенадцати, и укажем, что, наоборот, менее чем одну пятую часть года длится мрак, а в течение четырех пятых его частей там светло. Если это правильно, то изначальное прибежище человека в этой части Земли должно вспоминаться потомками первочеловека преимущественно как область красоты, как Дом Солнца. Более того, исследователи Арктики считают, что невозможно описать ночную красоту северного сияния в этой области, когда вся «вершина» земного шара становится завуалированной и укрытой трепещущими занавесами, знаменами и потоками живого мечущегося пламени; поэтому легко поверить, что, будучи изгнанным из такого дома, человечество всегда должно было оглядываться назад как на место неземной сверхъестественной лучезарности, как на дом, где могут жить лишь боги и святые бессмертные.

¹ Сравните это со следующими словами: «Аристотель, я помню, в своей «Метеорологии», повествуя о течении паров, говорит, что есть река в воздухе, постоянно протекающая между небом и землей, создаваемая поднимающимися и опускающимися парами». *Burnet. Sacred Theory of the Earth. P. 226.*

7. Наконец, допуская преобладание там температуры, равной тропической, мы останавливаемся на природных условиях этой области, таких, как экстраординарное преобладание дневного света, повышенный земной магнетизм и не имеющее себе равных электрическое поле, питающее северное сияние. Все это вместе взятое говорит о высокой вероятности того, что, если существовала предполагаемая нами земля, она должна была породить формы жизни, превосходящие те, что нам известны, флору и фауну, отличавшиеся почти невообразимыми степенями энергичности и великолепия своего развития. При подобных условиях человек тоже вполне мог обладать ростом, силой и долголетием, которые стали недостижимыми в последующие после потопа века. Ведь потоп разрушил «существовавший тогда мир», вызвав перемещение, немедленное и решительное, людей послепотопной эпохи в холодные, неплодоносные и опустошенные области господства северных умеренных условий. И если первые люди обладали высоким ростом, силой и долголетием, как мы полагаем, то как же твердо эта традиция должна была сохраняться в памяти человечества после его вынужденного ухода из прежнего дома счастья!

Оглядываясь теперь на все эти столь разные условия, каждый увидит, что они составляли для жизни человека картину, полностью отличавшуюся от той, которая нам известна или которая была известна на протяжении всего исторического времени. Эти положения, конечно, глубочайшим образом изменили всю проблему, посвященную местонахождению Эдема. Ни одно из донные предлагаемых решений не соотносилось со столь многими пунктами исследования. И ни одно из условий ранее не постулировало столь необычных взаимоотношений между небом и землей. Ни

один из предлагавшихся ранее путей не представлял собой столь неправдоподобно широкого соответствия свидетельствам. Против каждого из этих путей выступают даже сами звезды в их кружении. Фальшивое решение означало бы, что человеческая традиция располагает туманными воспоминаниями о таких условиях в мире, которые никогда не были доступны опыту человека. Столь затруднительная гипотеза должна определенно потерпеть крах, если она неверна.

Обещая читателю не новую погоню за блуждающим огоньком, но по меньшей мере удовлетворение определенным результатом, заслуженным нашей гипотезой, мы сердечно приглашаем его отнестись терпеливо и критически к тем фактам, которые будут представлены в следующих главах.

ЧАСТЬ III

ГИПОТЕЗА, ПРОВЕРЕННАЯ И НАУЧНО ПОДТВЕРЖДЕННАЯ

Итак, следует... что человек, вышедший из «материнской области», местоположение которой определено, но о которой ряд соображений указывает, что она находилась на севере, стал расселяться в разных направлениях, и его миграции постоянно были ориентированы с севера на юг.

*M. Le Marquis G. de Saporta, in:
Popular Science Monthly,
October, 1883. P. 753*

Каждое путешествие, которое предпринимается на опоясанный льдом островной мир Северной Америки, сводится к рассказу о признаках прежнего присутствия здесь людей, которые обживали земли, где сегодня больше не находят человеческих следов.

*Dr. F. Boas, in:
Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin,
Bd. XVIII, 1883. P. 118*

ГЛАВА 1

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ГЕОГОНИИ, ИЛИ НАУКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ

Общие законы геогонии поразительно поддерживают ту гипотезу, особенности которой мы стремимся выявить.

Граф Санорта

Если можно было бы сразу доказать, что Арктика как край земли была всегда областью, скованной льдами, какой она является и сейчас, как и многие тысячи лет, то, безусловно, было бы бесполезно поддерживать хотя бы в течение минуты гипотезу, утверждавшую, что там находилась колыбель человечества. Вероятно, одной из главных причин того, что наша гипотеза столь поздно стала привлекать к себе внимание, было распространенное мнение, что с самого начала существования мира дальний север всегда был областью неодолимого холода. Однако в наше время, по мере преодоления этого затруднения, научные исследования подготовили широкий путь для новой теории.

Всеобщее принятой доктриной теперь является утверждение, что Земля в целом подвергается постепенному охлаждению. Говоря так, мы не выступаем «за» или «против» небулярной космогонической гипотезы о происхождении мира, потому что и противники, и сторонники этой недоказанной гипотезы верят в непрерывно длящееся охлаждение или даже замерзание Земли. Все авторитеты в этой области считают и утверждают, что некогда лишь начинавшая остывать

планета была столь горячей, что не могла бы нести на себе какую-либо форму жизни и что лишь на определенном этапе охлаждения ее температура достигла уровня, необходимого для живых существ. Теперь спросим — в какой области земной поверхности впервые сложились такие температурные условия? Или они возникли единовременно и повсюду?

Это наиболее интересные вопросы, и пишущий эти строки не раз удивлялся тому, что в научных трудах об охлаждении Земли он не мог обнаружить серьезных дискуссий по этому поводу. Соглашаясь, однако, с равнозначностью степени внутреннего жара и степени его утраты путем излучения тепла с поверхности Земли по всем направлениям в космос, приходишь к выводу, что если это составляло единственную суть проблемы, то процесс охлаждения протекал бы одинаково по всей Земле и мы могли бы прийти к выводу, что необходимая для жизни температура возникла единовременно во всех точках земной поверхности. Но указанные факторы не единственные в этой проблеме. Жар, получаемый от Солнца, от главной печи всей нашей системы, не мог быть в те отдаленные геологические эпохи более слабым, чем в наше время. Некоторые же астрономы и геологи считают, что он был сильнее¹. Поэтому в любом случае должны были возникнуть местные различия в температуре с той поры, как атмосфера Земли стала проницаемой для солнечных лучей. Тогда, как и теперь, каждая частица земной поверхности, рассматриваемая вне связи с воздушными токами и водными течениями, должна была иметь температуру, определяемую, во-первых, постоянной и единой жарой, получаемой от самой земли, и, во-вторых, различным количеством жара, получаемого от Солнца.

¹ См.: *Winchell. World-Life.* P. 484—490.

Но разница между солнечным теплом, получаемым в точке полюса, и теплом, получаемым в зоне экватора, не могла быть в те века меньше разницы, известной сейчас. И это непрерывное нарастание тепла на экваторе, порождаемое прямым попаданием солнечных лучей, сразу подсказывает, что эти части Земли нужно рассматривать как область, уже достаточно охладевшую, а поэтому способную поддерживать развитие органической жизни.

Тогда, как и теперь, полярная область должна была быть холоднее, чем экваториальная. А поэтому (насколько можно верить поучениям теоретической геогонии) неизбежен вывод, что там, то есть в полярной области, жизнь возникла раньше¹.

Сразу становится очевидным переход именно к такому результату нашего центрального тезиса. Мы задавали геологам вопрос: «Приемлема ли гипотеза об изначальности зарождения жизни на полюсе?» Ответ зависел только от рассмотрения проблемы медленного охлаждения Земли: «Условия для существования Эдема были обнаруживаемы в разное время то там, то здесь на земной поверхности. Рай мог находиться где угодно». Они, однако, добавляли, рассматривая космическое окружение: «Но если рай и мог быть где угодно, все же первым местом на земной поверхности, достаточно охладившимся, чтобы возникли условия жизни в Эдеме, определенно были полюсы».

¹ Подобные или идентичные рассуждения профессора Филиппа Шпиллера были мне известны, когда я писал вышеприведенные строки. См. следующие работы: *Die Weltschöpfung vom Standpunkte der heutigen Wissenschaft. Mit neuen Untersuchungen*, 1868, 2 ed., 1873. *Die Entstehung der Welt und die Einheit der Naturkräfte. Populäre Kosmogonie*, 1872. *Die Urkraft des Weltalls nach ihrem Wesen und Wirken auf allen Naturgebieten*. Berlin, 1879. Я нахожу также следы признания моей правды в последней книге Отто Кунце: *Otto Kuntze. Phytogeogenesis: Die vorweltliche Entwicklung der Erdkruste und der Pflanzen*. Leipsic, 1884. P. 51—53, 60.

ГЛАВА 2

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Ночи на полюсе никогда не бывают так темны, как в других областях, потому что луна и звезды, как кажется, несут в себе двойное количество света и блеска. К тому же на севере есть и свой особый постоянный свет, игра и оттенки которого являют собой наиболее загадочные явления природы.

Рамбоссон. Астрономия

Наибольшее значение придает полярным сияниям тот факт, что Земля становится как бы самосветящейся; помимо света, получаемого планетой от центрального небесного тела, это указывает на способность поддерживать свойственный ей самой процесс светоносности.

Гумбольдт

Мы склонны думать о непрерывной шестимесячной ночи на полюсе. Выдающиеся авторитетные ученые говорят об этом как о верной концепции. Так, профессор Гейке в своем прекрасном труде по геологии, описывая арктическую флору эпохи миоцена, говорит: «Когда мы вспоминаем то, что эта растительность роскошно развивалась в пределах $8^{\circ}15'$ от Северного полюса, в области, пребывающей в полной темноте в течение полугода... мы можем представить себе всю трудность проблемы, связанной с распределением климатических зон, ту трудность, которую этот факт представляет для геологов¹.

¹ Text-book of Geology. By Archibald Geikie. London, 1882. P. 869.

Равным образом сэр Чарлз Лайель, обсуждая проблему возможности достижения китами открытых морских вод на полюсе, говорит: «Они могли проходить под плотными барьерами из льда, если предположить, что там были в некоторых местах разрывы, и таким путем могли, видимо, достигать более открытых вод при полюсе, находя там пищу в течение дня, длившегося более пяти месяцев¹.

Из таких утверждений, как эти, читатель, естественно, выносит впечатление, что дневной свет длится на полюсе около пяти месяцев, а все остальное время года там полный мрак. Если бы это было верно, то это была бы неперспективная область для поисков там земного рая.

Но, на счастье нашей гипотезы, эта концепция о длительности полярной ночи очень далека от истины. Астрономическая география утверждает, что полярные области являются, и всегда были, наиболее благоприятными в отношении дневного света. Популяризатор науки естествознания Томас Дик еще раньше так писал о реальных фактах: «На полюсах, где ночная тьма длится шесть месяцев без перерыва, полная темнота продолжается менее половины этого периода. Когда солнце на Северном полюсе заходит 23 сентября, местные жители (если они там есть) наслаждаются непрерывно длящейся зарей до тех пор, пока солнце не опустится на 18° ниже горизонта. Солнце, проходя через эклиптику, достигает этого уровня на два месяца раньше; в эти месяцы царит полумрак. Через два месяца оно опять приходит на уровень 18° ниже горизонта, и начинается новый период полумрака, в течение двух месяцев которого нарастает озарение, после чего это светило постепенно поднимается на небо во всей своей славе. Так что в этой области можно наслаждаться дневным светом — в большей или

¹ Principles of Geology. New York ed. Vol. I. P. 246.

меньшей степени — в течение двух месяцев, когда совсем прекращается влияние солнечного света; Луна регулярно сияет над горизонтом каждый месяц. Таким образом получается, что лишь два отдельных периода по две недели проходят в полном мраке, да и эти ночи освещаются звездами и частыми вспышками северного сияния. А поэтому кажется, что нет на земном шаре ни одного другого места, где можно было бы радоваться в течение года такому большому количеству солнечного света, как в этих северных областях»¹.

Как ни поразительны такие подсчеты длительности полярного дня, следует отметить и то, что опыты регулярно указывают на реальную длительность освещенности в высоких широтах, которая превосходит подсчеты астрономов. Например, весной 1873 года. участники австрийской экспедиции, возглавлявшейся лейтенантами Вейпрехтом и Пэйером, были удивлены, увидев солнце на три дня раньше ожидаемого его восхода. Этот случай был описан так: «На северной широте $79^{\circ}15'$, где находится Тегетхоф, солнце, как обычно, появилось над горизонтом 19 февраля, но вследствие эффекта рефракции при минус 30° Реомюра испытатели обрели возможность приветствовать его лучи на три дня раньше»².

Лейтенант Пэйер дает такой подсчет: «Хотя солнце и не вернулось к нашей северной широте ($78^{\circ}15'$) и восточной долготе ($71^{\circ}38'$) до 19 февраля, мы могли приветствовать его лучи на три дня раньше этой даты, благодаря сильной рефракции в $1^{\circ}40'$, которая соответствовала температуре минус 30° Реомюра»³.

¹ Works of Thomas Dick. The Practical Astronomer, ch. II. Hartford. Vol. II, second half. P. 30.

² Recent Expeditions in Eastern Polar Seas. London, 1882. P. 83.

³ New Lands within the Arctic Circle. London, 1876. Vol. I. P. 237.

Еще более замечательным был опыт экспедиции Баренца в Арктике почти 300 лет назад. Доктор Дик описывает это следующим образом: «Сила рефракции атмосферы, как мы обнаружили, в некоторых случаях была гораздо сильнее, чем выявленная теперь. Группа датских моряков потерпела крушение в 1595 (1596—1597) году у берегов Новой Земли и, оставаясь поневоле в этом изолированном районе в течение ночи, длившейся три месяца (на деле было менее трех месяцев), обнаружила, что «солнце появилось на горизонте примерно на шестнадцать дней раньше, чем должно было появиться по подсчетам, но когда его диск находился более чем на 4° ниже горизонта». Единственное объяснение столь удивительного феномена, предполагаемое тем же автором, обнаруживается в дополнительных словах: «Это обстоятельство было приписано высокой силе рефракции атмосферы в этом чрезвычайно холодном районе». Это выглядит столь неудовлетворительным, что многие предпочли верить в то, что кажется полностью невероятным, а именно в то, что Баренц и его спутники допустили просчет в шестнадцать дней в своем учете времени, за краткое время пребывания там — всего три месяца.

Профессор Норденшельд писал об этом случае так: «Солнце скрылось 4—14 ноября и стало видимым снова 24 января и 3 февраля. Эти даты вызвали растерянность в среде знатоков, поскольку на северной широте в 76° верхний край солнечного диска не должен быть видимым, когда склонение солнца к югу осенью становится больше 13° ¹, и снова делается видимым, когда склонение становится меньше, чем этот показатель. Это значит, что солнце могли в последний раз увидеть в Меданой гавани Баренца между 17—27 октября и снова встретиться с ним 4—14 февраля. Предполагали, что такое расхождение могло возникнуть в результате су-

¹ При допущении горизонтальной рефракции около $45'$.

шественной путаницы в подсчете дней, но это предположение было единодушно отвергнуто зимующим там экипажем»¹. В сноске он приводит доказательства того, что такой ошибки произойти не могло.

Но если этот опыт Баренца и австрийцев указывает на то, что тьма на полюсе длится менее 60 дней из 365 дней года, некоторые не менее авторитетные ученые считают, что тьма длится 76 или 77 дней. Так, капитан Бэдфорд Пим из Королевского флота Великобритании делает следующее заявление: «Солнце восходит 16 марта, и этому предшествуют долгие сумерки, длящиеся в течение 48 дней, а именно 13 ноября воцаряется полный мрак, и это длится 76 дней, а затем наступает долгий период света, когда солнце стоит над горизонтом 194 дня. Таким образом, год на полюсе делится на 194 дня солнца и 76 — мрака, 47 дней рассвета и 48 дней сумерек»².

Даже в соответствии с этим подсчетом мы видим, что на полюсе 76 дней в году бывает тьма и 289 дней — свет. Другими словами, мрак здесь бывает меньше половины того времени, которым измеряется его срок на экваторе, во мраке проходит около одной четверти времени. А что касается света, то даже по этому подсчету выходит, что полярная область в два раза более приемлема для жизни, чем любой из регионов на экваторе, который только можно выбрать.

Но в чем причина таких расхождений между астрономами? Почему одни из них отводят на полярную ночь на 16 дней меньше, чем другие?

Простой ответ состоит в том, что они по-разному воспринимают явления атмосферной рефракции в полярной области. На наших широтах считается, что сумерки начинаются, когда солнце стоит в 18° ниже

¹ The Voyage of the Vega. London, 1882. P. 192.

² Pim's Marine Pocket Case: quoted in Kinn's: Harmony of the Bible with Science. London, 1882. 2d ed. P. 474.

горизонта. Отсчитывая от этого момента, мы понимаем факты восхода и захода как те моменты, когда верхний край диска солнца виден на самой линии горизонта. И таким путем мы приходим к тому делению полярного дня, которое приводил капитан Пим.

Но астрономы считают, что в Англии сумерки наблюдались, когда солнце находилось на 21° ниже горизонта. Чтобы быть полностью застрахованными от ошибок, некоторые принимали за предельную цифру 20° и, считаясь с этой цифрой вместо ранее указываемых 18° , пришли к выводу, что на полюсе рассветные сумерки начинались 20 января, а вечерние заканчивались 21 ноября. Это сводило период мрака к шестидесяти дням, а света — к тремстам пяти. Таким образом разница всего в 2° в принимаемых пределах отсутствия солнца в часы восхода и захода привела к мысли о том, что и подсчет длительности мрака расходился на 16 дней. Выдающийся американский математик пришел к выводу, что «никому не известно, какой из двух подсчетов правилен»¹.

Для нас же это расхождение в данной дискуссии сводится к вопросу — составляет ли дневной свет на полюсе три четверти или пять шестых частей года. Оба эти противоречия могут быть и, вероятно, неверны, так как «если в зоне тропиков считается, что $16\text{—}17^\circ$ достаточны для определения самого низкого положения солнца, то в Англии эта цифра варьируется от 17 до 21° ». Это определенно выглядит так, что на более высоких широтах свет солнца мог бы быть видим, когда его диск лежит в $23\text{—}24^\circ$ ниже горизонта, что уменьшало бы длительность мрака на полюсе в течение года на срок около 50 дней. Это предположение становится

¹ Это слова из письма к автору, написанного 11 октября 1883 года (как и приводимая ниже цитата) профессором Дж. М. ван Влеком из Уэслианского университета. В течение многих лет профессор был сотрудником издания «American Ephemeris and Nautical Almanac».

еще более вероятным, поскольку, когда члены экспедиций уже ссылались на обнаружение гораздо большей длительности дня, чем ожидавшаяся по астрономическим подсчетам, мы не располагаем другими подсчетами, касающимися места, где солнце было напрасно ожидаемо. Только в результате действенного наблюдения можно прийти к окончательному решению вопроса. В число привлекательных проблем, решение которых зависит от прогресса в исследованиях Арктики, мы должны включить научное уточнение неведомой длительности полярного дня.

Учитывая все предшествующее, мы смело можем считать, что полярная ночь длится не дольше двух месяцев. В течение одного из них, как нам напоминает профессор Дик, по небу ходит во всей своей красе луна, являя миру все свои меняющиеся фазы в нерушимой последовательности. Другой месяц протекает под аркой звездных небес, и все сверкающие созвездия движутся над наблюдателем по строго горизонтальным орбитам.

В столь совершенной и регулярной звездной системе, наблюдавшейся так долго и постоянно, не могли пройти незамеченными и нерегулярные движения «планет» или блуждающих звезд. Все их удивительные ускорения, запаздывания, сочетания, склонения были бы в точности отмечены и измерены на вращающейся, но неизменной плоскости далекого неба. Любой народ, живший в такой природной обсерватории, неизбежно стал бы специализироваться в астрономии¹.

¹ Место на экваторе было бы, видимо, гораздо менее благоприятным для этой цели. «Перуанцы знают много религиозных праздников и дат... но географическое положение Перу и его святого города Кито, прямо под экватором, весьма упростило процесс регулирования религиозных празднеств по дням равноденствий и солнцестояний, и данные их экваториальной позиции, необходимые для вычисления нескольких нужных периодов их календаря, недостаточны и исключают все стимулы дальнейшего прогресса». *Dr. Daniel Wilson on «Pre-Aryan American Man»*, in: *Proceedings and Transactions of the Royal Society of Canada*. Montreal, 1883. Vol. I, sect. II. P. 60.

И каким великолепным, упорядоченным будет казаться движение вселенной, фиксируемое наблюдателем, стоящим под небесным сводом, центр которого будет в точке его зенита! Как будет жаждать душа этого появления звездного сияния ночи после долгих месяцев непрерывного дневного света! И не только луна и молчаливые звезды будут привлекать его к короткому периоду ночи, когда солнце уже уйдет. Мистическая игра северных сияний всегда превращала мир в волшебную страну. На нашей широте северные сияния сравнительно редки и как бы приглашены. Но в высоких арктических областях они почти еженочно достигают неземного великолепия¹. По сути, это молнии, разреженные и смягченные до безопасного уровня².

Иногда эти электрические разряды не только заполняют все небо трепещущими занавесями, но и касаются гор легкими вспышками, и заставляют саму почву, на которой вы стоите, отзываться своего рода жизнью³.

¹ В опубликованном отчете о последней зиме, проведенной на одной из циркумполярных станций, говорится: «Здесь почти каждую ночь было видно это сияние, в период зимы и при любой погоде... Известные нам проявляющиеся его формы и типы уподоблялись то величественной короне, то пульсирующим, маленьким, светящимся облакам. Но я должен отметить их главную характерную черту — отсутствие взаимного сходства этих разных типов и их повторяемости. Лишь в нескольких случаях оно принимало форму арки, но, как правило, это были колышущиеся занавесы и сияющие потоки, непрерывно меняющие свое положение и интенсивность». *A. S. Steen. The Norwegian Circumpolar Station, in: Nature, October, 1883. P. 568.*

² Электрические разряды в полярных регионах возникают между положительным электрическим зарядом атмосферы и отрицательным зарядом земли. Это служит существенной и уникальной причиной возникновения полярных сияний». *M. de la Rive in: The Arctic Manual. P. 742.*

³ «Г-н Лемстрём пришел к заключению, что электрические разряды, которые можно увидеть лишь с помощью спектроскопа, были видны на поверхности почвы вокруг него, что издали походило на слабый вид зари — вид, подобный «тому феномену бледно горящего света, который можно иногда увидеть на вершинах гор Шпицбергена». *The Arctic Manual. P. 739. Ср.: Elias Loomis. Aurora Borealis, Smithsonian Report, 1865. H. Fritz. Das Polarlicht. Leipsic, 1881.*

Ночное небо Эдема. Утренняя заря Севера

Но после великолепия ночи начинается еще большее великолепие полярного дня. Кто когда-либо описал восход солнца хотя бы приблизительно похоже? Кто из поэтов пытался сделать это и кого из поэтов не постигала неудача? Но если невозможно описать хотя бы один из кратких и мимолетных моментов рассвета, то кто сможет преуспеть в описании превосходного зрелища, вобравшего в себя всю красоту и прелесть слитых воедино шестидесяти наших восходов! Нет таких слов, чтобы обрисовать это. Ни один поэт даже в своем воображении не смог создать такое неземное зрелище.

Низко над горизонтом ночного неба появляется еле видимая вспышка света. Сначала она как бы слегка затемняет свет звезд, но затем разрастается и вразброс повторяется над еще темным горизонтом. Через двадцать четыре часа она уже замыкает свой круг и заставляет бледнеть все большее число звезд. Вскоре расширяющийся этот свет уже блестит, подобно «жемчугу высшего сорта». Далее этот свет уже двигается кругами и кругами, а жемчужная его белизна подкрашивается красновато-розовыми оттенками, и вспышки окаймляются пурпуром и золотом. День за днем, по мере нашего отсчета дней, кружится эта прекрасная панорама, и в соответствии с состоянием атмосферы и облаков, способствующих игре отражений, то вспыхивает, то угасает. Угасает, чтобы вспыхнуть снова еще ярче, как будто солнце все ближе и ближе подходит к точке своего появления. Наконец, после того как в течение двух долгих месяцев эти картины, несущие в себе предсказание, заполняли все небо, являя свою нарастающую в кружении красоту, солнце начинает возвращаться после долгого отсутствия и снова предстает взорам человека. После одного-двух периодов кружения по горизонту, в течение которых его сверкающий верхний край постепенно разрастается до полного объема всего диска, оно озаряет вер-

шины гор на дальнем горизонте, а затем шесть полных месяцев кружится на виду у всех вокруг великой оси мира, не позволяя ни одной ночи пасть на его любимую родную землю — землю полюса. И даже когда оно наконец снова будет скрываться из глаз, оно украсит землю повторно нарастающей, а затем меркнувшей прелестью, заполнив ею свой долгий заход, как бы подавая этой игрой удаляющегося света сигнал покидаемому миру, несущий в себе обещание и предсказание скорого возвращения.

В этих прозаических строках мы не стремимся описать неопишемое; мы лишь напоминаем самим себе простые факты и условия, которые регулируют не поддающиеся воображению переходы каждой ежегодной полярной ночи в каждый полярный день.

Однако для нашей цели уже достаточно всего сказанного. Кто ищет самое небесное место на земле для возможного нахождения там рая, тот, зная все, что касается света и мрака и всей сцены неба, должен ограничить свой поиск полюсом Арктики. Здесь находится истинный Город Солнца. Здесь находится единственное место на земле, о котором, как кажется, Создатель мог бы сказать как о Своем небесном жилище: «Там не будет ночи».

ГЛАВА 3

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ФИЗИОГРАФИЧЕСКОЙ ГЕОЛОГИИ

Арктическая геология таит в себе ключ для решения многих загадок.

Профессор Гер

Обширный континент занимал эту часть земли, когда накапливались эти пласты.

Барон Норденшельд

Наша гипотеза связана с континентом в области Северного полюса в период до потопа. Интересно отметить, что автор, писавший о потопе более 40 лет назад, выдвигал тот же постулат¹. Является ли научно приемлемым предположение, что там был такой континент?

До самого недавнего времени геологам слишком мало было известно о высоких широтах, чтобы можно было проводить, обоснованно или случайно, дискуссию по этой проблеме. Даже теперь, когда растет интерес к арктическим изысканиям, трудно найти автора, который четко представлял бы себе или обсу-

¹ «Можно предположить, и я намереваюсь развить ту идею позднее, что существовал очень отдаленный геологический период... и что в ту эпоху Европа, Азия и Северная Америка соединялись на Северном полюсе, как бы образуя континент удивительной протяженности, продолжаясь в сторону Южного полюса по трем областям: Южной Америке, Африке и Океании. Именно из остатков этого древнего континента неистовые землетрясения сформировали современную землю». *Frédéric Klee. Le Déluge, French. ed. Paris, 1847. P. 83 (Danish original, 1842).*

дал бы вопрос о геологическом возрасте Арктического океана. Поэтому не должно выглядеть странным, что мы здесь довольствуемся показом того, что, во-первых, геологи и палеонтологи не считают изначально современным распределение моря и суши в Арктике, и, во-вторых, того, что, по их мнению, континент действительно существовал в пределах Арктического круга, но от него к настоящему времени остались только следы.

Начнем с того, что выдающийся ученый Алфред Рассел Уоллес, говоря о периоде миоцена, обрисовывает Северное полушарие весьма отличающимся от современного. Скандинавия, например, была, с его точки зрения, обширным островом. Он говорит: «Распределение эоценовых и миоценовых формаций показывает, что на протяжении длительной части третичной эпохи море, более или менее занятое архипелагами островов, пролегалo в Центральной Европе между морями Балтийским, Черным и Каспийским, и оттуда к юго-востоку шли узкие каналы к долине Евфрата и к Персидскому заливу, что позволяло поддерживать связи между Северной Атлантикой и Индийским океаном. В течение части третичной эпохи рукав протягивался и от Каспийского моря к северу, к Арктическому океану, и нет никаких доказательств того, что это море не существовало на протяжении всей третичной эпохи. Другой канал, вероятно, шел через Египет к восточной части Средиземного и Черного морей. Возможно, была связь и между Балтийским и Белым морями, что превращало Скандинавию в обширный остров. Обратившись же к Индии, мы находим, что широкий и глубокий морской пролив тянулся от Бенгальского залива к устью Инда. В то же время огромная впадина, отмеченная наличием морских осадков эоценового времени, лежащая на высоте 16 500 футов¹

¹ 1 фут = 0,3048 м. — *Прим. ред.*

в Западном Тибете, указывает на вероятность существования наиболее прямого канала через Афганистан, который мог связывать Западноазиатское и Северное моря»¹.

Позднее в этой же книге Уоллес вскользь коснется и того, что данные арктической палеонтологии позволяют сделать предположение о существовании изначального эоценового континента в высоких широтах, ныне не существующего. Он высказывается так: «Богатая и разнообразная фауна, характерная для Европы на расвете третичной эпохи, — как это выясняется из многочисленных останков млекопитающих животных, находимых всюду в местах их залегания времен эоцена, — доказывает, что тогда существовал древний обширный континент»².

Другой известный специалист по палеонтологии Арктики профессор Гер (Цюрих) пятнадцать лет назад пришел к заключению (оно было опубликовано им), что характер находимых арктических окаменелостей уверенно подтверждает существование в миоценовое время несохранившегося полярного континента. Полные указания на эту точку зрения приводятся в нижеследующей главе³.

Проследивая другую линию свидетельств, связанную с исследованием горных пород, барон Норденшельд, известный исследователь Арктики, пришел к тому же заключению. Говоря о некоторых геологических напластованиях к северу от 39° северной широты, он отмечает: «В те времена, когда возникали эти пласты, эту часть земного шара занимал обширный континент»⁴. В другом месте он говорит об «этом древнем полярном

¹ Island Life. London, 1880. P. 184—185.

² Ibid. P. 362.

³ Профессор Гер скончался 27 сентября 1883 года. О его приоритете в этой области см.: Nature, Oct. 25. P. 612.

⁴ Expedition to Greenland. Arctic Manual. London, 1875. P. 423.

континенте» как о чем-то уже доказанном и полностью понятном в среде ученых. Он также ссылается на скрытые свидетельства его прежнего существования, обнаруживаемые в различных сферах исследования: «Эти базальтовые ложа, вероятно, образовались в результате деятельности цепи вулканов, бывших активными на протяжении третичной эпохи. Они, видимо, служили границей древнего полярного континента, подобно тому как это имеет место на восточном побережье Азии и западном побережье Америки. Это свидетельствует о разделении воды и суши, которое существовало в третичную эпоху и о котором догадывались на основе самых разных данных»¹.

Другой авторитетный в этой области ученый, писавший о теории, которая подтверждает мысль, что некогда Северная Америка и Европа соединялись на севере, замечает: «Подтверждением этой теории служит тот факт, что нет следов морских осадков эоценового времени в областях севера, но все следы обнаруживаемых слоев на этих широтах говорят о том, что эта область была занята сушей»².

Наконец, подобно тому как наша догадка о древнем существовании циркумполярного арктического континента поддерживается наиболее компетентными геологами, это относится и к нашей гипотезе о том, что этот континент опустился под воды Арктического океана. Что может выглядеть более исчерпывающим и удовлетворительным по такому поводу, чем слова из труда величайшего нашего геолога: «Мы прекрасно знаем, что... в пределах сравнительно недавнего геологического периода... широкая полоса земли... частями которой являлись Шпицберген и Новая Земля, скрылась под водой»³.

¹ Arctic Manual. P. 420.

² J. Starkie Gardner. In: Nature, Dec., 12. London, 1878. P. 127.

³ James Geikie. Prehistoric Europe. A Geological Sketch. London, 1881. P. 41. Ср.: Louis Faliés. Etudes historiques et philosophiques sur les Civilisations Européenne, Romaine, Greque, etc. Paris, 1874. Vol. I. P. 348—352.

Но геологи не единогласны в вопросе о природных условиях и силах, которые могли стать причиной этой катастрофы континентального масштаба. Французский ученый Альфонс Жозеф Адхемар¹ теоретически предположил, что этот северно-полярный потоп был всего лишь одним из серий повторяющихся потопов, случавшихся в течение долгой череды веков у Северного, а затем у Южного полюса. Фламарион, писавший об этом, считал: «Эта теория зависит от факта неравной длительности сезонов на обоих полушариях Земли. Наши осень и зима длятся 179 дней, а в Южном полушарии — 186 дней. Эти семь дней, то есть 168 часов разницы, с каждым годом наращивают холод на полюсе. В течение 10 500 лет лед накапливается на одном из полюсов и тает на другом, смещая таким образом центр земного притяжения. Наконец приходит время, когда после достижения максимально высокой температуры на одной точке разражается катастрофа, в результате которой этот центр возвращается в прежнее положение, чем и вызывается потоп. Потоп на Северном полюсе произошел 4200 лет назад, а следующий будет через 6300 лет после этого»².

По другой теории, полюсы периодически затопляются, но не поочередно, а одновременно. Поочередные явления свойственны экватору. Земная кора на экваторе все время то поднимается, то опускается как бы в ритме вечности. Когда она опускается ниже среднего уровня, в соответствии с ходом своего вращения, на полюсах происходит ее подъем, а когда она поднимается выше этого уровня, полюсы опускаются под

¹ В работе «Revolutions de la Mer», 2 ed. 1860.

² Фламарион добавляет: «Это вполне очевидно вызывает вопрос: почему должна происходить катастрофа и почему не должен центр притяжения Земли возвращаться в свое прежнее положение так же постепенно, как постепенно он смещался?» (Astronomical Myths. P. 426). Но постепенное смещение должно было бы вызвать лишь постепенное возникновение потопов.

воды океана. Профессор Александр Уинчел так излагает эту точку зрения: «Было доказано, что одно из воздействий приливов-отливов на тело планеты направлено к уменьшению скорости ее вращения. Соответственно, ее экваториальный подъем имеет тенденцию уменьшаться. Когда планета продолжает оставаться в жидком состоянии, опускание на экваторе будет проходить почти наравне с замедлением; нарастание степени вязкости приводит к тому, что опускание следует за замедлением. Дополнительной причиной замедления может выступать избыточное поднятие вне нормативного уровня вращения. В случае если планета покрыта корой и затвердела в известной мере, наибольшего уровня достигнет степень избыточной эллиптичности, которая продолжала бы увеличиваться до тех пор, пока воздействие этого фактора на массу не стало бы достаточно высоким, чтобы свести избыточные поднятия к нормальному колебанию уровня. Перекрытие этого уровня может носить конвульсивный характер. И тогда область экватора понижалась бы, а области полюсов могли бы возвышаться. Когда планета, покрытая прочной корой, подобно Земле, несет на себе и водный покров, вращение с отставанием сопровождается быстрым опусканием экваториальных вод и поднятием полярных до примерного удвоения этого уровня. Другими словами, поверхность Земли на экваторе поднималась бы до уровня вод, а на полюсах затоплялась бы водой. Рост такого поднятия уменьшался бы с увеличением расстояния от экватора, а объем затопления уменьшался бы с увеличением расстояния до полюса. Примерно на широте 30° обе эти «тенденции», встретившись, нейтрализовали бы одна другую. При таких условиях планета, покрытая корой и несущая на себе океан, начавшая подвергаться процессу замедления вращения, должна иметь наиболее глубокие океаны на полюсах и самую мелкую воду на экваторе. Первое поднятие суши произойдет, соответственно, в зоне

экватора; наибольшие возвышенности и самая обширная часть суши обнаружатся в пределах этой зоны. Поднятие экваториальной земной массы создало бы препятствия для океанских течений на экваторе. Это поворачивало бы их в новом направлении и формировало бы климат в пределах влияния океана. Изменения течений вызвали бы миграции морской фауны, а изменения климата — изменения в составе фауны и флоры на суше.

Но «набухание» экваториальной земной массы не могло происходить бесконечно. Та же центростремительная сила, которая постоянно удерживает океан на среднем уровне, притягивает и плотные массы земли. Сила уплотнения напластования становится выше, чем противостоящая ей жесткость земной массы. Поднятия земли на экваторе опускаются до уровня океана. В соответствии с этим могут разрастаться и некоторые части океанского дна, а на полюсах земля должна подниматься. Итак, некоторые земли на экваторе опускаются под воду, а некоторые северные и южные области могут «всплывать». Но эти вертикальные подвижки не были ограничены моментом возвращения к уровню равновесия.

Как полагает профессор Дж. Е. Тодд — и менее ясно это же выражает сэр У. Томсон, — подвижки пройдут через уровень равновесия в степени, пропорциональной уплотненности напластований. Экваториальная область могла бы стать слишком пониженной, а полярная — слишком возвышенной. Результатом этого стало бы нарастание скорости вращения, достаточное для того, чтобы нейтрализовать непрекращающееся замедление из-за приливов и отливов. Сократился бы и день. Океан поднялся бы еще выше вдоль берегов экваториальных земель и опустился бы вдоль берегов земель полярных, а их разрастание немедленно изменило бы климатические условия на высоких широтах. Они стали бы там более экстремальными в своих

проявлениях... Значительные поднятия северных земель снизили бы средние температуры, что расширило бы область вечных снегов. Такие явления возникли бы одновременно в условиях и Северного, и Южного полушарий. Подобные эффекты последовали бы за экстенсивным оседанием экваториальных земель.

Но постоянно тормозящее воздействие приливно-отливных явлений стало бы причиной нового поднятия этих земель над водой и преодоления границ уровня равновесия, достигнутого в предшествующие века. Так возродятся прежние условия и повторятся прежние события. Подобные колебания должны были бы повторяться много раз. Профессор Тодд полагает, что современное состояние планеты определяется как один из периодов опускания экваториальных земель и их поднятия на высоких широтах. Непосредственно предшествовавшая современной так называемая эпоха Шамплена характеризовалась опусканием северных и, вероятно, южных земель, тогда как миновавшая до нее ледниковая эпоха явно определялась поднятиями в области северных и, видимо, также южных широт»¹.

Лейбниц, Делюк и другие ученые имели иную точку зрения на этиологию потопов. Они считали, что потопа — результат устойчивого сжатия Земли в соответствии с ее непрерывным охлаждением. По этой теории, после того как сформировалась плотная земная кора, охлаждающееся земное ядро «отодвинулось» от той основы, на которой покоилась кора. В пропорциональном соотношении с его уменьшением пустоты, возникавшие под корой, становились все обширнее, лишая земную кору опоры, и она проваливалась. Ее разрушенные области погружались на большую глубину, что вызывало немедленное заливание этих мест водами и опускание в воду прибрежных остаточных областей. Геологическая история Земли делится на пе-

¹ World-Life; or Comparative Geology. Chicago, 1883. P. 278—280.

риоды, четко обозначаемые этими наступавшими «провалами» коры, состоявшей поначалу из скальных пород. «Каждый свершавшийся катаклизм был неимоверной катастрофой и принес земному шару такое разрушение, которое было подобно тому, как если бы рухнул огромный собор и провалился бы его купол вместе с колоннами и арками, — утверждает современный сторонник этой точки зрения. — Карнизы, фризy, столбы и все убранство, разбитые и отброшенные со своих мест, навалены в беспорядке и перемешаны. Так происходило и с древними скалами, и с более новыми слоями. К этому мощному разрушению добавлялось и то, что через возникающие трещины вырывалось расплавленное вещество, образуя дайки, а безудержные удары океанских масс смывали неукрепленные части коры, перебрасывая их с места на место, частично скрывая и изменяя картину опустошений».

И этот же автор говорит: «Современная поверхность Земли образовалась сравнительно недавно. Последний великий катаклизм произошел не так уж давно. Набор свидетельств заставляет нас верить в то, что одно из таких сокрушительных событий имело место уже после появления на Земле человека. Факты, которые я привел, исчерпывающе говорят о том, что готовится следующее такое же. Ведь каждая из таких пустот, образующаяся между земным ядром и корой, заполняется провалами коры... Поэтому, если мы полагаем, что земной шар был в своем диаметре на тысячу или на три тысячи миль больше в те эпохи, когда затвердевала его кора, омываемая первичными водами, то есть когда появились водоросли, трилобиты и моллюски, нам следует более тщательно рассмотреть все данные по литологической характеристике палеозойской эры. Настолько же успешно, как и данные каменноугольного периода. Обширные области того времени перемещались и заливались, а репродуктивные поля их были так многочисленны и велики, что мы пришли к убеж-

дению: в эти отдаленные века арктическая Америка являла собой тропическую местность по отношению к солнцу»¹.

Хотя автор и не преследует такую же цель, он, излагая общую теорию Лейбница, случайно разъясняет и погружение изначального Арктического континента. В соответствии со своей теорией он утверждает, что «в древние времена диаметр земного шара на полюсах должен был быть гораздо большим, чем теперь, а именно на двадцать семь миль длиннее, что позволяло благодаря солнцу расти на экваторе или в тропиках таким растительным формам, которые изобильно встречаются в арктических каменноугольных пластах². Если он был на пятьдесят или сто миль больше в течение каменноугольного периода, он мог быть на двести миль больше в так называемый период Такона и, возможно, более чем на триста миль больше в те времена, когда сила жизни лишь начала порождать исконные и рудиментарные организмы на ожидающей их земной поверхности». По его утверждению, Исаак Ньютон заявлял, что приплюснутость формы Земли — результат эффекта центрифуги, возникающего при вращении, и что «это ошибка, не стоящая дальнейшего обсуждения в среде геологов». Истинное объяснение, с его точки зрения, состоит в следующем: «Более короткая ось между полюсами является не результатом уплощения из-за вращения, а результатом внезапного западания ее поверхности»³.

¹ C. F. Winslow. *The Cooling Globe, or the Mechanics of Geology*. Boston, 1865. P. 50, 51. Более поздние представления и критику этой общей теории, а также примечания даны в: *Winchell's. World-Life*, 1883. P. 302—308. Из числа более старых взглядов в этой области наибольший интерес для рядового читателя представляет работа «*The Deluge*», by Frédéric Klee (Danish, 1842; German, 1843; French, 1847).

² Кажется, что доктор Уинслоу забыл здесь, что изначальный полярный континент был наименее солнечным из всех.

³ Там же, с. 49.

Здесь, конечно, «заныривание» широких полярных областей соотносилось с фактами арктической геологии сравнительно недавнего геологического времени. Оно должно было быть более существенным, чем то, что могло случаться в других местах Земли, так как оно непрерывно воздействовало на формирование Земли, изначально, естественно, сферической формы. Автор «вынужден верить», что это или нечто подобное этому происходило после создания человека. Более того, эта вера, конечно, построена на библейском сказании о потопе, и он почти с горечью говорит о «запоздалом влиянии иудейской легенды на человеческий интеллект» и превращает Моисея в одну из двух человеческих личностей, чьи «заявления и авторитет задерживали прогресс общего знания сильнее, чем выступления всех других». К счастью для Моисея, другой член этого знаменательного дуумвирата ничуть не хуже, чем сам Исаак Ньютон.

Безусловно, для каждого из нас необходимо примкнуть к какой-либо из этих теорий о потопе или же искать других объяснений всеми признаваемого наличия такого водного бассейна, как Арктический океан. Здесь нам достаточно того, что, опираясь на авторитет выдающихся геологов-физиографов, мы показали, что:

1) современное распределение воды и суши в пределах Арктического круга отличается очень ранним происхождением;

2) палеозойские данные о наиболее изученных широтах севера требуют для своего объяснения гипотезы о существовании обширного циркумполярного континента в миоценовое время;

3) авторитеты в области литологии подтверждают, что такой континент существовал;

4) физическая география пришла к выводу: такие известные острова Арктического океана, как Новая

Земля и Шпицберген, являются просто вершинами гор, оставшимися над поверхностью вод, нахлынувших и затопивших континент, к которому они принадлежали;

5) и наконец, проблема, связанная с процессом, приведшим к этой громадной катастрофе, стала спордически привлекать мысли физиков Земли и геологов¹.

¹ См. очень интересную работу: «On the Ice-Age Theories» in: Transactions of the British Association, 1884, by E. Hill. И в том же томе критику У. Ф. Стенли о теории Кролля.

ГЛАВА 4

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИМАТОЛОГИИ

Ver illud erat, ver magnus agebat Orbis. — Тогда была весна; великая весна владела миром.

Вергилий

Одним из самых поразительных и важных научных открытий в последние двадцать лет стало открытие реликтов роскошной миоценовой флоры в разных частях арктического региона. Такого открытия никто не ждал, и некоторые ученые даже стали его считать совершенно невразумительным. Но оно столь достоверно и столь весомо в области обсуждаемых нами в данной книге проблем, что необходимо донести до наших читателей возможно более полный очерк этих фактов.

Алфред Рассел Уоллес (1880)

Итак, до сих пор мы отмечали, что теоретическая геогония задавалась вопросом о месте полюса как о первой области, располагавшей условиями, подходящими для жизни в Эдеме. Мы обнаружили, что астрономические условия создавали тут обилие света. Мы нашли, что геологи подтверждают факт давнего существования такой области. Теперь мы должны обратиться к доисторической климатологии, чтобы подтвердить мысль, что эта потерянная земля когда-то отличалась температурой, допускавшей предположение, что там было прибежище

первого человека. Ответ на этот наш вопрос может быть обнаружен не в одном, а в нескольких источниках¹.

Размышлений или фантазий подобного рода на тему таинственной области Севера всегда было предостаточно. Как мы увидим дальше, они восходят к далекому прошлому. Даже отдельно взятое измышление, известное как «Симмесова дыра», опережает Симмеса и может быть обнаружено у Клопштока в его «Messiah» (*Klopstock. Sämtliche Werke. Leipsic, 1854. Vol. I. P. 24, 25*).

Прежде всего, геогония позволяет нам уверенно судить о происходивших процессах. Так, если Земля, начиная с ее самого раннего уплотнения, постепенно охлаждалась, вряд ли возможно придерживаться взгляда, что некая область, слишком жаркая для жизни человека, сразу стала слишком холодной, без прохождения всех промежуточных стадий изменения температуры, часть которых могла быть приемлемой для жизни.

Кроме того, данные палеоботаники указывают на то, что в Европе в третичную эпоху это гипотетическое похолодание Земли, несомненно, происходило, но при

¹ Нет нужды приводить здесь просто фантастические описания, вроде следующего, появившегося 10 мая 1884 года в «The Norwood Review and Crystal Palace Reporter», которые выглядят очень похожими на непризнанное заимствование у капитана Холла, оваянного арктической славой: «Мы не считаем, что лед тянется до самого полюса. Никто к этой точке не приближался ближе 464 миль. Вдруг перед искателем открывается новый мир внутри большого ледяного барьера; исследователя, который первым ступит на эти чудесные берега, ожидает там климат сначала мягкий, как в Англии, а затем мягчайший, как на островах Греции. Его приветствуют представители той ветви человечества, которая была отрезана от прочей его части из-за изменения климата, наступившего в Северной Европе около 2000 лет назад, но ныне окружена обильной жизнью, изумительной для края света».

² «Изучение флоры показывает нам, что климат Европы в третичную эпоху имел тенденцию к постоянному и регулярному похолоданию». *Le Préhistorique Antiquité de l'Homme. Par Gabriel de Mortillet* (профессор доисторической антропологии). Paris, 1883. P. 113.

этом происходило постепенно и ритмично, что и постулировано теоретической геогонией².

Но если столь универсальный земной процесс, как этот, протекал в Европе, нет причин, по которым он не протекал бы и в других странах, к северу или югу, к востоку или западу от Европы.

Однако у нас есть не только заключение такого рода. Сейчас всеми авторитетными учеными утверждается, что некогда области в пределах Арктического круга были «одарены» климатом тропическим или близким к тропическому. Профессор Никольсон так говорит об этом: «В ранний период третичной эпохи климат Северного полушария, как на это указывают эоценовая фауна и флора, был гораздо жарче, чем теперь, имея, естественно, субтропический характер. В средний, или миоценовый, период третичной эпохи температура хотя и не была высокой, но все же заметно превышала ту, которая сейчас известна в Северном полушарии; и мы знаем, что в это время в границах Арктического круга цвели растения, свойственные теплым областям»¹.

Грант Аллен указывает: «По крайней мере, одно определено — то, что до самого недавнего времени на нашей планете был теплый и мягкий климат вплоть до самых полюсов и что все растения всегда и повсюду были зелеными, во многом похожими на тип растительности современных тропиков»².

Упоминая об этих отдаленных временах, маркиз де Надайак замечает: «При таких условиях жизнь распространялась вплоть до полюсов»³. Равным образом, по выражению Кролля: «Арктическая область, возможно вплоть до точки полюса, не только была свободна ото

¹ The Life-History of the Globe. P. 335.

² Knowledge. London, Nov 30, 1883. P. 327.

³ Les Premiers Hommes et les Temps Préhistoriques. T. 2. Paris, 1881. P. 391.

⁴ Climate and Time. Am. ed. 1875. P. 7.

льда, но и имела богатую и прекрасную растительность»⁴.

Кирл полагает, что на самом полюсе было тогда теплее, чем сейчас на экваторе¹. Подсчеты профессора Освальда Гера могли, видимо, до некоторой степени изменить выводы Кирла, но лишь в степени, достаточной для утверждения, что в эти отдаленные времена циркумполярный климат был немного более райским, чем в самых жарких частях нашей современной планеты².

Сэр Чарлз Лайель, выступающий в этой дискуссии крайне осторожно и униформистски, все же не колеблясь сказал: «Тогда результат нашего изучения, как в этой, так и в предыдущей главе, органических и неорганических данных, свидетельствующих о состоянии климата прежних геологических периодов, позволяет принять мнение, что жара была распространена гораздо шире, чем теперь. Во времена большей части миоценового и предшествовавшего ему эоценового периодов фауна и флора Центральной Европы носили субтропический характер, и растительность, напоминавшая ту, что мы сейчас видим в Северной Европе, была распространена в областях Арктики, как это выясняется, и, возможно, даже достигала точки полюса. На преимущественное распространение рептилий во времена мезозоя указывают и типы окаменелых останков этого большого класса позвоночных, что говорит о теплом климате и отсутствии морозов между 40° с. ш.

¹ Die Schöpfungsgeschichte und Lehre vom Paradies. Abth. 1. Basel, 1861. P. 364.

² Flora Fossilis Arctica. Bd. 1. Zurich, 1868. P. 60—77. См. также: Alfred Russel Wallace. Island Life. London, 1880. P. 163—203. Об этом же поется и в задорной песенке того века: «Когда море катило бездонные валы по широким равнинам Небраски, а у Северного полюса росли бананы и ивы, мастодонты бились с броненосцами за ананасы на Аляске...»

³ Principles of Geology, eleventh ed. Vol. I. P. 231.

и полюсом, а большие ихтиозавры были найдены на широте $77^{\circ}16'$ на севере³.

Выведа средние величины из приведенных выше данных или утверждений авторитетных ученых, мы видим, что на полюсе в годы появления первого человека температура была наиболее ровной и, вероятно, восхитительной. И этим мы вполне можем удовлетвориться.

ГЛАВА 5

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОБОТАНИКИ

Отсюда, то есть из этого очага формирования южных растений на высоких северных широтах, распространились тогда разные их виды лучеобразно в сторону юга.

Профессор Гер

Теперь уже установлен факт, что крупные разновидности представителей фауны и флоры сложились на Севере, и некоторые из их числа — в пределах Арктического круга.

Ректор Доусон (1883)

Все традиции, связанные с изначальным раем, порождают у нас представление, что в нем процветали тропические растения наиболее красивых и роскошных сортов, что он был украшен «каждым деревом, прекрасным на вид и несущим вкусные плоды». Поэтому всякая теория, связанная с местоположением Эдема, должна обязательно иметь в виду место, где могут быть обнаружены подобные условия. Как же обстоят дела с этим, если о них поразмыслить?

Говорить, что в этом аспекте полярный Эдем приемлем с позиций науки, — это будет лишь частица правды. Так неколебимо можно было бы увериться в этом, если судить по фактам, приведенным в предшествующей главе. Можно ожидать, что в любой стране планеты длительно существовал тропический климат и процветала тропическая растительность. Что-либо иное выглядело бы столь ненормально, что требовало бы особых пояснений.

Но изучение палеоботаники привело к новому и совершенно неожиданному результату. Самые авторитет-

ные представители этой науки как в Европе, так и в Америке пришли к заключению, что все типы и формы растений, представленные в древнейших окаменелых видах на Земле, зародились в области Северного полюса и оттуда распространились сначала по Северному, а затем по Южному полушарию, продвигаясь с севера на юг. Эта концепция происхождения и развития растительности, о которой ни один ученый еще не мог и мечтать несколько лет назад, станет совершенно новой для многих читателей данной книги. И тотчас выявится ее глубокий интерес в свете данной дискуссии.

Мы должны указать имена ученых, в той или иной мере принимавших участие в создании этой доктрины, не пытаясь при этом расположить их в хронологическом порядке или подчеркнуть степень заслуги каждого из них. Это профессор Аса Грей (Америка), профессор Освальд Гер (Швейцария), сэр Джозеф Хукер (Англия), Отто Кунце (Германия), и граф Г. де Сапорта (Франция).

Работы Джозефа Хукера о тайнах растительности Тасмании содержат ранее отсутствовавшие данные по общеширотному обзору. Он был поражен фактом, что в этом далеком южном регионе «скандинавский тип выявляет свою преимущественную вездесущность». И хотя в то время он не стал возносить это значение до небес, он четко увидел палеонтологические и другие следы великого продвижения, благодаря которому Север постепенно наряжал в зелень северно-умеренные, экваториальные и южные области. В одном отрывке он описывает то впечатление, которое произвел на него подобный факт: «Когда я бросил общий взгляд на растительность Старого Света, меня поразили являемый ею вид как бы непрерывного растекания, если можно так выразиться, от Скандинавии до Тасмании»¹.

¹ The Flora of Australia. London, 1859. P. 103. О замечательном отзыве доктора Хукера по поводу обсуждения этой темы см. работу: *Sir Charles Lyell. The Antiquity of Man.* P. 417, 418.

Свет на эту проблему дальнего юга вскоре пролился с дальнего севера. В 1868 году профессор Освальд Гер (Цюрих) опубликовал свой поистине эпохальный труд об окаменелых растениях арктической области, в котором он весьма скромно, но с большой уверенностью выдвинул идею, что очаг формирования (или материнская область) всех типов растительности в более южных широтах возник первоначально «на обширном и долго существовавшем миоценовом континенте в пределах Арктического круга» и что она отсюда распространялась или проникала радиально либо лучеобразно к югу¹. Его указание на существование во времена миоцена теплого климата и тропической растительности на самых высоких широтах Арктики было полновесно и исчерпывающе. Позднее геологи будут постоянно говорить о достигнутом им результате как о «наиболее замечательном географическом открытии последних лет»². Его теория изначальной циркумполярной материнской области, откуда произошли все типы растений, вызывает теперь мало вопросов, ибо усвоена всеми представителями этой ветви науки, и, как кажется, остается лишь один вопрос: кто первый это сказал и кому принадлежит честь подтверждения столь широкого и прекрасного обобщения?³

Так по-новому прекрасно освещена проблема местонахождения Эдема. Некоторые представители теологии

¹ *Flora Fossilis Arctica: Die fossile Flora der Polarländer*. Zurich, 1868. I. Vorwort. P. III, IV и т. д.

² *Archibald Geikie*. Textbook of Geology. London, 1882. P. 868.

³ 25 лет назад в работе «*The Botany of Japan*» (*Memoirs of the American Academy of Science*, 1857. Vol. VI. P. 377—458). Профессор Аса Грей предположил возможность общего происхождения на высоких северных широтах разных видов, теперь широко разбросанных по отдельным частям северной умеренной зоны. В 1872 году, через четыре года после выхода работы Гера, он вновь выступил в защиту этой идеи в более ясной и твердой манере: «*The Sequoia and its History*» (см.: *Journal of the Am. Ass. for the Advancement of Science*, 1872).

В том же (и в 1876) году граф Сапорта, признавая работу Гера, привел обзор восприятия теории научными кругами Франции. Он писал: «Аса Грей не был единственным ботаником, объяснившим наличие отдельных

опередили геологов, утверждая, что все обилие земной растительности произошло из единого центра, но именно палеонтологи локализовали этот центр и привели научно ценные доказательства этого. Где бы ни зародился первочеловек, биологи и ботаники теперь знают, где была колыбель первых жителей Земли. Каким бы ни было направление первых миграций людей, нам теперь стало очевидным направление «великого продвижения арктических растений и животных, пришедших в начале четвертичной эры к югу, в Европу»¹.

видов и их общности, продвигавшихся через северные умеренные зоны и два континента путями миграций с полюса как материнской области в разных направлениях. Этот взгляд параллельно разрабатывался и развивался во Франции на основе выдающихся работ профессора О. Гера». (*Am. Journal of Science*, May, 1883. P. 394. На этой же странице можно найти и аннотацию, написанную профессором Греем. О признании этих идей в Германии см.: *Engler. Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt*, Th. I. S. 23; об Англии см.: *J. W. Dawson. The Genesis and Migration of Plants*, in: *The Princeton Review*, 1879. P. 277.)

Но доктор Доусон точно отмечает, что труд Гера «*Flora Fossilis Arctica*» послужил основанием для таких работ, как: *Saporta. Ancienne Végétation Polaire*; *Hooker. Presidential Address of 1878*; *Thistleton Dyer. Lecture on Plant Distribution and J. Starkie Gardner. Letters in Nature*, 1878.

¹ *Geikie. Textbook of Geology*. P. 874. Ср. с Уоллесом: «Мы должны теперь отметить лишь стремление к взаимодействию в миграциях северных и южных типов растительности. В возмещение большого числа европейских растений, достигших Австралии, ни единый образец из Австралии не проник в какую-либо часть северной умеренной зоны; это можно сказать и о типичной южной растительности в целом, развивавшейся в областях Антарктики, Новой Зеландии, Южной Америки или Южной Африки. (*Island-Life. London*, 1880. P. 486). Равным образом сэр Джозеф Хукер подтверждает: «В соответствии с наукой географией, не существует антарктической флоры, за исключением нескольких видов лишайника и водорослей»: *Nature*, 1881. P. 447).

Возможно, однако, что прогресс в научных исследованиях принесет свидетельства о существовании второго, менее мощного полярного очага примитивной флоры в областях Антарктики. Некоторые открытия Ф. П. Морено имеют эту направленность. См.: «*Patagonia, resto de un antiguo continente hoy sumergido*». *Anales de la sociedad científica Argentina*. T. XIV, Entrégua III. P. 97. А также: «*La faune éocène de la Patagonie australe et le grande continent antarctique*». *Par M. E. L. Trouessart. Revue Scientifique, Paris*, XXXII. P. 588 ss. (Nov., 10, 1883). А также: *Samuel Haughton in last lecture of Physical Geography. Dublin*, 1880.

Но возможно, еще не исчерпаны пробы по линии палеоботаники. Что, если наконец окажется, что вместе с растениями и доисторический человек — и цивилизованный тоже — мог также «спускаться» из материнской области растений в те места, где его и застаёт история? Не говоря уже об огромном интересе, проявляемом к этому вопросу антропологами, все же и один немецкий ботаник, руководствуясь фактами своей науки, пришел именно к такому заключению.

Это профессор Отто Кунце, специально изучавший культивируемые тропические растения. То, что другие ботаники считали правильным в отношении диких растений на континентах, разделенных океанами, он считает правильным и в отношении культивируемых растений. При этом возникают совершенно особые и весьма интересные вопросы. Обращаясь к примеру банановых растений, которые выращивались в Америке еще до появления здесь европейцев в 1492 году, Кунце говорит: «Каким путем это растение, не выдерживающее перехода через умеренные зоны, было принесено в Америку?» Трудность состоит в том, что бананы не имеют семян и могут быть перенесены в новые страны только в форме растений с корнями и затем посажены в подходящую почву. Вот эта «бессемянность» свидетельствует о том, что бананы культивировались человеком в течение огромного промежутка времени. Профессор указывает: «Бессемянное культивированное растение должно было осваиваться чрезвычайно долго — в Европе нет ни одного полностью бессемянного плодоносного культивируемого растения. Поэтому, вероятно, было бы правильным думать, что такие растения были культивируемы начиная с середины дилuvia¹». Но он говорит по поводу их транспортировки из Старого Света в Новый и наоборот: «Надо

¹ *Дилувий* — то же, что четвертичный период, исключая современную эпоху. — *Прим. ред.*

помнить, что подорожник подобен дереву, но это травянистое растение, не обладающее легко переносимыми клубнями, вроде картофеля или георгина, и не размножаемое черенками, вроде ивы или тополя. У него многолетний корень, который, будучи посажен в землю, не нуждается в уходе».

Обсудив все аспекты этого вопроса, он приходит к заключению двойственного характера: во-первых, цивилизованный человек должен был бы принести корни этого растения в любой новый район, где оно раньше не встречалось, и, во-вторых, появление этого растения в Америке можно отнести только на счет предположения, что оно было принесено сюда из севернополярных стран — тогда, когда там, в области Северного полюса, царил тропический климат¹.

¹ Растение как свидетель пришествия американцев из Азии в доледниковый период. Опубликовано: Ausland, 1878. Р. 197, 198.

ГЛАВА 6

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОЗООЛОГИИ

Все наши свидетельства указывают на Северное полушарие как на место зарождения класса млекопитающих, а возможно, и всех их видов.

Алфред Рассел Уоллес

Следует «приписывать» Северному полушарию множество животных, известных в мире, так как они мигрировали если не прямо с полюса, то по меньшей мере из областей северного круга.

Граф Санорта

При разыскании места Эдема следует прислушаться и к голосу мира животных. Судя по библейской истории, представители животного мира были созданы раньше Адама, и в Эдеме происходил мировой праздник их крещения. Ясно, что потерянная колыбель человечества должна была появиться после начала жизни животных и в таком месте, из которого, как из единого центра, распространились по всем местам своего известного ныне обитания многочисленные виды, и роды, и отряды, и семьи всех одушевленных созданий.

С зоологией связан странный факт — если мы пройдем по земному шару вдоль одной линии изотермы, или вдоль экватора, или вдоль любой широты к югу или северу от него, пока не достигнем границ Арктической зоны, мы увидим, минуя разные земли, что встречаемые нами животные разнообразны. По мере вхождения в разные климатические и почвенно-земные условия мы всюду найдем разных животных. Однако, когда мы

достигнем Арктической зоны и обойдем ее, мы всюду увидим, что находимся в окружении одних и тех же разновидностей. С другой стороны, если мы пойдем по линии долготы и пройдем от Арктики к югу, вдоль континентов Нового Света до самого Южного полюса, а оттуда вернемся по меридиану, который пересекает Африку и Европу или Австралию и Азию, мы обнаружим, по мере снижения изобилия окаменелых ископаемых, что следуем по тому пути, по которому протекали доисторические миграции животных. При возвращении на другую сторону планеты мы поймем, что больше не идем по следам древних миграций, но продвигаемся навстречу их явному движению.

И это столь же верно в отношении мировой флоры, как и в отношении животного мира. Поэтому и говорил профессор Ортон: «Лишь вдоль берегов Арктического моря, при пересечении каждого меридиана, обнаруживаются одни и те же животные и растения, и лишь проходя южнее, через три главные линии Земли, эти специфические сходства уступят место сходству в пределах рода. Затем это будет заменено на сходство в пределах семьи, и наконец, и представители семей станут взаимно различны, причем не только на пространстве одного континента, но и на островах, вплоть до того, что на каждой скале в океане обнаружится свое особое население»¹.

Другой известный натуралист говорит: «Следует отметить, что в начале начал континенты выстраивались в направлении с севера на юг; такова была, по крайней мере, история Северной и Южной Америки и Евро-Азиатского и Африканского континентов. Поэтому кажется, что в северной половине (начиная от экватора) животные медленно мигрировали с севера к югу, держа туда путь по мере поднятия больших земных масс над водой в века палеозоя. Отсюда следует, что арктические

Comparative Zoölogy. New York, 1876. P. 384.

и умеренные области, столь скудные в настоящее время, были в прежние времена так же жизненно щедры, как и современные тропики. Эти обширные тропические области не были в века третичной и четвертичной эпох сотрясаемы грандиозными геологическими взрывами и поэтому были заселены мигрантами, выталкиваемыми наступившими холодами ледникового периода»¹.

Алфред Рассел Уоллес писал в 1876 году: «Все главные типы животных, как кажется, зародились на великих землях северно-умеренных или северных континентальных областей, тогда как южные континенты в течение долгого времени были полностью изолированы и от северных континентов, и один от другого»². И добавил, говоря о млекопитающих: «Все наши свидетельства указывают на Северное полушарие как на место зарождения класса, а возможно, и всех их видов»³. Из всех фактов можно сделать лишь один вывод — поскольку Арктический полюс является материнской областью всех растений, то таков же он и для животных: Бог создал каждую тварь в своем особом роде — и всех животных, и всё, что ползает по земле. Таково заключение, достигнутое и провозглашенное всеми специалистами по сравнительной зоологии, относительно происхождения и доисторического распределения всех животных. Но, похоже, некоторые философы не сразу придут к выводу, что не следует отрицать того, что «миоценовый Арктический континент» профессора Гера, бывший колыбелью всех форм флоры и фауны, есть также и колыбель человечества.

¹ A. S. Packard. Zoölogy. New York, 2 ed. 1880. P. 665. В своей работе «Elements of Geology», New York, 1877. P. 159, Ле Конт представляет графически полюсоцентрические зоны земной флоры и фауны, которыми подтверждается истинная генетическая связь всего в целом.

² The Geographical Distribution of Animals. New York ed. Vol. I. P. 173.

³ Ibid. Vol. II. P. 544.

ГЛАВА 7

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Покинем на некоторое время сады Армиды и, как новые аргонавты, пробежимся по гиперборейским областям; поищем там, вооружившись терпением и, свыше того, скептицизмом, истоки современных наций и языков, а именно жителей Аттики и других районов Греции, которым, как идолам, поклоняются наши ученые.

Шарль Пужан (1799)

Такова теория, которая, скорее всего, согласуется с предположительным передвижением человеческих рас.

Граф Санорта (1883)

Человек — единственный путешественник, который определенно побывал в колыбели расы людей. Он появился с той земли, которую мы ищем. Если бы мы могли последовать по пути его странствий, это наверняка привело бы нас к саду радостей, из которого нас изгнали. К несчастью, этот путешественник потерял все тома своего путевого дневника, а что сохранилось, то нелегко расшифровать.

Что говорит антропологическая и этнографическая палеонтология — или, как начинают называть эту науку некоторые французские авторы, палеоэтническая наука — относительно гипотезы полярного Эдема?

В то время когда автор данной книги начинал читать лекции в университете по этому вопросу, учения профессиональных антропологов находились в том хаотическом состоянии и в условиях тех противоречий, которые указаны в начале книги, в ее первой части.

Одно из сильнейших доказательств того, что новый луч света в этой области был готов угаснуть, автор смог найти в цитированной там работе ученого Катрефажа, озаглавленной «The Human Species»¹

Соответственно, при обсуждении возможного вывода этой науки¹ о приемлемости новой теории распределения типов людей, автор говорит следующее: «Антропология в изложении Катрефажа выглядит наукой, в которой реально ощущается направление к поиску этой гипотезы. Сначала он заявляет, что при современном состоянии наших знаний нам следовало бы поместить колыбель человека в обширную область, «ограниченную с юга и юго-запада Гималаями, с запада горами Болор, с северо-запада хребтом Алатау, с севера горами Алтая и их предгорьями, с востока Хинганом, а с юга и юго-востока Фелиной и Кунылуном». Далее, однако, он говорит, что палеонтологические изыскания привели к результатам, «способным изменить эти первичные выводы». И после краткого изложения этих результатов он ставит вопрос: а не может ли находиться центр появления человека «к северу от указанного региона» и даже в «полярной Азии». Не приходя к ответу, он добавляет: «Возможно, доисторическая археология или палеонтология когда-нибудь и подтвердит или опровергнет такое предположение».

Осторожное предчувствие, отраженное в этих словах, вскоре сбылось. В заключительной лекции того же первого курса я нашел возможным представить следующий вывод как зрелое заключение французского коллеги Катрефажа, одного из известных ученых Европы, графа Сапорты².

¹ Нью-Йоркское издание, с. 175, 177, 178.

² Приводимая ниже статья появилась в «Boston Daily Advertiser», May, 25, 1883:

Колыбель человечества

Несколько лет назад, примерно во время появления первого издания труда доктора Уинчелла «Преадамиты», я обратился с пись-

Профессор Сапорта: «Мы склоняемся к тому, чтобы переместить колыбель человечества в циркумполярный регион Севера. Только оттуда человечество могло разойтись как из единого центра сразу по нескольким континентам и положить начало успешным эмиграционным движениям в сторону юга. Эта теория лучше всего согласуется с предполагаемыми продвижениями человечества»¹.

В предыдущем тексте мы показали возможность приемлемости нашей гипотезы, приведя последние данные антропологии о месте зарождения человеческих рас. Для заверченного утверждения нашей теории в области антропологии недостает лишь одного звена — четкого признания огромного взрыва или катастрофы, разрушивших первый дом человека и послуживших причиной его всемирного рассеяния. Эта нехватка полностью искупается словами наиболее выдающихся немецких этногра-

мом к ученому, выразив мою веру в то, что сад Эдема, это первое прибежище человека, следует искать в ныне затопленной морем стране возле Северного полюса. В напечатанном более года назад эссе о древней космологии я утверждал, что «все этнические традиции указывают на это место как на колыбель человечества». В начале прошлого января я начал читать курс лекций для аспирантов университета, излагая дальше мой взгляд и поразительное множество космологических, исторических, мифологических, палеонтологических, палеоэтнических и других свидетельств в его поддержку. В прошлый понедельник за двадцать минут до заключительной лекции я заглянул в свеженабранные листы «*Revue des Deux Mondes*», первого номера этого месяца, и обратил внимание на статью «*Un Essai de Synthèse Paléothnique*», в которой граф Г. де Сапорта суммирует и излагает последние результаты палеонтологического исследования в соотношении с этнографией. Представьте себе мою радость, когда я увидел двадцать страниц, посвященных проблеме колыбели человеческой расы и отражающих последние данные науки, и заключение ученого, что она была «в пределах Арктического круга». Граф Сапорта слегка обеспокоен тем, что американские ученые могут не слишком поверить в эту впервые излагаемую доктрину, совпадающую с мнением профессора Грея и профессора Гера, но он простит мне публичное выступление на лекции по вопросу об этих интереснейших совпадениях.

У. Ф. Уоррен, Бостон, 24 мая, 1883

См.: Приложение, II «Как была заселена Земля».

фов, даже тех, кто придерживается взглядов Дарвина. Так, профессор Фридрих Мюллер из Вены и доктор Мориц Вагнер единогласно помещают предполагаемую колыбель в высоких широтах Европы или Азии и особенно подчеркивают мощные климатические изменения, начавшиеся с приходом ледникового периода, приписывая этому наиболее важное и трансформирующее влияние, когда-либо испытанное человеком¹. На мой взгляд, разрушение естественного окружения снизило активность и длительность жизни человека; по их же мнению, оно могло способствовать превращению в человека одного из животных видов!

Выбор наиболее разумного из этих взглядов я оставляю читателю. Немногое надо добавить, чтобы принять доктрину, что человек просто является «перво-мыслящим ледовым антропоидом».

«Это должно было быть там, где человек развился, выйдя из общего с животными состояния; сказалось огромное воздействие сил природы и естественной среды его окружения. Нет ничего нормальнее мыслей о ледниковом периоде плейстоцена и дилuviального времени, в течение которых Северная Европа, Азия и Америка подвергались ряду геологических потрясений. Поэтому, когда человек, живший в раю, где удовлетворялись все его жизненные потребности, не знавший вины, незнакомый с разницей между добром и злом, был выдернут из рая ледяной рукой, то сразу увидел вокруг себя непрерывную борьбу и все свои жизненные силы направил на борьбу за власть над природой». Так, если дерево больше не дает плодов, то «влезавший на него» вынужден превратиться в «бегущего» — так дифференцируются стопа и рука, изменяется нога, и с течением времени антропоидные предки человечества превращаются в настоящего человека. *Friedrich Müller. Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873. P. 36.*

ГЛАВА 8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Нам следует теперь быть готовыми к тому, что Бог мог насадить сад Эдема даже на Шпицбергене; что современное состояние мира, безусловно, наилучшее по климату и условиям произрастания; что уже были и снова могут быть условия, способные превратить оледенелые арктические области в цветущий рай.

Дж. В. Доусон

Мы пришли к завершению первой серии доказательств. Каковы же результаты?

1. Поиски учеными-космологами района, где впервые на нашей планете появились физические условия, подходящие для жизни в Эдеме, привели к тому месту, где мы локализовали колыбель человечества.

2. В противоречие всем обычным представлениям мы нашли, что это место — лучшее на Земле не только из-за великолепия местных ночей, но и из-за преобладания дневного света.

3. По геологическим данным мы обнаружили свидетельства того, что мощный катаклизм разрушил допотопный мир и постепенно вытеснил его обитателей в области более низких широт.

4. Мы нашли научно обоснованные доказательства того, что к моменту появления человека климат в районе Северного полюса соответствовал всему, что только могли описать поэтические легенды об Эдеме.

5. Из данных палеоботаники мы узнали, что это место было и колыбелью всех форм растительности на планете.

6. По данным палеозоологии мы пришли к заключению, что здесь зародились и отсюда, из этого центра, распространились все животные доисторического мира.

7. И наконец, мы увидели, что в последнее время мысли этнографов и антропологов медленно, но верно обращаются к арктическому Эдему как единственному центру, исход людей из которого может быть разумно объяснен.

А теперь мы просто задаем вопрос представителям всех этих наук: «Приемлема ли наша гипотеза?» Их ответ не просто утвердителен — он служит неопровержимым подтверждением.

Через несколько месяцев после того, как эта глава была написана и донесена в форме лекций до студентов университета, появилось интересное подкрепление выдвинутых мною взглядов в форме небольшой работы Дж. Холтона Скрибнера (Нью-Йорк), озаглавленной «Где началась жизнь?»¹.

Поскольку Скрибнер имел возможность убедиться, что все живые существа связаны своим происхождением с полярным светом, руководствуясь рассуждениями, совершенно не зависящими от данных мифологии или истории, чем руководствовался я, но пришел к тем же выводам, что и я, то, думаю, читателю захочется, ознакомившись с приводимыми ниже выдер-

¹ Опубликована сыновьями Чарлза Скрибнера в Нью-Йорке. Эксканцлер Уинчелл (анонимно) высоко оценил эту работу в «Science», 7 марта, 1884, с. 292. Я выражаю благодарность автору за разрешение цитировать эту работу.

жками, прочитать всю его работу. Безусловно, немалое значение имеет и тот факт, что два человека, ищущих ответа, начав с ознакомления с совершенно разными данными, почти одновременно пришли к одинаковому выводу относительно столь трудной и многосторонней проблемы.

Первая цитата взята нами со с. 21—23, где приведена сумма предварительных рассуждений и заключений: «Мы можем поэтому смело заключить, если законы природы едины в своем воздействии, что, во-первых, жизнь возникла в этой части планеты потому, что здесь все было готово к тому, чтобы ее поддерживать, а поэтому она не могла возникнуть нигде больше; во-вторых, поскольку на всей земле было слишком жарко для обеспечения жизни, эти районы, будучи охлажденными раньше остальных, стали и раньше готовыми к ее поддержанию; в-третьих, охладились раньше те части, которые получали меньше солнечного тепла и быстрее излучали жар в пространство вселенной; это происходило в пропорциональном соотношении с массой, а здесь она была наименее плотной; в-четвертых, эти — и только эти — части земной поверхности, а именно в зонах Арктики и Антарктики, отвечали таким условиям; в-пятых, эти зоны были поначалу очень жаркими, и некоторые их части стали теперь слишком холодными, чтобы соответствовать возможной жизни существ, обитающих в более теплых областях Земли; отсюда становится ясным, что для перехода от крайней жары к крайнему холоду требовалось постепенное прохождение через смену температур, подходящих и для всех растений, и для всех животных, какие только существуют или когда-либо существовали на Земле; в-шестых, если вслед за меняющимися условиями понижения температуры наступали и изменения климата, то зародившиеся в этих зонах вокруг полюсов живые существа

удалились оттуда в поисках того количества солнечного света, которое необходимо для поддержания существования и растений, и животных.

Излишне говорить о том, что те части Земли, которые сначала стали достаточно охлажденными, чтобы поддерживать жизнь, достигли таких климатических условий, когда там стало так жарко, как, по современным взглядам, жарко в тропиках. Такой была эпоха — и достаточно долгая, — которая и поддерживала там жизнь.

В свете изложенных рассуждений совершенно очевидно также, что, поскольку умеренные зоны всегда получали от Солнца больше тепла и имели более плотную массу, требующую охлаждения в пропорциональном соотношении с излучающей поверхностью, нежели в полярных зонах, то они, с другой стороны, по сравнению с тропиками получали меньше солнечного тепла и имели меньше охлаждаемой массы в соотношении с их излучающей поверхностью.

Итак, если арктические зоны охладилась от тропического уровня до того, который мы теперь называем умеренным, а умеренные — охладилась до климата, который мы теперь называем тропическим, то экваториальный пояс был еще слишком жарким для любой формы жизни. Таким образом, и снижение температуры, и климатические изменения, и та жизнь, которая развивалась в этих зонах вокруг полюсов, — все это медленно передвигалось из полярных областей к экватору».

Дальше (на с. 26, 27) Скрибнер утверждает, что постепенное охлаждение полярной области — вполне достаточная причина, которая и вызвала переселение людей, животных и растений из арктического центра к югу: «Следует готовый вывод, что арктический регион, сначала ставший достаточно охлажденным, что-

бы поддерживать жизнь, превратился по той же причине в слишком холодный для этой цели. И это охлаждение перешло в Приполярье сначала в умеренный климат, достаточно удаленный от полюса в центре зоны, чтобы сочетать влияние Солнца с понижающейся температурой и впервые стать прибежищем жизни.

Холод в центре, способствуя возникновению умеренного климата, стал первой и достаточной причиной расселения и распределения тропических растений и животных по другим зонам, сначала ближайшим со стороны юга, затем все более далеким от полюса, а потом и по достаточно охлажденным для поддержания жизни. Более того, этот охлаждающийся климат в центре должен был перемещать оттуда и распространять эту жизнь равно во всех возможных направлениях. И если первая обитаемая зона включала в себя самые северные земли всего огромного континента вокруг Северного полюса, отселение от нарастающего холода на севере произошло, вероятно, от каждой из этих земель: к югу отходили от общего очага своего зарождения и животные, и растения, заселяя все земные континенты, за исключением, видимо, Австралии, флора и фауна которой ненормативны и, возможно, отличаются местным происхождением».

В четвертом разделе этот автор кратко касается некоторых черт поверхности земного шара, особенно привлекательных для направляющихся к югу в своих миграциях растений и животных: «Взглянем теперь, насколько заманчивы черты поверхности и топография Земли для ориентированных на юг миграций из зоны, окружающей Северный полюс. Прежде всего, почти вся поверхность Земли, от полюса до полюса — это способствующие связям севера с югом чередующиеся континенты и глубокие морские проливы и

каналы. Восточный же и западный континенты обладают почти сплошной сухопутной связью, начиная от Арктической зоны через северную умеренную, тропическую и южную умеренную почти до зоны Антарктики. Воздушные и океанские течения огибают их с севера на юг. Почти все горные хребты западного континента и многие на восточном направлении ориентированы в основном с севера на юг. Почти все большие реки Северного полушария тоже текут с севера на юг. И все эти особенности топографии, неровности и горные хребты, каналы и течения, — все это служит путями и помощниками всем тем, кто направляется из северного арктического региона к экватору. Но те же черты выступают как препятствия для продвигающихся в восточно-западном направлении.

Непроходимость горных хребтов для большей части растений доказывается тем, что большое количество определенных их разновидностей и многие особые виды встречаются только на восточных склонах Скалистых гор, Сьерра-Невады и ряда более низких гор, но на западных склонах их нет, и наоборот. Такое положение вещей, несовместимое с вероятностью миграций в восточно-западном направлении, вполне соотносится с движениями с севера на юг. Все особенности климата, например выпадение дождей, проявляются настолько по-разному на противоположных склонах протяженных хребтов, что эти указанные разновидности, разделенные в своем продвижении к югу северными оконечностями горных хребтов, двигаются дальше уже вдоль их восточных и западных склонов. Попадая в дальнейшем в разные природные условия, они под воздействием закона приспособляемости превращаются в те или другие виды.

Теперь рассмотрим некоторые из условий, поддерживающих такие передвижения. Поскольку теплый

воздух всегда легче холодного, то согретый в северно-экваториальном поясе воздух всегда поднимался и его течение было направлено к Северному полюсу. Охлажденный и более тяжелый воздух с севера устремлялся к югу, как бы прижимаясь к поверхности континентов. Он нес с собой пыльцу, мельчайшие семена, споры и все «крылатые» семена. Он проносил с постепенным ежегодным нарастанием все растения через равнины и вдоль гор, вниз по большим континентам, всегда вдоль земных складок и никогда — поперек.

Нет необходимости говорить здесь, что и насекомые и питающиеся растениями животные неизбежно следовали за растениями, а наравне с ними продвигались и птицы, и плотоядные животные, охотясь на вышеупомянутые существа. Океанские течения тоже подчинялись аналогичным законам — ведь горячая вода легче холодной, и обширные поверхностные течения, возникавшие в Атлантическом и Тихом океанах, направлялись от экватора в сторону арктических областей, тогда как холодные и тяжелые течения двигались от Арктики к югу, омывая дно океанов от берега до берега, и несли с собой к экватору разных представителей морской фауны.

В связи с этим следует упомянуть о другом факторе, серьезно влиявшем на природные и низкие течения, шедшие от полюса к экватору, как океанские, так и воздушные. В силу вращения Земли вокруг своей оси точка на ее поверхности в 1000 миль от Северного полюса движется к востоку в среднем со скоростью 260 миль в час, тогда как другая точка на том же меридиане, но на экваторе — более 1000 миль в час. Поэтому каждый кубический сантиметр воздуха и воды, движущийся с севера к экватору, должен еще до достижения экватора приобретать скорость движения к востоку, равную 750 милям в час. Поэтому все

низкие течения воды и воздуха имеют тенденцию при продвижении к югу оттеснять к западу каждое препятствие на своем пути. В результате этого встречаемые ими подвижные объекты и течения должны были бы направлять их к юго-западу.

И возникает странное совпадение — а может, нечто другое, — восточные берега всех континентов имеют склонение к юго-западу и изрезаны многими заливами, бухтами и отличаются многими мелями, как будто на них непрерывно намывалось океанское дно. А западные берега более обрывисты, прямы и сходят в глубокую воду, как будто наплыв со стороны земных масс непрерывно накатывался на море вдоль внешних линий.

Несмотря на такие признаки движений к югу и юго-западу, уже начавших привлекать внимание к миграциям растений и животных, все же натуралисты, старательные и сознательные наблюдатели, способные и умеющие разбираться в материалах испытатели, единогласно уделяют внимание лишь востоку и западу, не замечая этих пролегающих с севера на юг земных «морщин» и естественных препятствий для любых продвижений в восточно-западном направлении. Они ведут свои поиски вдоль каждой параллели, пересекая горные цепи, широкие континенты, глубокие океаны и их течения. И если случайно они бросают взор на север или юг, то только в поисках какой-либо переправы или брода на юге от ледяных полей, чтобы представители флоры и фауны могли бы переправиться с одного континента на другой. И это осуществляется за счет того, что совершенно очевидно, а именно: многие широко распространенные особи и разновидности появились из единого места, имея общих предков и общее происхождение. Разве не очевидно, что растения и животные, чьи миграции исследователи распутывают, были настолько же

древнее льда и снега на земле, сколько времени было нужно для снижения до среднего уровня температуры на огромных пространствах от тропиков до зон холода?»

В этой небольшой публикации наименее удовлетворительны, даже для ее автора, несколько страниц, относящихся к человеку. Считая людей происходящими (или, придерживаясь теории Дарвина, восходящими к) от одной или нескольких пар низших животных и полагая, что наши предки-животные уже удалились из полярных областей до того, как они были одарены неожиданным потомством, автор предлагает возможность считаться с тем, что «на земле отсутствуют наши непосредственные предки», то есть утраченное звено. Он говорит: «Если это верно, что со многими существовавшими тогда растениями и животными предки человека — некие животные, имевшие развитый большой палец, а значит, умевшие многое, — делили общий дом на севере, то это необыкновенно отдаленное общее происхождение, сложившееся задолго до ледникового периода. Оно может рассматриваться и как причина отсутствия на земле непосредственного первопредка человека. Его живший на деревьях предок был в первых рядах великого движения к югу за много веков до четвертичной эры (в течение всего этого периода человек, возможно, существовал на земле). Его, обнаженного, вероятно, гнал с севера непрерывно распространявшийся беспощадный холод, направляя его движение к южному тропическому климату и по восточным, и по западным континентам.

Это длилось до тех пор, пока он, этот первопредок человека, достигнув по прошествии веков экваториального пояса, поднимаясь при этом продвижении все выше по лестнице существования и достигая развития дисциплины и прогресса, стал постепенно доста-

точно умелым, чтобы добывать огонь, одеваться, делать орудия и, возможно, одомашнивать животных — по крайней мере собаку, наиболее полезное животное для примитивного человека. Так он приготовился к возможным столкновениям, приспособился к климату в его разных проявлениях и вернулся назад к царству вечного льда, подчиняя себе, убивая и изгоняя прежде всего своего предка, своего близкого, но теперь уже слабого соперника. Этот предок, отстав от уходящих и борясь за жизнь в условиях нарастающего холода, стал быстро вырождаться, и его не только подавлял, но и по сути истреблял климат. Он был наиболее подобен человеку, но вместе с тем наиболее удален и от него, и от тех, кто был их общим предком. Антропоидные же обезьяны стали развиваться уже вблизи экватора, оказавшись там при общем движении к югу, постепенно превращаясь в иную разновидность тех же животных».

Мы видим в этих рассуждениях, что место возникновения человека остается неопределенным. Когда его живший на деревьях предок покинул полюс, единственным многообещающим свойством его был «большой палец», обладая которым он стал «уметь многое». Все реальные изменения его наследников при переходе от состояния животного к состоянию человека спустя многие века описаны как имевшие место «у экваториального пояса». Вредным последствием этой теории может быть то, что стремление нового человека к справедливости и гуманности стало гораздо слабее, чем прежние его превращения, — ведь первое же его действие описано как ярость в отношении тех, кто его создал, и которых он стал «подчинять себе, изгонять и убивать», то есть своих предков. Ярость его превышала при этом простую грубость. Это наверняка нанесло сильнейший удар по чувствам близких молодых родственников убиваемых человеком

жертв — слабых обезьян. И действительно, ведь ни одну из множества тысяч их никто доныне не видел улыбающейся!

Но в оправдание нашего автора скажем, что он все же добавил очень мало веса этому дарвинистскому описанию. Он честно сам говорит: «Это последнее предположение служит всего лишь смутной и дедуктивной догадкой, за которой не стоит ничего, кроме возможной неопределенной вероятности». Не исключено, что он немного позволил себе ощутить успокоительное удовольствие, склонившись в сторону взглядов антропологов новой школы. Так это или не так, но без лишних слов он спешит вернуться к непоколебимой позиции своего главного аргумента и усилить свои позиции новым рассмотрением факторов жары, ее силы и влияния на развитие и расширение жизни.

В двух следующих главах нашей работы мы покажем, что нами руководит память о зарождении человека и приводит нас не к «экваториальному поясу», а в полярные области. Мы увидим, что на вопрос, поставленный Скрибнером, — «где началась жизнь?», он отвечает, что в понятие «жизнь» следует включать и флору, и фауну, а не только человека. После рассмотрения такой свежей линии свидетельств становится ясным, что читатель сочтет наиболее впечатляющими заключительные слова его привлекательной работы: «Итак, арктическая зона, первой достигшая в процессе охлаждения Земли необходимого уровня тепла, стала и первой нотой в великой гамме жизни, превратившись в плодоносную, впервые порождающую жизнь и впервые рассылающую ее потомство по всей планете. Таким образом, подчиняясь универсальному порядку вещей, она стала первой, достигшей зрелости, первой, где проходили все этапы изменения климата, необходимого для жизни, и где была достигнута степень

жары, тоже необходимая для жизни, а значит, она была и первой, где определялись такие ступени, как рождение, старость, износ и смерть. А теперь она, некогда бывшая прекрасной матерью, породившей всех нас, лежит холодная и безжизненная, укрытая снегом, в морозных объятиях охватившего ее льда, в своей вечной гробнице».

ЧАСТЬ IV

**ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
ГИПОТЕЗЫ ЭТНИЧЕСКИМИ
ТРАДИЦИЯМИ**

Все это происходило на севере; а впоследствии, когда был создан человек, он был создан на севере; но когда размножились люди, они двинулись к югу; Земля тоже стала больше и расширилась в том же направлении.

Г. Г. Банкрофт
(*H. H. Bancroft, Native Races.*
Vol. III. P. 162)

Имеется много признаков того, что люди Севера, двигаясь на юг, принесли с собой символы, связанные с климатом; эти символы превратились в сказки, затем в персонажей, затем в богов, и это было порождено воображением живым и готовым все одухотворять, как это свойственно людям Востока.

Жан Сильвен Байи

ГЛАВА 1

ДРЕВНЯЯ КОСМОЛОГИЯ И МИФИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Доверие к древним астрономам было недостаточным. Например, нет ни минуты в истории, когда не было бы известно, что Земля кругла и что направление вниз является в разных точках тем же самым, что и в ее центре. Известные поучения в книгах по астрономическим познаниям в древности — ошибочны.

Саймон Ньюком

Всегда возвышенна эта вершина, а ту под ногами видят и мрачный Стикс, и подземное Царство теней.

Вергилий

За каждым мифологическим отзывом о рае скрывается некая концепция о мире в целом и особенно о мире человека. И чтобы правильно воспринимать и интерпретировать мифы, мы должны сначала понять концепцию, касающуюся мира, к которому они относятся. К сожалению, космология древних была совершенно неправильно понята современными учеными. Все наши карты типа «Мир Гомера» показывают Землю плоской и окруженной струями океанских вод. Банбери говорит: «Не может быть сомнений, что Гомер вместе со всеми своими приверженцами, вплоть до времени Гекатея, верил, что Земля имеет форму круга»¹. А по

Е. Н. Bunbury. History of Ancient Geography among the Greeks and Romans. London, 1879. Vol. 1. P. 79. Профессор Банбери внес большой вклад в создание «*Smith's Dictionary of Ancient Greek and Roman Geography*». Ср.: *Friendreich. Die Realien in der Ilias und Odysee. 1856, § 19. Buchholz. Die Homerische Realien. Leipsic, 1871. Bd. I. S. 48.*

поводу неба нас обычно поучали, что раньше греки считали его сплошным металлическим сводом¹.

Профессор Ф. А. Пэли так помогает воображению своих читателей: «Мы можем наглядно проиллюстрировать мнение Гесиода о плоской круглой Земле и о небе, выгнутом, подобно арке, типа круглой тарелки, покрытой полусферическим подносом из металла. Над таким покрытием (которое предположительно вращается вокруг оси) живут боги. По внутренней его поверхности ходит кругами Солнце, освещая Землю, лежащую под ним»². Естественно, что пишущие о греческой мифологии, вплоть до самых последних³, должны следовать тем же утверждениям, что и специалисты по толкованию Гомера и географы, развивающие те же основы. А космологические концепции древних греков должны были сильно влиять на интерпретацию космологических и географических данных других древних народов — к такому выводу нас приводит наука история и внутренние разногласия в современных археологических исследованиях. Неудивительно поэтому, что древние евреи, египтяне, индоарьи и другие древние народы считали Землю плоской, что совпадает с учением греков⁴.

¹ См.: Voss, Ukert, Bunbury, Buchholz et al.

² The Epics of Hesiod, with an English Commentary. London, 1861. P. 172.

³ См.: Sir George W. Cox. An Introduction to the Science of Comparative Mythology and Folk-Lore. London and New York, 1881. P. 244. Decharme. Mythologie de la Grèce Antique. Paris, 1879. P. 11.

⁴ Генрих Циммер верно замечает, что «взгляды, обнаруживаемые у греков и северных германцев, относительно того, что Земля — это диск, омываемый морем, нигде не встречаются в ведических гимнах» (Altindisches Leben. Berlin, 1879. P. 359). Но и он продвинулся от этого негативного заявления в сторону изложения истинной ведической космологии. Сравните с высказыванием М. Фонтане: «Их космография носит эмбриональный характер. Земля для арьев кругла и плоска, как диск. Вогнутый небесный свод в Ведах сливается с землей по кругу горизонта» (Inde Védique. Paris, 1881. P. 94. С этим соглашается и Брегенъ (Bergaine. La Religion Védique. Paris, 1878. P. 1).

Углубленное изучение вопроса привело автора к выводу, что эти суждения по поводу определения Гомером формы Земли безосновательны и вводят в заблуждение. Он был удовлетворен обнаружением того, что египтяне, аккадцы, ассирийцы, вавилоняне, финикийцы, евреи, греки, иранцы, индоарьи, китайцы, японцы — по сути, все наиболее древние исторические народы — обладали в период их доступной к обозрению истории идентичными космологическими знаниями, причем гораздо более совершенными, чем те, которые им приписывают. Цель данной главы — стремление установить и проиллюстрировать известные науке представления о вселенной в древности. По мысли древних, весь мир включал в себя четыре части: местопребывание богов, людей, мертвых и демонов. Чтобы локализовать их в реальном соотношении, следует представить себе Землю в форме сферы, вокруг которой концентрически по отношению к ней расположена звездная сфера, и каждая из этих сфер обладает своим осевым перпендикуляром и имеет на вершине Северный полюс.

Полярная звезда определяет реальный зенит, а окружающие ее небесные высоты служат местом пребывания высшего Бога или богов. В соответствии с этим, верхняя, или северная, полусфера Земли — это истинный дом живых людей; нижняя, или южная, полусфера Земли есть прибежище бесплотных духов и тех, кто управляет умершими; наконец, самая низкая область, находящаяся вокруг южного полюса небес, служит нижайшим адом¹. Обе зем-

¹ Следует отметить, что вид южно-полярных небес, особенно беззвездный их участок, известный как «Мешок черного угля», может и сейчас вызвать ассоциацию с бездонной ямой. Так, мы читаем в письме одного путешественника: «Каждый ясный вечер мы могли видеть Магеллановы Облака, мягкие и кудрявые, плывущие между далекими созвездиями. Эти таинственные облака подобны звездной пыли или частицам Млечного Пути. Затем наши глаза начинают выискивать эти еще более таинственные «покои Юга», «Мешок черного угля» с беззвездным углубляющимся мраком. Эти неопределенные пространства, эти пустоты в небе создают впечатление чего-то сверхъестественного, словно там определенно была чернота вечного мрака». The Sunday School Times. Philadelphia, 1883. P. 581.

ные полусферы воспринимались как разделенные экваториальным океаном или океаническим течением.

Когда свет падает от высоких небес, то нижняя земная полусфера лежит всегда в тени; представьте себе бездну Тартара, заполненную адской тьмой и чернотой — эта подземная тюрьма подходит для богов, лишившихся тронов, и для сил зла; теперь представьте себе «озаряющее людей» солнце, «дивно убранный кудрями» месяц, «красивые» звезды, молча кружащиеся вокруг прямой центральной оси освещенных полусфер, и вот тогда внезапно исчезнут противоречия и путаница классической космологии. И мы оказываемся в том самом мире, в котором жил и пел бессмертный Гомер¹. Нет больше мрачной скалы в Фессалии, к которой сотрясавший небо Зевс намеревался прикрепить всю Землю и океан. Можно на глаз измерить девятидневное падение бронзовой наковальни Гесиода с неба на Землю, а с Земли в Тартар. Возможным становится существование гиперборейцев, и «схождение в inferнальный мир» может быть осуществлено путешествующими на корабле черного цвета. Бесчисленные комментаторы Гомера заявляли, что отчаялись в своих попытках когда-либо согласовать те его строфы, в которых ад предстает то «по ту сторону океана», то «под землей». Поразмыслите о местах обитания человека, об Аиде и океане в предлагаемом вам ключе, и тотчас исчезнут отмеченные затруднения. Переводчики «Одиссеи» считали, что невозможно понять, как это могло быть, что мореход, направлявшийся на запад и север, вдруг попадал в те воды и на те острова, которые, безусловно, ассоциировались с востоком. Даваемый здесь ключ разъясняет это, в точности показывая то, чего, кажется, никто до сих пор не подозревал, а именно: путешествие Одиссея — это поэтическое изображение воображаемого плавания вокруг мифической

См.: Приложения, VI «Прибежище мертвых у Гомера».

Земли по верхней, или северной, полусфере, включая путешествие к южной, или нижней, полусфере, а также посещение *ὀμφαλὸς θαλάσσης* (греч. «пуп морской»), то есть Северного полюса.

В этой космологической концепции вертикальная ось мира часто воспринимается поэтически как волшебный столб, поддерживающий небеса и определяющий точку, вокруг которой они вращаются. Еврипид¹ и Аристотель² безошибочно идентифицировали Столб Атланта с этой мировой осью. Какие интересные черты приобрел, чем стал в древних мифологиях этот Столб, указывается ниже — в главе 3 этой части, в главе 6 части VI и в других местах данной книги.

С этой точки зрения высшая часть Земли, ее истинная вершина, безусловно, должна была быть Северным полюсом. И поскольку вся верхняя, или северная, полусфера представлялась бы нам в этом случае как всесторонне поднимающаяся от экваториального океана по направлению к этой вершине, то не могло бы быть ничего естественнее, чем рассматривать всю верхнюю часть Земли как огромную гору, породившую и поддерживающую меньшие горы³.

Более того, если представлять себе прибежище бога или богов прямо над вершиной этой горы, то воображение с исключительной легкостью вознесет эту громадную гору в облака и даже доведет ее до таких высот, что можно думать о прибежище небесных богов на этой вершине.

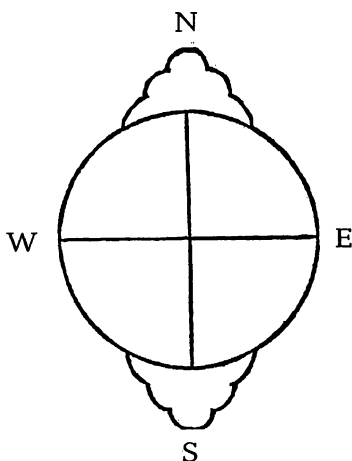
Точно так все и происходило, поэтому в космологиях египтян, аккадцев, ассирийцев, вавилонян, персов, индусов, китайцев и других народов мы находим под разными названиями (но всегда узнаваемыми) эту Вельтберг («Мировую гору»), расположенную на Северном полюсе

¹ Peirithous, 597, 3—5, ed. Nauck.

² *De Anim. Motione*, с. 3.

³ См.: Bundahish, chaps. VIII, XII, etc.

и поддерживающую Город богов (или связанную с ним как-либо по-другому), а также служащую осью, вокруг которой вращаются Солнце, Луна и звезды. Часто мы встречаем и указания, что нижняя полусфера в равной мере представлялась опрокинутой горой, антиподом Горы богов, своей вершиной связанной с миром демонов, являясь их прибежищем¹. Предлагаемый здесь рисунок может служить иллюстрацией к такой концепции, говорящей о Земле, о верхнем ее выступе — Горе богов, и о нижнем — Горе демонов.

Земля Данте

Антипод полярной Горы богов

¹ В концепции мифической космологии индийцев некоторые видят противопоставление горе Су-Меру на севере, то есть «Хорошей Меру», горы Ку-Меру, то есть «Плохой Меру», или «Гибельной Меру», которая точно совпадает с первой и является ее антитезой. В то же время халдеи противопоставляли божественной и счастливой горе Востока аккадцев «garsag-babbara» («гарсаг-баббара») тождественную ассирийской «sad cit samsi» («шад чит шамши») гору мрачную и гибельную... аккадскую garsag-gigga («гарсаг-гигга»), тождественную ассирийской «sad erib šavši» («шад эриб шамши»), расположенную в нижней области Земли. *Lenormant. Origines de l'Histoire. Т. II. Р. 134.*

Ясное представление о первом из этих замечательных названий Мировой горы важно для правильного понимания мифической географии и мифического земного рая, а поэтому следует подробнее рассмотреть этот вопрос.

Начиная с египтян наблюдается знаменательный факт. Выдающийся специалист по древней египетской географии, Бругш, помещает самую высокую и священную гору Земли египтян на север, представляя Землю там поднимающейся до уровня слияния с небом. И для нас не важно, что этот ученый разделял общий и ошибочный взгляд на то, что египтяне представляли себе Землю плоской. Он помещает также на далекой южной окраине Земли другую высокую гору — Ап-ен-то, или Тап-ен-то, что буквально означает «рог Земли»¹. Теперь, когда ряд известных египтологов пришли к согласию, что египтяне считали Землю сферой, никто из них не поднял вопроса о том факте, что эти две вершины есть две антиподные полярные проекции сферической Земли — верхняя, или небесная, была Горой богов, а нижняя, или inferнальная, — Горой демонов. Можно, соответственно, понять содержание следующего отрывка их «Книги загробного царства»:

«Уведите меня (ночное солнце), о inferнальные!.. Отступи к восточному небу, к жилищам, которые поддерживают Сар, эту волшебную гору, которая распространяет свет среди богов (или чтобы я мог распространять свет среди богов?), тех, кто примет меня, когда я уйду от вас, от пристанища»².

Слова из «Книги мертвых», из главы 150, кажутся обращенными к опрокинутой inferнальной горе: «О очень высокая гора в аду! Небо на ней покоит-

¹ Geographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler. Leipsic, 1858. Vol. II. P. 37.

² Records of the Past. Vol. X. P. 103. Я понимаю это как обращение к ежегодному (к северу и югу), а не ежедневному прохождению солнца.

ся. Змея-дракон возлежит на ней. Имя его — Сати»¹ и т. д.

В другой главе той же книги об этом месте говорится как о «промежуточном пространстве», которое и является адом². Более того, переводчик другого текста, именуемого «Книгой загробного царства», описывает «подвешенную гору» как занятую черту иллюстрированной виньетки к оригиналу: «Это не может быть не чем иным, как Ап-ен-то, перевернутой горой ада»³

¹ Упоминание о звездной змее или драконе завершает параллелизм между горами Северного и Южного полюсов. «Г-н Проктер замечает, что когда звездой Северного полюса была альфа Дракона, то звездой Южного была, вероятно, эта Гидры, входящая в созвездие Гидры... Кольцевидная змея — символ вечного кругового движения — связывалась с обоими полюсами как центрами общего кружения звезд» (*Massey. The Natural Genesis. Vol. I. P. 345*). В нашем обсуждении образа Столба Атланта мы говорили об идентичности Дракона с тем драконом, который помогал нимфам стеречь золотые яблоки в северно-полярных Садах Гесперид (см.: *Depuis. Origines des Constellations. P. 147*). Такой же параллелизм выявляется в следующих словах: «Обсуждаемые возвышения разделяются на четыре части, по две взаимно противоположных, как бы для обозначения двух небесных полусфер; верхняя помещается над земным миром, а нижняя — под ним» (*Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, March, 4, 1884. London, 1884. P. 126. См.: Revue Archéologique. Paris, 1862. Vol. VI. P. 129*).

² *Bunsen. Egypt's Place in Universal History. Vol. V. P. 208.*

³ *Records of the Past. Vol. X. P. 88.* Через два года после того, как это было написано, я встретил следующие слова: «Бог,двигающийся в опрокинутом положении» (в одной из новозеландских легенд) — это солнце в подземном мире. Такая картина точно совпадает с египетским описанием солнца, проходящего через ад, где мы видим двенадцать богов Земли (или низшее прибежище ночи), движущихся к горе, находясь в перевернутом положении, и еще двух персонажей в том же положении. Это служит иллюстрацией солнца, проходящего через подземный мир. В этом же памятнике слово «перевернутый» означает «мертвый». Умершему, который уподобился Осирису, достигнув другой жизни, приписываются слова: «Я не хожу на голове». Мертвые «Акху» — это духи, а «Атуа» (из новозеландской легенды) — это дух, ходящий кверху ногами». *Massey. The Natural Genesis. London, 1883. Vol. I. P. 259.* Этот отрывок особенно замечателен тем, что Масси в другом месте говорит, что Земля «считалась плоской у первых создателей мифов», а они, по его мнению, кажется, и были египтянами. *Ibid. Vol. I. P. 465.*

Аккадцы, которые были предшественниками наиболее древних империй равнины Тигра и Евфрата, тоже знали подобную Мировую гору, не похожую на все другие горы, так как на ней покоилось небо и вращалось вокруг нее. Ее называли Харсак Курра. Она была столь богата золотом, серебром и драгоценными камнями, что слепила глаза. В старом аккадском мифе о ней говорится так: «О великая гора Бэла, Им-Харсак, чья высокая голова соперничает с небом и чьи корни в священной глубине! Она лежит среди гор, подобно мощному дикому быку. Ее рога блестят, подобно сверканию солнца. Она наполнена сиянием, подобно небесным звездам»¹

В другом гимне, видимо, более древнего происхождения, мы встречаем богиню Иштар, к которой обращаются как к Владычице Мировой горы, а дальше эта гора локализуется и ставится в связь с «осью небес» и с «четырьмя реками» аккадского рая².

Ленорман помещает эту гору на севере (но иногда неправильно — на востоке или северо-востоке). Он говорит о ней как о месте собрания богов, но когда он помещает соответствующую гору-антипод, гору ада, на западе вместо юга, кажется, что он далеко отошел от свидетельств.

Наконец, доктор Фридрих Делич утверждает, что в пределах известной клинописной литературы он не обнаружил следов подобной локализации³ Далее, в гла-

Records of the Past. London. Vol. XI. P. 131, 132. *Lenormant*. Chaldaean Magic. P. 168. Более поздний, уточненный перевод можно найти в «Les Origines de l'Histoire». Т. II, I. P. 127, 128.

² *George Smith*. Assyrian Discoveries. P. 392, 393. Дж. Масси замечает: «В аккадском гимне к Иштар богиню именуют Владычицей Мировой горы и Владычицей земли четырех рек Эрека, то есть Владычицей Горы полюса и четырех рек четырех областей, находящихся в раю. Мировая гора была Горой Севера».

³ *Wo lag das Paradies?* Leipsic, 1881. P. 121.

ве 6 данной книги будет подробно сказано о месте этих гор.

Ассирийцы и вавилоняне унаследовали аккадские концепции. Одно из имен высшего бога ассирийцев соотносится со священной горой — к нему обращаются так: «Ассур, могучий бог, который обитает в храме Харсак Курра»¹. Ассирийский гимн повествует о «праздниках серебряной горы, небесного (царского) двора», и переводчик считает, что это относится к «ассирийскому Олимпу»². А Сейс обнаруживает полное указание на то же самое в следующих словах: «Я бог крутых гор, которые дрожат, когда их вершины достигают небесного свода. Я владею горой из алебастра, лазурита и оникса»³.

О распространении этого образа среди вавилонян можно судить по тому, насколько широко пользуется им в своих речах пророк Исаия. Упрекая правителя Вавилона за его высокомерие и предсказывая его судьбу, пророк воспринимает его падение как уже свершившееся и в словах, исполненных яркой силы и красоты, восклицает:

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней»⁴.

Со времени публикации комментария Гезени на этот отрывок и приложенного к ней вывода относительно «*Gotterberg im Norden*» в сознании ученых не возника-

¹ Cuneiform Inscriptions of Western Asia. London. Vol. I. P. 44, 45.
Переведено: «*Mr. Sayce in: Records of the Past*». Vol. XI. P. 5.

² Records of the Past. Vol. III. P. 133.

³ Ibid. P. 126.

⁴ Книга пророка Исаии, 14:12—15.

ет больше вопроса по поводу характера названия «Наг Моед» — «Горы сонма богов» на далеком севере.

В китайских сказаниях мы находим аналогичную небесную гору, мифическую Кунь-Лунь. Часто ее называют просто Жемчужной горой. На ее вершине расположен рай, где бьет фонтан, из которого вытекают в противоположных направлениях четыре великие реки мира¹. Вокруг нее вращается небо, видимое человеку; ближайшие к ней звезды — это действительно звезды, а ближайшие к полюсу — считаются прибежищами богов более низкого ранга и гениев. Доныне даосы говорят о первом лице их Троицы как о живущем «в столице Жемчужной горы», и, обращаясь к нему, они поворачиваются лицом к северному небу².

Поразительной параллелью к мысли египтян и аккадцев о двух противоположных горах полюсов, то есть арктической и антарктической, небесной и inferнальной, выступает мысль древних обитателей Индии. Небесную гору они называли Су-Меру, inferнальную — Ку-Меру³.

В индусских книгах-пуранах размеры и красоты первой из этих гор описываются с крайним преувеличением, порождаемым восточной фантазией. Ее высота, по некоторым подсчетам, составляет не менее 840 тысяч миль, а диаметр ее вершины — 320 тысяч. Четыре огромных поддерживающих горы окружают ее, будучи расположены по четырем противоположным точкам горизонта. Гора к востоку от Меру —

¹ *Stollberg. Mémoires concernant les Chinois, t. I. p. 101, цит. по: Keerl, Lehre vom Paradies. Basle, 1861. P. 796.*

² *Joseph Edkins. Religion in China. 2 ed., 1878. P. 151.* Айны Японии, которых называют «чрезвычайно бедными в области сказаний», имеют все же соответствующую мифическую гору Когане-Яма — «Золотую гору». *Dr. B. Scheube. Die Ainos. Yokohama, 1882. P. 24.*

³ Слово «Меру» на санскрите обозначает «ось» или «стержень». *Wilford in: Asiatic Researches. London, 1808. Vol. VIII. P. 285.* Приставка «су» означает «прекрасный».

цвета рубина, южная — цвета лотоса, западная — цвета золота, а северная — цвета коралла. На вершине Меру находится огромный город бога Брахмы, имеющий по окружности четырнадцать тысяч лиг¹. Вокруг нее в главных пунктах промежуточных областей находятся великолепные города бога Индры и других владык сфер. Город Брахмы посреди этих восьми окружен рвом с дивно текущей небесной водой, вроде реки с живой водой (Ганга). Омыв столицу, она разделяется на четыре потока, мощно текущих к четырем противоположным точкам горизонта, а затем впадающих в экваториальный океан, окружающий Землю².

Иногда гору Меру представляют настолько глубоко «посаженной» в глубину Земли, что противолежащая антарктическая инфернальная гора есть лишь проекция ее основы. Так, в «Сурье-Сиддханте» говорится: «Собранием множества драгоценностей, горой золота является Меру, пронизывающая середину земли (бхугола) и выступающая с ее противоположной стороны. На верхнем ее окончании находятся вместе с Индрой боги и великие мудрецы (махаришис); на ее нижнем конце, таким образом, расселены демоны — тот или иной вид врагов. И на каждом окончании протекают струи омывающего их океана, который, как пояс, охватывает Землю, разделяя полусферы богов и демонов.

Представляя себе Меру вроде стержня, проходящего сквозь Землю и выступающего на обоих полюсах, можно легко понять тексты, в которых говорится не

¹ В работе Бругша (*Brugsch. Astronomische Inschriften. P. 177*) мы читаем: «Существовал небесный Ану, или Он, Гелиополис, чьи восточная сторона света и западная сторона света часто упоминались». Не был ли он образцом и египетским двойником города Брахмы, города Шакры и всех других азиатских городов богов на небесном полюсе? Интересно было бы это выяснить.

² См. Приложение, IV «Земля и мир у индусов».

об одной, а о двух полярных звездах: «В обоих (то есть в двух противоположных) направлениях от Меру в середине неба имеются две полярные звезды». Поскольку так отмечены два противоположных полюса в небе, то вполне справедливо добавлено: «Для тех, кто находится в местах, не имеющих широт (то есть на экваторе), обе эти полярные звезды расположены на горизонте». И далее, в этом же тексте, северная полусфера определяется как полусфера богов, а южная — как полусфера асуров, или демонов»¹.

Ниже, в главе 4 этой части книги, будет приведено описание «Земли индусов» с определением точного места Меру и подпирающих ее гор. Естественно, космология Древней Индии была поддерживаема и распространяема в ее главных чертах всеми последователями Будды. По их учению, наша Земля имеет свою Меру, вокруг которой все и вращается, как вокруг центра². Согласно «Ньяянусара-шастре», ее вершина имеет четыре стороны, на которых размещены тридцать и три неба (Траястриншас). Каждая сторона вершины равна 80 000 йоджан³. Каждый угол вершины имеет пик высотой 700 йоджан. Это, конечно, те четыре подпирающих Меру горы, о которых говорится в мифологии индуизма, но они подняты до уровня вершины и стали кульминирующими пиками. Говорится,

Глава раздел XII, 45—74. О происхождении и возрасте этого произведения см. заметки переводчика: Rev. Ebenezer Burgess, in: *Journal of the American Oriental Society*. New Haven, 1860. Vol. VI. P. 140—480.

² Ее название в японском записывают как Sxi-meru; в китайском Si-mi-liu, или Siu-mi; в тибетском Rirap, или Ri-rap-hlumpo; в монгольском (и у калмыков) Sümmer Sola, или Sjumer Sula; в бирманском Miem-mo. С. F. Koeppen. *Die Religion des Buddhas*. Berlin, 1857. Vol. I. P. 232. См. также A. Bastian. *Die Völker des östlichen Asiens*. Bd. III; S. 352, 353; VI, 567, 568, 578, 580, 587, 589, 590. Spence Hardy. *Manual of Buddhism*. P. 1—35. The same, *Legends of the Buddhists*. London, 1866. P. XXIX, 42, 81, 101, 176.

³ 1 йоджана = 8—9 миль, то есть 12,88—14,48 км. — Прим. ред.

что они украшены семью драгоценностями — серебром, золотом, лазуритом, хрусталем, сердоликом, кораллами и рубинами. Один из вершинных городов именуется Сударшана — «прекрасный на вид», и его окружность равна 10 000 йоджан. Тысяча легендарных его ворот, богато украшенных, достигают в высоту 1,5 йоджан. И у каждого ворот стоит вооруженная стража, в одеждах синего цвета. Центральный из этих городов — это Золотой город бога Шакры, чей дворец имеет по окружности 1000 йоджан, а его пол сделан из золота и инкрустирован драгоценными камнями. К дворцу ведут 500 ворот, и на каждой его стороне есть 100 башен. В каждой башне 1700 покоев, а в каждом покое живет по семь богинь, и каждая из них имеет по семь прислужниц. Все эти богини — жены Шакры, с которыми он общается в форме, избираемой им по своему вкусу. Тридцать три неба имеют в длину и ширину по 60 000 йоджан. Они окружены семью городскими стенами, семью орнаментированными оградами и семь кратным рядом звенящих занавесей, за которыми произрастает семикратный ряд деревьев. Все это размещено концентрически и окрашено в цвета радуги. А в пределах этого города его жители наслаждаются всеми радостями и удовольствиями.

Вне волшебного города богов на каждой из четырех сторон расположены поразительно красивые цветущие парки, и в каждом из них есть башня, воздвигнутая над святыми останками Будды. И в каждом из них есть волшебное озеро с водой, обладающей восьмью особыми качествами. Красота тут дополняется красотой, пышность — пышностью, чудеса — чудесами. И так до тех пор, пока в полном истощении воображение не откажет в дальнейших усилиях описывать все это¹.

¹ См.: *Beal. Catena of Buddhist Scriptures*. P. 75—81. Cp.: *Beal. Lectures on Buddhist Literature in China*. P. 146—159.

Стоит заметить, что, в то время как большинство ученых считают буддийский образ Сумеру лишь трансформацией индуистских представлений, авторитетный исследователь Бил в одной из своих недавних публикаций заявил о независимости и равнозначности (по отношению к индуизму), если не о первобытном характере этого образа¹. Очевидным подтверждением данного заявления служат другие особенности буддийской космографии, прежде всего обособленность Уттара-куру и Джамбу-двипы от горы Меру: это отличает буддийский космос от пуранического.

В древней иранской мысли перед исследователем предстает образ той же самой небесной горы. Ее называют Хара-Березайте, мифическая гора Альбордж², — «местопребывание духов: вокруг нее образуются солнце, луна и звезды; над нею проходит путь благословенных в небеса»³.

Ниже следующее описание этой горы, содержащееся в одном из призываний бога Рашну (в «Рашн Яште»), сильно напоминает описание небесного Олимпа в «Одиссее»: «Пребываешь ли ты, о святой Рашну, на

¹ «Я не сомневаюсь, что буддийский миф о Суме, или Сумеру, явно взят из брахманских текстов и соотносится с универсальной верой в нечто высочайшее. — *Buddhist Literature in China*. London, 1882. P. XV.

² Первый случай появления этого имени в Зенде — в молитве к Митре (в переводе Дюперона: «Я молюсь высокой небесной вершине, источнику вод, воде Ормузда»), где описание носит всеобщий характер. Из прилагательного «высокий», «березат», в переводе парсов происходит Бордж, то есть «Возвышенный». Как гору, из которой истекает вода, в Зенде ее именуют Нафедро (на санскрите — Набхи), что значит «пупок» — возвышение, дающее воду; а как гора, хранящая в себе принцип плодородия, она сопоставляется с даром женщин». *Ritter, Erdkunde*, VIII, 47.

³ *Spiegel. Erânische Alterthumskunde*. Leipsic, 1871. Bd. I. S. 463. The *Venidad*. Fargard XXI, и далее. To *Pahlevi Texts*, translated by E. W. West. Vol. V of «*Sacred Books of the East*». Также: *Haug. Religion of the Parsees*. 2 ed. Boston, 1878. P. 5, 190, 197, 203—205, 216, 255, 286, 316, 337, 361, 381, 387, 390.

Хара-Березайте, сверкающей горе, вокруг которой вращается множество звезд, куда не приходят ни ночь, ни тьма; ни холодный ветер и ни горячий ветер; ни смертельная болезнь, ни нечистота, порожденная дэвами; и облака не могут подняться до Хара-Березайте; мы призываем, мы славим Рашну»¹.

Следующее описание взято из работы Ленормана: «Подобно горе Меру индийцев, Хара-Березайте — это полюс, центр мира, неподвижная точка, вокруг которой свершают вращение солнце и планеты. Аналогично реке Ганга у брахманов, она обладает небесным источником Ардви Сура — матерью всех земных вод и первоначалом всего благого. Посреди озера, образованного водами священного источника, растет единственное чудесное дерево, подобное Джамбу из индийского мифа, или два дерева, точно соответствующих деревьям библейского Ган-Эдена... Это сад Ахура Мазды, подобный саду Брахмы на Меру. Оттуда воды ниспадают на четыре главные стороны света четырьмя большими потоками; их символизируют четыре коня, влекущие колесницу богини священного источника, Ардви Суры Анахиты. Эти четыре коня напоминают четырех животных, помещенных у истока райских рек в индуистских представлениях»².

Было много эллинских и римских мифов о Мировой горе, но, как аргументированно показал Иделер, в более позднее время они немало запутаны³.

Некоторые, как, например, Аристотель, уподобляли ее Кавказу, и утверждалось, что она столь высока, что даже после захода солнца ее вершина освещена в те-

Darmesteter. The Zend-Avesta, II. 174.

² «Ararat and Eden». *The Contemporary Review*, Sept. Am. ed., 1881. P. 41. Ср.: «Албордж персов в точности соответствует индусской горе Меру; тем более, что индусская традиция делит землю на семь «двип», или островов, а зендские пехлевийские книги говорят о семи «кешварах», или странах, таким же образом группирующихся вокруг святой горы», и т. д. *Religions de l'Antiquité*. Creuzer, trad. Guigniaut, t. I, pt. II. P. 702, note.

³ Об Олимпе у Гомера и Гесиода см. ниже, часть VI, глава 2.

чение третьей части ночи и третьей же ее предрассветной части. Эта идентификация позволяет понять более позднюю легенду, по которой Александр Великий, желая утвердить свое господство над миром, выдернул «копье, не отбрасывающее тени» (земную ось), из наивысшей вершины гор Таврии¹. Обычно эту гору называют Атласом, или Атлантической горой (горой Атлантиды). Прокл, цитируя Гераклита, говорит о ней: «Ее величина такова, что она соприкасается с эфиром и бросает тень на расстояние в пять тысяч стадий. Начиная с девятого часа дня солнце ею закрывается вплоть до полного ухода под землю»².

Рассуждения Страбона об этом полны легендарных черт, типичных для описаний земного рая: оливковые деревья были поразительно прекрасны, освежающие вина — семи сортов. Гроздья винограда были длиной в локоть, а виноградные лозы столь толсты, что их с трудом могли обхватить два человека. Геродот описывает гору как «конусообразную и круглую, настолько высокую, что нельзя было увидеть ее вершину, а облака не покидают ее ни летом, ни зимой. Местные жители называют гору «небесным столбом» и носят ее имя — «атланты». О них говорят, что они не употребляют в пищу ничего живого и никогда не спят»³. Равно странной выглядит и история, рассказанная Максимом Тириусом, согласно которой волны океанского прилива сразу оста-

¹ «В средневековых сказаниях об Александре тоже есть упоминания о том, что центр природы — это Северный полюс, а именно в сказочных сюжетах восточной и западной поэзии. В староанглийском стихотворении об Алисаундере (см.: Якобс и Укерт, с. 461) он находит на высочайшей вершине Таврии «бестеневое» копье, о котором было сказано, и тот, кто сможет вырвать его из земли, станет правителем мира. Александр вырвал его. Это копье и есть символ земной оси. Оно указывает на гору на Северном полюсе, и оно лишено тени, потому что оттуда происходит (изливается) весь свет». *Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Bd. I. S. 86.*

² См.: *Taylor. Notes on Pausanias. Vol. III. P. 264.*

³ *Herodotus, Bk. IV, 184.*

навливались перед святой горой, «вставая как стена вокруг ее основания, хотя их не задерживало какое-либо земное препятствие». «Ничего, кроме воздуха и священных зарослей, не мешало воде достичь горы». По другой древней легенде, с этой волшебной вершины изливалась река молока. Отмечая такие занятные истории, Плиний удачно описывает эту гору как «сказочнейшую»¹.

В самых древних этнических представлениях — у египтян, аккадцев, ассирийцев, вавилонян, индийцев, персов, китайцев и греков — всюду встречается эта концепция горы, которую именуют то Мировой горой, относясь с почтением к ее основе и величию, то Горой богов, когда с почтением взирают на ее высоту и говорят о ее небесных обитателях. Мы не будем продолжать это исследование — уже достаточно было сказано для того, чтобы подтвердить слова Сэмюэля Била: «Ясно, что идея изначальной высокой центральной горы принадлежала неразделившемуся человечеству»². И в другом месте этот ученый-синолог говорит: «Я не имею ни малейшего сомнения, что идея центральной горы, и бегущих с нее рек, и богов на ее вершине — это изначальный миф, почерпнутый из самых ранних традиций нашей расы»³.

Идеи древних, почитавших подземный мир, находящийся в южной полусфере Земли за экваториальным

¹ «Клеант решил, что Земля имеет форму конуса, но, по-моему, это следует относить только к горе в Индии, называемой Меру. Анаксимен сказал, что это простая каменная колонна, точно такая, как Меру-паргветт жителей Цейлона. Судя по словам Жуанвилла в седьмом томе «*Asiatic Researches*», эта гора вся из камня, высотой 68 000 йоджан. Духовные лица Тибета говорят, что она квадратная и подобна опрокинутой пирамиде. Некоторые последователи Будды в Индии настаивают на том, что она подобна индийскому барабану с перехватом посередине; а раньше на Западе это же говорил Левкипп». *F. Wilford in: Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 273.*

² *Buddhist Literature in China. P. 147.*

³ *Ibid. P. XIV.*

океаном, достаточно полно изложены в эссе автора «Прибежище мертвых у Гомера», напечатанном в приложении к данной книге¹.

Очень важное обстоятельство прошло незамеченным во всех этих работах. При переводах и пояснениях космологических и географических описаний в древних религиях никогда не следует забывать о том, что высказанные идеи бывают часто поэтическими и символическими — религиозными идеями, отраженными в священных песнях и сказаниях. Если через несколько тысяч лет какой-нибудь археолог Новой Зеландии попытался бы изложить географические познания о сегодняшней христианской Англии, изучив несколько фрагментов английских гимнов и критически проанализировав каждое выражение, касающееся некоторых волшебных гор, иногда находившихся на Земле, а иногда и в небе и носящих имя то Сион, то Зион; если бы он затем «микроскопически» разобрал упоминания о странной реке, которая в тех же текстах называлась то «темной», то имеющей «штормовые берега» и протекавшей между Англией и прибежищем мертвых в Западной Азии, именуемым «Ханаан», то есть о той реке, которая волшебным образом воспевалась как знающая, для кого ей следует разделиться, чтобы можно было пройти по ее сухому дну, — то при таком понимании даже Англия XIX века выглядела бы в географической науке очень жалко.

И опять-таки, если некий Шлиман в далеком будущем раскопал бы место одной из американских деревень, часто носящих название «Эдем», и нашел бы неопровержимые доказательства оправдания такого ее имени, и стал бы поучать, что американцы, жившие там, верили, что это и есть истинное место Эдема Священного Писания и что здесь зародилось человечество, — это была бы грубая ошибка, но,

См. Приложения, VI «Новейшие полярные исследования».

возможно, подобная некоторым из высказываний наших археологов, поясняющих и реконструирующих географию древних.

В завершение этого очерка древней космологии перед нами естественно и неизбежно возникает вопрос: как объяснить появление и широкое распространение единого взгляда? Как случилось, что предки древних исторических народов согласились с тем, что Северный полюс действительно есть вершина Земли, а циркумполярное небо — это истинные небеса? Почему Аид и низший ад оказались причастны к южному полярному надиру? Единственным и удовлетворительным объяснением этого служит гипотеза о существовании изначального северно-полярного Эдема. Исследуемый от этого отправного пункта облик Вселенной окажется приспособленным именно к такой любопытной космологической концепции. Сама система древнего хода мысли, касающейся мироздания, обнаруживает ту точку зрения, исходя из которой мир был изначально рассматриваем. И хотя это прямо не свидетельствует об истинности нашей гипотезы, но по этой причине она представляется наиболее убедительной.

ГЛАВА 2

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ЯПОНЦЕВ

Судя по наиболее древним текстам, Япония является центром Земли.

В. Е. Гриффис

Судя по самой ранней космогонии японцев — как она приводится в их самой древней книге «Кодзики»¹, — создателями и первыми обитателями мира были бог и богиня Идзанаги и Идзанани. Согласно работе Эдварда Рида, эти двое вначале, «стоя на небесном мосту, вонзили копье в зеленую поверхность моря и стали вращать копье. Когда они вынули копье, с его конца упали капли и, сгустившись, образовали остров. На остров сошла эта порожденная солнцем пара. Они воткнули копье в землю острием вниз и построили вокруг него дворец, оперев на него центр крыши. Копье стало земной осью, и причиной вращения Земли стало вращение копья»².

¹ Говоря об этом тексте, Леон де Росни назвал его одним из наиболее аутентичных памятников старой японской литературы и указал: «Мы обязаны этой работе не только своим знанием истории Японии до VII века н. э., но и наиболее авторитетным изложением синтоистской мифологии. Примечательно то, что первостепенные боги японского пантеона, упоминаемые в этой книге, уже больше не встречаются в «Ямато буми» («Yamato bumi»), которая появилась позднее «Кодзики» («Ko ji ki») всего на несколько лет. Эти изначальные боги кажутся забытыми или, по меньшей мере, ими стали пренебрегать в туземных работах, появившихся впоследствии». Questions d'Archéologie Japonaise. Paris, 1882. P. 3. Английский перевод «Кодзики», сделанный Б. Г. Чемберленом, сразу появился в: Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. V.

² Edward J. Reed. Japan. Vol. I, 31.

Этот остров, оказывается, был японским Эдемом. Его название было Оногородзима — «Остров сгущенной капли». Первой опорой крыши, как мы видели, стала земная ось. Выше этого была точка опоры небесного свода»¹.

Э. Рид, не создававший теории в поддержку этого сюжета, говорит: «Остров должен был бы находиться на земном полюсе»². Равным образом Гриффис, не углубляясь в идеи широкого антропологического значения и в ценность данных сведений, замечает: «Остров, образовавшийся из стгутившихся капель, был некогда на Северном полюсе, но в дальнейшем был перенесен на свое современное место во Внутреннем море»³.

В этом заключается свидетельство древнейшей японской традиции. Не могло быть ничего более несомненного. Небесное драгоценное копье Идзанаги, сделанное из сердолика¹, подобно сквозной сердоликовой

¹ *Léon Metchnikoff. L'Empire Japonais. Genève, 1881. P. 265.*

² *Ibid.* — Наша интерпретация древней космологии и расположения истинного Эдема сразу вносит ясность во всю систему японской мифологии. Судя по следующей цитате из труда Гриффиса, никто когда-либо ранее не знал, что делать с этими образами: «Столб Небес и Земли», «Мост Неба», с местонахождением изначальной Японии «на вершине земного шара» и в то же время «в центре Земли». — «Первые рожденные дети были островами Японии... Япония лежит на вершине земного шара... В это время небо и земля были очень близки друг к другу, и богиня Аматерасу, будучи редким и красивым ребенком, чье тело алмазно светилось, была послана Идзанаги на вершину столба, соединявшего небо и землю, и он велел ей управлять небесами... Все земные божества и злые духи размножились, царили путаница и разногласия, увидев которые, солнечная богиня (Аматерасу) решила все исправить, послав своего внука Ниниги управлять землей. В сопровождении большой группы божество спустился по плавающему Мосту Неба, на котором стояла та первая божественная пара, и сошел на гору Кирисима. После его схождения небо и земля, которые уже значительно отделились друг от друга, полностью разошлись, и все дальнейшие связи между ними прекратились... По самому древнему тексту, центром Земли является Япония».

³ *McClintock and Strong. Cyclopaedia. Vol. IX. P. 688. Art. «Shinto».*

трубе древнего правителя Shu², служит безупречным указанием не только на доисторические достижения человека в области астрономии, но и на доисторическое прибежище человека.

¹ *Emile Burnouf*. «La pique céleste de jade rouge». *La Mythologie des Japonais d'après le Kokū-si-Ryakū*. Paris, 1875. P. 6.

² «Он изучил вращающуюся сферу, украшенную жемчугом, с ее сквозной (букв.: «поперечной») трубой из сердолика и привел в гармоничную систему движения Семи Правителей». Перевод: *The Sacred Books of the East*. Vol. III. P. 38, сделанный Легге. Профессор Легге однажды исследовал этот текст в моем присутствии и нашел неожиданное подтверждение интерпретации «сквозной трубы из сердолика» как оси небес.

ГЛАВА 3

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ КИТАЙЦЕВ

Рационалистический гений прозаических китайцев очевиден даже в методе постижения ими их изначальной истории, и в этом, как и во многом другом, они сближаются скорее с лучшими представителями современной науки, чем с теми, кто принадлежит к другим народам Востока.

Сэмюель Джонсон (Салем)

Именно благодаря этому чудесно чистому пророку [Лао-цзы], как мне кажется, мы восходим к первоначальному откровению истины, данной этому древнему народу.

Уильям Генри Ченнинг

Приступая к этой теме, рецензент двадцатидвухтомного «Общего свода богов и гениев» («Shin Seën Tung Keën») делится следующим наблюдением: «У всех народов есть традиции, связанные с раем, с местом изначального счастья, местом невинности и наслаждения. Даосы¹ отнюдь не отстают от других, указывая на прибежище вечного блаженства, которое, однако, все еще существует на Земле. Его называют Кунь-лунь»².

В другой статье, автор которой изучает китайские источники, говорится: «Это место, будучи прибежищем

«Секта даосов во многом сохранила сказания и религиозные обычаи Древнего Китая». *Lüken. Traditionen des Menschengeschlechtes*. P. 77. «Лао-цзы сохраняет в изречениях элементы древнего знания, которые мы узнаем только от него». *Samuel Johnson. Oriental Religions — China*. Boston, 1877. P. 861.

² The Chinese Repository. Vol. VII. P. 519.

богов, есть рай; оно округлое и, подобно Эдему, является горой собраний»¹.

Описание этого сада подобно описанию Эдема в книге Бытие — в нем тоже растут волшебные деревья, бьет фонтан бессмертия, из которого истекают четыре реки, бегущие в противоположных направлениях к четырем странам света².

Выражаясь словами автора, впервые процитированного в этой главе: «Сверкающие фонтаны и журчащие потоки полны знаменитой амброзии. Там можно отдыхать на цветущих коврах травы, слушая мелодичное щебетание птиц или вкушая восхитительные фрукты, ароматные и сладкие, которые свисают с ветвей роскошных рощ. Там можно найти все красивейшее в ландшафте и наивеликое в природе, и все это в высшей степени совершенства. Все там прекрасно и упоительно, и эти улыбки природы сопровождаются стараниями гениев привести в восторг пришедшего туда»³.

Где же расположена эта райская гора? На Северном полюсе.

Приведенные выше слова предваряются указанием: «Здесь есть великая колонна, поддерживающая мир, высотой не менее 300 000 миль».

Эта всемирная колонна, или земная ось, часто описывается и как достаточно тонкая, чтобы по ней можно было взобраться вверх. Так, мы читаем: «Один из правителей Китая, стремившийся познать восхитительное место, отправился на поиски. После долгих странствий он обнаружил огромную колонну, о которой говорили, но, попытавшись влезть на нее, он увидел, что она такая скользкая, что пришлось отказаться от всех попыток добраться до ее конца и устремиться по

¹ The Chinese Recorder and Missionary Journal. Vol. IV. P. 94.

² Lützen. Traditionen des Menschengeschlechtes. P. 72.

³ The Chinese Repository. Vol. VII. P. 519.

горным тропам, извилисто ведущим к крайнему пределу, продолжив поиск пути в рай. И когда он был изнурен усталостью, ему протянули руку помощи нимфы, которые с высоты с состраданием наблюдали за утомленным путником. Он пришел туда, куда устремлялся, и сразу же стал знакомиться с прославленным местом»¹.

Такая колонна, соединяющая Землю с высшим раем и дающая возможность добраться туда, обязательно заставляет вспомнить аналогичные описания в Талмуде: «Есть высший и низший рай. И между ними стоит прямой столб, который их соединяет. И его название — Сила горы Сиона. И по этому столбу каждую субботу и на каждый праздник истинно верующие взбираются и впитывают в себя блеск величия Бога до окончания субботы или праздника, когда они спускаются в низший рай»².

По этой концепции, существуют два рая — небесный и земной. Это же мы находим и у китайцев. Верхний рай расположен в центре небесного полю-

¹ The Chinese Repository. Vol. VII. P. 520.

² *Eisenmenger*. Entdecktes Judenthum. Bd. II. P. 318. (В английском переводе том II, с. 25.) Ср.: *Schulthess*. Das Paradies. P. 354. Также и в сказании об эре памфилийцев мы видим то же самое: «Колонна, ярче радуги, проходящая прямо сквозь небеса и Землю». Здесь также духам, посещающим Землю, разрешается пробыть семь дней до восхождения (*Платон*. Государство, 616). Халдейско-ассирийская концепция «небесного и земного рая, вероятно, соединяемых самой райской горой», говорит о том же (*The Oriental and Biblical Journal*. Chicago, 1880. P. 173). Так же как и представления греков: «Поистине волшебное то, что Пиндар говорит (*Olymp.*, II, 56 f) о Блаженных. Когда они, как указывается, находятся на острове Блаженных, то поднимаются на Башню Хроноса. Эта тенденция устремления вверх напоминает древние представления о центре природы на Северном полюсе. Также ведут нас туда и греческие поэты по долгой дороге, которая приводит наконец в Нису, где греческие мастера создали для нас все виды наслаждений небес Диониса». *Menzel*. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Vol. II. P. 10. Наконец, о японских представлениях см.: *Griffis*. The Mikado's Empire. P. 44.

са, а нижний — точно под ним, в центре или на полюсе северной полусферы Земли. Соединяющий их столб, несомненно, есть ось небесного свода. И вот мы цитируем: «Посреди морей, в долинах Кунь-луня, на северо-западе есть нижний Дворец отдыха Шан-ди. Этот квадрат измеряется цифрой в 800 ли (4800 м²) и имеет в высоту 80 000 футов. В его передней части есть девять стен, украшенных драгоценными камнями. По его сторонам девять дверей, сквозь которые вливается свет, и их охраняют чудовища. Жена Шан-ди тоже живет в этой области, прямо над которой расположен его небесный дворец, помещающийся в самом центре неба (небесный полюс), а земной центр — в центре Земли (земной полюс)»¹.

Слово «центр» для полюса здесь применено без ошибки, поскольку китайские астрономы утверждают: «Полярная звезда — это центр небес»².

В других местах текстов Куньлунь описывается не как Мировой столб в долинах или на равнине, а как громадная гора, поддерживающей небо и отмечающая центр или полюс Земли: «Четыре страны света наклонены вниз... на этой обширной равнине или холме, окруженном со всех сторон четырьмя морями, возвышаются горы, наивысшие в мире (по мнению китайских географов, эта гора находится на северо-западе, в пятидесяти тысячах ли от гор Сунгау) и в центре Земли. Ее высота — 1100 ли (Канси)»³.

Значение приведенных текстов для локализации рая не вызывает сомнений. Но сравните ниже с главами 3 и 4 части V.

¹ The Chinese Recorder. Vol. IV. P. 95.

² The Chinese Repository. Vol. IV. P. 104. Ср.: Menzel. «Der Polarstern heisst Palast der Mitte». Unsterblichkeitslehre. Bd. I. P. 44.

³ The Chinese Recorder. Vol. IV. P. 94.

ГЛАВА 4

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ВОСТОЧНЫХ АРЬЕВ И ИНДУСОВ

Читатель будет неизменно поражен, как были поражены и первые исследователи санскритской литературы, близкой аналогией — мы даже сказали бы полной идентичностью — всех основных черт в описаниях горы Меру в пуранах с топографией Эдема в книге Бытие. Сад Эдема, сад Бога (Книга пророка Иезекииля, 28:13), охраняемый помазанным и защищающим херувимом, помещается, как и сад наслаждения богов Индии, на вершине горы, святой горы Бога (Книга пророка Иезекииля, 28:14, 16), сверкающей драгоценными камнями (Ibid)¹.

Ленорман

В каком мире жил древний брахман? И какова была Вего оценка места колыбели человечества?

Одним из старейших и тщательно разработанных географических трактатов Индии является «Вишну-пурана». Приняв его за гида, давайте пройдемся вдоль

¹ Орывок продолжается так: «Автор-иеговист этого не говорит в книге Бытие, но пророки отражают такую точку зрения. Древо Жизни растет «посреди сада» вместе с Древом Познания Добра и Зла (Бытие, 2:9; 3:3), в точности так, как и Древо Джамбу растет в центре восхитительного плато на вершине Меру. Река, текущая в Эдеме, орошает сад, а затем разделяется на четыре рукава (Бытие, 2:10). Это соответствует самым определенным образом тому пути, по которому родившаяся Ганга, оросив сначала землю небес, землю радости на вершине Меру, образует четыре озера на четырех склонах этой святой горы, откуда затем четырьмя большими реками течет ко всем главным местам».

одной из древних достопримечательностей этой страны и оглядимся.

Прежде всего взглянем на юг, вдаль, в сторону Индийского океана. Что, как полагают индусы, находится в этом направлении?

Следует начать с распределения разных стран света между богами, и эта часть принадлежит богу Яме, повелителю мертвых, много строф о котором встречается в памятниках индийской поэзии.

В соответствии с нашим ключом к древней космологии, это направление означает спуск вниз. Север — это путь вверх (уттарат), а юг — вниз (адхарат¹), поэтому прибежище и царство Ямы лежит не только на юге, но и под уровнем Индии, то есть в нижней полусфере, или, по определению Монье Уильямса, в нижнем мире². Вся индусская литература полна аналогичных указаний. Точное время для завершения странствия души покойного равно четырем часам и сорока минутам³.

Очевидно, что на этом направлении мы тщетно будем искать рай. Давайте повернем к северу и начнем «восхождение».

Прежде всего мы достигнем Гималайских гор — Химавата, по индийской географии. Все земное про-

Zimmer. Altindisches Leben. Berlin, 1879. P. 359.

² Яма: «Один из восьми стражей мира, владыка южной области, где в некоей части нижнего мира расположено его прибежище, именуемое Яма-пура, куда, как считается, направляется душа, оставившая тело, а затем, после встречи с регистратором, Читрагуптой, составляющим список ее дел, занесенных при жизни в книгу, называемую Агра-сандани, узнает свой приговор — или подняться на небо, или в мир предков — питри, или в один из двадцати одного ада». *Williams. Sanskrit Dictionary, sub. «Yama».*

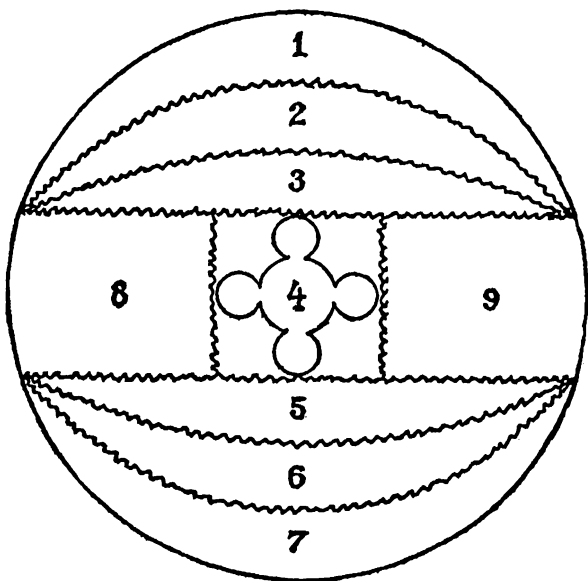
³ «Считается, что душа должна достичь места Ямы за четыре часа и сорок минут, поэтому мертвое тело нельзя кремировать до истечения этого срока». *W. J. Wilkins. Hindu Mythology, Vedic and Puranic. London, 1882. Art. «Yama».* См. также: *Muir. Sanskrit Texts. Vol. 284—327, и наши сноски в «Homer's Abode of the Dead».*

странство, лежащее между этими горами и южным океаном, составляет одну из «варша», из семи или девяти частей обитаемой (верхней) полусферы. Эта часть носит название Бхарата. Если бы наш древний индус направился к северу и перешел бы за Гималаи — что, как он считает, непосильно для смертных — он достиг бы «варши» Кимпуруша, равно обширной, но более прекрасной и более высокой, ограниченной с севера еще более высокими горами, называемыми Химакута. «Поднимаясь» далее, то есть продолжая идти к северу, после перехода за эти горы он достигнет Хариварши, еще более высокой и священной страны. Она ограничена, в свою очередь, горами Нишадха, за которыми он обнаружил бы Илавриту, самую центральную «варшу», расположенную на вершине и в центре мира. Нет достаточно ярких слов, чтобы описать ее красоту и славу. В ее центре находится Гора богов, дивная Меру (описанная в главе 1 данной части). Она возносится на полюсе, а вокруг нее вращаются все созвездия небес. Это центр обитаемого мира.

Если мы продолжим наше воображаемое путешествие, перейдя за пределы Илавриты и перебравшись через эту центральную гору, то начнем спускаться вдоль меридиана, противоположного тому, по которому мы шли по индийской стороне земного шара. Теперь, с этой новой стороны, границей центральной варши будет хребет, именуемый Нила. За ним последует варша Рамьяка, чьей отдаленной границей служит хребет Швета, за которым лежит варша Хиранмайя. Спускаясь все дальше, мы пересечем ее и, перейдя за ее пограничные горы Шрингин, попадем в Уттарактуру, седьмую из великих частей Земли, так же отдаленную от Меру, как и Бхарата, с которой мы начали наш путь. Она, конечно, лежит на экваториальном океане, и здесь нам нужно лишь пересечь его, чтобы очутиться в подземном мире.

Насчитывают и девять варш, но для этого следует разделить центральную часть полусферы, превратив Илавриту в квадрат на вершине Земли, и область, спускающуюся к восточному морю, назвать Бхадрашва, а соответствующую ей часть на западе — Кетумала.

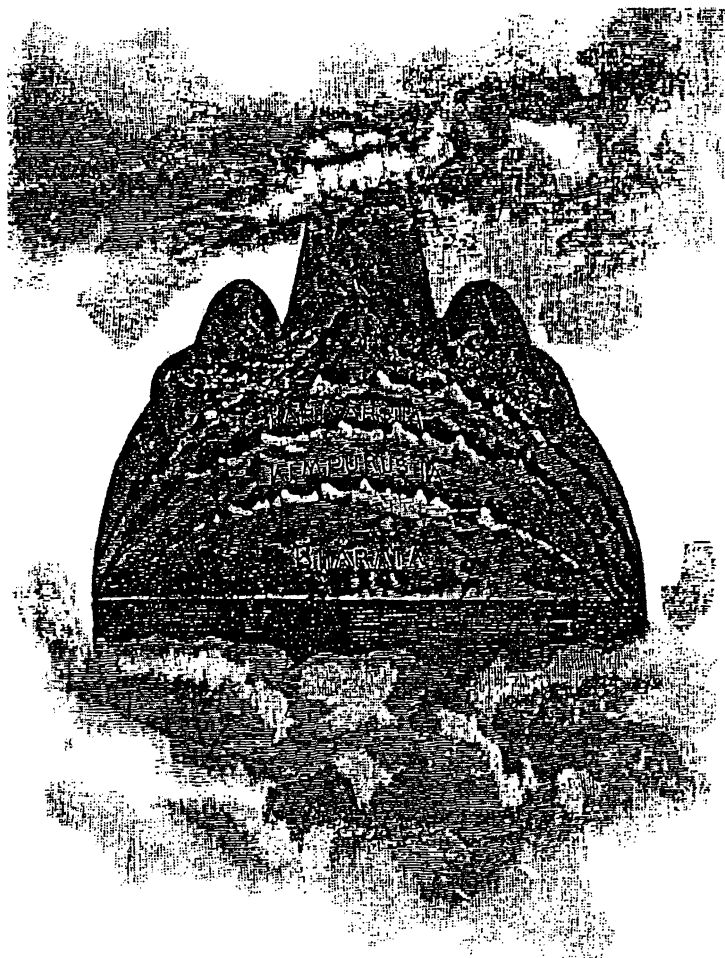
Чтобы помочь читателю разобраться в этой священной географии, мы прилагаем здесь два рисунка: на одном представлена плоская полюсоцентрическая проекция верхней земной полусферы, а на другом — Земля, вид сбоку, как она представлена в пуранах¹.

Земля индусов, вид сверху:

1 — Уттара-Куру;	5 — Хариварша;
2 — Хиранмайя;	6 — Кимпуруша;
3 — Рамьяка;	7 — Бхарата (Индия);
4 — Сумеру в Илаврите;	8 — Кетумала;
9 — Бхадрашва	

¹ См. Приложения, IV «Земля и мир у индусов».

Земля индусов. Вид сбоку на верхнюю полусферу

Ответив таким образом на наш первый вопрос и показав, в каком мире жил индус в древности, перейдем ко второму вопросу: «Как он представлял себе место расположения колыбели человечества?» Готовый ответ лежит в индусской концепции и традиции — человек произошел с горы Меру. Его Эдемом была Илаврита. Значит, она находилась на полюсе.

Как странно, что Ленорман, представлявший себе, что истинный изначальный рай индусов мог быть где-то вне полюса, все же написал, что «во всех легендах Индии местом зарождения человечества служит гора Меру, жилище богов, столб, соединяющий небо с землей... На первый взгляд, когда читаешь описание горы Меру, приводимое в пуранах, оно кажется перегруженным столь многими чисто мифологическими чертами, что начинаешь колебаться — верить ли тому, что оно основано на реальности? Для того чтобы освоить это описание, нужно представить себе, что ты находишься в центре просторной и очень высокой поверхности, окруженной горными хребтами, то есть на этом высоком огромном месте, где земная ось вздымает свой конец к высочайшей точке небес от самой вершины, а значит, от Северного полюса, откуда ниспадает небесная Ганга, источник всех рек, пребывающая там в образе идеального озера Манаса Саровара... Меру, таким образом, является в одно и то же время и одной из высочайших частей земного мира, и центром видимых небес. Оба эти понятия и смешиваются при незнании¹ реального состояния вселенной; Северный полюс — это в одно и то же время центр обитаемой земли Джамбу-двипа (дословно: «континент Древа Джамбу, Древа Жизни»). Покинув высшее горное озеро, в котором воды впервые слились воедино, Ганга семь раз обтекает гору Меру за время своего нисхождения от прибежища Семи Пророков (Большой Медведицы), а затем разливается на четыре озера на четырех

¹ Здесь Ленорман следует неверным аргументам Уилфорда: *Wilford* in: *Asiatic Researches*. Vol.VIII. P. 312, 313.

вершинах гор вокруг главной горы, подпирающих ее с четырех сторон... Вспаиваемые водой небесной Ганги, эти четыре озера изливают затем воду в четыре земных реки, вытекающие из пастей четырех символических животных. Эти четыре реки обводняют отдаленные области и потом сами сливаются в четыре моря, расположенных на востоке, западе, юге и севере от Меру... Четыре озера, четыре реки и четыре океана состоят из разных вод, соответствующих четырем кастам, которые, будучи связаны со всеми народами, известны тем, что сами произошли от четырех сторон горы Меру и населили всю землю»¹.

Аналогичная иллюстрация власти неверных представлений предстает и у Карла Риттера, выразительно заявившего, что «бесчисленные пураны, как и их разнообразные переводы, сделанные индусскими учеными-пандитами, учат нас, что Меру есть середина земли и буквально означает ее центр и ось»². И тут же он хладнокровно продолжает указывать, что эти священные высоты идентичны горам Центральной Азии. Еще хуже выглядит заявление Мэсси, который часто помещает сад Эдема на гору Меру и буквально говорит: «Полюс, или его область, — это Меру», а затем: «Меру — это сад Древа Жизни», и тут же добавляет, что животные впервые превратились в людей в экваториальной Африке.³ Более удачной выглядит непоследовательность в концепции Лайлли, который, признавая правильность космологической теории индусов, утверждающей, что Земля плоская, говорит и о «сияющем саде» как о расположенном «на Северном полюсе»⁴.

¹ The Contemporary Review, Sept., 1881, Am. ed. 39. Также и в: Les Origines de l'Histoire. T. II. Ch. I. Cp. c: Essai de Commentaire des Fragments Cosmogoniques de Bérosee. Paris, 1871. P. 300—328; Muir. Sanskrit Texts. Vol. II. P. 139. «В своих "Indische Studien" Вебер говорит, что арьи-индийцы были изгнаны потоком из своих исходных жилищ и пришли в Индию с севера, а не с запада, как считает Лассен (Lassen, I, 515)».

² «Бесчисленные пураны и их самые разнообразные изложения в учениях пандитов говорят о том, что Меру есть самая середина земли и буквально обозначает ее центр, ее ось». Erdkunde. Bd. II. P. 7.

³ The Natural Genesis. Vol. II. P. 28, 162.

⁴ Buddha and Early Buddhism. London, 1882. P. 8.

ГЛАВА 5

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ИРАНЦЕВ ИЛИ ДРЕВНИХ ПЕРСОВ

По данным о райских потоках и их течениях выявляется, где мы должны искать рай, а именно: на Крайнем Севере.

Фр. Шпигель

По священным книгам древних персов, все двадцать пять народов, населявших семь каршваров земли, произошли от одной изначальной пары, чьи имена были Машьой и Машья. Прибежище этой пары было в каршваре Кванирас, самом центральном и прекрасном из всех семи¹. Посмотрим, не можем ли мы определить его местонахождение.

Начнем с рассмотрения характера и места Моста Чинват, служащего ключом к старой иранской концепции мира. Это, подобно Бифресту северян и Ал-Сирату мусульман, мост, по которому души мертвых, как злых, так и добрых, проходят, оставляя мир, чтобы попасть в мир невидимый². Исследование и само по себе чрезвычайно интересное, так как ни один автор, писавший о мировоззрении и религии маздеизма, никогда не оказывался в состоянии определить происхождение и истин-

Бундахишн, гл. XV, 1—30.

² Профессор Роулисон говорит: «Это явный оригинал знаменитого мусульманского «пути, пролегающего над серединой ада, он острее, чем меч, и тоньше, чем волос, и по нему все должны пройти». *Ancient Monarchies. Vol. II. P. 339n. Ср.: Sale's Koran, Prelim. Discourse, Sect. IV.* Профессор Тайль полагает, что «это было заимствовано из древней арийской мифологии» и что «это изначальное означало радугу». *History of Religion. London & Boston, 1877. P. 177.*

ное значение этого мифа. Большинство толкователей или осторожно воздерживались от попыток объяснения, или предполагали, что он, видимо, связан с радугой, или с Млечным Путем, или с тем и другим¹.

Чтобы разобраться в этих предположениях, зададим ряд вопросов:

1. Можно ли найти в любой части литературы «Авесты» свидетельство того, что Мост Чинват был криволинейным?

Нет, ни в одной.

2. Находились ли оба конца этого моста — будь он прямым или искривленным — на одном уровне?

Нет, потому что движение по нему, идущее в одном направлении, описывается как устремленное вверх, а идущее в другом — как вниз.

3. Где был его верхний конец?

В небесах Ахуры Мазды, Верховного Бога, куда по мосту направляются добрые души.

4. А где его прибежище?

На северном полюсе неба, как указывается где-то еще.

5. Где конец, связанный с Землей?

Он опирается на пик Дайтик.

6. Этот пик в Персии?

Нет, это часть священной горы в Айрьяна Вазджо, в Эдеме иранской традиции.

7. А где Айрьяна Вазджо?

В центре мира.

8. В каком каршваре?

¹ «Мост Душ не может быть всегда Млечным Путем... Если предположить, что этот миф был связан с Млечным Путем, а затем стал относиться к радуге, то прежнее название должно было бы быть унаследовано новым его объектом». *C. F. Keary. Primitive Belief. London, 1882. P. 292. Comp. P. 286—294, 347. А также: Justi. Handbuch der Zendsprache. Leipsic, 1864. P. 111.*

В Кванирасе, центральном из семи областей Земли, в том, где впервые были созданы люди и истинная религия.

9. *А в каком направлении от Персии предполагалось месторасположение Айрьяна Вазджо?*

Далеко к северу.

10. *Какой естественный центр Земли находится в этом направлении?*

Северный полюс.

11. *Какие существуют другие свидетельства того, что пик Дайтик находится на Северном полюсе?*

Тот факт, что гора, чьим пиком она является, этот «пик справедливости», — это гора Хара-Березайте, вокруг которой кружат небесные тела и которая, как все считают, соответствует индусской северно-полярной горе Су-Меру¹.

12. *Тогда Мост Чинват идет от северного полюса небес к Северному полюсу Земли: таков ли он? Какова его форма?*

Он «лучеобразный». Цитируя священные книги, скажем: «Этот мост подобен лучу со многими сторонами, ребра некоторых из них широки, а у других тонкие и острые; широкие стороны равны 27 стеблям камыша, а узкие так сжаты, что подобны острию бритвы. И когда приходят праведники или грешники, то эти грани поворачиваются к каждому соответствующей ему стороной»².

¹ «Подобно Меру индийцев, Хара-Березайте — это полюс и центр мира, подвижная точка, вокруг которой ходят солнце и планеты». *Benormant. Ararat and Eden. Contemporary Review. September, 1881. Am. ed. P. 41.*

² *Dâdistân-i-Dînîk, ch. XXI, 2—9. West. Pahlavi Texts, II. P. 47—49.*

Любопытное совпадение заключается в том, что в полинезийской мифологии Буатаранга — «страж пути к невидимому миру» — является супругой Ру, «поддерживающего небо». (*Gill. Myths and Songs of the South Pacific. London, 1876. P. 51*). Итак, если настоящее место Веймдалира было бы на вершине радуги, то его титул «сын девяти ватерей» (*Vigfusson and Powell. Corpus Poeticum Boreale. London, 1883. Vol. II. P. 465*) не имел бы столь явного значения, какое дает наш интерпретатор.

Тогда Мост Чинват — это просто ось северных небес, Столб Атланта, талмудическая «Сила горы Сион», колонна, на которую, по китайской легенде, тщетно пытался взобраться император! Разрешив эту давнюю проблему, мы подобрали ключ к тайне, которую до сих пор связывали с Бифрестом и Ал-Сиратом¹.

Но, локализуя наш мост, мы нашли место персидского Эдема, и это, безусловно, Северный полюс. Более того, мы разъяснили тот факт, что мифическая, или священная, география этого древнего народа утверждает, что мир живых находился изначально на северной циркумполярной полусфере, и устройство каршваров становится теперь совершенно ясным². Подобно небесно-прекрасной Илаврите индусов, «сияющий Кванирас» занимает центральное место. В его центре, как и в центре Илавриты, находится высочайшая гора мира, а прямо над ней — истинное небо. В центральной полярной стране нет ни севера и юга, ни востока и запада, но, принимая их географическую точку зрения, к востоку от священного каршвара Кванираса (Айрьяна Ваэджо) располагается Савахи, к западу — Арзахи, к югу —

¹ По одному из этимологических толкований, «Чинват» значит «Мост Судьи» (*Haug. Essays*, 2 ed. P. 165n.). В среде древних ассирийских и некоторых других народов, Полярную звезду называли Небесным Судьей, поэтому не исключено, что мы видим здесь и происхождение имени, и идентификацию положения мифического «лучеобразного» моста. Интересно отметить, что Хеймдалир, норвежский бог, стоящий на вершине Бифреста, тоже, согласно этимологии, является «Судьей мира», или «Разделителем мира». *Menzel. Unsterblichkeitslehre*, I, 134. У Платона («Государство», 614) судья стоит у основания колонны. О гротескных пережитках Моста Душ в фольклоре см.: *Tylor. Primitive Culture*, Index.

² Диаграмма, составленная Виндишманном (*Zoroastrische Studien*. P. 67), не совпадает с Бундахишном (гл. V, 9). Таковы же и результаты каждой попытки разместить каршвары на плоской Земле.

Фрададафшу и Видадафшу, к северу — Ворубарэшти и Вуруджарушти¹.

Это создает картину северной полусферы, которая в плане полюсоцентрической композиции указывает на то, что центром севера является Хара-Березайте.

Очень соблазнительной задачей могла бы стать новая интерпретация всей литературы «Авесты» и ее мифологии в свете новой открытой географии и космологии, но это требует написания отдельной книги. Все же стоит отметить, что «Вендидад» называет

Земля персов

¹ Дармштетер транслитерирует названия следующим образом: Земля делится на семь каршваров, отделенных один от другого морями и горами, непроходимыми для человека: Арзахи и Савахи — западный и восточный, Фрададхафшу и Видадхафшу — южные, Воурубарэшти и Воуругаршти — северные, Хваниратха (Кванирас) — центральный каршвар. Он единственный обитаем для человека (Бундахишн, XI, 3). Darmesteter. The Zend-Avesta. Vol. II. P. 123n.

Землю круглой и, очевидно, признает наличие двух ее взаимно отдаленных полюсов¹. Как мы видели, Мост Чинват является мировой осью — эта идея обнаруживается и в самой «Авесте» (Фаргард, XIX, 30). Это древнейшая идея моста, который проводит праведные души кверху «в полете» к северному полярному небу Ахура Мазды, а злые души низвергает «головой вперед» в южно-полярный ад². Иранцы воспринимали название Айрьяна Ваэджо как «Древний Иран» — традиционное место зарождения своего народа³.

Но попытки найти его «на берегах Араса» или «в отдаленных землях восходящего солнца»⁴ полностью бесполезны. Равно ошибочно выражение, которое определяет место как «изначально» мифический край, где Ахура Мазда собрал «души праведников», расставшихся с телом⁵. Это же следует сказать и об утверждении, что «истинное место Айрьяна Ваэджо, в самом древнем и изначальноном понимании, — это место к востоку от Каспийского моря и от озера

¹ The Avesta (*Darmesteter*), I. P. 205; II. P. 143, 144. Ср. с версией Farvardin Yasht, I, 3: «оба конца небес». *Studien*. P. 313.

² Очевидно, по проходу, проделанному сквозь толщу земли Ахарманом (Ангра Майнью). См.: Zâd Sparam, ch. II, 3—5. *West. Pahlavi Texts*. Vol. I. P. 161. Also Bundahish, III, 13. *Rhode*. Die heilige Sage des Zendvolks. P. 235. Перевод Виндишманном «Бундахишна», гл. XXXI (по Дармштетеру, XXX), кажется, подтверждает именно такую идею: «Ариман (Ахраман) и змей были сражены силой хвалебного гимна и стали беспомощны и слабы. С того Моста Небес, по которому он приближался бегом, он был ниспровергнут и устремился обратно во мрак... И сказано также: «Эта земля будет чиста и ровна и не будет ни подъемов, ни спусков нигде, кроме горы Чакат-Чинвар». *Zoroastrische Studien*. P. 117. Ср.: «chasms», «расселины» у Платона с путями, ведущими к аду и небесам. «Государство», 614.

³ F. C. Cook. *Origins of Religion and Language*. London, 1884. P. 187.

⁴ *Darmesteter*. The Avesta, I. P. 3.

⁵ *Ibid*, I. P. 15.

Арал»¹ В каждом конкретном его описании оно указывается как идентичное пику Дайтик, или Хара-Березайте, или полярной «реке», полярному «дереву», полярному «центру» верхней полусферы. А это просто арктический Эдем человечества, вспоминаемый таким, каким он был, прежде чем в него вошел Царь Зла, и его «волшебной силой была создана зима и худшие из бед»². В этом случае мы не должны удивляться, что в докладе «Место зарождения арьев», прочитанном в январе 1884 года. перед Королевским обществом литературы, Ч. Дж. Стоун выразил сильное сомнение в той общепринятой доктрине, что колыбель арьев была в верховьях реки Окс³. И наконец, колыбель арьев найдут в Айране Древнейшем — и это будет арктическая область как место зарождения человека.

Lenormant. The Contemporary Review, Sept., 1881 (Am. ed). P. 41. Петремент (*Pietrement. Les Aryas*) локализует его непосредственно к востоку от озера Балхаш, на широте 45—47° Гриль, пораженный таким количеством идентификаций, объявил, что это чисто мифическое место, и отказался принимать какую бы то ни было его историческую или географическую реальность. *Erzvater, I, 218, 219.*

² Фаргард, 1, 3. Отрывок продолжается так: «Теперь там зима длится десять месяцев, а лето два месяца, и оба они холодны для воды, холодны для земли, и холодны для деревьев». Это напоминание о наступлении ледникового периода на полюсе появляется и в легенде о потопе у американских аборигенов, в частности у ленни-ленапов, или индейцев-делаваров. *Rafinesque. The American Nations, Phila., 1836. Song III.*

³ См. также: *Dr. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Alterthums. Jena, 1883.* Автор раньше соглашался с теорией происхождения арьев из Средней Азии, но затем отказался от этого. Еще более определенны и уверенны воззрения Карла Пэнка, который твердо локализует исходный дом арьев в Скандинавии. См. его *Origines Ariacae. Linguistisch-ethnologische Untersuchungen zur ältesten Geschichte der Arischen Völker und Sprachen. Vienna, 1883.* Джон Джибб соглашается с этим же направлением, «*The Original Home of the Aryans*», in: *The British Quart. Review, Oct., 1884.*

ГЛАВА 6

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ АККАДЦЕВ, АССИРИЙЦЕВ И ВАВИЛОНЯН

Мы видим здесь, вплоть до мельчайших подробностей, точное воспроизведение арийской концепции горы Меру, или Алборджа, со всем, к ней относящимся. Здесь прибежище небесной иерархии, находящееся на вершине горы Харсак, или священной горы, которая пронзает небо точно на месте Полярной звезды.

О. Д. Миллер

Мы уже видели, что доисторические обитатели бассейна Тигра и Евфрата, которых одни называют аккадцами, другие — шумерами, третьи — аккадо-шумерами, знали, как и все другие азиатские народы, свою Мировую гору, на вершине которой был небесный рай и вокруг которой вращались Солнце, Луна и звезды. В нашу задачу теперь входит локализовать эту гору еще более точно и обсудить ее роль в нашей гипотезе, касающейся местонахождения Эдема.

В настоящее время не возникает вопроса, что Земля — это сфера, как считали эти древние народы. С их идеями никто не знаком ближе, чем Франсуа Ленорман, археолог, который сказал: «Халдеи, как говорил Диодор Сицилийский (кн. II, 31), имеют собственное мнение о форме Земли; они представляют ее себе в форме перевернутой лодки, пустой изнутри». Такое мнение дожило до последних халдейских греческих школ; их астрономы верили в это и пытались, судя по Диодору, поддержать его научными аргументами. Оно отличается очень древним происхождением, это остатки идей аккадского периода... Представим себе

перевернутую лодку, причем не такую, к какой мы привыкли, а круглую, подобную той, какой и сейчас пользуются, называя ее «куфа», на берегах нижнего Тигра и Евфрата и какая во множестве представлена на исторических скульптурах ассирийских дворцов; бока этой круглой лодки выгнуты наружу в точках ее наибольшей ширины, так что по форме она подобна пустой сфере, лишенной двух третей своей высоты (?) и имеющей круглое отверстие в точке раздела. Такова была форма Земли по представлениям авторов аккадской магической формулы и халдейских астрологов. Мы должны бы выразить ту же идею в наше время, сравнив ее с апельсином, с которого срезана верхушка и сам апельсин опрокинут и опирается на срезанную часть. Верхняя и выпуклая поверхности образуют саму землю, обитаемую землю (*ki*), или поверхность, состоящую из суши и воды (*ki-a*), которой также дано объединяющее название *kalama*, или «страны»¹.

Известно, что в мелких подробностях Диодору не всегда можно верить. Он не был критичным обозревателем. В то же время в том виде, в котором он донес до нас одно из древних халдейских уподоблений² и с помощью которого разъяснял истинный вид Земли, нельзя не думать, что Земля снизу пуста, — заключение, подсказанное пустой лодкой. Этот вывод грека надо оставить на его ответственности. Правда, Ленорман в работе, из которой выше приведена цитата, старается приписать аккадской космологии идею полой сферы, сказав: «Внутренняя пустота, открытая снизу, была земной бездной (*ge*), где мертвые находили свое прибежище (*kur-nu-de*, *ki-gal*, *aralli*). Центральным местом был низ, или, как его называли,

¹ Chaldaean Magic. P. 150.

² Такой образ использовался и египтянами, и другими древними народами. См.: Wilford, in: Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 274, а также статьи и работы по «The Ark» и «Arkite Symbols» (по символике Ковчега).

«корень» — *иги*, основа всего мироустройства; это мрачное место обозначало ночные странствия солнца¹. Но при рассмотрении этого становится ясно, что данная попытка вовлекла автора в несостоятельные суждения, и их по меньшей мере три. Во-первых, если солнце ночью бывает под землей, даже в ее внутренней части, то его орбита не может проходить вокруг Мировой горы, что находится к северо-востоку от Вавилона, как об этом пишет автор. Во-вторых, если *agalli* — прибежище мертвых — находится внутри пустотелой Земли, оно не может быть к северу от Вавилона, как это предстает в тексте. В-третьих, если внутреннее пространство Земли заполнено пустотой, то как может ее центральная часть называться «корнем (*иги*) и служить основанием всей структуры мира»? Вряд ли можно предположить, что основанием мира может служить пустота. Для тех, кто далек от специализации по этим вопросам, такое *иги* может, скорее всего, означать антарктическую гору *Tar-en-to*, в представлениях древних египтян, или *Ку-Меру* Древней Индии.

Но пришло время вернуться к аккадцам или аккадошумерам и их Горе богов. Снова цитируем Ленормана: «Над землей распростерлось небо (*ана*), усыпанное звездами (*mul*) и вращающееся вокруг Восточной горы (*Kharsak Kurga*), колонны, которая соединяет небеса и землю и служит осью небесного свода. Наивысшей точкой неба, зенитом (*nuzku*)², не были ни эта ось, ни полюс, — наоборот, он находился непосредственно над страной Аккад, которая считалась цент-

Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 150. Стоит отметить, что выражение «корень мира», или «земной корень», применялось и в японской мифологии для определения подземной области мрака. См.: «Shintoism», by Griffis in: *McClintock and Strong. Cyclopaedia*. Vol. IX. P. 688.

² *Paku*, во французском издании.

ром обитаемых земель, а гора, которая была точкой опоры звездного неба, находилась к северо-востоку от этой страны. За горой и тоже к северо-востоку лежала земля *agalli*, чрезвычайно богатая золотом, и в ней обитали боги и святые духи»¹.

Здесь мы видим Восточную гору, которая находится не на востоке, а на северо-востоке. В другом месте текста автор полностью признает идентичность этой горы с горой *Har-Moed* (Книга пророка Исаии, 14:14) и затрудняется в определении ее места где-либо, кроме Северного полюса². Он не приводит свидетельства из клинописных текстов для ее локализации, кроме северо-востока, и фиксация этого направления выглядит у него как компромисс с самим собой. «Мы должны заключить» — это его формулировка. Единственная причина его раздумий о другой локализации (помимо северной) — это клинописное выражение, которое, как кажется, стремится сделать гору Харсак Курра (*Kharsak Kurra*) в то же время и «горой солнечного восхода»³.

А это, безусловно, вместо того чтобы стать причиной поисков среди гор к востоку от Ассирии и Вави-

¹ *Chaldaean Magic*. P. 150.

² *Fragments de Bérose*. P. 392, 393.

³ Ценно его более позднее указание о горе: «Эта Мировая гора является местом, где обитают боги... Она расположена на севере, как говорит нам *Yescha'yâhoû*; об этом говорят и клинописные документы, или аккадское выражение *garsag babbara*, эквивалентное ассирийскому *šad cit šamši*, то есть гора подъема, что подобно синониму аккадского определения *garsag kurkurra*, эквивалентного ассирийскому *šad matâti*. Отсюда мы должны сделать вывод, что это к северо-востоку от бассейна Тигра и Евфрата, именно там ее помещают. Она находится на востоке, ее аккадское название *mer kurra*, как и ассирийское *šadû*, обозначает «самую вершину горы», и смысл этого терминясняется аккадским вариантом *mer'garsag*, где это слово бесспорно имеет смысл «гора», и подменяется его синонимом *kur*, чье значение могло быть сомнительным». *Les Origines de l'Histoire*. Vol. II, I. P. 126.

лона, должно быть правильно принято как точное указание на поиск в стороне севера¹.

Еще одно утверждение в этом источнике требует пояснений. Автор как будто ожидал, что читатели обязательно локализуют гору, описанную как «колонна, которая соединяет небо и землю и служит осью небесного свода», под небесным полюсом; и, полагая, что с такой локализацией не согласуются клинописные тексты, которые помещают небесный полюс непосредственно над Аккадом (или Аккадией), «центром обитаемых земель», он вводит замечание о том, что «высочайшая точка в небесах» была «не осью или полюсом; напротив, она располагалась непосредственно над страной Аккадией, которая рассматривалась как центр обитаемых земель, в то время как гора, служившая «стержнем» звездных небес, находилась к северо-востоку от этой страны».

Естественно, трудно не согласиться со столь выдающимся авторитетом, но поскольку Иоахим Менар в работе столь же недавней, как та, которую мы цитировали, соглашаясь с Ленорманом, что Аккад — это традиционный «центр земли», все же расходится с ним в том, что помещает именно в эту центральную страну «гору, на которую опирается небо с неподвижными звездами»². Вследствие изложенного мы не можем избежать вывода, что у Ленормана разница между зенитом Аккада и небесным полюсом основана на неверном толковании и может привести только к путанице. Разрешение затруднений будет найдено в тот момент, когда мифологический Аккад будет признан циркумполярной родиной, в память о которой получил свое

¹ См.: *Menzel*. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Bd. I, chapt. «Der Sonnengarten am Nordpol». P. 87—93.

² «Страну Аккад рассматривают, по наиболее древним традициям, как центр Земли; именно там поднимается гора, на которую опирается небо со звездами». *Babylone et la Chaldee*. Paris, 1875. P. 46.

название Аккад Тигро-Евфратской равнины¹. Это предположение существенно подкрепляют три важных факта: 1) оба имени, Аккад и Шумер, не ассирио-вавилонские, а заимствованные из более древнего доисторического языка²; 2) этимологический смысл и нарицательный характер названия «Аккад» явно сближают его с далекой страной на северно-полярной вершине земли³.

И наконец, третье из указанных обстоятельств: недавно найденные таблицы вынуждают ассириологов признать существование двух Аккадов — один на Тигро-Евфратской равнине и другой — гораздо дальше к северу; но пока еще ни один из этих ученых не заглядывал так далеко, как к полюсу⁴.

Если понадобятся дальнейшие доказательства того, что Харсак Курра ранних обитателей Месопотамии

¹ Сравните это с первоначальным названием Вавилона *Tin-tir-ki*, Место Древа Жизни». *Lenormant. Beginnings of History*. P. 85.

² «Установлено, что названия Аккад и Шумер не принадлежат к ассирио-халдейскому языку. Они относятся к предшествующему языку, и мы знаем из разъяснений самих ассирийцев, что «Аккад» — это слово, означающее гору». *Ménant. Babylone et la Chaldée*. Paris, 1875. 47.

³ «Аккад — это, кроме того, некая возвышенная земля, а не изменность, расположенная у моря; это слово также объясняется осредством слова *tilla*, высота». *C. P. Tiele. Is Sumer en Akkad hetzelfde als Makan en Melucha?* Amsterdam, 1883. P. 6. (Являются ли Шумер Аккад тем же, что Makan и Мелуха?). Ср. предыдущую сноску: Аккад — это «гора». А также см.: *Smith. The Phonetic Values of the Cuneiform Characters*. London, 1871. P. 17.

⁴ См.: *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*. London, Nov., Dec., 1881. «Пинчес, сообщая о Парижской таблице (текст записан клинописью, но предполагают, что он происходит из Каппадокии), замечает: "При этом задевается вопрос об исходной родине аккадцев... Как кажется, страна к северу от Ассирии тоже называлась Аккад, так же как и северная часть Вавилона; соседняя Каппадокия может быть рассматриваема как родина аккадского народа, это вполне возможное объяснение, и т. д."». *Brown. Myth of Kirké*. London, 1883. P. 87. Финци в своей «*Carta del Mondo conosciuto dagli Assiriacciata secondo le iscrizioni cuneiformi*» не пытается локализовать ни Аккад, ни Харсак Курра.

идентична северно-полярной Горе жизни Египта и окружающих азиатских народов, они могут быть найдены при исследовании их концепций по вопросу области для душ мертвых, как и их представлений о Горе повелителей мертвых, являвшейся антиподом Горы богов. Аккадцы, как и большинство древних людей, считали, что прибежище мертвых расположено на юге. Их подземный мир был просто южной, или нижней, полусферой Земли, и они не могли поместить его в каком-либо другом направлении. Давая названия странам света, аккадцы называли поэтому и сам юг «погребальным местом»¹. В этой части была расположена Гора повелителей мертвых. Она была под землей, или южной полярной проекцией Земли.

Это соответствует южно-полярной Горе демонов у индусов и египтян. Даже Ленорман, который ошибочно поместил Гору богов на востоке, логически пришел к другой ошибке — к локализации Горы повелителей мертвых на западе, все же неосознанно подтверждает ее истинное положение, заявляя, что она находится «в нижних частях земли»². И в другом месте он говорит, что в аккадском языке слова «нисходить» и «направляться на юг» — синонимы³.

Но мы вместе с профессором Фридрихом Деличем помещаем аккадскую гору Харсак Курра на севере⁴. Все становится ясным и вполне согласованным, когда изначальный Аккад окажется эквивалентом индусской Илавриты и иранского Кванираса. Тогда первичный Аккад является «центром всех земель» в том смысле, в каком Илаврита и Кванирас являются таковыми в соответствующих мифологических системах. А поскольку в обеих

¹ Chaldaean Magic, Eng. ed. P. 168, 169. Compare *F. Finzi. Ricerche per lo Studio dell'Antichita Assira. Turin, 1872. P. 109, note 18.*

² Origines. T. II, I. P. 134.

³ The Beginnings of History. P. 313.

⁴ Wo lag das Paradies? P. 121.

этих системах Гора богов стоит в центре этой центральной области, то и Харсак Курра, и Су-Меру, и Хара-Березайте, и Кунылунь — все они находятся точно под Полярной звездой, и именно это верно относительно Харсак Курра. Поскольку же великолепие прибежища богов всегда превышает всего прочего, то и вершина Харсака прекрасней всех описаний. Подобно тому как солнце, луна и звезды кружатся вокруг индусской, иранской и китайской гор, так и Харсак есть точка, «на которую опирается небо со всеми звездами». Более того, с его вершины стекает эта река Эдема, которая, как Ганга и Ардви Сура, обводняет всю землю¹.

При таких условиях наш искренний читатель будет уже, наверное, подготовлен к восприятию тех слов О. Д. Миллера, которые мы вынесли в эпиграф к этой главе, и скажет вместе с Джералдом Мэсси, но лишь с более четким пониманием: «Колыбелью аккадского народа была Мировая гора, та Гора сонма богов на устоях севера... Первой мифологической горой была Гора Семи Звезд, Семи Ступеней, Семи Шагов, Семи Пещер, которые являлись небесным Севером как местом зарождения изначального движения и изначального времени. Эта начальная точка в высоких небесах явилась оригиналом для многих копий внизу на земле... Аккадцы ведут отсчет от Урдху, области северной Мировой горы»².

Об этих небесных источниках Ленорман говорит так: «...и небесный фонтан Ghetim-kouu-koû горы в стране халдеев. И он, именуемый по-аккадски «источником, который омывает святую гору», называется «дочерью океана», и к нему обращаются как к богине, имеющей жизненное воплощение, подобное иранской Ардви Сура Анахите. Наличие у халдеев веры в источник мифической воды, из которого происходят все земные реки, поддерживается, как кажется, упоминанием о реке (название которой, к несчастью, было на утраченной части таблицы, содержавшей это описание), которую определяют как «мать рек». Origines. T. II, I. P. 133. Ср.: Siouffi. La Religion des Soubbhas ou Sabeens. Paris, 1880. P. 7n., где Евфрат предстает как поднимающийся по небесному раю под тронном Аватха, а этот трон находится под Полярной звездой.

² A Book of Beginnings. London, 1881. Vol. II. P. 520.

ГЛАВА 7

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

Судя по хамитской легенде, пересказанной Диодором, Осирис и Исида жили в Нисе, или раю. Здесь был сад, где пребывали бессмертные. Здесь они жили счастливо до тех пор, пока Осириса не охватило желание испытать воды бессмертия. Тогда он ушел на ее поиски и упал... Но более ранней парой, чем Осирис и Исида, были Севех и Таурт, которые как два созвездия из семи звезд кружились вокруг Древа, или Полюса, и были первичной парой в раю.

The Natural Genesis

Мифическая география древних египтян столь мало нам известна, что она вряд ли прольет свет на вопрос о месте Эдема. Малопонятна даже их космология, а их научные достижения непростительно недооцениваются многими. Такой видный ученый, как Вилльер Стюарт, недавно написал: «Египтяне не достигли той передовой точки зрения в науке, чтобы решить проблему — как это солнце в своем ежедневном движении уходит за западный горизонт, а, возвращаясь, восходит на противоположной стороне неба»¹. Тем не менее, поскольку мы решили проверить нашу гипотезу как можно шире, используя все наиболее древние традиции и мифы, как приемлемые для нас, так и неприемлемые, мы должны исследовать, может ли что-ни-

¹ Nile Gleanings. London, 1879. P. 262. Это столь же плохо, как и заявление Лауэра: «И я верю, что и Гомер никогда не задумывался о том, как это солнце попадает с запада опять на восток». Nachlass. Berlin, 1851. Vol. I. P. 317.

будь быть установлено относительно идей древних египтян о форме Земли и сцен из первой истории человека.

Ведущие черты египетской космологии, как это здесь поясняется, находятся в соответствии с космологическими идеями других древних народов, как описано в главе 1 этой части. Они могут быть сведены к шести тезисам:

1. По древнеегипетской мысли, Земля представлялась в виде сферы, ее ось как перпендикуляр с Северным полюсом на вершине.

2. В древнейшие времена Аменти (мир мертвых) не считался ни пустотой внутри Земли, ни западной областью Земли в общем плане Египта, а был просто нижней, или южной, полусферой Земли, представляемой, как описано выше.

3. Столб Тат был символом оси мира (неба и земли), прямо поднимавшейся в пространство.

4. Каковы бы ни были более поздние высказывания, но понятие Та нутер («Земля богов») изначально обозначало северную, или наивысшую, точку земного шара, где, как говорили, небо встречалось с землей.

5. Чер-нутер был внутренней небесной полусферой над Аменти.

6. Хес и Небтха (Исида и Нефтида — жена Сета) были богинями Северного и Южного полюсов, или северного и южного небес¹.

Приняв теперь, вместе с такими авторами, как Чабас, Либлейн, Лефевр и Эберс, тот факт, что древние египтяне, как и другие азиатские народы, считали Землю сферой, спросим — что они думали о ее северной окончечности?

¹ В кратком сообщении, опубликованном в «The Independent» (New York, Feb. 8, 1883), египтологам предлагается критически отнестись к этим пунктам. С этого времени появилось много новых свидетельств, подтверждающих их правильность. См., например, новую работу: *Brugsch. Thesaurus Inscriptionum*. P. 176, 177 et passim.

В главе 1 этой части уже были приведены некоторые указания. Но сейчас наше исследование требует более полного ответа. Обратившись к большой работе Бругша «Географические надписи на древнеегипетских памятниках» (*Brugsch. Geographical Inscriptions of the Old-Egyption Monuments*), мы найдем, что египтяне считали далеким рубежом севера «четыре колонны, поддерживающие небо»¹. Тот факт, что эти четыре подпорки неба расположены не по четырем противоположным направлениям, а все находятся на самом дальнем севере, очень знаменателен. Он показывает, что, хотя народ и может говорить о небе как об опирающемся на четыре столба, из этого нельзя сделать вывод, что он считает Землю плоской, а небо тоже принимает за плоскую крышу этажом выше². Сам Бругш, хотя и писал о предположении, что египтяне считали Землю плоской, избегает этой ошибки. Его вывод, исходящий из спора с ученым, имевшим явно неверную теорию, наиболее интересен и ценен. Он сказал: «Поскольку эти четыре подпорки неба, обозначающие крайний предел севера, нигде больше не появляются в качестве названия народа, реки или земли, мне кажется наиболее вероятным, что мы встречаемся здесь с определением высокой горы, которая, возможно, и характеризовалась тем, что имела четыре вершины или состояла из четырех хребтов, отчего и обрела такое название. Как все народы древности — по крайней мере те, чья литература дошла до нас, — египтяне воспринимали Землю как поднимающуюся к северу, вследствие чего ее самый северный пункт соединялся с небом и поддерживал его»³.

¹ «Взгляд на границы света стар и свойствен многим народам... Крайней границей с юга египтяне считали море (Sar) и гору Ap-en-to, или Tar-en-to, дословно «Пог мира», а с севера — «четыре подпорки неба». *Geographische Inschriften*. Bd. II. P. 35. Ср.: *Taylor. Pausanias*. Vol. III, 255, bot.

² *Maspéro. Les Contes Populaires de l'Egypte Ancienne*. Paris, 1882. P. LXI—LXIII.

³ *Geographische Inschriften*, Bd. II. P. 37.

В буддийской концепции Меру, как указывалось в главе 1 этой части, мы видим именно четырехвершинную поддерживающую небо гору. Бругш описывает ее так: «Каждый из четырех углов вершины горы завершается пиком высотой в семьсот йоджан». Нет ничего невероятного в том, что в образе карликов, поддерживающих свод современного буддийского храма, отражены как дальний пережиток древнеегипетские «четыре опоры неба». Крыши буддийских храмов символизируют циркулярные небеса¹, и недавно один ученый, затронув тему мифологического их смысла, написал: «Эта опора, проходя сквозь землю и сквозь небо на полюсе, определяется, как мы знаем, по созвездию альфа Дракона, подобной «гвоздю» прежних астрономов, той точке, вокруг которой кружит вся природа. Эта мысль о подпорке между небом и небесным полюсом была сведена к образу центральной колонны высокой конической горы, горы Меру, охраняемой со всех четырех сторон могучими правителями. И эти четыре карлика, поддерживающие некоторые колонны старых буддийских храмов, являются, совершенно очевидно, этими четырьмя правителями... Когда подпорный столб пронзал высокие небеса — это был шпиль, называемый тее, а в Непале, по общему признанию, он во всех храмах считается символом Адхи Будды, высочайшего, в его небесном саду, в роще Нандана»².

Но, возвращаясь от этого любопытного вопроса к нашей теме, мы напомним себе, что обнаружили причину верить в то, что древние египтяне воспринимали Землю как сферу, имеющую на крайнем севере гору, поддерживающую небо. А на крайнем юге была другая гора, «Рог мира», представлявшаяся неправдоподобно высокой (восемь стадий)³. Это полностью соответствует образу Земли в пуранах с ее горами Су-Меру и Ку-Меру, что нас неудержимо подтал-

¹ Koeppen. Die Religion des Buddhas, II, 262.

² Lillie. Buddha and Early Buddhism. P. 50.

³ См. выше первую цитату из Бругша.

кивает к вопросу — прослеживается ли этот параллелизм и дальше?

Возьмем вопрос о прибежище мертвых. Все соглашались, что у индусов это место расположено на юге. Так же думали и древние египтяне. Недавно обнаруженная эпитафия, посвященная царице Исиде-эм-Кхеб, теще Шишака, царя Ассирии (около 1000 года до н. э.), гласит: «Она прекрасная, сидит на своем месте, на троне, между богами юга, и она украшена цветами. Она, исполненная красоты, сидит на руках у своего отца Кхонсу, исполнителя ее желаний. Он — в Аменти, в месте отлетевших душ»¹.

Опять же по индусской мифологии, прибежище мертвых, расположенное в южной, или нижней, полусфере Земли, рассматривается как опрокинутое. С точки зрения богов и людей, оно стоит дном кверху, а его обитатели двигаются вверх ногами². Это же вполне относится и к египетскому подземному миру Аменти и его обитателям³.

И снова, в индусском мировосприятии, все смертельные влияния проистекают с юга, тогда как все благоприятные и жизнеутверждающие — с севера. Английский издатель «Халдейской магии» Ленормана⁴ говорит: «Любопытно, что в Египте все хорошее, оздоравливающее и жизненное происходило с запада, с места солнечного захода, а все дурное — с востока, из области его восхода». Это утверждение «забавно» не-

¹ *Villiers Stuart. The Funeral Tent of an Egyptian Queen. London, 1882. P. 34.* См. также: «Homer's Abode of the Dead». Приложение, ч. VI.

² «Боги в небе видимы жителям ада как бы с перевернутыми головами». *Garrett. Classical Dictionary of India: Art. «Naraka».*

³ См.: *Brugsch. Hieroglyphisches Demotisches Wörterbuch, S. 1331, sub v. «Set», «Set-Mati».* См. гл. I данной части.

⁴ С. 51. Несомненно, есть египетские тексты, где бог солнца Ра идет «в страну жизни» при своем заходе (См.: *Brugsch. Thesaurus Inscriptionum Aegyptiacarum, 1-ste Abth., Leipsic, 1883. P. 29*), но это разъяснил Мензель в работе «*Sonnengarten am Nordpol*» (*Vorchristliche Unsterblichkeitslehre*).

правильно. Север — это священная область, и с севера происходят жизнь и благодать. Северный ветер — это дыхание бога, истекающее из ноздрей Хнума и оживляющее все создания»¹. Одним из высочайших преимуществ благословенных мертвых является право «вдыхать восхитительное веяние северного ветра»². О возможности вдыхать его поется в молитве изливаемой любви³. «Мирные поля» — на севере, и это сказано о полях Санехем-у⁴. Там истинный дом великого бога, о котором поэт с Нила пел: «Нет дома, достойного вместить его; Нет советника, достойного его сердца; Твоя юность цветет в Тебе, Твои дети; Ты правишь ими как царь; Твой закон установлен для всего мира; около Тебя — слуги на севере».

И о том же боге было сказано: «Он совершает все работы, создает все писания, все священные слова, все свои орудия на севере»⁵.

Records of the Past. Vol. IV. P. 67.

² Ibid. P. 3. Ср. с выражением: «Дай светлое дыхание северного ветра Осирису» (Book of the Dead (Birch). P. 170, 311, 312). Дж. Мэсси замечает: «По-египетски *Meḥ* означает север, область вод, это и название прохладного ветра, дующего новую жизнь». (The Natural Genesis. Vol. II. P. 168). Следующий очень интересный отрывок из апокрифической «Книги Адама», переведенной Дилманом с эфиопского, показывает, что эта древняя египетская идея дожила до очень поздних времен. «Когда Господь изгнал Адама, он не хотел даже разрешить ему поселиться на южной границе сада, потому что северный ветер, задувая туда, приносит сладкий аромат садовых деревьев до южной части; а Адам не должен был вдыхать сладостных ароматов деревьев и забывать о нарушении и утешаться по поводу того, что он натворил, приняв аромат деревьев за возможность удовлетвориться им вместо покаяния в своем проступке. Напротив, милосердный Бог разрешил Адаму поселиться к западу от сада» (Dillmann, S. 13).

³ В папирусе Boulak № 3, 4, 16 выражается пожелание покойнику: «Приятных ветров с севера в АМНÎ». Brugsch. Dictionnaire Geographique. Leipsic, 1879. P. 37.

⁴ Records of the Past. Vol. IV. P. 122.

⁵ Ibid. P. 101.

До сих пор еще не найдены тексты, которые содержали бы представления египтян относительно происхождения человека и места его рождения. Но есть все же одно доказательство, что человека считали произошедшим из «Земли богов» на севере, оно появляется в связи с мифом о правлении Ра. В египетской мифологии правление Ра было подобно изначальному правлению Кроноса; миф об этом воспринимался как напоминание о безгрешном золотом веке¹. Но в эти первичные и совершенные дни человек все еще жил в стране богов, которая, как мы уже видели, находилась на крайнем севере. И поскольку люди все еще занимали горы, касающиеся неба, то бунт, из-за которого они лишились небесной благодати, выразительно определяется как «произошедший на горах»², — а в Египте их найти нелегко.

Эти же рассуждения поддерживаются в дальнейшем в выступлениях отдельных ученых, которые, вне каких-либо теорий по поводу локализации Эдема, пришли к выводу, что иероглиф, употреблявшийся в египетских текстах в качестве детерминатива к названиям цивилизованных земель () является просто изобразительным символом изначального Эдема, разделенного четырьмя реками³.

Maspéro. Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient. P. 38.

² «Когда он, Бог, Самосуший, учреждал свое царение, тогда люди и боги жили вместе (объединенно)». *Brugsch. Die neue Weltordnung nach Vertilgung des sündigen Menschengeschlechts. Berlin, 1881. P. 20.* Naville, the Destruction of Mankind by Râ. *Records of the Past. Vol. VI. P. 103 seq.*

³ Иногда этот иероглиф сопровождается знаком, обозначающим «бог» или «божественный». Тогда Бругш поясняет это как «святая земля обитания». О других переводах см.: *Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1880. P. 25.* См. также: *Ceramic Art in Remote Ages; with Essays on the Symbols of the Circle, the Cross and Circle, the Circle and Ray Ornament, the Fylfot and the Serpent, showing their relation to the primitive forms of Solar and Nature Worship. By John B. Waring. London, 1874, Plates 33—37.*

Автор «Эдинбургского ревю», возможно мистер Уолтер Уилкинс, заметил: «Буддисты и брахманы, составляющие вместе почти половину населения мира, утверждают, что использованный рисунок креста, в прямой или измененной форме, символизирует традиционно счастливое прибежище предков — рай Эдема на востоке, каким мы его видим у евреев. Спросим — какой лучший рисунок или более значимая буква в сложном алфавите символизма могли бы быть выбраны для такой цели, кроме круга и креста? Первый для обозначения области абсолютной чистоты и непрерывного блаженства, второй — это четыре вечных потока, разделявших и обводнявших соответствующие ее части»¹.

М-р Уилкинс утверждал, что в приведенном выше египетском иероглифе мы имеем тот же символ, что и в индийской свастике. Это был первоначальный рай, о котором вспоминали, когда «египтяне изготавливали священные круглые пироги из лучших материалов — муки, меда и молока — и ежедневно кормили ими змей и быков, разных рептилий и зверей, посвященных в служение Исиде и другим божествам, а потом эти пироги, после дней праздников, съедались народом и его жрецами при проведении особых церемоний». Он продолжает: «Пирог-крест, — как дополняет сэр Гардинер Уилькинсон, — был их иероглифом, обозначавшим цивилизованную землю, более святую, чем их собственная, как это понималось в отношении всех мирских территорий; ведь это была некая отдаленная земля вечного довольства и отдыха, земля исключительного восхищения и безмятежности, где природа без вмешательства человека производит все, необходимое для его существования».

¹ «The Pre-Christian Cross», *Edinburgh Review*, Jan., 1870. P. 254. Цёклер не считает, что верно установлен изначальный характер этого символа (*The Cross of Christ*, p. 35), но изначальность и естественность символа нами более легко принимаются на веру, если Эдем идентифицировать со «срединной страной» полюса.

«Это, — говорит Доннелли, продолжая все же настаивать на мысли о среднеатлантическом острове Эдеме, — был Райский сад нашей расы... В его середине было святое и прославленное возвышение — *umbilicus orbis terrarum* (пуп Земли), к которому язычники во всех частях мира и во все века обращали тоскующий взор при каждом акте почитания и к которому они надеялись приобщиться или, вернее, возвратиться в конце этого преходящего действия»¹.

В главе 4 части V будет показано, что *umbilicus orbis terrarum* — это и есть, бесспорно, земной полюс.

Наконец, если, как представлял Платон, история потерянной Атлантиды была узнана от египтян и составляла часть жреческого учения жителей Нила, наша следующая глава предоставит дальнейшие свидетельства того, что Эдем и допотопный мир древней египетской традиции были именно там, где традиции других древних народов их помещают, то есть в области священных воспоминаний, на далеком, сказочном Севере.

Donnelly. Atlantis. P. 322.

КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

В центре моря есть Белый остров великого Зевса.
Там и гора Ида, и колыбель нашего народа.

Эней

Все, что прекрасно и редко, кажется пришед-
шим с севера.

Геродот

Когда дела относятся к такой древности, то исто-
рия ищет доказательства во мраке.

Плутарх

Писания, передающие эти предания, не являющие-
ся выдумками авторов, но тем, во что раньше ве-
рили и что обретали, подобны легкому шепоту, до-
летающему от традиций древнейших народов и
передаваемому греческими лютнями.

Бэкон

В среде греческих писателей сложились «самые раз-
ные мнения», касающиеся вопроса о происхожде-
нии человека, как говорит Преллер. Часть таких рас-
хождений он приписывает разным условиям природ-
ного окружения первых обитателей: некоторые, жив-
шие в лесистых горах, считали бы, естественно, что
человек оттуда и появился; другие, обитавшие в доли-
нах, могли, не менее естественно, думать, что их пред-
ки появились из воды. Он называет «совершенно осо-
бенным» мнение греков-азиатов, что людей изгото-
ви-

ли из дерева¹. А что, если все эти мнения окажутся просто фрагментами давней-давней веры, в соответствии с которой человек появился на горе всех гор, у источника всех вод и под деревом всех деревьев!

Как бы там ни было, но, конечно, крайне интересно отметить, что в Мерипии или Меропис греческих мифов Ренан, Ленорман и другие ученые узнали древнюю азиатскую гору Меру. Они считали, что выражение *μέροπες ἄνθρωποι* означало «люди, спрыгнувшие с Меру»². Стефаний отразил то же мнение в своем «Тезаурусе».

Ленорман во вводной главе к своей книге «Происхождение истории» высказался по этому вопросу так: «Я уже указывал, в согласии с г-ном Ренаном, что священное слово *μέροπες*, употребляемое греками для обозначения человечества, могло изначально приписываться им не из-за того, что они владеют артикуляционной речью (на что позднее претендовали в своих утверждениях этимологи и грамматисты), а из-за того, что признано их происхождение с Меру. Такое объяснение, вследствие которого надо отнести название священной горы к древнейшему периоду арийского единства, горы, которая признавалась прибежищем богов и местом зарождения человечества, подтверждается, по моему, вполне определенно наличием мифов, в которых меропов признают особым автохтонным населением, существовавшим в наидревнейшие времена. Они жили счастливо и были отмечены долголетием; ими правил царь Меропс, о котором иногда говорят, что он спас их от потопа, подобно Йиме иранцев, собрав их вокруг себя под укрытие от вод, и они избежали гибели.

Этот миф обычно связывают с островом Кос, который и носит названия Меропеис, Меропис или Меропе. Но и об острове Сифнос говорят, что он назы-

¹ Griechische Mythologie, I. P. 56, 57.

² Lenormant. Origines, II, I. P. 56.

вается Меропия по аналогичной традиции, а Страбон говорит о сказочной области Меропис, которую описал Теопомпий и которая, как кажется, находилась вблизи страны гиперборейцев. Имя Меропис дается также и царю Эфиопии, наиболее набожному и справедливому из числа всех людей. Он был мужем Климены, матери Фазтона и, соответственно, жил раньше катастрофы «всесгорания» вселенной, которая, как часто говорят, истребила первую расу людей, живших в золотом веке. Это же имя дается и царю-пророку Риндакоса в Мисии, которому было присвоено и имя-эпитет Макар, или Макареус, — «счастливый». Все это показывает, что мифы о рае, связанные с Меропе, относились лишь к острову Кос, но были известны и в других местах греческого мира и локализовались не в одном месте»¹.

Рассказ Платона о погибшей Атлантиде, об острове, который бог океана Посейдон готовил для своего сына Атласа в качестве его царства, — это впечатляющая картина допотопного мира. Зародилась ли эта повесть в Египте, как утверждал Платон², или была унаследована от эллинов как часть их легендарного богатства — этот вопрос особенно интересен для нас в данной дискуссии. Такой интерес объясняется тремя причинами:

1. Мы уже говорили раньше о том, что Атлас связан с Северным полюсом, а поэтому разумно локализовать его царство именно в этих местах.

¹ «Ararat and Eden». The Contemporary Review, Sept., 1881, Am. ed. P. 44. Ср.: Bryant. Analysis of Ancient Mythology. London, 1807. Vol. V. P. 75—92. А также Samuel Beal: «Едва ли можно сомневаться в том, что буддийское представление о космосе совместимо с греческой традицией, как она воплощена у Гомера». Buddhist Literature in China. London, 1882. P. XV.

² «Но, о Сократ, ты можешь с легкостью придумать египтян и что угодно еще». Phaedrus, 275 В.

2. Некоторые ученые неосознанно помещали Атлантиду как раз в эти полярные места путем идентификации ее жителей с «гипербореяцами»¹.

3. Аполлодор и Теопомпий выразительно называли погибшую землю Меропией, а ее жителей «меропес», то есть в соответствии с приведенными выше мнениями — «порожденные горой Меру»².

Сказочная страна продолжает обнаруживать свое сходство с Эдемом при разрешении тех затруднений, с которыми встречаются все течения науки в попытках гармонично согласовать все данные с его локализацией. Эти затруднения столь велики, что некоторые ученые помещали его в такую даль, как запад Америки, другие — далеко на восток, вплоть до Азовского моря или Персии. Даже среди тех, кто находил для него место в средней Атлантике, одни размещали его наверху, а другие внизу. И так было, пока один из ученых не сказал: «Допустимы все гипотезы»³. Его известный земляк Ж. С. Байи сто лет назад приблизился к правде, когда,

¹ *Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechtes. P. 73. Bryant. Analysis of Ancient Mythology. Vol. V. P. 157.* «Пинда явно считает, что они (гипербореяцы) — то же самое, что и жители Атлантиды».

² «Это было обычной практикой греков: скрывая свое незнание иностранного слова, они подбирали слова, близкие по звучанию, изобретали истории, согласующиеся с этим; таким путем Меру Северного полюса, предполагаемое прибежище богов — «деватас», понимаемое как место рождения всех богов, стала истоком сказки о том, что второе рождение Бахуса было из бедер Юпитера, поскольку греческое слово «мерос», сближаемое фонетически с Меру, обозначает «бедро». *J. D. Paterson. Origin of the Hindu Religion // Asiatic Researches. London, 1808. Vol. VIII. P. 51.*

³ Здесь речь идет о маркизе де Надайаке, который, будучи сам неуверенным, сказал: «Была ли Атлантида расположена к северу или ее границы достигали юга — что-либо определенное утверждать нельзя, а поэтому допустимы все гипотезы». *L'Amérique Préhistorique. Paris, 1883. P. 566. См.: Unger. Die versunkene Insel Atlantis. Vienna, 1860. Donnelly. Atlantis: the Antediluvian World. New York, 1882.* «Предположительная карта» приводится в: *Bory de Saint Vincent. L'Homme, Essai Zoölogique sur le genre humain. The Última Teoria sobre la Atlántida,*

ввиду всех трудностей иных локализаций, правильно поместил Атлантиду в Палеоарктическом океане.

Допотопный мир был, безусловно, в окрестностях Эдема. Но следует заметить, что, по традиции эллинов, Девкалион был не греком, а жителем далекой северной страны, скифом. Более того, скифы, по Юстину, считались гораздо более древним народом, чем греки, — самыми древними в мире¹. К тому же Скифия, как и полярная гора Меру или Хара-Березайте, считалась очень высокой областью, откуда стекают все земные реки². Все это явно связывает допотопного Девкалиона с первоначальной страной на арктической «вершине» земного шара.

И наконец, греческая традиция считает, что первые люди жили под благословенной властью Кроноса, отца Зевса, и наслаждались благами золотого века. Но из слов Страбона и других выясняется, что царство Кроноса было на далеком севере³. Мензель начинает главу

by D. Pedro de Novo y Colson, в приложении к работе автора *Viajes Apócrifos de Juan de Fuca*. Madrid, 1881. P. 191—223, но она не имеет самостоятельного значения, так как эта публикация основана на: *Studies of M. Gaffarel*. Обширное эссе E. F. Berlioux «*Les Atlantes: Histoire de l'Atlantis et de l'Atlas primitif*», появилось в только что созданном *Annuaire de la Faculté de Lyon*. Paris, 1884, Première Année, Fasc. I, p. 1—170.

¹ «*Scytharum gentem semper habitam fuisse antiquissimam*». — «Народ скифов всегда считался самым древним».

² «Географические указания в великой эпической поэме «Махабхарата» представляют Меру скорее как далекую и высокую область, а не как гору и указывают, что она дает воду всем рекам Земли. Эта система прекрасно совпадает с той, которую Юстин заимствовал у Помпея Трога и по которой Скифия, страна древнейшего человечества, не имея гор, все же расположена выше, чем вся остальная Земля, будучи как бы истоком всех рек. *Lenormant*. *The Contemporary Review*, Sept., 1881 (Am. ed). P. 40.

³ Ферекид описывает Кроноса в образе жителя той части неба, которая «ближе всего к земле», то есть северной части. Страбон (VII, 143) помещает его в «жилище Борея». Это согласуется здесь с тем, что Санхониатон, как это представлено в греческой версии Филона Библского, помещает центр своей власти «в середину земель», в то «место, вблизи ключей и рек, где поэтому было утверждено почитание небес». *Lenormant*. *Beginnings of History*. P. 531. Ср. ниже: часть V, глава 4 «Пуп Земли» и глава 5 «Река, разделяющаяся на четыре части».

«Острова Кроноса» со слов: «Старейший из греческих богов, Кронос, должен нами считаться восседавшим на троне на Северном полюсе»¹.

Мы теперь «опросили» не только такие науки, как естествознание и этнография, но и историю, традиции и мифы древнейших народов мира. И нигде не обнаружили, что наша гипотеза с ними несовместима. Она всюду нашла заметные подтверждающие свидетельства. Значение таких свидетельств, исходящих из столь неожиданных и полностью различных источников, очень велико. Оно настолько убедительно, что ее сторонники вполне могли бы удовлетвориться этим и прекратить дальнейшую аргументацию — по крайней мере до тех пор, пока некий сторонник другого взгляда на локализацию найдет лучший способ доказательств, чем уже использованный. Раньше, чем мы оставим этот сюжет, мы все же должны оглянуться на главу 2 части II и спросить: нуждаются ли различные пункты, гипотетически представленные там как «заметные и запоминающиеся черты», относящиеся к северно-полярному раю — если он когда-либо существовал, — в еще каких-нибудь, пока не обнаруженных подтверждениях из области истории и других наук? Результаты этого исследования будут представлены в части V, которая сейчас и последует.

¹ Unsterblichkeitslehre, I. P. 93.

ЧАСТЬ V

**ДАЛЬНЕЙШИЕ
ПОДТВЕРЖДЕНИЯ,
ОСНОВАННЫЕ НА
ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ
РАЯ НА ПОЛЮСЕ**

Если Солнце забывает Восток,
Если звезда больше не заходит,
Если семь святых Риши
Кружат всю ночь в высоком небе,
Если изливающееся с неба море
Орошает единственное дерево,
Если каждый год — это лишь день,
Что означают все эти чудеса?

ГЛАВА 1

ЗВЕЗДЫ ЭДЕМА

I'mi volsi a man destra, e puosi mente
a l'altro polo, e vidi quattro stelle
non viste mai fuor ch'a la prima gente.

*Dante**

Мы уже напоминали читателю, что в Эдеме, расположенном на Северном полюсе, звезды не восходят и не заходят, как в наших краях, а двигаются слева направо, кружась над наблюдателем. Такое поведение небесных тел нельзя, конечно, увидеть нигде, кроме полюса. Если бы мы могли где-либо в мире древних традиций найти любое указание на веру в то, что при начале мира движение небесных тел отличалось от их современного движения, и, в частности, если бы мы были в состоянии обнаружить следы веры в то, что изначально звезды двигались по почти горизонтальным орбитам, это могло бы стать наиболее поразительным, неоспоримым и неожиданным свидетельством того, что наблюдение человека за звездным небом началось на Севере.

Но теперь случилось так, что мы нашли следы именно такой веры. В развлекательных фрагментах древнего фольклора, сохраненных для нас Диогеном Лаэртским, мы находим приписываемое известному греческому астроному Анаксагору замечательное указание: «В начале начал звезды кружились словно по куполу».

Я вправо, к остью, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.

*Данте. Божественная комедия.
Чистилище. Песнь первая, 22
(пер. М. Лозинского)*

Вращение «словно по куполу» означает вращение в горизонтальной плоскости, по *θόλος*, или куполу обсерватории. Сам Анаксагор определил это движение более полно, когда сказал, что это было движение не *ὑπὸ*, то есть снизу, а *περί*, то есть вокруг Земли¹.

Похоже, что и Анаксимен разделял эту идею, так как известно, что он уподобил кружение неба вращению шляпы над головой. Есть и другое разъяснительное выражение (принадлежало ли оно Анаксагору или тем, кто о нем писал, мы не знаем): «Сначала Полярная звезда, видимая непрерывно, всегда появлялась в зените, но затем достигала определенного склонения»².

Здесь мы, таким образом, встречаемся с доктриной древних астрономов, единое мнение которых сводилось к тому, что в начале мира небесный полюс был в зените, а

¹ См.: «Des Ecrits et de la Doctrine d'Anaxagore» in: Histoire de l'Académie des Sciences et Belles Lettres de Berlin. Berlin, 1755. Vol. IX. P. 378 ff.

² Диоген Лаэртский, II, 9: «Звезды первоначально двигались, словно по куполу, так что полюс всегда оказывался под вершиной Земли; впоследствии же он приобрел отклонение».

Летронн (Des Opinions Cosmographiques des Pères de l'Église rapprochées des Doctrines Philosophiques de la Grèce) говорит, что это мнение не могло быть ограничено рамками школы Анаксимена и Зенофана. «Оно должно было стать частью физической доктрины многих древних школ». Revue des Deux Mondes. Paris, 1834. P. 650. В связи с этим вполне уместно отметить, что в японской космогонии прапредок, или «отец», наших современных солнца и луны начинает свою деятельность в только что сотворенном мире с того, что повторно совершает в горизонтальной плоскости круговой обход «Острова застывшей капли». Также и в китайской традиции первый человек держал в каждой руке изначальные солнце и луну. Наш современный китайский автор, писавший об этом сюжете, говорит, что это заслуживает особого внимания. Revue de Deux Mondes, May, 14, June 1, June 14, 1884. Несколько отрывков приводятся в «Catholic World, December», 1884, p. 320—323.

³ Перед тем как написать это, я читал труд Ричарда А. Проктора «Новая теория о шите Ахиллеса» и был поражен его аргументом, основанным на положении «водных» созвездий в наиболее древней астрономии: небесный экватор во времена, когда эти созвездия были изобретены, «должен был быть в горизонтальном положении». Light Science for Leisure Hours. London, 1870. P. 309—312.

вращение звезд происходило вокруг перпендикулярной оси³. Трудно сказать, что могло бы привести астронома к тому, чтобы придумать такую доктрину. С другой стороны, если это была интересная и, как кажется, парадоксальная традиция слепого мира на ранней его стадии, то очень легко заметить, до какой степени устойчивым был этот сюжет, особенно в среде любящих звезды халдеев и вавилонян, у которых самые ранние греческие астрономы и ученые заимствовали немалую долю их доктрин¹. И здесь не в первый раз говорится о том, что эта идея была известна и халдеям, и египтянам².

Теперь возникает и другой вопрос: Когда и при каких обстоятельствах это предписываемое полюсу «склонение» происходило, по представлениям авторов? Было ли оно постепенным или внезапным?

Считали ли древние, что это было результатом сдвигов в нормальном порядке природы или это одно из его нарушений? Думали ли они, что это естественный процесс всегда протекающих изменений или считали это исключительной катастрофой?

Наша гипотеза приводит нас к принятию именно последнего из этих предположений³. Единственное разумное и достоверное объяснение склонения обнаруживается в переносе всей сцены человеческой истории с циркум-

¹ Учителем Фалеса был халдей — этот факт единодушно просмотрели все писавшие о ранних космологических размышлениях греков. См. также: *L. von Schroeder. Pythagoras und die Inder. Leipsic, 1884.*

² «В равной мере похоже на правду и то, что в среде халдеев была известна идея о разрушении и возрождении мира, то есть поверхности земного шара, и, в соответствии с этим разрушением, о смещении всех тел небесного свода... Разные надписи в храмах Египта и иероглифы... мне также кажутся продуктом четких представлений о катастрофе потопа и тех изменений, которые затем произошли на небе древности». *Klee. Le Déluge. Paris, 1847. P. 307.*

³ Бэйли в своей «*Histoire de l'Astronomie des Anciens*» склоняется к мнению, что древние египтяне считали это склонение постепенным, но Клее выражает явное сомнение в этом. *Le Déluge. P. 301.*

полярной родины на какую-либо землю более низких широт. Теперь представим, что если во время распространения вод потопа или позже, в связи с новым приходом ледникового периода, люди, пережившие потоп, переместились со своей родины на полюсе на обширное центральноазиатское «плато Памира», то предполагаемое начало истории слепопотопного человечества было связано с новым обликом небес на этих новых широтах, и все это могло выглядеть так, как будто сместилось само небо, а полярная родина была отброшена на одну треть всего расстояния от зенита до горизонта. Астрономические знания этих выживших людей, похоже, дали им возможность понять истинную причину изменений в обстановке, но их примитивные потомки, не обогащенные сокровищами допотопной науки и родившиеся в дикости кочевой жизни, в их новом и негостеприимном доме, могли очень легко забыть все эти объяснения. Со временем такие правнуки могли легко дойти до воплощения в странные мифы тех странных историй, которые передали им их отцы. В этих мифах не осталось ничего от первоначальных фактов, кроме туманных указаний на некоторые таинственные смещения неба, предположительно связываемые с очень отдаленными временами, когда произошел некий ужасный природный катаклизм¹.

Теперь трудно поверить в то, что по чистой случайности разные древние авторы упоминают и об удивительном факте смещения неба, и о его предполагаемом изначальном состоянии. Ни одно из этих упоминаний не было когда-либо объяснено теми, кто об этом писал. Одно из них содержится у Платона в докладе «Тимей», где в повествовании, приписываемом египетскому жрецу времен Солона, говорится о

Единственным другим приемлемым объяснением обсуждаемых фактов могло бы стать то, которое давно выдвигалось, но было отвергнуто, а именно то, что в отдаленной геологической эре в связи с неким катаклизмом изменилась ось вращения Земли, в результате

«склонений тел, вращающихся вокруг Земли», и это склонение принимается за истинное объяснение причины частичного разрушения мира, о чем упоминается и в мифе о Фазтоне. Поскольку это разрушение производил огонь, то на первый взгляд тут не просматривается связь с разрушением в дни потопа; и в этом контексте не улавливается подтверждения такой связи. Однако, к счастью, мы имеем у Гигина более полную версию мифа, судя по которой, греки, видимо, считали, что всемирный потоп (от которого спасся Девкалион) был послан провидением свыше, чтобы прекратить ужасающее «всесгорание», возникшее из-за того, что Фазтон неумело правил конями. Это делает связь событий прямой и ясной. Потоп и «склонение небесных тел, вращавшихся вокруг Земли», сразу приводят к верному историческому соотношению¹.

В пяти первых главах «Бундахишна» и в посвященном этому же парафразе «Зенд Спарама» также утверждается, что в первые три тысячи лет до появления Злого духа «солнце, луна и звезды находились в покое», но как только Разрушитель добрых порядков явился, он набросился и разрушил небо, и землю, и море². Заме-

чего новый, или современный, полюс оказался в области, ранее бывшей или умеренной, или жаркой. Одним из наиболее современных теоретиков, поддерживающих этот взгляд, является К. Уинслоу (C. F. Winslow, in his pamphlet on The Cooling Globe, Boston, 1865. Но см.: Maedler. Populäre Astronomie. P. 370 ss.), который утверждает, что, по подсчетам Бесселя, положение земной оси сместится менее чем на сто футов даже в том случае, если будет исторгнута из Гималаев и перенесена в Северную Америку часть их вещества в 114 кубических миль. Еще более сильные утверждения прозвучали в докладе, прочитанном перед Лондонским географическим обществом профессором Дж. Ф. Туисденом 21 февраля 1877 года.

¹ Ср.: Milton. Paradise Lost, X, 648—690.

² «Ацтеки говорили, что когда солнце взошло впервые, оно лежало на горизонте и не двигалось». Dorman. Primitive Superstitions. Phila, 1881. P. 330. Оба этих указания выглядят так, словно они возникли из неправильного представления об изначальной традиции, приводимой Анаксагором.

чительно то утверждение, что в результате этого нападения Злой дух овладел «одной третьей частью неба» и залил ее мраком¹. Более того, в тринадцатой главе, где приведено пророческое указание на окончательное восстановление первоначального мира вплоть до его прежнего состояния, просматривается намек (в тридцать втором стихе) на необходимость восстановления и переустройства небесного свода рукой Создателя².

В гипотезе об арктическом Эдеме и в переносе горизонта, видимого человеком, в дни потопа к более низким широтам мы обретаем ключ к объяснению всех этих фактов, упоминаемых выше.

West. Pahlavi Texts. London, 1880. Pt. I. P. 17. Уэст переводит ненадежно. Джусти приводит отрывок: «Он изъял из середины неба третью часть». *Der Bundahish. Leipsic, 1868. P. 5.*

² *West. Pahlavi Texts. Pt. I. P. 129.* Приведенное выше указание основано на версии Уэста; оно не поддерживается Виндишманном.

ГЛАВА 2.

ДЕНЬ ЭДЕМА

Такой день

Как бы рожден великим годом небес.

Мильтон

Если сад Эдема был на полюсе, то для первого человека год должен был представляться как один день и одна ночь. Более того, на рассвете этого странного дня солнце должно было всходить не на востоке, как в послепотопные времена, а на юге. Есть ли в традициях или священных книгах древнего мира хоть какой-нибудь намек на такой восход или такой день?

Частичный ответ на такой вопрос можно обнаружить в религии древних норвежцев. Один датский ученый называет «замечательным» то, что в скандинавской мифологии содержится информация о солнце, которое до установления современного порядка вещей и своего восхода на востоке «всходило на юге»¹.

Равно поразительные сведения содержат и другие мифологии. Возвращаясь ко второму фаргарду «Авесты», мы видим древнейшее иранское упоминание о Йиме, первом человеке и «царе золотого века». Подробно приводится и описание «Вары», или убежища, которое ему было велено построить как безопасное жилище — некое подобие сада Эдема. Далее следует единственный вопрос и ответ на него: «О Создатель

¹ «Самое замечательное в мифологии Севера то, что она повествует нам о солнце, которое сейчас поднимается на востоке, а тогда всходило на юге, и это было до того, как установился обычный порядок вещей (до того, как сыновья Бора, то есть боги, создали Мидгард)». *Frédéric Klee. Le Déluge, Fr. ed., Paris, 1847. P. 224.*

материального мира, Святой! Какие светочи были в Варе, возведенном Йимой?»

«Ахура Мазда ответил: там есть и не сотворенные и сотворенные светочи. Там звезды, луна и солнце видны лишь один раз в году восходящими и заходящими, и год кажется одним днем»¹ Версия последней строфы у Хауга такова: «И они думают, что день это есть год»² Шпигель переводит так же³, хотя в своем комментарии он признается, что его смущает смысл столь удивительного заявления. Он замечает: «Реальные первоначальные слова очень трудны». Но это не так, когда найден ключ.

Из «Законов Ману» тоже ясно, что восточные арии разделяли эту же идею. У них Яма — то же самое, что и Йима у иранцев, — также был первым человеком. Его первое убежище было, как мы видели, на Северном полюсе, а после смерти он стал богом, властителем Южного полюса, царства мертвых. И хотя индусы больше не ассоциировали его с севером, во времена создания этой книги они прекрасно понимали, что изначальный Эдем Ямы — это была Илаврита вокруг северно-полярной Меру, где жили боги, и что там в году был лишь один день и одна ночь. В «Законах Ману» сказано: «У богов есть день и ночь — (человеческий) год... день — период движения солнца к северу, ночь — период движения к югу»⁴. В равной мере безошибочно это выражено и в, возможно, более древней работе, позднее переведенной под заглавием «Институты бога Вишну»: «Движение солнца к северу — это день богов, юж-

¹ Darmesteter's Translation. Vol. I. P. 20.

² Haug's Essays on the Religion of the Parsis, 2 ed. P. 235.

³ «Эти (жители) считали год за один день». *Spiegel. Avesta. Leipsic, 1852. Vol. I. P. 77.* См. его: *Commentar über das Avesta. Wien, 1864. Vol. I. P. 78, 79.*

⁴ Законы Ману. I, 67. (Русский перевод: М., 1960. — Прим. пер.)

ное движение солнца — это их ночь. Год у них — это день и ночь»¹.

В «Сурья-Сиддханте» мы читаем: «Боги считают единожды взошедшее солнце за половину года»².

Это странное мнение становится совершенно ясным, как только мы поймем, что долго жившие предки и первые правители человечества изначально были на Северном полюсе и что они, обожествленные и прославляемые в представлениях более поздних поколений, превратились со временем в богов, которым и поклонялись древние народы.

Ученый Антон Крихенбауэр находит в «Илиаде» и «Одиссее» постоянные отсылки к двум разновидностям дня. В тех же частях, которые, по его мнению, написаны позже, слово «день» имеет свое обычное значение, и длится он 24 часа. Он цитирует Лепсиуса как автора, признающего аналогичный «однодневный год» в еги-

¹ The Institutes of Vishnu, translated by Julius Jolly. Ch. XX. 1, 2, 3. Sacred Books of the East. Vol. VII. P. 77. Я невольно думаю, что в этом альтернативном восходе и заходе солнца мы встречаемся с истинным объяснением происхождения старой раввинской идеи о том, что в аду год делится на холодную и жаркую половины, а сам ад расположен, как мы уже указывали, на Южном полюсе. Великий Ялкут Рубени так описывает ад. «Шеол — это наполовину огонь и наполовину град, и там много огненных рек. Семь убежищ (или разделов) ада очень просторны, и в каждом есть семь рек огня и семь рек града. Наивысший раздел в шестьдесят раз меньше второго, а второй в шестьдесят раз больше первого. И каждый раздел в шестьдесят раз больше предшествующего. В каждом разделе есть семь тысяч пещер, и в каждой пещере есть семь тысяч трещин, и в каждой трещине есть семь тысяч скорпионов, и каждый скорпион имеет семь членов, и в каждом члене у них по тысяче баррелей желчи. Там есть также семь рек сильнеешего яда, прикоснувшись к которому, человек разрывается. И поражающие его ангелы судят его и ежеминутно бичуют его полгода в огне и полгода в граде и снегу. И этот холод еще более невыносим, чем огонь». *Eisenmenger. Entdecktes Judenthum. Vol. II. P. 345* (English translation. Vol. II. P. 52). По «Сурья-Сиддханте», демоны, как и боги, видят солнце лишь в течение шести месяцев каждый год.

² Chapter XII, 74.

петской и других древних хронологиях, а также упоминает указания, встречающиеся у Палайфатоса и Свиды¹.

В тех частях эпоса, которые он считает более древними, день — это период продолжительностью в год, особенно когда это касается жизни и деяний богов.

Во всех до сих пор не упомянутых источниках — а мы не исчерпали их список² — мы встречаем новые и бесспорные свидетельства того, что, по представлениям древних народов, земля, где возникли и боги и люди, была такой, в которой, подобно нашему полярному Эдему, день и ночь составляют один год. А если таковой была их идея, то откуда они могли взять ее, за исключением реальной традиции? Столь авторитетный в науке исследователь, как Чарлз Лайель, говоря об этих космологических и хронологических традициях индусов, отмечает: «Мы ни в коем случае не можем рассматривать их как усилия беспомощного воображения или верить в то, что они были сложены без учета мнений и теорий, основанных на наблюдениях за природой»³.

Даже в тех случаях, когда традиция была извращена или нарушена в среде варваров, параллелизм между днем и годом не всегда утрачен. Любопытное указание на это появилось в заметке писателя, с работы которого начата эта глава: «В те дни (в мире, существовавшем до нашего) сезоны были гораздо короче, чем теперь. И год тогда был всего как один наш день»⁴.

¹ Beiträge zur homerischen Uranographie. Wien, 1874. P. 1—34.

² Даже южноафриканские бушмены имеют странное представление, что солнце сначала не светило в их стране. И лишь после того, как первое дитя бушмена было послано на (северную?) вершину мира и запустило солнце, свет пришел на эту (подземную) область Африки. Bushman Folk-lore. By W. H. J. Bleek. Ph. D., Parliament Report. Capetown and London, 1875. P. 9. Аналогичный миф существует и у австралийских аборигенов.

³ Elements of Geology, 11 ed. Vol. I. P. 8.

⁴ W. Matthews. The Navajo Mythology, in: The American Antiquarian and Oriental Journal. Chicago, July, 1883. P. 209. Ср. выражение, приведенное Гарсиа из миштекской космогонии: P. Dabry de Thiersant. Origine des Indiens du Nouveau-Monde. Paris, 1883. P. 140, n. 2.

ГЛАВА 3

ЗЕНИТ ЭДЕМА

...Святыня, где зародилось движение,
И смерть, и жизнь слились в одном потоке,
Откуда вырвалась сверкающая наполненность (жизни),
Трон Бога — Центр мира.

Кэмпбелл. Радость надежды

Облака — завеса Его; так что Он не видит, а ходит
только по небесному кругу.

Книга Иова, 22:14

Для первого человека, по гипотезе арктического Эдема, зенит был идентичен Северному полюсу на небесах. Люди поздних исторических эпох никогда не видели подобной картины звездного небосвода. Насколько же отрегулированной и упорядоченной должна была казаться природа при таком устройстве вращающегося неба! И какое глубокое значение придавалось этому таинственному неподвижному центру космического вращения, расположенному прямо над головой! Как я указывал выше, этот полярный центр должен был, естественно, казаться вершиной мира, истинным небом, неизменным местом пребывания

Поэт говорит о Северном полюсе. Последние главы части III этой книги иллюстрируются содержанием трех первых строк поэмы, а последняя строка — данной главой. Здесь уместно вспомнить Мензеля: «Во многих греческих мифах Ниса описывается как центральное место, где началась жизнь и куда она вернется... Идеальную Нису как пункт зарождения мира мы можем искать только на Северном полюсе». Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre, I, 65; also p. 42.

высшего Бога или богов. «И если в течение долгих веков существования слепопотопного мира это циркумпольное небо оставалось в представлении человека истинным прибежищем Бога, то старейшие слепопотопные народы, будучи рассеяны по всему земному шару на половине или в двух третях расстояния от экватора, не могли с легкостью забыть, что в центре и истинной вершине небосвода были трон и дворец Всесоздателя».

Религии всех древних народов прекрасно и вполне удовлетворительно подтверждают эти предвидения и ожидания. С поразительным единодушием они объединяют место высшего Бога с Северным полюсом, «центром небес» или с небесным пространством, непосредственно его окружающим. Никто из пишущих на тему сравнительной теологии не говорил о фактах, подтверждающих это указание, но следующий обзор отвечает нашему предположению.

Во-первых, *концепция иудеев*. В таком чистом и высоком монотеизме, как религия древних иудеев, мы не должны искать четкой локализации места высшего Бога именно в циркумпольном небе, как это обнаруживается в политеистических верованиях других народов. «Не я ли заполнил всю землю и небо? — сказал Яхве. Тем не менее, поскольку иудеи должны были, как думается, разделять до какой-то степени географические и космологические идеи своего времени, то не удивительно, что в разных местах их священных текстов встречаются следы этих идей. Некоторые из таких следов очень любопытны, и поэтому вполне естественно, что они привлекали внимание не одного специалиста по Библии, совершенно не подозревавших, что существовали их источники и что они разумны. Так, специалист по географии после повторения «вслепую» общего утверждения, что «евреи считали Землю диском, поддерживаемым, подобно плос-

кой крыше восточного жилища, столбами», продолжает употреблять те же выражения, к примеру: «Север выглядит высшей частью поверхности земли, в соответствии, видимо, с горными хребтами, которые находятся там»¹.

Другой исследователь, касаясь этого сюжета, говорит: «Евреи рассматривали все, что находится севернее, как более высокое, а к югу — как более низкое, поэтому те, кто передвигался с юга к северу, считались “идущими вверх”, а те, кто двигался к югу, — “идущими вниз”»².

Псалом 74 строфа 7 звучит так: «Ибо не от востока и не от запада и не от пустыни возвышение»³. Почему это перечисление трех географических областей приведено без упоминания четвертой? Просто потому, что небо, прибежище высшего Бога, находилось, по мнению всех окружающих народов, если и не самих евреев, на севере, в циркумполярной части небес, то есть в священной области, и нельзя было утверждать обратное, то есть что возвышение придет не с севера⁴. Это выглядело бы так же оскорбительно, как если бы кто-нибудь из нашего окружения сказал, что возвышение придет не свыше. Поэтому автор псалма, завершая набор отрицательных указаний, немедленно добавляет: «Но Бог есть судия: одного унижает, а другого возносит».

¹ Rev. William Latham Bevan, A.M. in: Smith's Dictionary of the Bible, Art. «Earth». Vol. I. P. 633, 634 (Hackett's ed.).

² McClintock and Strong. Cyclopaedia, Art. «North». Vol. VII. P. 185. В Аккаде существовало такое представление. *Lenormant*. Beginnings of History. P. 313.

³ В тексте Уоррена этот псалом — в нумерации английской Библии псалом 75, строфа 6 — звучит не так, как в опубликованных вариантах русской Библии: «Возвышение придет не от востока и не от запада, ни с юга», что не совсем точно. — *Прим. пер.*

⁴ «A peculiar sanctity is attached to the North in the Old Testament records». T. K. Cheyne. The Book of Isaiah. London, 1870. P. 140, 141. [See our cut: «The Earth of the Hindus». P. 152.]

Интересный след этой концепции обнаруживается в Книге Иова, в восьмой и девятой строфах двадцать третьей главы. Во времена Ветхого Завета евреи и арабы называли страны света определенными терминами: «впереди» — восток, «позади» — запад, «слева» — север и «справа» — юг. Так и Иов в указанных строфах жалуется, что он нигде не может обнаружить небесного судию¹ — ни на востоке или западе, ни на севере или юге. Но, говоря об одном из этих мест, он указывает — «где Бог делает». И это говорится о «левой руке», то есть о севере. Это кажется введенным для того, чтобы особенно подчеркнуть восклицание: «Делает ли Он что на левой стороне, я не вижу» (Иов. 23:9). Если на первый взгляд такая локализация небесного владыки кажется несовместимой с прекрасными описаниями Иовом в других строфах всеприсутствия Бога, надо вспомнить, что мы тоже говорим о всеприсутствующем божестве как о живущем «вверху» и зовем его «Отец на небесах».

Естественно, что противоположностью этой идеи северных небес явилась бы вера в то, что угрозы и зло для души приходят преимущественно «с правой руки», или с юга, поскольку укрытие демонов — область, куда ринулся Асмодей, когда его изгнал ангел, — это юг².

Мы не можем с уверенностью утверждать, что такая вера действительно преобладала в среде древних иудеев, но все же, думая об этой возможности, мы нахо-

¹ *Adam Clarke*. Commentary, in loc. Лучшим объяснением, которое старые комментаторы знали и давали, является: «Было больше людей и более разумных к северу от страны Иова, а не в остальных направлениях. И особенно — на севере была великая ассирийская держава; но Бог желал жить и действовать преимущественно среди этих людей, отсюда и этот текст, и его язык. *Matthew Poole* // *Dietelmair and Baumgarten's Bibelwerk*. Vol. V. P. 634.

² Книга Товита, 8:3. Ср.: *The Book of Enoch*, XVIII, 6—16; XXI, 3—10.

дим отрывки в Писании, которые представляются нам как бы в новом свете. И если такая вера существовала, как велика тогда сила и красота выражения: «Потому что (Бог) справа от меня (то есть со стороны, открытой опасностям), я не поколеблюсь»¹. (В русских переводах Библии этот псалом звучит так: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь». Пс. 15:8. — *Н. Г.*)

С этим можно сравнить самоуверенное восклицание: «Господь твой владыка, Господь твоя сень со стороны правой руки». (В переводе Библии: «Господь — хранитель твой; Господь — сень твоя с правой руки твоей». Пс. 120:5. — *Н. Г.*). Также и в псалме 91 правосторонняя опасность встречает сопротивление: «Тысячи падут на твоей стороне, и (или «даже») десять тысяч с твоей правой руки, но не приблизится к тебе» (В Библии эти слова из псалма 90:7 звучат так: «Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится». — *Н. Г.*). И снова в псалме 142 сказано: «Я посмотрел вправо; но там не было человека кто знал бы меня; меня миновало убежище; никто не заботился о моей душе». (В русском переводе Библии это псалом 141:4: «Смотрю на правую сторону, и вижу, что никто не признаёт меня: не стало для меня убежища, никто не заботится о душе моей». — *Н. Г.*).

Обратите также внимание на проклятие: «Пусть сатана стоит по его правую руку» в псалме 109:6 (В русской Библии так: «И диавол да станет одесную его». Пс. 108:6. — *Н. Г.*) и еще — на видение Захарии, когда Великий противник появился справа от того, кому он пришел сопротивляться: «...и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему» (Зах. 3:1).

¹ Текст все же кажется безошибочным, поскольку в следующих строках говорится о Шеоле, то есть об аде.

Но если здесь сатана появляется снизу и с юга, то у Иезекииля истинный Бог появляется сверху и с севера (Иез. 1:4). В этой области были святая гора Бога, город великого царя (Пс. 47:2; у автора: Пс. 48:2. — *Н. Г.*), земля золота (Иов. 37:22) (в переводе: Светлая погода приходит от севера, и окрест Бога страшное великолепие». — *Н. Г.*), место, где Бог «распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем» (Иов. 26:7)¹. Поэтому жрец, совершающий службу у алтаря — и у скинии, и позднее, и в храме, — обращался лицом к северу. По Талмуду, царь Давид имел Эолову арфу у северного окна своей спальни, звуки которой будили его каждую ночь, когда поднимался северный ветер точно в полночь, и он вставал для вознесения молитвы и набожных размышлений². Вероятно, не без значения встречается у Иезекииля образ идеального хра-

¹ «На севере высочайшие горы, и выше всех святая гора Бога... С севера приходит, как правило, Иегова». Herzog's Real-Encyclopädie, Art. «Welt», Bd. XVII, S. 678. «Подобно индусам, персам, грекам и тевтонам... племена семитов говорили о горе своих богов на крайнем севере: Книга пророка Исаии, 14:13 («...и сяду на горе в сонме богов, на краю севера». — *Н. Г.*); Книга пророка Иезекииля, 28:14 («...ты был на святой горе Божией». — *Н. Г.*), и даже в среде иудеев, вопреки противодействующему влиянию моисеевой веры, в религии продолжают сохраняться следы таких же представлений, Псалом 98:9 («...и поклоняйтесь на святой горе Его». — *Н. Г.*). Север, таким образом, воспринимался как священная область: Левит, 2:11 («И заколет ее пред Господом на северной стороне жертвенника». — *Н. Г.*); Книга пророка Иезекииля, 1:4 («...и вот, бурный ветер шел от севера». — *Н. Г.*). Dillmann. In: Schenkel's Bibel Lexicon. Leipsic, 1879. Vol. II. P. 49.

² «Ежедневно с четырех стран мира дуют четыре ветра, и три из них постоянно сопровождаются северным ветром, а иначе мир перестанет существовать. Самым пагубным из всех является южный ветер, который разрушил бы мир, если бы его не сдерживал ангел Bennetz». Цит. из Талмуда: Bergel. Studien über die naturwissenschaftlichen Kenntnisse der Talmudisten. Leipsic, 1880. P. 84. Ср.: Dillmann. Das Buch Hensch, Kap. LXXVI; LXXVII; XXV.5; XXXIV; XXXVI. W. Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitseehre, Bd. III. P. 35, 101, 168, 345.

ма будущего, в котором помещение для жрецов, молящихся у алтаря, «должно быть ориентировано на север»¹. («А комната, которая лицом к северу, для священников, бодрствующих на страже жертвенника». Иез. 40:46. — Н. Г.)

Во-вторых, *концепция египтян*. Совпадение между древней египетской концепцией мира и неба с описанной выше было бы замечательным, если бы мы не знали, что Египет был колыбелью евреев. Древние жители Нильской равнины имели те же самые идеи относительно вершины земли; они, как и евреи, помещали ее на севере. Это было особенно примечательно, потому что противоречило естественным показателям их земли, которая непрерывно поднималась к югу. Как указывалось в предыдущей главе, Бругш сказал: «Египтяне считали, что земля поднимается к северу вплоть до самой крайней северной точки, где она наконец соединяется с небом»². В соответствии с

На первый взгляд кажется странным, что в середине века в христианской Европе север воспринимался как особое убежище сатаны и его подданных, и на северной стороне некоторых церквей, вблизи крестильной купели, должна была быть «дверь дьявола», которую открывали для того, чтобы злой дух ушел на свое место в тот миг, когда тот, кого крестили, отрекался от него. Простое объяснение этого выявляется в факте разъяснений, даваемых народу о том, что прежние боги язычества были дьяволами. Ср.: *Grimm. Deutsche Mythologie*. P. 30, 31. *Conway* в своей работе «*Demonology and Devil Lore*» (London, 1879. Vol. II, 115; I, 87) совершенно не понимает философского содержания этого факта. Подобное изменение произошло и в среде иранцев после того, как маздеизм изменил их древних дэвов, превратив их в демонов. Поэтому, когда в некоторых частях авестийской литературы (главным образом в более старых) небо Ахуры Мазды находилось на севере, в других частях ее север является миром смерти и демонов. См.: *Bleek. Avesta*, I, p. 3, 137, 143; II, 30, 31; III, 137, 138, et passim. *Darmesteter. Introduction*. P. LXVII, LXXX. *Haug. Religion of the Parsis*, p. 267 ff.

² *Geographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler*. Leipsic, 1858. Vol. II. P. 37.

этим египтяне локализовали свою Та-нутер, или «землю богов», на крайнем севере¹.

На северной внешней стене храма Аммона в Карнаке есть надпись, что боги обещают фараону Рамсесу II дары этой небесной страны, «серебро, золото, лазурит и все сорта драгоценных камней из земли богов». Отсюда, также в противоречии с указаниями природы, вытекает, что северная полусфера считалась областью света, а южная — областью мрака². Проход из секретной камеры Большой пирамиды был направлен точно на северный полюс небес. Все другие пирамиды имели отверстия, открытые только в северную сторону. Некоторые египтологи, изучавшие этот сюжет, иногда сомневались в том, что такие особенности этих построек имели религиозное значение. Если же наша интерпретация правильна, тогда проходы, ведущие из погребальной камеры в сторону северного неба, говорили о жизненной вере в то, что из камеры смерти ведет дорога, прямая и всегда открытая, прямо в область жизни, нерушимой и божественной³.

¹ В одном месте Бруш переводит *ta-nutar-t mahti* как «северная земля богов». *Astronomische und astrologische Inschriften*. P. 176.

² «Двенадцати великим богам посвящаются непосредственно звезды, бесчисленно усыпающие все пространство эфира и разделяемые на четыре главные группы, соответствующие четырем странам света. Их подразделили еще на два более высоких порядка — относящихся к северной полусфере и связанных со светом, с добрым началом, и относящихся к южной, темных, холодных, пагубных и связанных с мрачным убежищем Аменти». *Guigniaut's Creuzer. Religions de l'Antiquite*. — Vol. II. P. 836. Любопытный пережиток этой концепции обнаруживается в талмудическом трактате *Emek Hammeleck*. См.: *Eisenmenger. Entdecktes Judenthum, Stehelin's version*. Vol. I. P. 181; comp. p. 255 ff.

³ Связь бога Сета с созвездием Большой Медведицы, сообщенная Плутархом и позднее подтвержденная астрономическими текстами (*Brugsch. Astronomische Inschriften altaegyptischer Denkmäler*. Leipsic, 1883. P. 82—84, 121—123), кажется на первый взгляд несостоятельной в смысле связи с южно-полярной локализацией демонов и разрушительных духов. Но кажущееся затруднение переходит во все более

В-третьих, концепция аккадцев, ассирийцев, вавилонян, индийцев и иранцев. После всего, что было сказано в предыдущих главах о Харсак Курра, Сад Матати, Хар-Моед, Су-Меру и Хара-Березайте, не требуется дальнейших доказательств того, что все вышеуказанные народы связывали мысль об истинном небе, царстве высших богов, с северным небесным полюсом¹. В каждом случае пики их соответствующих гор пронзали небо именно в этой точке. Доныне сабеи Харрана — наиболее прямые наследники религиозных традиций Тигро-Евфратского мира — строят свои храмы с учетом указания древней веры². Их жрецы, проводя жертвоприношения, обращаются лицом к северу, подобно древним жрецам³.

твердое доказательство правильности нашей теории, когда вспоминается, что в наиболее древние времена Сет «не был богом зла», но верховным покровителем мира, от которого египетские правители получали право своего владычества над двумя полусферами. «И только с упадком империи этого бога стали считать злым демоном, и его имя было сбито с памятников, и исключены из ритуалов его именасинонимы». *Renouf. Religion of Ancient Egypt*. P. 119, 120. Выражение «пуп, или центр мира» в качестве определения северного небесного полюса, столь распространенное среди древних народов, было, как кажется, широко известно и египтянам. *Brugsch. Ibid.* P. 122, 123. В переводимом тексте, однако, есть некоторая неясность. Ср.: с. 154.

¹ «Не может быть сомнений в том, что небо Ану было частично ограниченным районом небес, центром которого была Полярная звезда и который пронизала вершина Райской горы». *Rev. O. D. Miller. The Oriental and Biblical Journal*. Chicago. 1880. P. 173.

² «Церковь имеет только два окна и одну дверь, которая всегда открыта в южную сторону, с той целью, чтобы входящий мог быть всегда обращен лицом к Полярной звезде». *N. Siouffi. Études sur la Religion des Soubbas ou Sabéens, les Dogmes, leur Moeurs*. Paris, 1880. P. 118.

³ «Это положение жертвы позволяет жертвоприносителю, у которого всегда смерть стоит за левым плечом, исполнить свое дело, будучи повернутым в сторону Полярной звезды и в то же время соблюдая поворот головы животного в правую от нее сторону». *Ibid.* P. 112.

В Ригведе мы видим выражение «амритасья набхим» — «пуп небес», подобные определения часто встречаются в ведической литературе. Они относятся к северному небесному полюсу, подобно тому как выражение «набхир притивьяс» — «пуп Земли» (например, в Ригведе, III, 29, 4) означает земной северный полюс. Каждый из них считается в высшей мере святым, это самые священные храмы: один на небесах, другой на земле. И то, что ни один из переводчиков памятника до сих пор не обратил на это внимание, кажется необъяснимым¹.

В буддизме, унаследовавшем и сохранившем столь многое из древних представлений индийцев, выжила и идея о престоле на небесном полюсе². Очень интересно последовать за автором «Лалитавистары» — в этом произведении ребенку Будде при его появлении на свет приписываются первые слова и дела, которые безошибочно идентифицируют север с обителью богов, а его низ — с прибежищем демонов³.

¹ В своем пояснении к гимну Ригведы (I, 185, 5) Грассман мимоходом замечает, что упоминаемый там пуп мира может находиться на востоке, но не поясняет причины локализации его там или в любой другой стране света. Однако не случайно ведь древний поэт поместил убежище богов «за семью Пророками» на крайнем севере (X, 82, 2).

² «Всемогущество Амиабхи заключено в некоторых дивных «гатах». В центре небес он восседает на лотосном троне и определяет судьбы смертных». *Arthur Lillie. Buddha and Early Buddhism. London, 1882. P. 128.* Ср. также со с. 7: «Эта Полярная звезда (альфа Дракона) считалась точкой вращения всего космоса. С этой звездой ассоциировали и символ бога и место рая».

³ В Лалитавистаре, 97, эти слова выглядят несколько иначе: «Я счастливее всех на этом свете, и т. д.». Затем, сделав семь шагов в направлении к северу: «Я буду самым великим из всех существ», а затем, после семи шагов к югу: «Я истреблю зло и злых духов, я обнародую высший закон, который погасит огонь ада во благо всех».

Даже современные реликты в верованиях неарийских аборигенных племен Индии, как, например, гондов, обнаруживают древние всемирно встречавшиеся этнические веропредставления¹.

В-четвертых, *финикийские, греческие, этрусские и римские концепции*. В научной работе Моверса, посвященной финикийцам, прослеживается мысль, что этот народ разделял общеазиатский взгляд на локализацию Горы богов на крайнем севере².

Известно случайное, но содержательное и вполне удовлетворительное свидетельство того, что древние эллины видели небеса богов в северном небе. Например, небеса, поддерживаемые Атлантом, но, как мы уже упоминали, земное место Атланта — это Северный полюс. Опять же, Олимп был местом пребывания богов, но современная трактовка значения этого названия — Атлантический столб, описываемый как высокая гора, поддерживающая небо на его Северном полюсе³. Действительно, многие теперь утверждают,

обитателей подземного царства». Note to Prof. Kern's *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*. *Revue de l'Histoire des Religions*. Paris. T. V. № I. P. 54. Ср. менее выразительное указание в книге «Beal's Romantic History of Buddha». P. 44.

¹ «При погребении они кладут тело головой к югу и ногами к северу, поскольку дом их богов находится, по их вере, в этом направлении. Они иногда называют север Деогухр, а юг — Мурахо и видят в нем область ужасов; поэтому ноги должны быть обращены к Деогухру, чтобы правильно ориентировать тело покойного». Report of Ethnological Committee. Div. I. Pt. 3, A. P. 36.

² Die Phönizier. Bonn, 1841—1856. Vol. I. P. 261, 414.

³ Здесь идея сводится к тому, что боги живут на этой горе (Сумеру), которая и есть их опора. Этот образ приводит нам на ум повесть об Атланте, поддерживающем небо. Та же идея, вероятно, прослеживается и в образе греческого Олимпа «на санскрите Аламба — «поддержка»). Samuel Beal. *Four Lectures on Buddhist Literature in China*. London, 1882. P. 147. Cp.: Grill.

что Олимп греческой мифологии был просто северно-полярной Мировой горой азиатских народов¹.

Греки при этом оборачивались к северу, и мы знаем из Гомера, что, обращаясь к олимпийским богам, они протягивали руки к звездным небесам. Отсюда можно прийти к выводу, что их молитвы были адресованы северным небесам. Полностью подтверждает это указание Платона на «святое обиталище Зевса», где проходили торжественные собрания богов и которое, по его объяснению, «находилось в центре мира»².

То, что этот центр является северным небесным полюсом, ясно из хорошо известного отрывка из тво-
«*domicilium Jovis*» (дом Юпитера); там же говорится, что этрусские и римские авгуры считали гром и молнию с севера более значимыми, чем приходящие с других стран света, так как они были «выше и ближе к жилищу Юпитера»³. Страны высших северных широт тоже считались священными.

¹ Ср.: A. H. Sayce. Transactions of Society Bib. Archeology, vol. III, 152. Даже в математическом космосе Филолая, несмотря на то что *sedes deorum* («местопребывание богов»), как кажется, находится в Гестии, все же в центре системы есть другой путь, ведущий перпендикулярно к полярной вершине небес, по которому боги и святые души доходят до небесного простора во всем его совершенстве: «Боги же, когда собираются на пир, отправляются восходящей дорогой к высочайшему своду, какой есть под небом; когда достигают вершины те, кого зовут бессмертными душами, то, продвигаясь выше, оказываются в выпуклости неба, взирают в наднебесные области, где простираются чистая и абсолютная истина, знания, достоинство, красота и во всем одно лишь совершенство». Aug. Boeckh. «De vera indole astronomiae Philolaicae». Gesammelte Kleine Schriften. Leipsic, 1866. Vol. III. P. 288. Ср.: p. 290—292.

² Critias, 120.

³ «И потому в этом отношении они более значительны, ибо они выше и ближе к жилищу Юпитера». Ср.: Regell. «Das Schautempel der Augurn» in the Neue Jahrbücher der Philologie. Bd. CXXIII. P. 593—637. «Гавайские предсказатели «кило-кило», ища законов на

«К концу официального или государственного язычества римляне считали Великобританию ближайшей к небу и землей, более святой, чем земли Средиземноморья»¹. Варрон и другие латинские писатели подтверждают это общее представление, так что все новые толкователи старой этрусской религии объединяются в локализации убежища богов Этрурии в центре небес, на северном циркумполярном небе²

небе или наблюдая за птицами, оборачивались к северу. Так же делали в целях прорицания и древние индусы, а также иранцы до начала их раскола, после которого последние помещали дэвов на север. Это же относится к грекам и скандинавам, до эпохи христианства». *A. Fornander. The Polynesian Race. London, 1878. Vol. I. P. 240.*

¹ «Sacratoria sunt profecio Mediterraneis loca vicina caelo». Beauvois, in: *Revue de l'Histoire des Religions. Paris, 1883. P. 283.* Утверждение основано на словах из официального панегирика императору Константину Августу. Ср. следующее: «Диодор Сицилийский говорит о народе, который он называет гипербореями и по традиции которых их страна является ближайшей к Луне; на ней они открыли горы так же, как на Земле, и Аполлон появляется там каждые девятнадцать лет. Этот период, равный метоническому циклу Луны, говорит о том, что если это могло действительно быть им открыто, то, значит, они должны были издревле знать астрономию». *Flammarion. Astronomical Myths. London. P. 88.*

² «Im Nordpunkte der Welt». *K. O. Müller. Die Etrusker. Breslau, 1828. Bd. II. P. 126, 129.* «Следуя им, надо думать, что они должны были жить в северной части неба, которая была неподвижна. Это была полярная область, откуда они расселились по всей земле». *A. Maury, in: Religions de l'Antiquité, Creuzer et Guigniaut. T. II. P. 1217.* «Этруская теология, принимая доктрину, с которой мы уже встречались в виде мечты, смешанной с греческой мифологией, помещала на крайний север пребывание богов. Но в то время, как эллин обращается к богам, задавая вопросы, тосканец имитирует их предполагаемое отношение, чтобы увидеть пространство так, как его видят сами боги. Однако, повернувшись лицом к югу, он призывает «противоположно» меридиональную половину неба», и т. д. *A. Bouche-Leclercq. La Divination chez les Étrusques. Revue de l'Histoire des Religions. Paris, 1881. T. III. P. 326.*

Нибур и другие известные ученые уверяют нас, что и римляне разделяли эти же верования¹.

В-пятых, *японская концепция*. Мы уже видели, что в японской космологии воткнутое вниз копьё Идзанаги стало прямой осью неба и земли. Поэтому место Идзанаги на верхнем конце этой оси может быть только в точке Северного полюса и нигде больше².

Но мы можем прийти и к точному заключению. В древней японской мысли Создатель был столь неотторжимо соединен с полюсом, что даже один из его высших и божественных титулов был этим порожден. Один из наших выдающихся ученых, анализируя начальные идеи этого народа, писал: «Я готов со всей строгостью указать, разбирая вопрос о Кодзики, и о синтоизме, и о японской философии, что, судя по всему этому, в их истоке был только один бог и никого больше. «Далеко в глубокой бесконечности пространства, на престоле молчания» восседал бог по имени Аме-но-ми-нака-нуши-но-ками, которое означает «Бог центра небес»³. Внимательному читателю данной главы должно быть ясно, что это за центр небес.

В-шестых, *китайская концепция*. Древнейшая форма богопочитания у китайцев — это поклонение богу

¹ «Жилище богов, как верили, было на севере земли». *Niebuhr. Romische Geschichte. Vol. II, Anhang. P. 702.* «Хорошо известно, что римляне помещали троны богов на крайнем севере». *The Oriental Journal. Chicago, 1880. Vol. I. P. 143.* Нибур замечает: «Авгур смотрел на себя так же, как боги смотрят на землю», и это объясняет несколько неумелое и дезориентирующее утверждение профессора Кунце, поясняющее позу поворотов римлян при молитве. *Prolegomena zur Geschichte Roms. Oraculum, Auspicium, Templum, Regnum. Leipsic, 1882. P. 15.*

² См. выше: часть IV, глава 2.

³ *Sir Edward J. Reed. Japan. Vol. I. P. 27.* Cp.: Léon de Rosny, in: *Revue de l'Histoire des Religions. Paris, 1884. P. 208, 211.*

Шан-ди, высшему среди богов. Эта вера, как утверждают, существовала за две тысячи лет до нашей эры. Обычно Шан-ди правильно описывают как бога небес, но его истинное место, его дворец — это Цзе-вэй. И если мы спросим о значении и месте Цзе-вэй, нам местные комментаторы священных книг ответят, что это «небесное пространство около Северного полюса»¹.

Здесь, как и в Японии, Египте, Индии, Иране и Греции, полюс — это «центр неба». Один из авторов в «Китайском хранилище» цитирует из авторитетных религиозных книг следующее: «Полярная звезда — это центр небес». «Трон Шан-ди находится в Цзе-вэй, то есть на Полярной звезде». «Непосредственно над центральной вершиной Куньлуня появляется Полярная звезда, которая и есть небесное жилище Шан-ди». «В центральном месте Полярная звезда небес, Сверкающая, Великая монада, всегда находится»².

В соответствии с этой концепцией, император и его окружение во время службы перед Алтарем небес всегда обращаются лицом к северу³. Полярная звезда —

¹ Legge. The Chinese Classics. Vol. III. Pt. I. P. 34 n. См. далее: Legge. Spring Lectures on the Religions of China. London, 1880. P. 175 и не очень хорошо понимаемая молитва в: Douglas. Confucianism and Tauism. London, 1879. P. 278. Из этих и других указаний делается ясно, что конфуцианцы и даосы равно уподобляли северное небо жилищу бога.

² Vol. IV, p. 194. Подобным образом в западно-монгольских представлениях взаимно уподоблялись «вершина Золотой горы» и небесный полюс: «Altan kadasu niken nara Tagri-dschin urkilka. Apex montis aurei, nomine Cardo Coeli, stella polaris» («Вершина Золотой горы, по имени Ось неба, Полярная звезда»). Uranographia Mongolica. Fundgruben des Orients. Bd. III. P. 181.

³ See English Translation of the Chinese Ritual for the Sacrifice to Heaven. Shanghai, 1877, P. 25—28, 31, 48.

самостоятельный объект поклонения¹. И насколько сохраняется, по прошествии тысяч лет, это место как жилище Бога на полюсе, иллюстрируется следующим случаем, рассказанным д-ром Эдкинсом: «Однажды я встретился со школьным учителем из соседнего района. Он спросил, что я думаю об астрономии и географии. Чужие мысли об этом очень интересуют всех представителей образованного класса... Ему был задан вопрос: «Кто владыка неба и земли?» Он ответил, что не знает ничего, кроме Полярной звезды, именуемой по-китайски Тянь-хаун-дэ-ди — «Великий владычный правитель небес»².

В-седьмых, *древнегерманская и финская концепции*. Подобно другим древним людям, германские язычники, молясь и принося жертву, обращивались лицом к северу³. Там, в северных небесах, на вершине Иггдрасиля, мировой оси, находился светлый город Асгард, прибежище богов-асов. Эдда выразительно говорит, что его возвели «в центре мира»⁴. Со времен

¹ *Joseph Edkins. Religion in China. P. 115. Ср.: G. Schlegel. Uranographie Chinoise. P. 506, 507.*

² *Religion in China. P. 109.* Этот титул, безусловно, соотносится с ассирийским Dayan-Same — «Небесный судья». *Transactions Society Bib. Archaeology, III, 206.*

³ *Jakob Grimm. Betende und opferende Heiden schauten («Молящиеся и жертвоприносящие язычники смотрели на север»).* *Deutsche Mythologie. Bd. I. P. 30.*

⁴ *Grimm. Im Mittelpunkte der Welt // Deutsche Mythologie. P. 778.* Приведем из текста Эдды: «Затем сыновья Бора построили в центре вселенной город Асгард, где живут боги и их близкие, и отсюда происходит множество чудесного на земле и на небе над ней. В этом городе есть место, именуемое Хлидскьяльв (Hlidskjalf), и когда Один пребывает там, он со своего высокого трона озирает весь мир, наблюдая за делами людей. Его жену Фригг, дочь Фьергюна, и вот их самих и их потомство мы называем асами. Это они населяют Асгард и окружающую его область — это мы считаем истинно небесным. *Mallet. Northern Antiquities. P. 406.* Выражение «Происходит множество чудесного» напоминает описание севера у Иова.

единственного места весь мир людей всегда видим и днем и ночью, с этого Хлидскьяльва, наблюдательной башни Одина. С этой «северной части неба» он сам и Фригг, подобно великим богам этрусков, «озирали всю землю»¹

Имя верховного божества финнов было Укко. В их мифологии он иногда предстает поддерживающим небесный свод, подобно Атланту, и иногда его называют «пупом неба» — «Тайвахан напанен». По разъяснениям Кастрена, этот любопытный титул дан ему потому, что его местом считается центр, или полюс небес². В эпосе финнов, в «Калевале», жилище высшего Бога называется Тяхтела³, и это слово просто обозначает «место Тяхти» — Полярной звезды (по-эстонски — «Тяхт»).

Мы еще не исчерпали всего подручного материала для иллюстрирования этого сюжета⁴, но, право, мы уже представили многое. Увидев это полное единодушие древних народов, ни один разумный читатель не пройдет мимо его значимости. Ни одно объяснение не может быть столь же простым и очевидным, как то предположение, что небеса, бывшие куполом над колыбелью человечества, были тем самым небом, в зените которого находилась точка небесного полюса.

До завершения этой главы необходимо отметить еще один интересный момент. Знакомясь с традицией древних народов, посвященной Эдему, о чем го-

¹ См. выше.

² *Castrén. Finnische Mythologie* (Tr. Schiefner). P. 32, 33.

³ Rune 11, 32, 36, 40.

⁴ См., например: *Gill. Myths and Songs of the South Pacific*. London, 1876. P. 17.

ворилось выше, в части IV, зададим читателю вопрос: «Как это может быть, что при таком единодушии всех народов, относящих колыбель человечества к Северному полюсу, только одни евреи помещали ее на востоке?»

К этой загадке мы дали ключ в только что рассмотренных фактах. Единственным словом в книге Бытие, связанным с Эдемом, является «Кедем». Это слово буквально означает «то, что находится перед человеком» и было применено к востоку из-за обычая поворачиваться в том направлении, о котором шла речь¹. Из текста Бытия (13:14) может показаться, что такая связь с востоком восходит к дням Авраама, но в свете «обычая» определенного времени или народа это могло означать любое направление или просто место «перед кем-либо». В поздние исторические времена это означало у евреев восток, а запад, соответственно, определялся словом «позади», север назывался «с левой руки», а юг «с правой», как выше и указано. Но в Египте эти слова употреблялись иначе: «передняя страна» — это был или север или юг, определеннее сказать мы не можем, так как мнения египтологов по этому вопросу разделились. Пьер думает, что так определяли юг и, соответственно, с правой руки был запад, а с левой восток². Чабас же и другие видели обратное значение в переводимых иероглифах «правый» и «левый», считая, что в определении стран света древние египтяне ориентировались на север.

В среде аккадцев и ассирийцев, если мы можем положиться на вопросительное утверждение Ленормана, преобладали другие представления: с правой

¹ *Smith. Bible Dictionary*, Art. «East».

² *Dictionnaire d'Archéologie Égyptienne*. Paris, 1875. P. 191. Cp.: p. 116, 118, 187, 344, 351, 364, 371, 392, 399.

руки был север, с левой — юг, а «переднее» направление — запад¹.

В свете этих фактов делается ясно, что в до-авраамово время слово «Кедем», или «передняя страна», могло обозначать, в противоречие принятому среди евреев объяснению, и север, и любую другую страну света. И есть много причин признать, что таким и было это значение.

Мы видели, что это была священная страна света для всего азиатского и египетского мира. В эту сторону оборачивались лицом все самые ранние священнослужители и жертвоприносители из числа тех, о ком мы знаем².

Что еще они могли бы выбирать и рассматривать из всех стран света с точки зрения своего положения при совершении молений? И если мы примем, что таков был обычай всех потомков Ноя до их рассеяния и что, соответственно, «передняя страна» обозначала север, все становится ясным. И Бытие тогда воссоединяется со всеобщей этнической традицией в вопросе локализации колыбели человечества на севере. И запись тогда звучит так: «И Бог насадил сад в северной стране, в Эдеме». И в точном согласии с этим, именно с горных высот северной страны — «из Эдема» — потомки Ноя в более поздние времена приходят на равнину земли Сеннаар (Бытие, 11:2). При этом проясняется и другая тайна — как привести первых колонизаторов Сеннаара в долину Тигра и Евфрата с како-

¹ Fragments de Bérose. P. 367, 380, 419. Но ср. с: Chaldaean Magic, p. 168, 169, где, идентифицируя запад с пространством позади наблюдателя, он прямо противоречит выводу, данному в его «Commentary on Berossus». Этот параграф не появился в первом французском издании.

² Даже среди аборигенов Америки и Африки мы слышим, что «запад лежит налево, а восток направо». Massey. The Natural Genesis. Vol. II. P. 231.

го-нибудь предполагаемого Арарата путем предполагаемого шествия с востока или же если позволит ландшафт, то к востоку, и это всегда запутывало комментаторов¹.

Эта интерпретация впервые объединяет строфу 8 из главы 2 Бытия со строфой 13 из главы 28 Книги пророка Иезекииля — в обеих строфах указывается одна и та же точка компаса — святой север. (В нашем издании Библии такого совпадения нет. — *Н. Г.*) Эта же интерпретация сближает и упоминания о «детях Кедема» в древнейшем еврейском Писании — в строфе 1 главы 29 Бытия и в строфе 3 главы 1 Книги Иова (в обеих речь идет о востоке). В то же время это дает нам возможность локализации «земли Уз», что точно совпадает с утверждением Иосифа: «Уз — это основа Трахонита и Дамаска, эта страна лежит между Палестиной и Келосирией»².

Для большинства читателей такое решение проблемы особенностей характера еврейской традиции выглядит, возможно, как совершенно удовлетворительное. Но другим может показаться, что трудно поверить в то, что один и тот же термин мог в разные периоды обозначать разные страны света³. Для них представят

¹ Эта интерпретация возникла, конечно, из общего мнения, сводящегося к тому, что по своему значению слово Миккедем является транслокальным и земля Сennaар была в Тигро-Евфратском бассейне. Я уже указывал, что Сennaар был, возможно, начальным Эдемом, и тогда Миккедем (Бытие, 11:2) надо переводить как «в северной стране» (В Библии — «на востоке». — *Н. Г.*).

² *Antiquities of the Jews*, Bk. I, 6, 4.

³ См. диаграмму о расхождениях в ориентациях на Евфрат и Египет в: *Brown. Myth of Kirke*. London, 1883. P. 99. Г. Масси в своей астрологической смеси указывает на смещение горизонта, но не дает объяснения. Он говорит: «Изменяясь по кругу 12 знаков, начальная северная точка «соскальзывала» к востоку. А отсюда аккадская³ Мировая гора стала Восточной. Гора Меру, чье исконное место рождения на севере, также стала Восточной. Это есть в Бытии

интерес следующие строки, написанные, конечно, без связи с нашей проблемой: «Названия четырех основных стран света и, что особенно примечательно, иероглифические их обозначения в известной мере те же самые и в аккадской, и в китайской культурах.

Я намерен показать это в специальной монографии по данному вопросу. Здесь же необходимо отметить, что смещение географического горизонта отражено в так называемых ста семьях. То, что называется югом на клинописных таблицах, соответствует востоку в памятниках Китая, север — западу, восток — югу.

Так возникает смещение стран света по кругу. Было бы интересно проследить по аккадским и ассирийским названиям, где мы могли бы найти, что они, в свою очередь, указали на раннее смещение, о котором нам напоминают только данные следы»¹.

Возможно, обычай Древнего Египта поможет нам найти наиболее простое решение. Если верить словам ченого Масперо, египтяне часто сводили четыре стороны света, или направления, до двух, употребляя название «восток» для определения и востока и севера, а слово «запад» — для того, чтобы отразить широкое

у пророка Еноха: «Четвертый ветер, северный, делится на три части, и в третьей — рай». Так Эдем, начавшись на вершине горы, пустился в круг стран света Йимы в «Авесте» перед потопом, а затем попал в 12-й знак Зодиака, как сад на востоке». *The Natural Genesis*. London, 1883. Vol. II. P. 263.

¹ *Terrien de Lacouperie*. *Early History of the Chinese Civilization*. London, 1880. P. 29. По этому любопытному поводу Г. Пинчес высказался в новом свете на встрече Общества библейской археологии февраля 1883 года. В мае Терьен де Лакупри прочел доклад перед членами Королевского азиатского общества, озаглавленный «Смещение кардинальных точек в Халдее и Китае», который появился в его выходящей из печати работе «*The Origina of Chinese Civilization*». На равные перемещения и идентификации запада и севера указывается и в книге: *Menzel*. *Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre*, I. P. 101. См. также: *Asiatic Researches*. Vol. VIII. P. 275—284.

понимание своих представлений о двух точках — на западе и на юге¹. И если Моисей, получивший образование в Египте, писал об этом обычае, можно употреблять слово «Кедем» для обозначения «передней страны» на севере, а также использовать его, говоря о востоке².

¹ «Я долго излагал в курсе моих лекций во французском колледже ту теорию, по которой египтяне должны были делить четыре точки на две группы: северо-восток и юго-запад... Это было следствием той классификации, по которой я говорил, что к западу часто относят области, явно расположенные на юге, а на юг переносят то, что находится на западе. Применение этой идеи к востоку приведет нас к вере, что можно было также помещать Танутри на север» (М. Масперо в письме к автору от 20 декабря 1882 года). Такой обычай вряд ли мог родиться в среде народа, незнакомого с тем, что земля является сферой. О том, как легко он родился в нашей среде, показано сэром Джоном де Мондевилем, который в 1356 году поместил в своих писаниях рай столь далеко к востоку от Англии, что он не мог правильно описать место, известное под таким названием. Итак, после рассуждений о земном рае как находящемся «к востоку, в начале земли», он говорит: «Но это не тот восток, который мы называем нашим востоком, на нашей половине, где солнце всходит для нас; если солнце обозначает восток на месте, относящемся к земному раю, то в областях нашей половины земли это будет полночь, из-за того, что земля круглая, о чем я вам и раньше говорил; Бог создал землю круглой в середине небосвода». *Wright. Early Travels in Palestine. London, 1848. P. 276.* Ближайший путь к локализованному Эдему пролегал бы, конечно, на север. Его место могло бы поэтому быть описано в равной мере точно как «к востоку», так и «к северу». Другие интересные теории, связанные с его происхождением, могут зародиться в умах ученых благодаря тем фактам, которые предлагает Скрибнер в работе «Where did Life Begin?». P. 32, 33.

² Сравните изображение этих ветров на потолке преддверия храма в Дендере. *Brugsch. Astronomische Inschriften altägyptischer Denkmäler. Leipsic, 1883. P. 26 bot., and 27 top.*

ГЛАВА 4

ПУП ЗЕМЛИ¹

Тот бог, что восседает в центре, на пупе Земли; и он изъясняет религию всему человечеству.

Платон

На пупе Земли стоит Агни в роскошных одеяниях.

Ригведа

Кому вы уподобите Бога? Это тот, кто восседает на вершине Земли, и живущие вокруг подобны саранче. (Итак кому уподобите вы Бога?... Он есть Тот, Который восседает над кругом Земли, и живущие на ней — как саранча *пред Ним*. — Н. Г.)

Книга пророка Исаии (40:18, 22)

Пройдя некоторое расстояние, мы остановились перевести дух, где толпа была гуще и напористей; и мне сказали, что это и есть пуп Земли и что эти толпящиеся пилигримы склонялись и целовали его.

«Земля и Книга»

У каждого народа есть свой пуп Земли.

Клеукер

Те, кто изучает древность, должны часто удивляться тому, что почти в каждом памятнике древней литературы встречается «пуп Земли». Это могло бы показаться им еще более распространенным мотивом, если бы они обратили внимание на то обстоятельство, что

¹ Эта глава была напечатана раньше книги, в «Boston University Year Book». Vol. XI, 1884.

многие древние мифологии связывают колыбель человечества с этим пупом Земли. Сторонники разных взглядов на Эдем редко — если вообще когда-либо — признавали тот факт, что ни одна гипотеза не может считаться приемлемой, если она не ассоциирует первое убежище человека с неким естественным центром Земли. Если принять, однако, точку зрения, что человеческая история началась на полюсе и все воспоминания человека связаны с полярным Эдемом, становится ясно, что исчезает тайный покров, облачающий этот сюжет.

Мы уже видели, что термин «пуп» во многих древних языках значил «центр» и что полюс (или центральная точка вращающихся созвездий) был «пупом небес». Но поскольку с небесным полюсом совпадает земной, то, вполне естественно, термину «пуп небес» должен соответствовать термин «пуп Земли». Начиная с традиций христианства совершив паломничество к церкви святого Гроба Господня в Иерусалиме. Там, в той части, которая принадлежит греческим верующим, есть круглая колонна около двух футов в высоту, выдающаяся из мраморной мостовой, но ничего не поддерживающая. Если мы спросим о ее назначении, нам ответят, что это знак истинного центра, или «пупа» Земли¹. Древние паломники и хронисты упоминают об

¹ Поскольку я сам видел этот памятник около 30 лет назад, я решил расспросить о его сегодняшнем состоянии. С большим интересом можно прочитать ответ, данный моим другом, С. Мериллем, американским консулом в Иерусалиме (в письме от 28 октября 1884 года), который был известным археологом: «Камень, о котором вы упоминаете, стоит в центре греческой церкви Гроба Господня и называется центром, или пупом Земли. Его называют «столбом», хотя это не столб, а ваза, по форме напоминающая сосуд для фруктов. Верхняя ее часть приподнята над ней в ее центре. Мне говорили, что каждый праздник кладут хлеб на этот столб. Меня уверяли, что только арабы и местные сирийские христиане называют это центром Земли, но не греки, и что в каждой греческой церкви в Сирии есть подобное сооружение в ее центре. Пару лет назад в раскопках нашли старую церковь немного севернее от ворот Дамаска. Я писал об этом в «Palestine Fund Report» (октябрь 1883), дополнив написанное ранее. В центре этой церкви был настоящий столб.

этом любопытном памятнике, но степень его древности никто не знает¹. Как обычно пишут, это памятник географической безграмотности тех, кто поместил его здесь, и доказательство того, что они высчитывали края «плоского диска» Земли как равностоящие от этого камня. На деле же — это памятник начальных астрономических и географических знаний.

Для того чтобы верно определить символический и мемориальный характер этого столба, мы должны напомнить самим себе об одном всегда свойственном, постоянном, активном стремлении каждого человека.

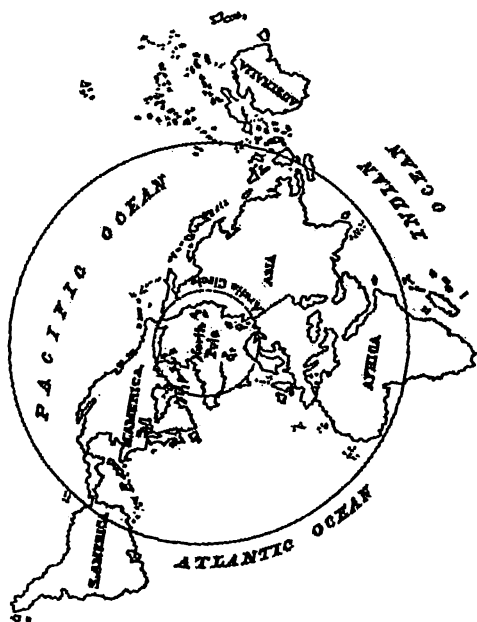
Это очень старая церковь, называемая церковью Святого Стефана. По-моему она, стоит рядом с еще более древней.

Мне казалось немного странным, что этот предмет именуется столбом (*Amûd*), когда на деле это просто ваза или нечто вроде вазы, но, поскольку связанная с ней традиция очень стара, это название могло прийти из тех времен, когда этот предмет действительно имел форму столба или колонны».

Интересно сравнить с приведенным текстом описание, данное в 1646 году Бернардом Суриусом из Брюсселя. И особенно потому, что в это время восточные греки, как кажется, без колебаний называли колонну центром Земли: «Поблизости от центра находится мраморный камень, двух футов в поперечнике, с округлым углублением; восточные греки говорят, что это центр основания Земли». *Reyse van Jerusalem. Antwerp., 1649. P. 664.*

¹ Епископ Аргулф при паломничестве в 700 году «видел и другие реликвии, и высокую колонну к северу от церкви Голгофы, посреди города. От этой колонны не бывает тени в полдень дня летнего солнцестояния, и это указывает на ее место в самом центре Земли». *Wright. Early Travels in Palestine. P. 4.* В 1102 году она, как кажется, все еще стояла вне церкви. Епископ Севулф сообщает: «Перед церковью Гроба Господня, на внешней стене, имеется невдалеке от Голгофы место, обозначенное самим Иисусом Христом, место, именуемое Компас, которое Господь отмерил своей рукой как середину мира. Так говорит автор псалма «Бог издревле мой царь, создающий спасение в середине Земли». *Ibid. P. 38.* Однако в 1322 году это место было описано Мондевиллем как находящееся «в середине церкви». *Ibid. P. 167.* В годы Средневековья, кажется, это место было помечено надписью. *Barclay. City of the Great King. Philadelphia, 1858. P. 370.* См.: *Michelant et Reynaud. Itinéraires à Jerusalem. Genève, 1882. P. 36, 1044, 182, 230, etc.*

Мы уже упоминали о «Голгофах», которые выделялись в римско-католических странах в качестве памятных объектов поклонения. К вершине каждой из них ведет «Путь страстей», на отдельных участках которого устанавливаются памятные знаки — скульптурные рельефы, посвященные различным моментам Страстей Господних. На вершине стоит распятие — Спаситель на кресте, а по его сторонам два распятых злодея. Копье, шест с губкой и молоток — там все это представлено, иногда бывает и лестница, а рядом могила, в которой никто не был похоронен. В представлении верующих — это священное место.

Пуп Земли

Даже в протестантской земле нам показали целое воспроизведение Палестины, куда приходили тысячи людей ознакомиться со священным местом. Люди узнавали, как выглядели такие места, как Кедрон, Иордан, Назарет, Хеврон, Хермон и Святой город, которые иначе они видеть бы не могли. Что только можно было сделать для ознакомления, в той или иной мере было здесь сделано, равно как и для прямого религиозного образования и поощрения религиозных чувств.

Подобно тому как христиане любят локализовать для себя свои «святые места», прежние народы мира любили создавать миниатюрные репродукции Эдема, той прекрасной и священной страны, в которой протекали святые часы рассвета человечества¹.

Традиционная храмовая архитектура, порожденная многими ранними религиями, определялась этими символическими и мемориальными мотивами. Точно известно о священной архитектуре вавилонян, египтян, евреев и китайцев². Кэппен утверждает, что «каждый ортодоксально построенный буддийский храм или является воплощением Меру, или символически выражает ее божественную область и небеса богов, святых и

«Индусы обычно представляют себе гору Меру как конус, и правители раньше любили всходить на холмы такой формы, которые они почитали, как Меру, и призывать богов по именам, приглашая их прийти и провести с ними некоторое время. Эти холмы называются Меру-шринга — «пик Меру». Вблизи Бенареса известны четыре таких холма, один из них наиболее известен — это холм в Сарнатхе. Он был создан искусственно в 1027 году... Его высота приближается 60 футам, и на его вершине стоит маленький, но красивый восьмиугольный храм. В надписи сказано, что его возвели как изображение Меру, Горы богов; возможно, и Вавилонская башня возводилась со своими семью ступенями или звонами с той же самой целью». *Vilford. Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 291.*

² *Miller. The Pyramidal Temple // Oriental and Bib. Journal. Chicago, 1880. Vol. I. P. 169—178. См. также: Boscawen. Ibid. 1884. P. 118. Perrot and Chipiez. History of Art in Chaldaea and Assyria. London and New York, 1884. Vol. I. P. 364—398.*

будд над нею»¹ Лилли говорит: «Тринадцать пирамидальных слоев на вершине каждого храма в Непале представляют собой тринадцать неизменных небес Амитабхи»².

Об удивительном уточнении этой идеи, с которым проводили строительство, свидетельствует храм в Менгунге, вблизи столицы Бирмы³. Сбывалось то, что нам следовало бы предвидеть — естественные черты ландшафта часто использовались при возведении этих символических святилищ. Обри пишет: «Буддисты Цейлона старались изменить центральную гору Дэва-Кута (Пик богов), чтобы придать ей вид Меру, и найти там четыре стекающих с нее потока, соответствующих рекам их рая»⁴.

Равным образом в храмах Эллары, высеченных в скальных массивах, мы видим полное изображение рая бога Шивы. Фабер писал с исчерпывающей полнотой о свидетельствах такой практики у древних народов, а об индусах и буддистах он сказал: «Каждая пагода, каждая пирамида, каждое холмообразное поднятие неизменно воспринимается как копия святой горы Меру» — индусского рая⁵. Из текстов «Records of the

¹ Die Religion des Buddha. Vol. II. P. 262.

² Buddha and Early Buddhism. P. 51. Мы находим тот же символизм даже среди цивилизованных аборигенов Америки. Так, «храм в Тецкуко был девятиэтажным, что символизировало девять небес». Bancroft. Native Races. Vol. III. P. 184. Ср.: p. 186, 195, 197; а также 532—537.

³ См.: Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1870. P. 406—429.

⁴ Le Berceau de l'Espece Humaine. P. 118.

⁵ Origin of Pagan Idolatry. London, 1816. Vol. I. P. 345. Американский ученый говорит: «Аккад, Арам и все другие «возвышенности» древности были только репродукциями, традиционно унаследованными от изначальной вершины, этого Олимпа всей Азии... Подобные мнения позднее ассоциировались с горой Сион в Иерусалиме, с мусульманской Меккой и другими святыми местами. Такие идеи (что это как бы соответствовало центру мира) не указывали на отсутствие знаний у древних народов — они были символическими и традиционными концепциями, унаследованными от представлений о священной горе рая». The American Antiquarian and Oriental Journal. Chicago, 1881. P. 312. Ср.: 1884. P. 118.

Past» (т. X, с. 50) мы видим, что и египтяне имели тот же обычай строить храмы таким образом, чтобы они символизировали жилища богов.

Так, в Греции и Риме холмы, где стояла в их городе цитадель, имели и религиозное, и оборонное значение. Ленорман, говоря о Риме и Олимпии, замечает: «Невозможно не отметить, что холм Капитолия был прежде всего горой Сатурна и что римские археологи установили полную связь между этим холмом и холмом Крона в Олимпии по линии их традиций и религиозного происхождения (Dionysius Halicarn., I, 34). Этот холм Крона является, как и был сначала, пупом священного города Элизиума, первичного места их богослужения. Иногда его называют и Олимпом»¹. Здесь выявляется не просто общий символизм, но частная связь с символизмом, указывающим на Эдем в Арктике, о котором уже упоминалось как о холме Крона, как о пупе всей Земли².

Иерусалим — один из наиболее священных городов мира и в то же время город, в котором традиции начального рая сохранились в наиболее ясной и исторической форме. Поэтому кажется странным, что за всю долгую историю ни один правитель или священнослужитель ни разу не пытался усилить его привлекательность и степень святости, сделав его или какую-нибудь его часть символом древнейшей Святой земли и напомнить о наиболее ранней форме теократии. Но то, что такие попытки были, не вызывает сомнения.

¹ Beginnings of History. P. 151, 153.

² Римляне не создавали ни одного лагеря или города без начального священного пупа. «Он определялся на перекрестке *Decumanus* и *Cardo Maximus*, то есть там, где перекрещивались *Via decumana* и *Via principalis*. Этот перекресток находился перед *introitus Praetorii*; там также стоял *Ara castrorum*, там был пуп системы. Этот пуп теперь находится в Риме в виде остатков стены на северо-восточной оконечности Форума, и это место указывается как пуп». Kuntze. Prolegomena zur Geschichte Roms. Leipsic, 1882. P. 154.

Доныне посетителям показывают место, где, судя по одной из традиций, был создан Адам¹. Невдалеке, по другому религиозному учению, есть высеченная в скале могила, в которой была погребена голова первого человека². Есть небольшая речка Гихон, в названии которой сохраняется название одной из рек рая. Великое достоинство пруда Бетсаида в ранней христианской легенде приписывалось тому, что он соприкасался под землей с Древом Жизни, которое росло в центре рая³. Утверждают, что из этого же дерева был изготовлен крест Христа. Само название «гора Сион» звучит мемориально. Указание в Талмуде на «силу горы Сион» свидетельствует о том, что палестинский холм был назван по имени небесной горы, а не наоборот, как обычно утверждают. Истинное название святого города — это не «Сион» (хотя его часто сопоставляют с небесным названием), но «Дочь Сиона». Это просто копия, миниатюрное подобие истинной горы и города Бога «на северной стороне»⁴.

Ленорман настолько уверен, что Соломон и Иезекииль целеустремленно уподобили свою столицу райскому холму, чтобы символизировать и напоминать особенности Эдема, что он использовал этот факт как не вызывающий вопросов аргумент против той вооб-

Murray. Handbook for Syria and Palestine. London, 1858. Pt. I. P. 164. Другая версия: «И в восьми лье от Иерусалима — то место, где был создан Адам». Itinéraires à Jerusalem, et Descriptions de la Terre Sainte. Rédigés en français aux XI—XIII, siècles. Publiés par Michelant et Reynaud. Genève, 1882. P. 233.

² См.: *F. Piper. Adams Grab auf Golgotha. Evangelischer Kalender, 1861. P. 17 ff (illustrated). Phillippe Mousket (A. D. 1241) в своей поэме о святых местах писал, что это общая могила Адама и Евы: «И там в Иудее распяли сына Бога, где первый человек Адам погребен, нетронутый и оплакиваемый, и Ева, его жена, с ним» и т. д (Michelang et Reynaud, ut supra. P. 115).*

³ *W. Henderson. Identity of the Scene of Man's Creation, Fall, and Redemption. London, 1864. P. 10.*

⁴ См. главу 3 этой части книги.

ражаемой им критики, которая полагает вторую главу Бытия составленной после вавилонского изгнания. Он говорит: «Другим и решающим доказательством, по моему мнению, высокой древности повествования Бытия об Эдеме и о том, что евреи знали о нем задолго до плена, является намерение — так ясно выраженное Эвальдом — создать имитацию «четырех рек», что и доминировало в писаниях Соломона и Иезекииля, говоривших о распределении в Иерусалиме водных источников, а Иерусалим, в свою очередь, изображался как пуп Земли (Иез. 5:5), с приданием этому двойного смысла — и центра обитаемой земли, и источника рек. Четыре потока, омывавшие город и основание крепостного вала, — один из которых назван Гихон, как одна из райских рек, — были, как показал Эвальд, обозначены как истекающие под землей из источника свежей воды, который был под храмом; того священного источника жизни и чистоты, которому придавали высокую символическую цену пророки (Иоил. 3:18; Иез. 47:1—12; Зах. 13:1, 14:8; Откр.; Апок. 22:1)»¹.

В этой цитате, в добавление к твердому утверждению символического характера топографии и распределения рек Иерусалима, мы видим и включенную в символику локализацию. Город называется пупом Земли по двум причинам: во-первых, из-за его связей с окружающими странами² и, во-вторых, из-за того, что в нем был исток рек. В нашей следующей главе его указание станет даже более убедительным, чем он надеялся. Здесь же мы только отметим, что философское содержание этого символического центра в Иерусалиме подтверждается двумя фактами: 1) еврейская

¹ «Ararat and Eden» // The Contemporary Review. Vol. III, № 27 (Am. ed., p. 46).

² Первая из причин не имеет твердого обоснования, что ясно из факта наличия у евреев идеи о пупе Земли дальше к северу, восходящей к доиерусалимскому времени.

традиция сводилась к тому, что изначальный Эдем был центром Земли¹, и 2) тем утверждением, что Иерусалим есть пуп Земли, и евреи символически уподобляли его раю, что единственное и способно было поддерживать эти священные воспоминания.

Обращаясь к традиции эллинов, мы видим, что все современные интерпретаторы считают греков разделяющими «узкое тщеславие и безграмотность всех древних народов» и полагающими, что именно их земля была центром «плоского земного круга». И, благодаря некоторым выражениям Пиндара и высказываниям Павсания, утверждается, что первым принципом географии древних греков было признание Дельф истинным топографическим центром всей Земли.

Подобные представления весьма неудовлетворительны. Ведь термин «пуп Земли», относимый без колебаний к Дельфам, стоит в том же ряду, в каком название Афины применяется ко многим городам Америки. Были совсем другие топографические связи и ассоциации. Мы находим следы того же титула, применяемого к Олимпу, к Иде, Парнасу, острову Огигии, Нисе, горе Меру, Делосу, Афинам, Криту и даже Мероэ. Люди выглядят потерявшими понимание истинного значения концепции в таком множестве этих значений и изобретавшими грубые этимологические мифы для объяснения того, что казалось имеющим высокое значение²

¹ У Оригена («Избранные толкования на книгу Бытие») мы читаем: «Евреи передают, что место, в котором Бог насадил рай, называется Эдем, и говорят, что это середина мира, как зрачок глаза». См. также: *Hershon. Talmudic Miscellany*. P. 300.

² «Как только дитя (Зевс) родилось, куреты сразу отнесли его на Иду. На пути туда пуповина оборвалась и упала на середину равнины, которая и стала называться пупом взамен (имени, которое она раньше должна была носить)». *T. B. Eméric-David. Jupiter; Recherches sur ce Dieu, sur son Culte, etc. Paris, 1833. T. I. P. 248*, со ссылкой на Каллимаха («Гимн Зевсу») и на Диодора Сицилийского.

Как только мы выявим истинное значение «пупа Земли» как Северного полюса и соединим это с традиционными воспоминаниями о жизни в Эдеме, вся эта путаница разъяснится. «Центральный камень» Дельф, подобно «Омфалиуму» критян, становится просто памятным храмом, попыткой создать копию великого оригинала. И если все эти Олимпы, Иды и Парнасы, все эти холмы, были подобны подходящим репродукциям и локализациям единой небесной Горы богов на Северном полюсе, то чему удивляться, когда их именуют центром Земли.

«Пуп моря» у Гомера, остров Калипсо, подобным же образом несет на себе все отметки мифо-традиционного северно-полярного Эдема. Его название Огигия связывает его с далекой допотопной древностью¹. Этот остров расположен на далеком севере, и Одиссею нужен был порыв северного ветра Борея, чтобы удалиться от его берегов на обратном пути. Владычица острова Калипсо — дочь Атланта, а Атлант, по греческой мифологии и другим указаниям, находился на полюсе Земли. Это место райски прекрасно и убрано рощами и «нежными лугами фиалок» — так прекрасно, что «взглянув на него, даже бессмертный будет охвачен восхищением и удивлением»². Наконец, уподобляя чему-либо это место, мы, уже вне всяких вопросов, имеем еще и райский «фонтан», воды которого разделяются на «четыре потока, растекающихся в противоположных направлениях»³.

В холме Мерос мы видим лишь греческую форму названия Меру, как уже давно писал Кройцер⁴. Каждое из этих названий определяет пуп Земли по одной и той же причине. Египетское название Мероэ (в некоторых текстах Египта — Мер, в ассирийских —

¹ См.: *Welcker. Griechische Götterlehre*, I, 775 et seq.

² *Odyssey*, vol. 63—75.

³ *Ibid.*

⁴ *Symbolik*. Vol. I. P. 537.

Мирух, или Мируха) — место известного оракула Юпитера Аммона, произошло, возможно, от той же Мировой горы. Это объясняет те строки у Квинта Курция, которые так затрудняли комментаторов — в них предмет, представляющий божество, описывается в виде подобия «пупа, украшенного драгоценностями»¹.

Когда два голубя Зевса, слетаясь с двух противоположных сторон мира, определяют космическую центральность «Парнаса», речь в этом мифе идет о допотопном Парнасе². Это тот холм, на полярной вершине которого мы уже обнаружили жилище Зевса.

Нонн, описывая символический пеплос (покрывало богини), который на ткацком станке в Афинах ткала Гармония, сказал: «Сначала она изобразила Землю с пупом посередине, вокруг нее — небесную сферу с созвездиями... Наконец, вдоль внешнего края этой вещи он выткала Океан в круге»³. То, что Дельфы или Парнас и являются упоминаемым здесь пупом, далеко от истины. Это полюс, и способ использования термина указывает на то, что это было понятно каждому читателю и не требовало разъяснений. Настоящий храм Аполлона был не в Дельфах, а в том старейшем центре Земли, о котором Платон говорит в эпиграфе, приведенном перед этой главой. Его истинный дом — среди «гипербореев», в земле почти непрерывного света, и он лишь один раз в год посе-

¹ *Quintus Curtius. De Reb. Ges.*, IV, 7, 23. См. примечание в Lemaire's ed. Paris, 1822; там же: *Diodorus Siculus*, III, 3. Сарт. Вилфорд отмечает другое совпадение: «В пуранах говорится что... область первого климата — на Меру; у греков и римлян она — на Мероэ». *Wilford in: Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 289.*

² «До того времени» — до потопа, во время которого спасся Девкалион, — «Зевс хотел узнать, где центр Земли и послал двух голубей с двух концов мира, чтобы видеть, где они встретятся; они встретились на холме Парнаса и так было несомненно доказано, что это и есть центр мира». *C. Witt. Myths of Hellas. London, 1883. P. 140.*

³ *Lenormant. Beginnings of History. P. 549.*

щает Дельфы¹. Воспоминание об этом факте должно было бы разрешить не одно затруднение переводчиков Пиндара². По тексту Гекатея Милетского, богиня Лето, мать Аполлона и Артемиды, родилась на острове в арктическом океане, «за северным ветром». Более того, на этом острове гиперборейцев Аполлону непрерывно приносят жертвы в большом круглом храме в городе, жители которого все время играют на лирах и поют в его честь³.

Так сообщает Диодор (II, 47), и с этим согласуется воображаемое путешествие Аполлония Тианского — тезки Аполлона, — о котором говорится, что он отправлялся далеко на север Кавказа в область набожных гипербореев, где он нашел высокую священную гору, пуп Земли⁴.

В платоновском диалоге «Федон» мы находим очаровательное описание земного: «В этой волшебной обла-

¹ «В начале зимы Аполлон покидает Дельфы и улетает в таинственную страну гипербореев, где царит вечный свет и они избегают суровостей зимы». *Maxime Collignon. Mythologie Figurée de la Grèce*, Paris, 1883. P. 96. См. гимн Алкея, упомянутый в: *Menzel. Unsterblichkeitslehre. Vol. I. P. 87*. Автор не первый, кто вспоминает о полярной Меру: «У них (гипербореев) постоянно пребывают солнечный бог Аполлон и его сестра Артемида, подобно тому как на индусской Меру равным образом живут Индра, дух света, и Солнечный бог». *Dr. Heinrich Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts, oder die Uroffenbarung unter den Heiden. Münster, 2 ed., 1869. P. 73*.

² См.: *Olympian Odes*, IV, 74; VI, 3; VIII, 62; XI, 10. *Nemean*, VII, 33. *Fragm. I, 3 and passim*; ср.: *Olymp.*, II, III; *Pyth.*, IV, etc.

³ «Дорийское почитание Аполлона было северным по происхождению». *Humboldt. Cosmos* (Bohn's ed.), II, 511. Ср. у Пиндара во второй Олимпийской оде: «Гиперборейский народ, который служит Аполлону».

⁴ «Эта гора священна, это пуп мира». *Moreau de Jonnès. L'Océan des Anciens. P. 162*. Что же касается эгейского Делоса, лучшее объяснение дает Кири: «Делос затем считали пупом Земли, так как, пользуясь особой любовью Аполлона, он считался стоящим прямо под взглядом полуденного солнца». *Primitive Belief. P. 183*. Сравните, с другой стороны, «Фрагменты» Пиндара в честь Делоса, «Гимн к Аполлону» Гомера и японский вышеописанный миф об Оногородзима.

сти, — якобы говорил Сократ, — все, что растёт: деревья, цветы и плоды, — прекраснее, чем когда-либо; и там есть горы, а в них драгоценные камни, ровнее и прозрачнее и красивее по цвету, чем наши очень ценные изумруды, и сардониксы, и яшмы, и другие, которые всего лишь мелкие их частицы: так как там все вообще камни подобны нашим драгоценным и еще более красивы. Температура их времен года такова, что живущие там не болеют и живут намного дольше, чем мы, а также обладают более совершенными органами чувств — зрением, слухом и обонянием. И у них есть храмы и святые места, где действительно бывают боги, и они слышат их голоса и получают от них ответы, и понимают их, и беседуют с ними, и они видят солнце, луну и звезды такими, каковы они и есть¹.

Если же мы спросим, где это божественное прекрасное место, увидим, что каждое указание в тексте совпадает с нашей гипотезой. Мир будет прямо перед глазами, если смотреть на него с его вершины, с северного полюса небес. Рассматриваемый же из Греции или из соседних с ней земель он будет «над» — это «верхняя земля», ослепительная вершина «круглого» мира. И там есть пуп Земли, населенный счастливыми людьми.

Если что-либо и нужно для того, чтобы опровергнуть общее мнение о географической безграмотности и самоуважении, которыми руководствовались древние народы, локализуя в своих странах «пупы» Земли, то следует обратиться к древнейшему, по всей вероятности, эпосу — Ицдхубар, фрагменты которого сохранились в древневавилонской литературе. Эти фрагменты свидетельствуют, что жители Тигро-Евфратского бассейна локализовали центр Земли не на своей территории, а в далекой земле, в области священных связей, где находится «святое жилище богов» — в той земле,

в центр которой не проникал человек, в том месте, что лежит под «осеяющим его Мировым древом» и рядом с «преисполненной водой»¹.

Ни одно описание не может более полно уподобить это место Северному полюсу древней азиатской мифологии. И это свидетельство не может считаться единственным, так как во фрагменте другого древнего текста, переведенного Сейсом в «Records of the Past», говорится о «жилище», которое «боги создали для первого человеческого существа» и в котором эти существа «стали великими» и «возросли в числе». Место этого убежища описывается словами, точно соотносимыми со словами литературы иранцев, индусов, китайцев, создателей Эдды, ацтеков, а именно — «в центре Земли»².

В индусских пуранах постоянно повторяется, что Земля — это сфера и что гора Меру — это ее полярный пуп³. Но само слово «набхи» — «пуп» — древнее пуран, хотя и само слово «пурана» означает «древний». Подобно термину «пуп небес», оно встречается в древнейших гимнах Вед. Но где было это святилище, к которому относятся гимны? Оно не было святым местом в Бактрии или в Пенджабе. Ничего не говорит о том, что оно находилось в Индии. Но, с другой стороны, пятая строфа 185-го гимна первой мандалы Ригведы кажется наиболее полно обозначающей Северный полюс. В этой строфе Ночь и День представлены как сестры-близнецы в утробе своих родителей — Неба и Земли, взаимно связывающие и ограничивающие друг друга, но одновременно целующие «набхи» Земли. Ведь

A. H. Sayce. Babylonian Literature. London, 1878. P. 39. Суни Северо-Западной Африки определяют и в наши дни центр мира вне своей территории «между нею и Суданом». R. G. Haliburton. Notes on Mount Atlas and its Traditions. Salem, Mass., 1883. P. 8.

² Records of the Past, XI, p.109 seq. George Smith. Chaldaean Account of Genesis, 2 ed. P. 92. Lenormant. Beginnings of History, app., p. 508—510.

³ «Выпуклость в центре — это пуп Вишну». Asiatic Researches. Vol. VIII. P. 273.

повсюду на Земле, за исключением полярной области, ночь и день кажутся преследующими и вытесняющими друг друга. У них нет общего основания. На полюсе — и только там — о них можно сказать, что они с сомкнутыми руками вращаются вокруг общего центра и в единении целуют его с двух противоположных сторон². Таков истинный смысл, вложенный поэтом, и, вспоминая о легендарных красотах полярной горы, вокруг которой всегда ходят солнце и луна, мы должны признать, что этот образ в Ригведе и прекрасен, и пояснителен³.

В полном согласии с этим мы находим в другом гимне поэта, вопрошающего, где есть пуп Земли; при этом он не соединяет его с каким-либо местным центральным святилищем своей страны, но с крайним «концом земли» — это выражение применяется снова и снова в древних текстах для определения полюса и его окрестной земли⁴.

И опять, в другом ведическом гимне, пуп Земли располагается «над горами», и это снова указывает нам на север². В других гимнах встречается еще более точная его локализация — в тех, где поддерживающая небо колон-

¹ Следует сравнить с такой версией: «Приходящие вместе обе юные, чьи края смыкаются. Единые сестры в недрах обоих родителей, целующие пуп мира, защитите нас, Небо и Земля, от насилия». *Ludwig*, I, 182.

«Всегда идущие вместе, одинаково юные и равно завершенные кровные сестры, объединяющие пуп мира, в объятиях родителей; защитите нас, Небо и Земля, от великой опасности». *Wilson*, II, 188.

«Обе юные, граничащие друг с другом, сестры-близнецы в недрах родителей, целующие в средоточии земли пуп, охраните нас от ужасной напасти, Небо и Земля». *Grassmann*, II, 177.

Ср. с: Ригведа, I, 144, 3; II, 3, 6, 7 и др.

² Более поздний поэт заимствовал эту же идею: «Вокруг огня они торжественно скользили, прелестная со славным богом; и были подобны дню и звездной полночи, когда встречались на широкой равнине у подножия высокой Меру». Перевод: *Griffith*. *Kumâra Sambhava or The Birth of the War-God*. London, 1879.

³ Перевод Грассманна: «Я спрашиваю о конце Земли, я спрашиваю, где находится пуп Земли». *Rig Veda*, I, 164, 24; ср. 35.

⁴ *Rig Veda*, IX, 82, 3.

на — столб Атланта в ведической космологии — описывается как стоящая или в пупе Земли, или на нем¹.

Наконец, учение Вед говорит об этом столбе безошибочно, что недавно один ученый — хотя все его учителя утверждали, что космография ведических поэтов носила «эмбриональный» характер, а их земля была «плоским диском», накрытым плотным небесным сводом, — ознакомившись с космогоническим гимном о Диргхатамасе, сыне Маматы, пришел к заключению, что поэт знает о небесном и земном полюсах и, ища ответ на вопрос о месте зарождения человечества, уверенно локализует его в точке соприкосновения между полярной горой и полюсом северного неба².

Мы уже видели, что, по староиранской традиции, человек также был создан в «центральной» части Земли. Изначальное дерево, которое «хранило в себе силу всех видов деревьев», стояло рядом с «серединой Земли»³. Первоначальный бык, который стоял возле райской реки, когда явился погубитель, тоже «был в середине Земли»⁴. Гора Таэра (на пехлеви: Терак), небесный полюс и Какад-и-Дайтик — гора земного полюса — описываются одинаковыми словами: первая — как «центр мира», вторая — как «центр Земли»⁵.

¹ Rig Veda, IX, 86, 8; IX, 79, 4; IX, 72, 7 etc.

² Читатель будет, конечно, рад увидеть точный текст: «Связь земли и неба — есть ли это тайный брак, от которого родилось человечество? Небо — это отец, который порождает, а мать — великая земля, матка которой — на самой высокой части ее поверхности, на высоких горах; и это там отец «оплодотворил лоно той, которая являлась и его супругой, и в то же время его дочерью». По-видимому, это место связи, о котором говорит Диргхатамас, находится прямо на севере, где соприкасаются эти две поверхности, — на Северном полюсе, известном поэту; Полярная звезда именуется Уттанапада. Наверняка сумма позитивных знаний, собранных этим философом, была довольно значительной». *Marius Fontane. Inde Védique. Paris, 1881. P. 94, 200.*

³ *West. Pahlavi Texts. Pt. I. P. 161.*

⁴ *West. Pahlavi Texts. Pt. I. P. 162.*

⁵ *Ibid. P. 22, 36.* Так, в соответствии с дуализмом и полярной противоположностью, на которую содержится ссылка в контексте, «ад находится в середине Земли», на Южном полюсе (p. 19).

Выражение «апам непат» — «пуп воды» — снова и снова встречается в «Авесте» и всегда относится или к мировому источнику, из которого истекают все реки, или к покровительствующему ему божеству¹. Но поскольку этот мировой источник — Ардви Сура — расположен на северном полярном небе (см. следующую главу), мы встречаем здесь определение пупа мира, неотделимого от древней священной райской горы на полюсе...²

Китайский земной рай описывается не только как центр Земли, но и как прямо расположенный под небесным дворцом Шан-ди. Этот дворец, как сообщается, находится на Полярной звезде и иногда именуется Центральным дворцом³. Весьма вероятно, что историческое название «срединное царство» было сначала священным⁴, напоминающим об этой начальной срединной области, которую аккадцы называли Аккадом, индусы Илавритой, иранцы Кванирасом, а норвежцы Идавёллем. В погребальных обрядах китайцев это предположение встречает неукоснительное подтверждение⁵.

¹ См. индекс к Darmesteter's Zend-Avesta. Ср. ведический гимн (II, 35) «Сыну воды», апам напат, чье место находится «на высочайшем месте». Ср. с цитатой из Риттера, часть IV, глава I, *supra*.

² «Этот Албордж, Гора света, пуп Земли, вокруг которого ходят солнце и луна и звезды». *Carl Ritter. Erdkunde. Bd. VIII. P. 46.*

³ «На Куньлуне стоит Дворец отдыха Шан-ди... Жена Шан-ди живет вблизи, над ее местом стоит небесный дворец Шан-ди, прямо в центре небес, подобно тому как его земной дворец стоит в центре Земли... Королева-мать живет одна посреди него, где развлекаются гении. На самой вершине — блистательный ажурный зал с озерами, оправленными драгоценными камнями, и много храмов. А сверху властвует чистый свет всегда недвижной Полярной звезды». *Condensed from the Chinese Recorder. Vol. IV. P. 95.*

⁴ *Frédéric Klee. Le Déluge. Paris, 1847. P. 188, note.*

⁵ «Когда я вам говорил об обычае жертвенных возлияний в Китае, я упоминал, что при этом поворачиваются к Северному полюсу, адресуя возлияния своим умершим. Обсуждая вопрос уважения этого народа к его предкам, не замечают естественного объяснения этого обычая, то есть того, что китайцы поворачиваются к той стране света, откуда они произошли и где покоятся их предки». *Bailly. Lettres sur l'Origine des Sciences et sur celle des Peuples de l'Asie. Paris, 1777. P. 236.*

Обращаясь к Японии, интересно отметить, что айны, которых предположительно считают ее первыми обитателями, пришли, как полагают, на архипелаг «с севера»¹ и что их небо лежит там же, на недостижимых горных вершинах², а их название, по мнению многих ученых, означает этимологически «потомство центра»³.

При погребении они всегда кладут покойных так, чтобы их лица, после того как они воскреснут, были повернуты к высокой северной стране, откуда, как они верят, пришли их предки и куда вернутся и их души⁴.

Рассматривая эти данные в связи с материалами главы 2 части V, можно лишь с трудом избежать заключения, что Гриффис сообщает нам о японцах, считавших свою страну находящейся на «вершине мира». Когда же другие говорят, что японцы рассматривали

Griffis. The Mikado's Empire. P. 27.

² «Эта мифическая пара была предками айнов. Их потомство, в свою очередь, заключало браки, некоторые друг с другом, а иные с горными медведями (племя Медведь?). Родившиеся от таких союзов люди были необычайно доблестными и ловкими охотниками. После долгой жизни вблизи места своего рождения они уходили на север, где живут и сейчас на высоких и недостижимых плоскогорьях над горами и, будучи бессмертными, оказывают магическое воздействие на дела и судьбы людей, айнов». *Ibid. P. 28.*

³ *Ai-no-ko. Ibid. P. 29.*

⁴ «Здесь небезынтересно вспомнить о том, что айны хоронят мертвых головой к югу... Айн сегодня, как и в древние времена, при похоронах покрывает тело покойника циновками и помещает его головой в сторону юга, в могилу глубиной около трех футов». *Notes on Japanese Archaeology with especial reference to the Stone Age, by Henry von Siebold. Yokohama, 1879. P. 6.* Пусть читатель не думает, что это бессмысленный обряд неразвитых дикарей. «Из всех этих наблюдений, как и из традиций айнов, в которых постоянно повторяются сожаления о лучших временах, а также из многих особенностей их обычаев мы можем заключить, что айны входят в один класс с теми народами, которые раньше обладали более развитой цивилизацией, но деградировали в результате изолированного положения. Открытия в области доистории... поддерживают этот взгляд. Остаточные ямы от бывших жилищ указывают на то, что айны пришли на Йедзо с севера». *Professor Brauns, of Halle. Translated from Memoirs of the Berlin Anthropological Society, in «Science». Cambridge, 1884. P. 72.*

свою страну как «центр мира»¹, то, вероятнее всего, эти ученые приписывали современным японцам идеи, некогда относившиеся к далекой доисторической полярной Японии, изначальному месту этого народа, как оно запомнилось и сохранилось в наидревнейшей традиции айнов.

В скандинавской мифологии мы встречаем аналогичные идеи. В Эдде оба места, и Асгард, и Идавёлль предстают как находящиеся в «центре мира», но один автор, объяснявший причину этого, пришел к потрясающей истине, хотя сам упустил ее².

Древние мексиканцы полагали, что колыбель человечества была на удаленнейшем севере, на самых высоких горах, окруженных облаками, где жил бог Тлалок. Отсюда приходят дожди и все потоки, так как Тлалок — бог воды. Первый человек Кетцалькоатль после своего царствования в дни золотого века в Мексике вернулся по велению бога в изначальный рай на севере и испил напиток бессмертия. Громадный террасированный храм-пирамида в Чолуле был копией и символом священной райской горы ацтекской традиции; эту гору описывали как стоящую «в центре Срединной страны»³. Некоторые мексиканские мифы го-

¹ «Японцы в период своего раннего отделения рассматривали свою страну как центр и наиболее важную часть мира». *J. J. Rein. Japan, Travels and Researches*, English translation. London, 1884. P. 6.

² «Наши предки скандинавы помещали жилище своих богов, Асгард, в середину мира, то есть в центр поверхности земли того времени. Весьма замечательно, что такая идея имела под собой основание, потому что следует принять, как, по-моему, я доказал, что Европа, Азия и Америка, объединенные Северным полюсом, составляли до потопа единый континент». *Frédéric Klee, Le Déluge*, Fr. ed. Paris, 1847. P. 188n. Но, взбираясь «на высочайшие горы Азии», как на упомянутый центр, мистер Кли утрачивает главное преимущество предложенного им соединения континентов на полюсе. — Тевтонский пуп мира существует в Финцингене, вблизи Альтштадта, в саксонском Веймаре. См.: *Kuhn und Schwartz. Norddeutsche Sagen*. Leipsic, 1848. P. 215.

³ *Im Centrum des Mittellands. Lüken. Traditionen*. P. 75; citing Clavigero, *Storia del Messico*, t. II, 13, 14. «Мексиканцы приносили жертвы на

юрят о ней как о «разрушенной» или частично опрокинутой. Истинное значение такого образа объяснено выше.

Среди древних сюжетов у инков Перу¹ обнаружена та же идея пупа Земли, что и в среде чикасо Миссисипи².

Так, все помыслы древних исполнены этой легендарной идеи о таинственном, изначальном, священном пуповином центре Земли — месте, сообщающемся — как и одно другое — с «центром небес», раем Бога. Нам никто не пояснял, почему это было так, но гипотеза, помещающая библейский Эдем на полюс и придающая всем другим земным «пупам» лишь роль напоминания об этом первичном рае, требует полного разъяснения. В свете такой мысли нетрудно понять, что центр Земли находится и в Иерусалиме, с чего мы и начали.

высочайших горах, потому что верили, что на них живет Тлалок, влашка рая. Горы они считали и центральной точкой Земли и вместе с тем местом, ближе всего стоящим к небу». *Keerl. Die Schöpfungsgeschichte.*

¹. 799. Таким образом, национальный храм Тлалока и Вицилпуцли, его жратва, стоял в центре города Мехико, где встречались четыре основные дороги, ведущие к востоку, западу, северу и югу. В центре храма была богато орнаментированная колонна, считавшаяся особо священной. *Bancroft. Native Races. Vol. III. P. 292.* Молитва народа Киче, обращенная «сердцу неба, сердцу земли», кажется, основана на такой же концепции истинного места бога. *Popol Vuh. Max Müller. Chips from a German Workshop. New York, 1872. Vol. I. P. 335.*

¹ «Центр и столица этой обширной территории — Куско, то есть пуп», где к границам царства сходились четыре важнейшие дороги — северная и южная, восточная и западная, каждая из которых пересекала четыре вассальных провинции, на которые делилось Перу». *The Land of the Incas, by W. H. Davenport Adams. London, 1883. P. 20.* В центральном раме здесь был столб, поставленный в самом центре круга на оси храма, тот круг пересекал диаметр, направленный по линии восток — запад.

². *Dabry de Thiersant. De l'Origine des Indiens du Nouveau-Monde et de leur Civilisation. Paris, 1883. P. 125.* Еще интереснее отметить, что о предшественниках перуанцев сообщают, будто у них была мысль о том, что отворение мира происходило в направлении с севера на юг. *Dorman. Origin of Primitive Superstitions. Philadelphia, 1881. P. 334.*

² «Некоторые из больших курганов (всхолмлений) в Миссисипи назывались «пупами» чикасо, хотя об индейцах говорят, что они не знают, были ли это естественные или насыпные холмы. Они считали Миссисипи центром Земли, а эти холмы были подобны пупку на теле человека». *Gerald Massey, со ссылкой на: Schoolcraft, I, 311.*

Неприметная колонна в церкви Гроба Господня и символизирует, и напоминает гораздо больше, чем географическую безграмотность Средневековья. Она такова же, как и японская колонна, по которой первая родившаяся на Земле душа поднялась на небо. Она соответствует и Мировому столбу восточных ариев, и Мосту Чинват иранцев. Она равнозначна и Колонне закона в Атлантиде, поставленной в самом центре наиболее центральной области; и тому столбу Талмуда, по которому жители земного рая поднимались в рай небесный и, проведя там субботу, возвращались на Землю на неделю. Она символизирует Кардо, Атлас, Меру, Хара-Березайте, Харсак Курра, — каждую сказочную гору, о которую опирается небо и вокруг которой вращаются все небесные тела. В ней увековечен религиозный символизм, существовавший в каждой стране еще до того, как евреи основали Иерусалим как свою столицу. Она напоминает нашему современному миру *tabbur 'ha-aretz* того периода, который предшествовал дням Самуила¹. По традиционной вере, она отмечает то место, «откуда была взята глина для создания тела Адама». Она играет эту свою роль, но на таком языке и таким образом, которые были бы общими для всех древних народов Земли. Она указывает не на землю, на которой стоит, но на священную почву далекого изначального Эдема².

¹ Книга Судей, IX, 37 (margin).

² Подлинная научная основа древнего символизма наглядно показана в нашей приведенной выше карте-рисунке (см. с. 220) с изображением реального соотношения всех континентов с Северным полюсом.

ГЛАВА 5

РЕКА, РАЗДЕЛЯЮЩАЯСЯ НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

Как я обнаружил, из рая истекала, чтобы вспаивать дерево, и траву, и все, что там вокруг росло, и все шире разливалась вода, разделяясь на четыре потока.

Лутвин

Здесь водная система подобна чуду.

Гриль

И река истекала из Эдема, чтобы обводнять сады, и, исходя оттуда, она разделялась на четыре потока....

В главе 2 части II мы показали простую и естественную интерпретацию, предлагаемую гипотезой о начальном циркумполярном континенте. Если читатель вернется к этим страницам, он увидит, каким естественным способом могла образоваться эта водная система потерянной «земли радостей», где, судя по традиции, одна разделенная река обводняла всю землю. Сложно здесь привести в подробностях все затруднения, связанные с попытками идентифицировать эти четыре реки¹.

¹ «Мы полностью согласны с Деличем-старшим в том, что рай потеряян, и четыре реки — это загадка: а где же рай? Но этот вопрос остается без ответа». *Ebers. Egypten und die Bücher Mose*. P. 30. См. статьи «Гихон», «Фисон», «Эдем» в книге: *McClintock and Strong's Cyclopaedia*. «Где будет обнаружен исток реки, растекающейся на четыре потока, даже если мы допустим факт существования каналов, которых больше нет, там и будет открыт библейский рай — в любой из стран — в Азии, Африке, Европе или Америке». *Gerald Massey. The Natural Genesis*. Vol. II. P. 162. Сэмюел Джонсон (*Oriental Religions; Persia*. Boston, 1885. P. 253) предположил, что «четыре реки» в истории евреев — это две реальных, Тигр и Евфрат, плюс две воображаемых: «Эти слова просто значили «текущие воды», и этот общий термин сводился к числу «четыре» как к условному знаку полноты, такому в мифологиях Востока» — но это ненаучная и догматическая выдумка, пантеистическое толкование древних религий и их истории.

По нашей интерпретации, исходная река начинается на небе, затем разделяется на высоте полюса, и четыре образовавшиеся реки — это четыре потока циркумполярного континента, стекающие по разным направлениям в окружающее море. Находит ли такое объяснение поддержку во взглядах и в традициях древнего мира?

Тот, кто внимательно читал текст до этого места, видел, что это так. Обратимся к рекам персидской колыбели человечества — где их исток? Если спрашивающий не углублялся до этого в изучение сравнительной священной гидрографии, он удивится, обнаружив, что, по мысли персов, не только реки рая, но и все земные реки имели один исток и одно место растекания. Этим истоком была Ардви Сура на небесах — на небесах полюса. «Этот небесный источник, — говорит Хауг, суммируя содержание «Абан яшта», — этот небесный фонтан порождается тысячью ключей и имеет тысячу каналов, длина каждого из которых измеряется сорока днями пути. Отсюда канал проходит через все семь каршваров, или областей земли, разливая повсюду чистую небесную воду»¹.

Приведем древнее воззвание к Анахите, владычице этой небесной воды: «Явись мне, Ардви Сура Анахита! Тебе поклоняются искусные властители, правители стран, и сыновья этих правителей»². С вершины небесных высот призывается Хугар, то есть «высокий»: «Хугар высокий — это гора, с которой стекают с высоты в тысячу человек воды Ардви Суры»³. И снова мы читаем: «Хугар высокий, по которому воды Ардви Суры текут и бурлят, главная среди вершин, так как он тот,

¹ Essays, 2 ed. P. 198. См. перевод Дармштетера: «Из этой моей единственной реки изливаются все воды, растекающиеся по семи каршварам; только эта моя река течет, давая воду и летом и зимой». The Zend-Avesta. Pt. II. P. 52—84.

² Haug. Ibid. P. 198. Darmesteter. Ibid. P. 73.

³ Budhahish (West), XII, 5. The Zend-Avesta (Darmesteter), II. P. 54.

над которым бурлит Сатавэс, владыка водных вместилищ»¹.

Как и все реки, текущие по семи областям, так и озера, и моря, и океаны порождены одним небесным источником. «Все непрерывно истекает из источника Ардви Суры, черпая из него тепло и ясность, очищающие сильнее всех других вод»², Все воды, как бы их ни называли, являются частями потока, спускающегося с небес. «Другие бесчисленные воды и реки, ключи и каналы — все обладают общим происхождением и едины, хотя в разных районах и разных местах их называют по-разному»³. Даже сок растений, и кровь, и молоко, и все семнадцать видов жидкости, перечисленных в «Яштах», являются частями одного космического потока. «Все они, возрастая в себе или в растущем теле, снова смешиваются с реками, так как тело и возрастание — это единство»⁴. Таким образом, все,

¹ Bundahish, XXIV, 17. Когда Вест (Pahlavi Texts. Pt. I. P. 25, note 6) использует последние слова этой цитаты, чтобы показать, что Хугар, вероятно, «стоит в западной области, в его аргументации есть две ошибки, которые, кажется, разделяют все специалисты по Авесте. Во-первых, ошибочно считать, что звезда Сатавэс это не Тиштар (Тиштрия), а во-вторых, Тиштар — это не Сириус, а Полярная звезда. Раньше Сириусом называли разные звезды, в том числе ту, что на «середине неба» — на полюсе (*Ideler. Sternennamen. P. 216*). Хугар (Хукарайа) — это небесная высота Полярной звезды над Хара-Березайте, и этот термин первоначально применялся к земной полярной горе. *Âbân Yasht, 88. См.: Windischmann. Zoroastrische Studien. P. 171.*

² Bundahish, ch. XIII, 3. Глава о морях.

³ Ibid, XX, 33. Ранха — название Мировой реки в «Авесте» — было изменено на Аранхам — Аранг — Аринг и даже Арг. *Windischmann. Zoroastrische Studien. P. 187, 189.*

⁴ Ibid. XXI, 2. Генри Боумен в своей работе «Eighteen Hundred and Eighty-one; or the End of the Eon» (St. Louis, Mo., 1884. P. 36) приводит следующую замечательную интерпретацию спускающейся с неба реки: «Трон бога — это вершина, кульминация прямо над осью полюса, а также в центре города, соответствующая Древу Жизни, которое в древнем процессе созидания было посажено в центре сада и от которого изливается электрический ток, — «чистая река жизненной влаги, кристально прозрачная».

что имеет сущность жидкости, считается порожденным единым источником, находящимся высоко в полярном небе Севера. Направляется ли оно кем-либо? Что получается из всего этого? Куда уходят все эти миллиарды ручьев и рек в конце концов? Если, как уже говорилось в этой книге, все они зарождаются в зените, то и заканчиваться они должны были бы в надире (в нижнем мире). Но в этом нижнем мире сбора вод, теперь уже оскверненных контактами со всем развратом и низостью мира, им не разрешают остаться и накапливаться¹. Этот сборный пруд вселенной имеет проницаемое дно. Способами процеживания, испарения и насыщения воздухом оскверненные воды очищаются звездой Тиштар и снова приносятся в резервуар в зените, из которого непрерывно пополняется поток Ардви Суры². Воображение иранцев превратило мысль об изначальном потоке Эдема в чудесно разработанную систему циркуляции космических вод. Но никогда, даже в самых экстраординарных мифологических украшениях этой идеи не было забыто то, что изначальный единственный поток зародился в северном полярном небе и что его разделение на земные потоки и реки произошло на священной горе, стоящей в центре Кванираса, в центральном и циркумполярном кешваре всей обитаемой земли³.

¹ Этот нижний мир долго неверно считался «пещерой», где, по ведическому мифу, демон пытался заключить похищенных коров дождя, чтобы земля была поражена засухой.

² Ibid., XX, 4. «Вендидад». V. 16—19. Более полно и ясно описано в «Dādistān-ī Dīnik», ch. XCIII. Древние идеи еще живут в фольклоре: «В истории о Никирими и Хусейме (из «1001 ночи») один ангел в облике льва и другой как сторож крепости славят бога. Крепость может открыть лишь ангел Гавриил. Она ведет к морю у рубиновой горы, источнику всех вод земли; из него ангелы черпают воду для всей земли до дня воскресения мертвых». *Justi. Geschichte des alten Persiens*, 1879. P. 80.

³ Ср.: *Spiegel. Eranische Alterthumskunde*. Leipsic, 1871. Vol. I. P. 198—202.

Различные фрагментарные упоминания старейших греческих поэтов об Океане и реках, кажется, содержат намеки на то, что им некогда была известна концепция циркуляции вод всей Земли. Так, судя по известным строкам Гомера, именно из Океана, применяя это название в определенном смысле, «проистекали и каждое море, и все источники»¹. Ту же идею высказывает и Еврипид². Имеется, таким образом, один источник, питающий все воды мира. Эту же концепцию мы видим у Гесиода в его «Теогонии», где все реки, как сыновья, и все ключи и ручьи, как дочери, восходят к Океану. Затем мы видим, что все воды непрерывно движутся, опускаясь, пока не достигнут Океана-реки, окружающей по экватору весь мир, под которым находится подземный мир. От этого экваториального Океана, от его южного, или нижнего, берега, отделяются новые ветви и образуют речную систему царства ада. Другие подземные реки представлялись, видимо, как просверливающие насквозь землю и проникающие на поверхность нижней ее полусферы. Есть все же некоторые свидетельства, что греки, подобно персам, знали идеи внутриземного обращения вод и реки даже напоминали циркуляцию крови в человеческом теле³. Иногда эти подземные реки упоминаются в количестве четырех, что превращало циркулярную водную систему подземного мира в полное подобие рек Эдема на вершине верхней полусферы⁴. Все они, более того, подобно рекам персидского подземного мира, кажутся устремляющимися вперед и всегда до тех пор, пока последний взгляд, порожденный воображением, не будет брошен на то, как они

¹ Iliad, XXI, 195.

² Hippolytus, 119.

³ Bundahish, VIII, 4.

⁴ «В подземном мире было, кроме Стикса, еще три реки. Эта четверичность приравнивает их к рекам рая». *Wolfgang Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Vol. II. P. 6.*

стекают с верха грота богини Стикса, или, как это представляет Преллер, «падают оттуда под землю, вниз, в глубокую-глубокую ночь»¹.

Таким образом, мы имеем здесь объединяющую водную систему, охватывающую всю землю, и замечательный термин Гомера и Геосида «*apsogtoos*» — «отливающий» — вполне может означать подземное состояние, определяемое как «*prokhoe*» — «изливание»², обратное течение в естественно-природном порядке, направленное к пополнению исходного источника, составляя, таким образом, цельное единство в каждой своей части, что и отражено в священной гидрографии персов³. Допуская это, следует теперь локализовать Океан-источник не там, где его до сих пор помещали Преллер, Уэлкер и Фёлкер, как и другие мифографы, но на дальнем севере, на небе. То, что такая локализация была изначальной, ясно из всех местных вариантов, находимых в мифологических указаниях, касающихся истинного дома Океана и Тетиса. И это дальше подтверждается многими отдельными свидетельствами, которые связаны с такими мифами, как миф об Эридане⁴, Ахелое, о рождении Зевса и особенно об Атланте и его детях⁵.

¹ *Preller. Griechische Mythologie*, I, 29. Платон в своем космическом рассказе в диалоге «Федон» говорит, что река Ада течет в Тартар.

² *Odyssey*, XX, 65.

³ «Источник Ида» почти полностью соответствует иранскому Хутару, по склонам которого стекают воды Ардви Суры. И еще в его названии Ленорман и другие находят общий корень с Илавритой, циркумполярной райской землей в географии пуран. Добавим, что Илаврита соответствует норвежской Идавёлль — «равнине Иды», которая «в середине дома богов». *Mallet. Northern Antiquities*. P. 409.

⁴ «Эридан — это изначально мифический поток». *Ideler. Ursprung der Sternennamen*. P. 229. См.: *Robert Brown Jr. Eridanus*. London, 1883.

⁵ См. подобные выводы: *Grill. Die Erzväter der Menschheit*. Leipsic, 1875. I. P. 222, 223. Грилл считает, что древние германцы знали подобную Мировую реку (p. 223). Я думаю, что в финской мифологии есть следы такой же космической циркуляции вод, в восходящем потоке «*Ämmä*» и в нисходящем *Ukko*. *Castren. Mythologie*.

В самой древней аккадской, ассирийской и вавилонской литературе встречаются выражения, которые кажутся ясно указывающими на наличие в среде этих народов точно такой же концепции, касающейся мировых вод¹. Это же относится и к египетской литературе, но и в том и в этом случаях данные слишком скупы, чтобы использовать их как полностью подтверждающие аргументацию². Поэтому мы пойдем мимо них и завершим, взглянув на реку Эдема древних индийских арьев.

Она, как уже говорилось, — это древняя индийская Ганга, рожденная на небе. В Ведах ее называют «рекой трех миров», потому что она течет по небу, земле и подземному миру. В ведические времена «исходный источник и дом вод определялся как высшее небо (парамам вьомам), то есть та область, которая особенно священна для бога Варуны»³. Это ясно иллюстрируется в строфах отрывка: например, в красивых сло-

Р. 45. Прочитав статью в «Buxtorfii, Lexicon Chaldaicum, Talmudicum et Rabbinicum». Lipsiae, 1865. Р. 341, 342, можно думать, что мы видим здесь зарождение идеи двух движений в философии Гераклита: «путь вниз» и «путь вверх». И опять: «В Эдде все реки берут начало из той, что именуется «Ilver Gelmer». Asiatic Researches. Vol. VIII. Р. 321.

¹ Следует обратить внимание лишь на древний аккадский гимн, приводимый в: *George Smith. Assyrian Discoveries*. Р. 392, 393, а также на исключительно интересную статью: *Sayce. «The Encircling River of the Snake-God of the Tree of Life»*, in: *The Academy*. London, Oct. 7, 1882. Р. 263, и, наконец, на поучительное указание на аккадскую «Мать рек», что приведено в: *Lenormant. Origines*. II. Р. 133, цитата из этой работы уже приводилась выше. См. также: *Robert Brown. The Myth of Kîrkê*. Р. 110.

² «Египтяне издревле знали о обтекающем землю потоке». *Grill. Die Erzväter der Menschheit*. I. Р. 277.

³ *E. D. Perry. Journal of the American Oriental Society*, 1882. Р. 134. Он добавляет в сноске: «В Ведах термин «вода» и все другие, связанные с ним, — поток, река, течение, океан и пр. — применяются исключительно к наземной воде или к пару в небе, или к дождю в воздухе». Ср.: *M. Bergaigne. «Вода земных рек признается идентичной по своей природе и по своему происхождению воде небесных рек»*, и т. д. *La Religion Védique*. T. I. Р. 256. См.: Р. 251—261.

вах молитвы о бессмертии, в которой четырехчастный¹ головной источник всех вод находится на священном центре небес². Иногда льющийся с неба поток называется Синдху³, а иногда Сарасвати⁴. В более поздней «Махабхарате» головной источник помещается в небо Вишну, высоко над высочайшей Полярной звездой. Эфирные воды, спускаясь, омывают Полярную звезду и созвездие Семи пророков (Большую Медведицу) и полярный центр «лунной орбиты»⁵, падая оттуда на вершину прекрасной горы Меру.

«На вершине Меру — говорится в «Вишну-пуране» — находится обширный город Брахмы... охваченный рекой Гангой, которая, изливаясь от ног Вишну и омывая лунную орбиту, стекает сюда (на вершину Меру)

¹ Ригведа, IX, 74, 6.

² Ригведа, IX, 113, 8. В переводе Грассмана: «Там, где царит сын Вивасвата и где святилище небес, где всегда бьет родник воды, там преврати меня в бессмертного». См. общий Гимн к водам и, в частности, к «Пупу вод» (Ригведа, II, 35), сравнивая с воззванием к «Пупу вод» в «Яштах». Darmesteter. Zend-Avesta, II, 6n, 12, 14, 20, 36, 38, 39, 71, 94, 102, 203. Windischmann. Zoroastrische Studien. P. 177—186.

³ «Индиец ведийских времен говорит о Синдху как о небесном потоке или мировом потоке, в котором он усматривает атмосферные испарения и воду как пребывающие в движении и омывающие земной круг». Grill. Die Erzväter der Menschheit. Th. I. P. 197.

⁴ См. отрывки из Вед в: Bergaigne, La Religion Védique. T. I. P. 325—328.

⁵ Wilkins. Hindu Mythology. London, 1882. P. 102. В индийской космологии концентрически объединяются лунная сфера и земная. Поэтому вода, перпендикулярно ниспадающая с небесного полюса на земной, может попутно «омыть и лунную сферу». Так происходило и с Райской горой индусской космологии, и следы этой идеи очень ясно видны в Талмуде и в теологии отцов церкви, что не обесценивает даже Масси: «Меру описывается как достигающая Луны и становится образом четырех лунных периодов... Поэтому существует традиция, говорящая о том, что рай сохранялся и во время потопа или избежал его; поясняется это нахождением его на горе, достигавшей Луны (Bereshith Rabba, XXXIII). Это говорит о продолжении представлений о типичном включении семи звезд в лунные фазы отсчета времени, где гора из четырех частей несла на себе Эдем». The Natural Genesis. Vol. II. P. 244.

с неба, а после обтекания города¹ разделяется на четыре могучие реки, растекающиеся в противоположных направлениях. Это реки Сита и Алакананда, Чакшу и Бхадра. Первая, спадая на вершину внутренних гор, к востоку от Меру, течет через перевалы и дальше по стране Бхарашве к океану. Алакананда течет к югу сквозь страну Бхараты и, разделившись на семь рек на своем пути, впадает в море. Чакшу вливается в море после пересечения всех западных гор и протекания по Кетумале. И Бхадра омывает страну Уттаракуру и вливается в северный океан².

Здесь опять, как и утверждается в нашей интерпретации книги Бытие, происхождение четырех рек приводит нас к вершине на полюсе — к единой реке, изливающейся с северно-полярного неба. Занятные

¹ Здесь, вероятно, корень любопытного мнения сабеев о Евфрате. Или это было заимствовано с другой стороны? «Сабеев уверены, что Евфрат, который, по их мнению, берет начало под престолом Аватера (того, кто возглавляет суд над душами и чей трон находится под Полярной звездой), протекал некогда по Иерусалиму». *M. N. Siouffi. La Religion des Soubbas ou Sabèens. Paris, 1880. P. 7, note.* Город Иеговы здесь заменяет город Брахмы.

² «Вишну-пурана, версия Уилсона. Т. VII. С. 120. Ср. с мнением китайских буддистов: «Относительно земли Джамбу-двипы буддисты говорят, что в ее середине есть центр (сердце), именуемый озером А-ньеоу-то (А-неу-то) — «Анаватапту». Оно лежит к югу от Ароматных гор и к северу от Снежных гор (Гималаев). Его окружность равна 800 ли. Посреди него жилье Нага, то есть принявшего такой облик Дасабхуми Бодхисатвы (или Бодхисатвы десяти земель). Из его жилища вытекают четыре освежающие реки, окружающие Джамбу-двипу. С восточной стороны озера, из пасти серебряного быка, вытекает Ганга. Окружив озеро, она впадает в море на юго-востоке. С его южной стороны, из пасти золотого слона вытекает Синдху (Инд). Окружив озеро, она впадает в море на юго-западе. С западной стороны из пасти коня из лазурита истекает река Фо-цзу (Вакшу, то есть Окс), окружив озеро, она впадает в море на северо-западе. С северной стороны вытекает из пасти хрустального льва река Сиды (Хуан-хо) и после одного круга течет в море на северо-востоке». *Beal. Buddhist Literature in China. 1882. P. 149.*

совпадения этих изначальных концепций происходят с самых отдаленных континентов¹. Поздняя христианская легенда свидетельствует об этих следах — Монdevиль в описании райского источника говорит: «Все пресные воды мира вверху и внизу берут начало в этом райском колодце; из этого колодца они приходят и утекают все». Этим дается ясное выражение идеи единой космической циркуляции². Так, в апокрифическом «Откровении апостола Павла» ангел, показывавший апостолу чудеса небесного города, дал ему увериться в существовании такой Мировой реки, чей исток был на небе, но главное течение которой окружало Землю. «И он привел меня к реке, чей исток был в кругу неба, и это та река, что окружает весь мир. И он сказал мне: эта река и есть океан»³.

¹ Так, в Африке, в среде дамаров «высшее божество — это Омакуру, Податель дождя, и он живет далеко на севере». *E. B. Tylor. Primitive Culture, Am. ed. Vol. II. P. 259.* «Древние мексиканцы верили, что рай находится на высокой горе, где собираются тучи, откуда они приносят дождь, и откуда притекают реки». *Lüken. Traditionen. I. P. 115.* И Райская гора была на далеком севере. См. патетическую молитву к Тлалоку в: *Bancroft. Native Races. Vol. III. P. 325—330.*

² Ср. со строками 482—487 старонемецкой легенды о Брандане в: *Carl Schroeder. Sanct Brandan. Erlangen, 1871. P. 61:* «Перед залом был колодец, из которого текли молоко и вино, что могло быть еще более чудесным, ведь даже масло и мед оттуда текли, и растекались они на четыре конца». Издатель связывает эту последнюю строку с четырехкратной Райской рекой, а следующие тут же строки придают этому несомненное космическое значение: «Из этого самого колодца зародились и корни, которым бог повелел быть».

³ *The Apocryphal Gospels, Acts and Revelations. Ante-Nicene Christian Library. Vol. XVI. P. 483.*

ГЛАВА 6

СРЕДИННОЕ ДРЕВО

Древо Жизни, Срединное Древо, высочайшее там росло.

Мильтон

И яблоня, и источник, как и дракон Садов Гесперид в сказках и легендах большинства народов, появлялись в центре природы, а также на вершине Мировой горы на Северном полюсе.

Вольфганг Менцель

В книге Бытие (3:3) говорится, что в центре сада Эдема было дерево, занимавшее исключительное положение по своему характеру и по отношению к людям. Его плоды были «хороши на вкус», оно было «приятно для глаз», оно было «желанным деревом»¹. На первый взгляд может и не выявиться, как нам может помочь в локализации изначального рая рассмотрение описаний этого дерева в разных мифах

Было ли это «Древо Познания» идентично «Древу Жизни»? Возможно. «Традиция Бытия», — как говорит Ленорман (Beginnings, p. 84), — иногда кажется относящейся к двум деревьям — Древу Жизни и Древу Познания, но затем опять как будто говорит об одном, опуская оба описания» (Бытие, 2:17, 3:1—7). Ср.: *Ernst von Bunsen. Das Symbol des Kreuzes bei allen Nationen. Berlin, 1876. P. 5.* Чтобы свести все описания к образу одного дерева, нужно сначала перевести последние слова в главе 2:9: «и Древо Жизни посреди рая и даже (в русском переводе Библии слово «даже» отсутствует. — Н. Г.) Древо Познания добра и зла», а затем слова главы 3:22: «не простер он руки своей и не взял от Древа Жизни» и т. д., и тогда обе эти формулировки, превосходящие одна другую, согласуются со свободой описания этого образа в других строках. См.: Книга притч Соломоновых, 3:13—18, где «мудрость» есть «Древо Жизни».

древнего мира. В разносторонних обсуждениях предположений, которые обычно выдвигались, это помочь не может, но если сад Эдема был точно на Северном полюсе, то ясно, что благодатное дерево в центре этого сада должно было иметь наглядную и очевидную космическую значимость, которой не могло отличаться ни одно другое дерево.

В прекрасном стволе, устремленном вверх, подобно стреле или одному из гигантских деревьев Калифорнии, далеко переходя вершиной за все пределы, оно, даже будучи таким гигантом, должно было казаться всему, что ниже него, живым столбом самих небес. Вокруг него вращались «Божьи звезды», как бы исполненные почтения к нему; сквозь самые высокие ветви жертвоприноситец мог взирать на ту неподвижную центральную точку, где воздвигался неизменный престол Создателя. И как это только было возможно, что Создатель сберег для священных целей эту единственную в природе высоту алтаря на Земле, и особыми повелениями Он оградил от осквернения его величие (Бытие, 2: 16,17)! И если где-либо в природе мог сам возникнуть храм — он был здесь. Тот факт, что он был здесь, находит свежее и неожиданное подтверждение в единственном согласном свидетельстве многих древних религий и мифологий, а именно: в уподоблении их Райского дерева мировой оси или в безошибочной локализации его на Северном полюсе¹.

Хорошо известно, что норвежцы воспринимали вселенную как дерево (Иггдрасиль). Его корни уходят в

¹ «Мифическое дерево, тоже как Столб или Гора, есть разновидность небесного полюса». Massey. The Natural Genesis. Vol. I. P. 354. Аргументы профессора Карла Будде в пользу исключения Райского дерева из первоначального текста Бытия говорят о странном отсутствии у него пронизательности. Die biblische Urgeschichte. Giessen, 1883. P. 45—88. Даже Кэнен отказывается поддерживать столь произвольное мнение, а М. Ревиль восклицает: «Чем бы стал рай без Древа Жизни!»

глубины ада, средние ветви укрывают мир людей, а верхние ветви достигают высочайшего неба богов. Такова была их поэтическая манера определять весь мир как органическую общность, наполненную единой жизнью. Поскольку жилище богов было на северно-полярном небе, вершина дерева приходилась на эту точку, его основание — на южно-полярную бездну, а ствол совпадал с осью небес и земли¹. Оно пребывало именно в том положении и имело тот характер, который могло создать идеализирующее воображение, волшебным образом превратившее простое дерево рая в Мировое Древо².

Но в то время как большинство читателей знают этот норвежский миф, редкие из них задумываются о том, насколько представлена в нем древняя и универсальная идея. Это самое дерево известно и в аккадской мифологии³. И что особенно ценно для нашего предположения, оно стояло, как уже говорилось выше, в центре, или на полюсе Земли, где «священный дом богов»⁴.

Это то же самое дерево, которое в египетской мифологии укрывало саркофаг Осириса и из которого царь

Менцель: «Этот символ происходит изначально из представления о мировой оси». *Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre*, I, 70.

² См.: «*Les Cosmogonies Aryennes*», par J. Darmesteter. *Revue Critique*. Paris, 1881. P. 470—476.

³ «При великой воде возросло гигантское всезатеняющее дерево Иггдрасиль из норвежской мифологии, чьи ветви были из сверкающего хрусталя и которое достигало самых глубин». *Sayce. Babylonian Literature*. P. 39. Ср.: *Lenormant. Beginnings of History*. P. 83—107. Если бы проф. Финци должным образом рассмотрел Древо Жизни в аккадской традиции, то вряд ли был бы «вынужден» приписывать происхождение священного дерева ассирийских памятников «арийскому, в частности иранскому влиянию». *Ricerche per lo Studio dell'Antichità Assira*. P. 553, note.

⁴ «В Эриду росла темная сосна, посаженная в святом месте. Ее крона была хрустально-светлой и распространялась по глубокому высшему своду. Бездна Хеа была ее подножным кормом в Эриду, каналом, полным воды. Ее место — центр этой земли. Ее храм — ложе Матери Зикум. Верх (крыша) этого святого прибежища давала гень, подобно лесу. Все до одного там умещались. Это было место всемогущей Матери». *Records of the Past*. Vol. IX. P. 146.

Библоса повелел изготовить столб для крыши своего дворца. Но это была лишь другая форма столба Тат, то есть мировой оси¹. С точки зрения сравнительной космологии невозможно согласиться с Рену в его пояснении Дерева египетской мифологии. Это ни «дождевое облако», ни «светлое утреннее облако», ни «прозрачный туман на горизонте». Его собственные цитаты из текстов ясно указывают на то, что египетское Древо Жизни под разными именами и есть истинное Мировое Древо, чей ствол совпадает по положению и направлению с мировой осью; дерево, на ветвях которого, касающихся неба, сидит Бенну, солнечная птица; дерево, с северно-полярной вершины которого задувает «северный ветер»; дерево, «которое, подобно Иггдрасилю, порождает небесные дожди, такие же, дарующие жизнь, как Ардви Сура, и этот дождь падает не только на поля Нижнего Египта, но и, как дожди Ардви Суры, ороша-

¹ «Это, вероятнее всего, происходило в Мемфисе, что он (Птах) представлялся в образе столба, начинавшегося в глубинах и завершавшегося на высочайшем небе, — концепция, несомненно проявляющаяся в той черте мифа, по рассказу Плутарха, где царь Библоса велит сделать столб в своем дворце из того дерева, которое скрывает саркофаг Осириса. На деле мы видим, что это описание соответствует и Осирису, и Птаху. На столбе, на котором выгравировано человеческое лицо и который покрыт яркой тканью, установлен так называемый Столб Тат, полностью сложенный из наложенных одна на другую капителей, и на одной из них изображено грубо выполненное лицо, долженствующее, безусловно, представлять собою солнце. На вершине столба помещен полный головной убор Осириса, а также рога барана, солнце, половой член, двойное перо — все эмблемы света и власти, которые, по-моему, должны были изображать высшее небо. (См. иллюстрацию в: *Wilkinson M. and C. 2d series, suppt. plate 25 and 33, № 5. Mariette. Abidos, I, pl. 16.*)

Столб Тат — это символ длительности, неизменности. Изображение Осириса в столь грубом и простом виде, без всякого следа искусства, говорит о том, что оно одно из древнейших и должно, очевидно, восприниматься как его символ в образе «бога долготы времени и вечности». *Tiele. History of the Egyptian Religion. P. 46, 47.* См. также: *G. Massey. The Natural Genesis. Vol. I. P. 417, 418, 422; Brugsh. Astronomische und Astrologische Inschriften. P. 72.*

эт и подземный мир, освежая «тех, кто находится в Аменти»¹. Надземная часть египетского Иггдрасиля, как и норвежского, находится на Северном полюсе.

Финикийцы, сирийцы и ассирийцы имели свои священные деревья, символизовавшие вселенную². В утраченной работе Ферекида оно называлось «крылатым дубом»³. На него было наброшено волшебное покрывало, пеплос Гармонии, на котором были изображены окружающий океан с его реками, земля с пупом в центре и небесная сфера с изображениями звезд⁴.

Но если этот самоочевидный символ был снабжен крыльями для облегчения постоянного вращения, то ясно, что мы должны видеть в нем не только Мировое Древо, но и тот факт, что центральная линия его ствола едина с осью небес и Земли⁵. По словам Маури,

¹ См.: *Renouf*. Egyptian Mythology, particularly with Reference to Mist and Cloud // Transactions of the Society for Biblical Archeology. London, 1884. P. 217—220. Красивое подтверждение нашего взгляда обнаруживается в важном тексте, в котором подземная бездна (поэтически именуется пещерой Персеи. Версию Бругша, из которой взяты эти немецкие определения, можно найти в: *Zeitschrift für Aegyptische Sprache und Alterthumskunde*. Leipsic, 1881. P. 77 ff. Действительно, ни один разрыв в обычных тучах не может быть назван подземно-глубоким.

² «W. Baudissin неправ в мысли, что этого не знали финикийцы». *Lenormant*. Beginnings of History. Vol. I. P. 140 n.

³ Но слово *δρῦς* был о сначала родовым определением дерева. См.: *Curtius*. Etymologie, s. v.

⁴ «Это покрывало идентично звездному пеплосу Гармонии». *Robert Brown Jr*. The Unicorn. London, 1881. P. 89. The Myth of Kirke. London, 1883. P. 71.

⁵ Так вселенная, определенным образом организованная Зевсом при помощи Гармонии, была описана Ферекидом в образе безмерного дерева, снабженного крыльями для облегчения вращательного движения, — дерева, чьи корни проникли глубоко в бездну и чьи распростертые ветви поддерживали гладкое покрывало небесного свода, украшенного всеми образами земных и небесных форм». *Lenormant*. Beginnings of History. P. 549. Ср.: *Louis de Ronchand*. Le Péplos d'Athéné Parthénos // *Revue Archéologique*. Année, XXIII (1872). P. 245 seq., 309 seq., 390 seq.; XXIV, 80 seq. Also *W. Schwartz*. Das Halsband der Harmonia und die Krone der Ariadne // *Neue Jahrbécher der Philologie*, 1883.

«эта концепция идентична с Иггдрасилем скандинавской мифологии»¹. Та часть дерев, которая поднимается от мира людей до святого неба, стоит как столб между полюсом Земли и небесным полюсом.

В среде персов легендарное Райское дерево обрело две формы — оно рассматривалось или как единое целое со вселенной, или в связи с прорастившим его миром растений. В первом случае его называли Гаокерена (Гокард), или «белый Хом» (Хаома = Сома); во втором случае оно было «деревом всех семян», «деревом, ограждающим от вреда». О первом писали: «Каждый, кто его вкусил, станет бессмертным... из него добывается бессмертие при обновлении вселенной, оно царь растений»². А о втором мы читаем: «Подобно тому как животные образовались из первичного быка, благодаря 55 специям и 12 сокам лечебных растений, так и десять тысяч видов главных растений и сто тысяч видов обычных растений выросли из семян дерева, отражающего вред, многосемянного... Когда семена всех этих растений, вместе с семенами от начального быка, созревают на нем, каждый год птица (Камрос) обирает это дерево и смешивает все семена с водой; Тиштар улавливает их с водой дождей и затем проливает их на все области»³.

Где же росло это дерево, которое в своей двойственной форме было и источником всех других деревьев, и подателем бессмертия? Все ведет к полюсу. Оно было в Айрьяна Ваэдждо⁴, в персидском Эдеме, и это мы уже обсудили. Оно стояло у истоков всех вод, будучи северно-полярным источником Ардви Суры⁵. Оно было

¹ Religions de la Grece Antique, III, 253.

² Bundahish, XXVII, 4. Ср.: Vendidad, Farg. XX.

³ Ibid, XXVII, 2, 3.

⁴ Bundahish, XXIX, 5.

⁵ Ibid, XXVII, 4. Ср.: Вундишманн: «Также и Древо Жизни растет в живой воде, в источнике Ардви Суры Анахиты». Zoroastrische Studien. Berlin, 1863. P. 171.

окружено звездным ожерельем зодиакальных созвездий, что равняет его с мировой осью¹. Оно росло на «высочайшей вершине Хара-Березайте»², и это небесная гора полюса. Наконец, хотя Грилл ошибочно считает Мост Чинват «соответствующим Млечному Пути и радуге», он все же правильно оценивает соотношение между этим мостом и Древом Жизни у персов³. Эта идентификация снова приводит нас к безошибочной локализации, к которой сходятся все линии свидетельств.

Арьи Индии в давние ведические времена тоже знали свое Мировое Древо, которое давало богам их сому, напиток бессмертия. Как мы и должны предвидеть, корни его уходят в подземное царство Ямы у скрытого полюса, а его вершина достигает северно-полярного неба богов, и его тело — это ось, поддерживающая вселенную⁴. Вебер уже давно иденти-

Homa Yasht, 26. *Haug. Essays*, 2 ed. P. 182.

² Yasht, IX (Gosh.), 17. Ср.: «Бундахишн», XVIII, в переводе Юсти и Виндишманна. *Grill. Die Erzväter*. I. P. 186—191. Windischmann. *Zoroastrische Studien*. P. 165 seq. *Spiegel. Eränische Alterthumskunde*, I, 463 seq. Это, безусловно, противоречит тому, что, судя по Миноххиреду, дерево растет в море Вар-Каш, «в самом скрытном месте», откуда следует вывод о том, что подземные корни дерева проникают в самую нижнюю часть подземного мира. *Kuhn. Herabkunft*. P. 124.

³ *Grill. Ibid.* P. 191. Ср. с оригиналом воззвания в «Хома-яште»: «Amereza gayêhê stûna» — «О бессмертный Столб жизни». *Haug. Essays*. P. 177 n.

⁴ Ригведа, X, 135, I. Atharvan Veda, VI, 95, 1. См.: *Kuhn. Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*. Berlin, 1859. P. 126 seq. *Grill. Erzväter*. I. P. 169—175. Obry. *Le Berceau de l'Espece Humaine*. P. 146—160. *Windischmann. Zoroastrische Studien*. P. 176, 177. Это верно, что иногда корни божественного Ашваттхи помещаются на небеса богов, и дерево растет вниз; но это лишь символизирует «манации природной жизни небесных источников, как делается ясно из начальных строк 15-го раздела «Бхагавадгиты». См.: John Davies' translation. London, 1882. P. 150; M. Wolff. *Muhammedanische Eschatologie*. Leipsic, 1872. P. 197.

фицировал ее с мировой осью Эдды¹, а Кун², Сенар³ и более поздние авторы принимают это без возражений. Интересный очерк Грилла об историческом развитии этого мифа можно увидеть в приложении к этой книге⁴.

Некоторые из поздних следов этого образа в индусском искусстве говорят о древних представлениях о полюсе как о пути на небо, как о мосте для душ и богов, о лестнице, которую заменил скользкий столб, по которому даосский император тщетно пытался подняться⁵.

Более чем вероятно также, что в среде греков⁶ та «святая пальма» на Делосе, за которой скрывалась Латона, когда рождала Аполлона, тоже имеет значение этого мифического Мирового Древа. Если это так и если мы последуем за Гекатеем в установлении места этого действия, мы опять-таки придем к арктическому столбу⁷. Вечно цветущая олива в Афинах также кажется другой формой священной пальмы, и неко-

¹ Indische Studien. Bd. I. P. 397.

² Herabkunft, etc. P. 128.

³ La Légende du Bouddha. P. 240.

⁴ См. Приложения, V «Грилл о мировом столбе в Ригведе».

⁵ «В скульптурах нагов (*Fergusson. Tree and Serpent Worship*, pl. 27) Дерево подъема, или Столб, изображается внизу в виде дерева, а наверху — в виде другого, и между ними род лестницы с перекладинами или ступеньками, по которой, а не по стволу, следует взбираться на дерево. Это обозначает Дерево подъема, или холм, или высоту, и в этом усматривается полюс». *G. Massey. The Natural Genesis. Vol. I. P. 354.*

⁶ *Kuhn. Herabkunft, etc. P. 133—137.*

⁷ *Menzel. Unsterblichkeitslehre, I, 89.* Ее «центральное» положение относительно мира людей признается Робертом Бартоном в его «*Anatomy of Melancholy*» (New York, 1849. P. 292). Ср. с: «Дерево полюса известно и на Целебесе, где туземцы верят, что мир поддерживается вепрем, и землетрясения происходят тогда, когда вепрь подрывает Дерево... На Эфесе показывают оливковую или кипарисовую рощу Латоны, а в ее середине — близнецов. Там был и холм, с которого Гермес объявлял о рождении ее близнецов, Дианы и Аполлона (солнца и луны). Это представление близко к тому, что

торые из ее описаний снова приводят нас на землю гипербореев¹.

В Саду Гесперид дерево, приносящее золотые яблоки, было, несомненно, Деревом рая; но, следуя за Эсхилом, Ферекидом и Аполлодором, мы должны поместить его на далекий север, за Рипейские горы². Кун приводит следы этой же мифической концепции в римской среде³.

В буддийских скульптурах широко представлено священное дерево. Это прекрасно представлено на хорошо известной ступе Санчи. Часто наблюдателей интересует одна незаметная черта — почти повсюду на вершине дерева мы находим маленькое изображение зонтика, и если его нет, то это отмечается⁴. Эта небольшая «частица» символизма имеет интересное значение. В буддийском мифологическом искусстве зонт служит символом северно-полярных небес богов⁵, и древние скульпторы, укрепляя его на вершинах деревьев, безошибочно указывали на космический характер и на осевое положение того предмета, к которому он был прикреплен.

Но ведь Космическое Древо было мифическим Древом Бодхи, Древом Мудрости: «Под его листьями, как и было предопределено, к Будде снизошла истина»⁶.

вепрь подрывает Древо полюса». The Natural Genesis. Vol. I. P. 354. И снова космическая картина Гесиода: «Дерево, чей ствол поднимается от корней и расширяется наверху, появляется в словах Теогонии (V. 727): из Тартара кверху идут корни земли и моря — явно оттуда». W. F. Rinck. Die Religion der Hellenen. Zurich, 1853. Bd. I, 60.

¹ Nonnus. Dionysiac, XI, 433 seq. Luken, Traditionen. P. 74.

² Preller. Gr. Mythologie, I, 149. Volker. Mythische Geographie. Leipsic, 1832. P. 134.

³ Herabkunft, etc. P. 179, 180.

⁴ James Fergusson. Tree and Serpent Worship. London, 2 ed., 1873. P. 134, 135.

⁵ Lillie. Buddha and Early Buddhism. London, 1881. P. 2, 19. Другую оценку космической природы этого дерева см.: Senart. Légende du Bouddha. Paris, 1875. P. 239—244.

⁶ Arnold. Light of Asia, Book VI.

Оно расположено «в середине Земли»¹. Несмотря на доктрину происхождения человека из Африки, Масси говорит: «В легендарной жизни Гаутама Будда описывается прошедшим через небесную воду ради достижения нирваны, которая и есть земля Бодхи, Древа Жизни и Познания. Он не был в состоянии пересечь эту воду, но дух Древа Бодхи протянул к нему руки и помог благополучно перейти ее. При помощи этого дерева он достиг вершины мудрости и бессмертия. Это то же самое Дерево полюса и рая, повсеместно встречающееся в мифологии: Дерево сада гуарани, еврейский Эдем, индусская Джамбу Двипа — все это подобно Дереву нирваны. Это заключительное перечисление образов доказывает его происхождение. Область успокоения была впервые увидена в полярном центре вращающихся звезд»².

Древние германцы называли свое священное Мировое Древо Ирменсуль, то есть «Небесный столб». Гримм говорит о его близком родстве с норвежским Иггдрасилем и связывает свое авторитетное имя со

¹ «Буддисты утверждают, что это дерево отмечает середину Земли». *E. C. Brewer. Dictionary of Miracles. Philadelphia, 1884. P. 314.*

² *The Natural Genesis. Vol. II, 90.* Бил пишет о независимости буддийской космологии и космогонии: «Когда мы рассматриваем буддизм в свете реформации народных верований Индии, мы должны помнить, что струя традиции, проявляющаяся в его учении и прослеживаемая в его книгах, не зависит и, возможно, отличается от брахманских традиций, выраженных в пуранах и других памятниках. В любом случае это восходит к далекому начальному вопросу о создании мира, включающему в целом и космическую систему. Рис Дэвидс уже отмечал, что об этом известно брахманам, и это входит отдельной частью в совершенно другую систему мышления» (*Buddhist Suttas. P. 168 n*). Я склоняюсь к тому, чтобы пойти еще дальше, и говорю, что традиции буддистов отличаются от брахманских почти в каждой черте. *Samuel Beal. Buddhist Literature in China. London, 1882. P. 146.*

взглядом, согласно которому, оно служит просто мифическим выражением идеи мировой оси¹.

Тот же взгляд был еще раньше высказан выдающимся исландским мифографом Финном Магнусеном². Как глубоко этот миф повлиял на средневековое христианское искусство, можно понять по остаткам скульптур южного портала Баптистерия в Парме³. Не без глубокого значения оказывается и то, что «в средневековой легенде о посещении Сифом сада Эдема с целью достать для своего умирающего отца целебное масло, он увидел Древо Жизни, которое вздымало свою вершину к небесам, а корни направляло в ад»⁴, и что при распятии Христа «Дерево, которое было посажено изначально», это Космическое Древо сада умерло и стало «сухим деревом» средневековой легенды⁵.

¹ «Мне тоже кажется, что глубоко укоренившееся в немецкой древности представление о *Irmensäule* — высочайшей вселенской колонне, как бы поддерживающей все, сближается с Мировым Древом Иггдрасиль». *J. Grimm. Deutsche Mythologie*. P. 759.

² *Den aeltre Edda*. Kjöbenhavn, 1822. Bd. II, 61. Ср. с: «Никогда не была удовлетворительно разъяснена суть дерева Иггдрасиль. Но во всяком случае священное дерево Севера идентично «духу Юпитера» или священному дереву Гейсмара, истребленному Бонифацием, и Ирменсулю Саксонии, мировой колонне, земному дереву пожертвований, — идентично всему этому, эмблеме всего мира в той мере, в какой находится под влиянием небес». *Thorpe. Northern Mythology*. Vol. I. P. 155.

³ См.: *F. Piper. Evangelischer Kalendar für 1866*. P. 35—80 (illustr). А также *Piper. Baum des Lebens* в том же календаре, 1863. P. 17—94.

⁴ *Gubernatis. Zoölogical Mythology*. London, 1872. Vol. II. P. 411 n.

⁵ *The Book of Marco Polo: Edition of Col. H. Yule*. London, 1871. P. 120—131. Обратите особенное внимание на рисунок на с. 127, исправляющий грубую ошибку Поло, смешавшего *Arbre Sol* с *Arbre Sec*. Птица на вершине центрального и высочайшего из деревьев, тщательно прорисованная, уподобляет его Мировому Древу универсальной арийской традиции. (Об этой птице см. у Куна.)

Райское дерево китайских даосов — это также Мировое Древо. Оно находится в центре очаровательного Сада богов на вершине полярного Куньлуня. Его называют Тон, а его местонахождение дальше определяется так: «Оно растет вплотную к закрытым воротам неба»¹.

Как и во многих древних религиях, вершина, на которую после потопа опирался небосвод, была той самой, на которой сначала был создан человек, а поэтому не странно обнаружить, что на вершине этого холма растет дерево, упоминаемое во многих легендах о потопе. В даосской легенде оно выглядит как замена ковчега. Так, нам сообщают, что «некто, живший до потопа, спас свою жизнь, забравшись на гору, и там построил, подобно птице, себе гнездо и проводил дни на дереве, когда все внизу было под покровом воды. Затем он дожил до очень старого возраста и мог засвидетельствовать народившимся людям, что целая раса человеческих существ была смыта с лица Земли»². Это, по крайней мере, наводит на мысль поискать ту же идею спасения от потопа с помощью волшебного дерева, растущего на вершине горы на Севере, у навахо в нашей собственной стране. Говоря о людях предшествующего нам мира и о предупреждении о надвигающемся потопе, которое они получили, их легенды сообщают: «Затем они взяли земли с четырех угловых гор мира и положили ее на вершину горы на Севере, и все пошли туда, включая горцев, женщин с солончаков и таких животных, которые жили в третьем мире. Когда земля была положена на гору, гора стала расти все выше и выше, но когда вода прибывала —

Lüken. Traditionen. P. 72.

² *The Chinese Repository.* Vol. VIII. P. 517.

люди тоже лезли кверху. Наконец, гора перестала расти, и они посадили наверху много тростника, в гущу которого все и вошли. Тростник рос каждую ночь; так он продолжает расти и сейчас «солнечными частями»: опустошенные сочленения стеблей показывают, где он рос ночами, а уплотненные — где он днем отдыхал. Так вода настигла их в дневное время. Индюк был последним спасавшимся в тростнике, а поэтому и остался на самом дне. Когда вода дошла до того места, где был индюк, люди увидели, что надвигается опасность. Волны часто омывали конец его хвоста, а поэтому кончики перьев на хвосте у него светлее остального оперения. В конце четвертой ночи с момента посадки тростник поднялся до уровня пола четвертого мира, и здесь люди нашли отверстие, через которое они и выбрались на поверхность»¹.

Первая фраза приведенной цитаты дает нам топографические указания точного направления на гору Меру, индусскую «Гору на севере», с ее «четырьмя угловыми горами мира» с четырех сторон горизонта. Более того, в индусском мифе о потопе, как и у навахо, именно на центральной горе обрели спасение те, кто пережил эту мировую катастрофу. При любом подходе к текстам совпадения весьма знаменательны.

В традиции кельтов Райское дерево в Авалоне усыпано золотыми яблоками. Но и Авалон всегда описывается как далекий северный остров, и его

W. Matthews. The Navajo Mythology. The Am. Antiquarian, July, 1883. P. 208. Трудность любой другой интерпретации этой космологии, кроме той, которая правильна, иллюстрируют усилия Ревиля: M. Réville. Les Religions des Peuples Non-civilisés. Paris, 1883. Vol. I. P. 271—274.

«замок из магнитного железа» явственно связывает его с областью магнитного полюса¹.

В древнем эпосе финнов, в «Калевале», мы встречаем и у другого народа Мировое Древо. И если возникнет какое-либо сомнение в его местонахождении, то оно будет устранено при помощи указания на созвездие Большой Медведицы на вершине этого дерева².

Таким образом, священные деревья, как и священные воды, у каждого народа единогласно указывают исследователю на земли, лежащие вне мест исторического обитания данных народов, и именно на одну

Menzel. Unsterblichkeitslehre, I, 87, 95; II, 10. Keary. Outlines of Primitive Belief. P. 453. Особенно см. объяснение Гумбольдта к «Monte Calamitico» — магнитной горе Средневековья в море к северу от Гренландии. Cosmos (Bohn's ed.), II, 659; V, 55. А также: Le Cycle Mythologique irlandais et la Mythologie celtique. Par H. d'Arbois de Jubainville. Paris, 1884. Dr. Carl Schroeder. Sanct Brandan. Erlangen, 1871. P. 57, 11, 167, etc.

² Немецкий перевод Антона Шифнера. Helsingfors, 1852. Rune X, 31—42. Ср.: *Schiefner. Heldensagen der minussinischen Tataren. P. 62 seq.* Следы этого мифа есть и у самоанцев (Samoa a Hundred Years Ago and Long Before. By George Turner. London, 1884. P. 199, 201). Есть они и у угров (*Peschel. Races of Man. P. 406*), и среди многих племен американских аборигенов, а также в Полинезии. См.: *M. Husson. La Chaine Traditionnelle, Contes et Légendes au point de vue mythique. Paris, 1874: especialle p. 140—160. Massey. The Natural Genesis. «Это было на вершине Небесного дерева — полюса — где гуарани должны были еще раз встретить своего Адама, Атума, Тума, или Тамои, который должен был помочь им в их подъеме к высшей жизни. Здесь Древо Жизни превратилось в то дерево, которое должно поднимать мертвых на небеса. Так в алгонкинском мифе Древо мертвых было разновидностью колеблющегося бревна, по которому мертвые пересекали реку, как по мосту над бездной, по ту сторону которого стояла Собака, ожидавшая души, как в персидских мифах. Это точно так же, как и образ Собаки у Северного полюса у египтян; имеет образ дерева южного солнцестояния — того Дерева полюса, которое простирается на четыре стороны света». Vol. I. P. 404.*

и ту же страну изначального существования, на землю, исполненную света и славы на Арктическом полюсе¹

¹ После завершения данной главы я увидел работу, озаглавленную «Plant Lore, Legends, and Lyrics», охватывающую мифы, традиции, суеверия и фольклор растительного царства, написанную Ричардом Фолкардом-младшим: *Richard Folkard, Jun.* London, 1884. В первых трех главах читатель обнаруживает ценные дополнительные сообщения о «Мировом Древе древних», «Деревьях рая», «Дереве Адама», «Священных деревьях всех народов» и т. п. Другие главы посвящены «Символизму растений», «Языку растений», сказочным деревьям и волшебным растениям, которые играют большую роль в истории доверчивости верующих людей и ученых. Если в результате читатель склонится к тому, чтобы думать, что «научный прогресс» навсегда исключил безграмотную средневековую демагогию, то будет хорошо, если он обратится к «The Weekly Inter-Ocean» (Chicago, Dec. 11, 1884), где в иллюстрированной статье «Древо Жизни» нас информируют, что «наука сейчас открыла самым неожиданным путем и Древо, и Реку Жизни». «Мы не утверждаем, что мозг выглядит как дерево или внешне подобен ему. Мы не занимаемся аналогиями. Но мы полагаем, что головной и спинной мозг являются действительно деревом. При наиболее строгом научном исследовании обнаруживается, что он соответствует типу и плану дерева более полно, чем дерево растительного мира. Спинной мозг — это ствол такого дерева, а его корни — это чувствительные и двигательные нервы всего тела... Древо Жизни проявляется и в середине других органов: сердца, легких, поджелудочной железы, желудка, печени и всех жизненных органов. Головной мозг — это его сверкающая и изысканная листва. Качества мозга, по последним научным данным, подразделяются на 12 групп. Это Древо рождает 12 видов плодов... На каждой стороне Древа Жизни есть великая Река Жизни. Положим человека навзничь с головой, повернутой к северу, и с руками, простертыми на восток и запад. Река Жизни имеет четыре истока в четырех участках сердца, двух желудочках и двух предсердиях. Рукава той реки отходят кверху, в голову — к «золотой земле», к востоку и западу его рук и к легким. Но наибольшим из всех этих рукавов реки являются «Река, или Фрат» аорты и та вена, которая достигает юга ствола и нижних конечностей. Эта река делится на 4 части и 17 точек. Две ветви — это сеть вокруг ствола и до дальних ветвей. Кровь — это «влага жизни», прозрачная под микроскопом, как хрусталь. В ней 3/4 воды, и она несет красные тельца и материалы для поддержания органов». Есть ли такая статья и ее иллюстрации «под старину» в работах отцов церкви? Если бы была, ее отнесли бы к особому виду «научных» великих назиданий.

ГЛАВА 7

ИЗОБИЛИЕ ЖИЗНИ

И насадил Господь Бог рай... И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи...

Бытие, 2:8—9

Более того, там на острове было много слонов; и там была пища для всех видов животных. И все, какие есть на земле ароматные вещества — корни ли, листья, древесина или сок цветов и плодов, — все произрастали и процветали на этой земле.

Платон. Критий

Как извращается суть, когда хотят воссоздать древность только на основе современного опыта; нас учат палеонтологические открытия нового времени, которые показывают нам, что в древности были только гигантские и чудовищные существа животного облика.

Люкен

Судя по всем древним традициям и верованиям, колыбель человечества была в той части мира, которая характеризуется всеобщим необычайным изобилием жизни. Солнечный свет там был ярче и лучше, чем в других землях. Даже при потопе и после него кое-что оставалось от божественной благодати изначальной родины. По мнению Платона, ухудшение происходило с самого начала, хорошая почва смывалась с небесных вершин гор и исчезала в бездне, пока «по сравнению с тем, что было раньше, не остались лишь кости пустого тела, если можно так сказать, — все богатые и мягкие части почвы исчезли, и остался просто скелет земли»¹.

¹ Критий, III.

Разрушение климата родной области человечества особенно ясно описано в «Авесте» («Фаргард», I): «Первой из лучших земель и стран, которые я, Ахура Мазда, создал, была Айрьяна Ваэджо (Айран Вэдж — «Древний Иран») при доброй реке Дайтье. Туда явился Ангра Майнью (Ахриман), воплощенная смерть, и он своим волшебством создал в противовес мне в этой реке змея, а также зиму, деяние дэвов. Там (теперь) десять зимних месяцев и два месяца летних, и они холодны для воды, холодны для земли и холодны для деревьев»¹. А в «Фаргарде» втором мы видим легендарный рассказ об удачном переселении наиболее рано упоминаемых людей из своей северной страны «к югу, чтобы встретить солнце», и почти все комментаторы объясняют эти переселения «к югу» как результат постепенного похолодания и замерзания изначальной родины в «Древнем Иране»².

Те же соображения относительно изначального климата обнаруживаются в среде всех древних народов. Овидий описывает вечную весну под властью Сатурна. И весна нашего времени в нашем мире выглядит всего лишь как сокращенное напоминание об этом прекрасном оригинале³. Так, Лактанций сохранил фрагмент

¹ *Darmesteter*. I. P. 8., Naug. P. 227. Следует отметить, что описанные здесь зима и лето являются точной противоположностью или «противо-творением» настоящего полярного дня (развивающегося сезона) в десять месяцев и настоящей полярной ночи (оставшейся от года зимы) длительностью два месяца. Это еще одно свидетельство того, что «Древний Иран» был именно в зоне полюса.

² «Разве только приближением периода оледенения можно объяснить такой факт, поскольку не знают другой причины, способной превратить в необитаемую из-за холода ту землю, которая представлялась как бывшая изначальной страной прекраснейшей природы. Мы обязаны сделать из этого вывод, что авестийские иранцы сохранили память не просто о ледниковом периоде, но и о прекрасных днях, которые были до него, а это как раз и принимается с легкостью. Изначальный золотой век — это не просто традиционное воспоминание о доледниковых временах» и т. д. *Piètrément. Les Aryas et leur Première Patrie*. Paris, 1879. P. 15. Как близко к истине!

³ *Metamorphoses*, I, 113.

старой этнической веры, когда сказал, что мрак и холод поразили землю только из-за утраты рая¹.

Деградация человека стала происходить вместе с этим предполагаемым разрушением почвы и климата. Поэтому древние авторы, за редким исключением, изображают людей своего времени как заметно уменьшившихся в росте, силе и долготе жизни по сравнению с прародителями. Гесиод, Арат, Овидий, Вергилий и Клавдиан кое-где отличаются друг от друга в рассказах о золотом, серебряном и последующих веках человеческой истории, но все сходятся в том, что изображают людей своего времени как слабых, тщедушных и недолго живущих по сравнению с людьми ранних веков существования мира. Ювенал в хорошо известных строках упоминает о суждении Гомера и выражает собственное².

Платон, говоря о живших до потопа, сообщает: «В течение многих поколений, до тех пор пока в них сохранялась божественная природа, они подчинялись законам и очень любили богов, которые были в родстве с ними; так было потому, что они сохраняли верные и всесторонне великие души, проявляли благородство и мудрость в разных случаях жизни и в своих взаимоотношениях... При таких реакциях и в силу того, что в них сохранилась божественная природа, все нами описанное пополнялось и возрастало в них. Но когда эта божественная суть стала истекать из них и часто становилась разжиженной, а также из-за слишком обильных смертельных примесей, человеческая природа, ранее поддерживаемая свыше, не смогла сохранить свое счастье и стала несоответственной ему, и тогда тому, кто был прозорлив, стало видно, что люди начинали казаться низменней и утратили лучшие из своих драгоценных даров³.

Placidus, 4.

² Satires, XV, 69, 70. Ср. с: *Homer. Iliad*, V, 302 et seq; *Vergil. Eneid*, XII, 900; *Lucret*, II, 1151.

³ Critias, 120.

Древнеиндийские представления о распаде мира от одного периода к другому отражены в «Законах Ману»¹. Мы живем в последнем и худшем периоде из числа четырех великих периодов жизни современной вселенной. В первом периоде — юге — все люди были святыми, в настоящем же они все испорчены в высшей мере и низки. В первом они были высоки и жили долго, а в каждом последующем становились мельче и слабее.

Иранская концепция, судя по «Бундахишн», была подобна индийской. В ней существование вселенной делится на четыре мировых периода по три тысячи лет каждый. В течение первого из них все чисты и безгрешны, но к его завершению Зло вызывает Ахура Мазду на бой, который и занимает три оставшихся периода. В первом из этих трех неудача преследует Зло, во втором обе силы уравниваются, а в третьем, то есть в века нашей жизни, Зло побеждает и становится превосходящей силой до самого конца².

Отмечаемая нами концепция столь же стара, сколь и универсальна. Бэроз, описывая наиболее ранние традиции халдеев, говорит о первых людях как о необычайно высокорослых и очень сильных, сохранявших эти качества в течение нескольких поколений после потопа³. «В среде египтян, — говорит Ленорман, — земное царство бога Ра, который породил существование мира и земную жизнь, было золотым веком, на который они все время оглядываются с сожалением и завистью: утверждалось первенство всего превосходящего всякое воображение, всего достаточного, чтобы говорить, что «со дней бога Ра не было ничего похожего на это».

¹ Законы Ману, I, 68—86.

² The Bundahish, chapters I, XXXI, XXXIV.

³ Fragments Cosmogoniques de Bérose. Ed. Lenormant, Frag. 17.

Такая же идея обнаруживается и в египетской оценке успехов земной власти богов, полубогов, героев и людей, как об этом можно судить по фрагментам Манефона и, соответственно, по исследованиям египетских текстов¹. В Китае тоже известна всеобщая народная вера в начальный золотой век, да и повсеместно — будь она семитской, арийской или урало-алтайской — она поддерживает, утверждает и иллюстрирует представления, отраженные в Библии, которые относятся к необычайной древней жизненности природы Эдема и допотопного человека. Свидетельства универсальности веры древних как реминисценции реального прошлого столь обильны, что даже те, кто выразительно опровергает веру в превосходящий современного человека облик человека древности, все же соглашаются, что «сама универсальность народных верований говорит об их древнейшем происхождении», и добавляют, что «ее без колебаний можно отнести к ряду тех представлений, которые были во времена, когда великие цивилизованные народы отдаленного прошлого были еще связаны с воспоминаниями о колыбели человечества и поддерживали взаимные контакты, достаточно близкие для сохранения общих традиций².

¹ *Beginnings of History*. P. 67, 73, note. См. всю главу и авторов, процитированных в ней. А также главы VI и VII, особенно с. 351 и др.

² *Lenormant. Beginnings of History*. P. 354. Автор продолжает: «Сегодня у нас есть научные доказательства того, что вера (в огромный рост древнего человека) не имеет реальных оснований и является плодом воображения». Но его доказательства отрицательны и основываются на том, что человеческие скелеты, найденные до сего дня антропологами, — причем ни одна из находок не связана с дальним севером — обычны по размерам. «До той глубины времен, до какой мы можем проследить человеческие останки, вплоть до людей четвертичной эры, живших наряду с крупнейшими млекопитающими, не обнаруживается ничего, кроме указаний на то, что средний рост человека никогда не превышал данных о современных людях». Но если древние млекопитающие были гигантами по сравнению с существующими с ними рядом людьми современного облика, почему тогда и млекопитающий человек не соответствует этому же закону уподобления?

Выявление единодушного решения древней традиции о проблеме локализации Эдема очевидно. Традиции всего населенного людьми мира, не менее чем тексты книги Бытие, доказывают, что колыбель человечества должны усматривать в том месте, где этому способствуют в наибольшей степени биологические условия. Судя по всем выявленным данным, место начала эры человечества было на ныне исчезнувшем «миоценовом континенте», которым некогда был окружен Северный полюс. То, что в этом истинном изначальном Эдеме некоторые ранние поколения людей достигали и высокого роста, и большей длительности жизни, чем в любых странах после потопа, не является ни в коем случае научно недостоверным. Наоборот, исключительные биологические условия этой земли, как и замечательное единство всех традиций, касающихся данных о древних высокорослых людях, выглядят свежей иллюстрацией того положения, что чем более неправдоподобные вещи утверждает гипотеза, тем вероятнее становится верность этой гипотезы. Обернувшись к этому отдаленному времени, увидим, что и в пределах низких широт жизнь была весьма избыточной. Палеонтологи просто истратили все слова, чтобы описать ее. Так, на одной только странице профессор Аллин Николсон из Университета им. св. Андрея пишет: «Жизнь в эпоху миоцена была исключительно изобильна и многообразна по характеру... Морские отдели содержат множество останков позвоночных и беспозвоночных морских животных... огромное количество растений... Останки наземных животных тоже обнаруживаются в избытке... Растения миоценовой эпохи необыкновенно многочисленны... Останки растений... указывают на невероятно разнообразную и роскошную флору», и т. д.¹

¹ Ancient Life-History of the Earth. New York ed., 1878. P. 308.

Фигье приводит следующие данные: «Плауны нашего времени — это скромные растения около ярда в длину и в большей части случаев ползучие, но в древние времена это были деревья в 80—90 футов высоты»¹.

Но ведь мы выше уже видели, что материнская земля всех этих изобильных и разнообразных представителей растительного и животного мира находилась в пределах Арктического круга, а из факта их изобилия в низких широтах мы можем сделать вывод, сформулировав концепцию еще более высокой жизненной потенции, чем та, что действовала в более благоприятных циркумполярных «осеменителях» всей земли.

В нашей последней главе было высказано предположение, что Дерево в середине рая могло быть таким же высоким, как и огромные калифорнийские секвойи. Это сравнение не было приведено наудачу. В миоценовых слоях в Британии остатки хвойных деревьев особенно многочисленны. А «наиболее изобильной в их ряду является гигантская сосна — *Sequoia Couttsiae*, которая очень близка к огромной *Sequoia gigantea* Калифорнии. Родственная форма, *Sequoia Langsdorfii*, была открыта на Гебридах². От широты, на которой находится Калифорния и ее рощи секвой на Марипозе, до Гебридских островов пролегает длинный путь в сторону полюса, но мы не должны приходить к слишком простому заключению, когда поднимаем вопрос — а не лежала ли стартовая точка этого гигантского растения еще выше, то есть в арктической области? Миоценовые окаменелости самых высоких из числа достижимых арктических широт рассказывают свою собственную историю. При ограниченных возможностях проведения раскопок среди этих окаменелостей, как пишет Чарлз Лайель, все же «было найдено более

¹ The World before the Deluge. P. 134.

² Nicholson. Life-History. P. 309.

тридцати экземпляров хвойных деревьев, включая и несколько секвой, родственных гигантским веллингтониям Калифорнии... Есть и буки, дубы, платаны, тополя, грецкие орехи, липы и даже магнолии, две шишки которых были недавно обнаружены, указывая на то, что это красивое вечнозеленое растение не только росло здесь, но и семена его созревали в пределах Арктического круга. Многие из лип, платанов и дубов были широколистными, и сохранились их цветки и семена, помимо множества листьев... Даже на Шпицбергене, на расстоянии в 12° от полюса, было обнаружено не менее девяноста пяти видов окаменелых растений». Роскошь растительной жизни миоценового периода произвела большое впечатление даже на ветеранов геологии как нечто «поистине замечательное».

Теперь мы имеем право прийти к заключению, не только исходя из обильной, многообразной и роскошной растительности арктической области периода миоцена, но и получив урок, касающийся гигантских форм, сохранившихся на нашем западном берегу. Если бы в Бытии Дерево Эдема было описано как имеющее в высоту сто двадцать футов и тридцать футов в диаметре основания ствола, то не только все Вольтеры современной истории — до открытия деревьев Калифорнии, — но и все натуралисты прогрессивного антихристианского толка без конца упражнялись бы в осуждениях ненаучной и мифической «ботаники Моисея». Но гигантская секвойя — это живой и неоспоримый факт. Не будучи самой старой в ряду хвойных деревьев, она тем не менее служит доказательством существования некоторых древнейших возможностей, которыми располагала растительность. Она говорит ботаникам, что растения, однажды достигшие великого изобилия, вымирают, и, если не будут о них заботиться люди, они исчезнут навсегда с земного шара. В последних выживших в природе представителях, сохранившихся доныне благодаря счастливым местным ус-

ловиям и собственному унаследованию длительной жизни, мы видим свидетелей, повествующих о древнем мире — тех свидетелей, чьи показания должны принять даже скептики.

Они повествуют нам о давно миновавшем рассвете дня человека. Они несут в себе указания на ту необычайную жизнь, которая была характерна для отдаленного места их рождения¹. И если эти экземпляры вымирающей расы могли выживать в неблагоприятных биологических условиях в течение двух тысяч лет, кто скажет, что невозможно, чтобы человек времен происхождения гигантской секвойи не мог иметь рост выше шести футов и достигать возраста, намного превосходящего наши семьдесят лет? Что касается возраста, то, конечно, потребовалось бы прожить два мафусаиловых века, чтобы иметь возможность наблюдать за ростом и смертью хотя бы одного из таких калифорнийских деревьев. Эта мысль родилась не в голове автора — это то, что говорят сами деревья выдающимся ботаникам Америки².

¹ В течение третичного периода секвойи «встречались всюду вокруг Арктической зоны» (Аса Грей, профессор). Профессор Дж. Д. Уитни обнаружил, что одно из деревьев, упавших в округе Пласер, имело возраст две тысячи лет. См. его *Yosemite Book*; а также: *Engler. Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt. Leipsic, 1879—1882. Chap. I and II.* Следует также отметить, что австралийский гигантский эвкалипт — единственное дерево, которое выше секвойи, — находится в местности, чья запоздавшая флора и фауна больше, чем другие, близкородственные северным типам.

² «Мы не можем взглянуть вверх на огромные и древние стволы, к которым люди едут через весь континент, и не пожелать, чтобы эти патриархи рощи смогли бы, как сохранившиеся допотопные записи, вручить нам через несколько поколений традиции веков и рассказать что-нибудь из истории своей расы. Полторы тысячи годовых слоев были накоплены и удовлетворительно выявлены на срезе одного из упавших деревьев. Возможно, что близко к сердцевине одного из живущих деревьев может быть найден слой, который хранит дату рождения Спасителя. Несколько поколений таких деревьев могут хранить историческую память за много веков. Но земля, на которой они

Изобилие жизни животных в период миоцена тоже не менее замечательно. Процитируем снова того же автора: «Беспозвоночные животные этого времени очень многочисленны... исключительно велико количество мелких раковин Foraminifera... Кораллы изобильны, и во многих местах они образуют настоящие рифы... Многочисленные крабы и омары представляют класс Crustacea... Только в одной Швейцарии доктор Хир нашел в миоценовых слоях более тридцати сотен видов насекомых... Моллюски весьма многочисленны... Изобильны Polyzoans. Исключительно полно представлены Bivalves и Univalves. Рыбы этого периода очень изобильны... Останки рептилий далеко превышают обычные... В этот период впервые появляются и сухопутные черепахи. Наиболее замечательная форма этой группы — огромная Colossochelys Atlas, найденная в Индии, в верхнемиоценовых слоях Сиваликских гор и описанная доктором Фалконером. Далеко превосходящее по своим размерам любую из живущих черепах, это громадное животное имело в длину около двадцати футов от конца носа до кончика хвоста, а в высоту семь футов... Вышецитированные превосходные палеонтологи сообщают, что некоторые из индусских традиций не считают неправильным то, что эта колоссальная черепаха жила в ранние века эпохи человечества...

Млекопитающие миоцена были очень многочисленны... Edentates (Sloths, etc.) представлены двумя крупными европейскими формами: одна — большой Mastotherium giganteum, а другая — еще более гигантским Ancylotherium Pentelici, который, как кажется, был едва ли не больше носорога... Мы можем также отметить, что «киты с китовым усом» подобны ныне живущим

стоят, и знаки недавних геологических изменений и смещений в этом районе указывают на то, что мало таких поколений могло процветать именно здесь, во всяком случае в ненарушенном чередовании». *Professor Asa Gray. The Sequoia and its History. Proceedings of the American Association for the Advancement of Science, 1872. P. 6.*

«китам истинным» арктических морей и относятся к тому же типу; два их экземпляра обнаружены в миоценовых отложениях Северной Америки... Большое число Ungulates, или копытных четвероногих, представлено в миоценовых слоях, а разные новые виды появляются здесь впервые... Так, впервые найдены представители семейства Rhinocerotidae, включающего и единственных ныне существующих носорогов... Семейство тапиров представляют... иногда совсем мелкие по размеру особи, тогда как другие достигают размеров лошади. Близкородственна этому семейству и одна группа четвероногих, которых Марш описал под названием Brontotheridae. Эти необычные животные, Brontotherium как таковые, и близки, и в то же время отличны от существующих ныне тапиров... Brontotherium gigas описываются как животные почти такие же большие, как слоны, тогда как Brontotherium ingens достигали еще более гигантских размеров. Хорошо известный вид Titanotherium тоже выглядит принадлежащим к этой группе...

В миоцене появляются разные виды семейства лошадей, но наиболее важен и наиболее известен из их числа Hipparion. Его останки были найдены в разных областях Европы и Индии, и, судя по значительным скоплениям его костей в некоторых местах, можно утверждать, что эти предки лошади, жившие в средний период третичной эры, собирались в большие табуны, подобно их современным потомкам... В числе гладкопалых Ungulates мы впервые встретились с экземплярами гиппопотамов; имевших по четыре пальца на ногах; у них были массивные тела и большие, похожие на клыки нижние зубы... Настоящий олень с массивными костными рогами был впервые обнаружен здесь... Вероятно, самым примечательным из всех этих жвачных животных миоцена был Sivatherium giganteum, найденный в Сиваликских горах в Индии. У этого необыкновенного животного было по две пары рогов...

Если бы все эти рога были простыми, можно было бы без труда посчитать *Sivatherium* просто гигантской четырехрогой антилопой... Мы должны относить к периоду миоцена появление важной категории слонов и близких к ним Proboscidiens... Только три родовых группы этой категории известны науке, а именно: вымершие *Deinotherium*, мастодонты и слоны — и все эти три группы были четко ограничены отложениями этого времени... Наиболее известный череп *Deinotherium* является единственным найденным при раскопках слоев верхнемиоценового времени в Гессенском Дармштадте, проводившихся в 1836 году. Этот череп имеет четыре с половиной фута в длину и указывает на существование животного, более крупного, чем любой из живущих ныне слонов. Среда травоядных четвероногих была, как мы видели, исключительно изобильной во времена миоцена, и они часто достигали огромных размеров, при этом было множество хищников (Carnivora): обнаружена большая часть существующих семейств... Ласки и выдры там уже были, и в то же время широко представлены крупные кошки этого периода, особенно огромные саблезубые тигры... В среде млекопитающих грызунов... выявились в середине третичной эры все главные существующие виды... И наконец, разные формы обезьян существовали во времена миоцена... К группе «антропоидных обезьян» относят *Dryopithecus*... Он тоже отличался крупными размерами, равными росту человека, и, видимо, жил на деревьях и питался плодами»¹.

Было бы легко усилить впечатление от этого изобилия и роскоши жизни животных в третичное и послетретичное время, углубившись в изучение множественных следов птиц в песчаниках Коннектикута или огромных скелетов *Dinornis giganteus* и *Dinornis elephantopus*,

Nicholson. Life-History. P. 311 et seq.

яиц *Aepiornis maximus* — яиц «по тринадцать — четырнадцать дюймов в диаметре»¹. Мы могли бы также принять во внимание и *Diprotodon*, который «по размерам во много раз превосходил самого большого из своих ныне живущих потомков и череп которого был не менее трех футов длины»².

Или мы могли бы восстановить в памяти «колоссального» *Megatherium Cuvieri*, чья «берцовая кость почти в три раза толще такой же кости слона»³. Или, посетив юрские отложения Колорадо, мы могли бы взглянуть на *Titanosaurus*, на одного из поздно открытых обитателей древнего мира, о котором Джон Лабок говорит, что это, «вероятно, одно из величавых животных среди известных — в нем было сто футов длины и по крайней мере тридцать футов в высоту, хотя не исключено, что даже эти невероятные размеры могли быть превзойдены размерами *Atlantosaurus*»⁴ — также одной из новых находок.

Но зачем увеличивать число иллюстраций? Естественная история нашего времени не может породить экзем-

¹ Тот факт, что окаменелые останки этих гигантских вымерших птиц обнаруживаются только в Южном полушарии, никоим образом не противоречит доктрине об их происхождении с высокого Севера, так как: 1) птицы более всех приспособлены к дальним передвижениям по земле; 2) песчаники долины Коннектикута в Северном полушарии сохраняют следы птиц, «которые должны были обладать колоссальными размерами», отпечатки достигают 22 дюймов в длину и 12 в ширину при пропорциональной длине шага. «Эти данные указывают на лапы, в четыре раза шире лап африканского страуса»; 3) эти следы остались от триасового периода, тогда как останки, найденные в Новой Зеландии и прилегающих областях, принадлежат более позднему периоду постплиоцена, то есть прошло много лет, нужных для миграций от широты Коннектикута до широты самых южных земель. Ср. у Гейки: «Высшая фауна Австралии более близка к той, которая процветала в Европе еще в период мезозоя, чем к современной фауне в любых других областях Земли». *Geology*. P. 619.

² *Nicholson*. *Life-History*. P. 349.

³ *Ibid*. P. 350.

⁴ *Nature*. London, 1881. P. 406.

пляры рыб и амфибий или рептилий и птиц, а среди млекопитающих — сумчатых или обезьян, которые по своим нормальным размерам не были бы превосходимы соответственными особями должных видов и классов, живших в третичную и четвертичную эпохи. А если это так, то вполне возможно и достоверно то, что в те же допотопные века некоторые из вариантных особей *Vimana* могли превосходить по росту свой современный средний уровень и использовать, соответственно, преимущества своего сложения. В любом случае скоро придется отвергнуть это, когда смогут быть найдены останки человека подходящего возраста в области расообразования и ранней истории. Пока дело касается находок прошлого, даже Бушнер, считающий, что «первородный человек был телесно мельче современного» и что «широко распространенная вера в существование раньше расы людей-гигантов полностью ошибочна», вынужден сказать: «Правда, некоторые древние скелеты или их части, которые были найдены, должны были принадлежать сравнительно большому и очень мускулистому человеку; таков, например, скелет известного неандертальца, а также человеческие кости, найденные в одной из пещер Перигорда ученым Луи Ларте... похоже, говорящие о грубой, сильной расе людей»¹.

И снова, говоря о скелете, которому принадлежит череп неандертальца, он сообщает: «Зубцы и гребни, к которым крепились мускулы, очень сильно развиты, из чего можно сделать вывод, что череп принадлежит чрезвычайно сильному, физически развитому человеку»². Следует добавить, что Карл Фогт, один из ранних и наиболее влиятельных учеников Дарвина в Германии, тоже думал о «человеке древнейшего каменного века» как о «высоком, сильном и длинноголовом»³.

¹ *Man in the Past, Present and Future*. Eng. tr. by Dallas. P. 50, 51.

² *Ibid.* P. 53.

³ *Ibid.* P. 60, 259.

Здесь было бы уместно заметить, что изначальные формы животных, часто превосходя в размерах более поздние особи своего вида, никоим образом не должны представляться как чудовищные. Ведь и голова новорожденного ребенка в пропорциональном соотношении с его телом очень отличается от этого же соотношения у взрослого человека. По сравнению со взрослым его члены, и руки, и стопы вполне равномерны и хорошо округлены. И если бы художник никогда не видел и не изучал людей, кроме как во взрослом состоянии, формы детей ему казались бы особенно ненормальными. Вот такая иллюстрация может помочь прийти к правильной оценке некоторых древних типов животных. Потому что «если мы обратимся к наиболее ранним известным и древнейшим образцам из любой данной группы животных, то может показаться, что эти примитивные формы, хотя сами по себе и хорошо организованные, обладали некоторыми чертами из числа тех, которые сейчас можно видеть лишь у детенышей таких животных. Выражаясь по-научному, скажем, что ранние формы жизни обладают на некоторых ступенях развития «эмбриональными» чертами, хотя это не служит препятствием в достижении ими размеров более гигантских, чем у их ближайших родственников, живущих в наше время. Более того, древние формы жизни часто называют «всеобъемлющими типами», а это значит, что они обладают такими сочетаниями черт, которые мы теперь видим как самостоятельно развивающиеся у отдельных групп животных. Сейчас это длящееся сохранение эмбриональных черт и «всеобъемлемость» структурных типов служат признаками того, что зоологи считают сравнительно «низкой» степенью развития; преобладание таких черт на ранних этапах жизни животных — это удивительный феномен, хотя они тем не менее отличаются совершенной организацией, в той мере, какая свойственна данному типу»¹.

Nicholson. Life-History. P. 60, 61. Ср. со с. 367—374.

Рассматривая эту ошибку в другом свете, нужно сказать, что кто бы ни рассуждал об исчезновении наиболее ранних форм животной жизни по сравнению с сохранившимися формами как о чем-то ненормальном и чудовищном, процесс этого исчезновения принимает во многих случаях форму упадка и одряхления, в соответствии с чем следует судить и иногда осуждать более решительные, полные и красивые черты физического омоложения.

Подобным образом «всеобъемлющие» типы могут быть названы чудовищными и странными только в той мере, в какой эти термины могли бы быть применены в отношении газеты «Лондон Таймс» тем человеком, который никогда в жизни не видел других образцов прессы, кроме ежемесячного бюллетеня «Северобританский садовод» или «Ежедневный курс цен Саутгемптонской ассоциации бакалейщиков». То, что зоологи называют «низшими» формами организации, есть скорее «высшие», если под этим словом понимать те формы, которые наиболее содержательны, сильны жизненно и восприимчивы к эволюционному разнообразию¹. Указание на то, что животный мир во времена начального развития человека был миром грубости и монструозности — этому мнению дали почти универсальное хождение научно-популярные книги и журналы, — на деле полно-

¹«Первое появление ведущих жизненных типов редко бывает эмбриональным. Наоборот, они часто появляются в высокосовершенных и специализированных формах, носящих нередко усложненный вид и выражающих типы столь разные, что их принимают за более высокие группы... Убогое и окрашенное презрением отрицание этих фактов, свойственное Геккелю и другим биологам, не располагает геологов к большому доверию к их указаниям». — Ректор Дж. У. Доусон в своем «Президентском адресе к Американской ассоциации по прогрессу науки». Science. Cambridge Mass., Aug. 17, 1883. P. 195.

стью неверно ¹. В свете более глубокой науки прекраснейший Эдем старейших легенд предстает, насколько это касается начальной зоологии, более достоверным, чем говорила зарождающаяся наука палеонтология.

Не следует забывать, что во всем, на что намекали ученые относительно фауны древнего мира, не учитывались более благоприятные и менее благоприятные условия отдельных частей Земли. Палеонтологи лишь сейчас начинают рассуждать о том, что между биологическими условиями арктических областей и всех других частей Земли могли существовать в доледниковое время глубочайшие и далеко идущие различия. Все, что порождалось областью, где день длился десять месяцев, а ночь — всего два, не могло существенно не отличаться от мест, где в среднем почти 12 часов из каждых двадцати четырех проходят в темноте. «Мы не должны проходить мимо того факта, что растения и раковины арктической области отличаются замечательным разнообразием»². Если мы уже видели, каковы в низких широтах и формы и сила животной жизни, кто может взяться за описа-

¹ «Доктор Хукер в своем вступительном очерке по флоре Австралии замечает, что невозможно установить параллель между последовательными во времени появлениями растительных форм и сложностью их структур и специализации органов, как это представлено у последовательно более высоких групп при естественном методе классификации. Он добавляет, что наиболее ранние распознаваемые криптограммы не только являются наивысшими из ныне существующих, но и отражают более высокодифференцированные жизненные органы, чем появляющиеся впоследствии, и что эмбрион двудольного растения и полностью экзогенные деревья с высокоспециализированной тканью (хвойные с glandularной, железистой, тканью), как известно, предшествовали односемядольным эмбрионам и эндогенным деревьям по времени появления на Земле. Эти факты резко противоположны доктрине о прогрессии». *Sir Charles Lyell. The Antiquity of Man. P. 404.*

² *Charles Darwin. Animals and Plants under Domestication. New York, 1868, II, 309.*

ние превосходящей избыточности и разнообразия их проявлений в этом изначальном полярном средоточии, из которого произошли все типы представителей фауны!¹

Арктические скалы говорят о еще более удивительной утраченной Атлантиде, чем Платон. Окаменелые залежи слоновой кости в Сибири превосходят все подобное в этом мире. По меньшей мере со времен Плиния ими пользовались, и до сих пор из них черпают этот материал². Останки мамонтов столь многочисленны, что, как говорит Гратакап, «Северные острова Сибири кажутся сложенными из массы этих кос-

¹ Это «замечательное» разнообразие оказывало известное давление на научное правдоподобие рассказов об арктических гигантах. В наше время и в наших широтах иногда появляются люди, чей рост в четыре-пять раз превышает рост взрослого карлика. Если бы мы, соответственно, приняли рост в два с половиной фута за минимальный для полярной области в то древнейшее время, то все же господствующая шкала вариабельности показала бы, что и тогда некоторые люди могли иметь рост от семи с половиной до двенадцати с половиной футов. Возможно, новые найденные окаменелости вскоре подтвердят это соображение. Взглянем на страницы ежедневных газет: «В сообщении агентства Карсон (Невада) говорится: следы, о которых так много спорили в нашей стране и в Европе, были сначала определены доктором Харкнессом из Академии наук как следы мамонта; теперь же, после изучения их в течение года, он установил, что это следы человека с очень большими стопами». См.: *Proceedings of the California Academy of Science*, 1882 (Aug. 7 and 27, Sept. 4, Oct. 2). *Nadaillac*, in: *Materiaux pour l'Histoire primitive et naturelle de l'Homme*. Paris, 1882. P. 313—321. *Topinard*, in: *Revue d'Anthropologie*. Paris, 1883. P. 309—320. А также *Mr. Cope*, in: *The American Naturalist*. Philadelphia, 1883.

² Фон Миддендорф (*Reise im Norden und Osten Siberiens*, 1848) пишет, что по крайней мере сто пар бивней ежегодно поступают на рынок; Норденшельд на это замечает: «Из этого можно заключить, что с тех лет, когда русские овладели Сибирью, было найдены бивней от 20 000 мамонтов». В сноске он замечает, что подсчет Миддендорфа очень занижен, и говорит, что одним пароходом, на котором он плывал по Енисею в 1875 году, было сразу забрано для рынка больше сотни бивней. *The Voyage of the Vega*. P. 305.

тей»¹. Другой ученый, говоря о Новосибирских островах, расположенных к северу от устья реки Лены, формулирует так: «Каждый год из земли извлекается огромное количество слоновой кости. Собственно, некоторые из островов выглядят как скопления унесенных водой бревен и тел мамонтов и других допотопных животных, скрепленных морозом»². Почва этих высокоширотных арктических областей настолько наполнена этими останками, что остяки (ханты) и другие не знающие образования племена верят, будто мамонт — это подземное животное, прокладывающее себе путь сквозь почву, подобно кроту, и живущее там по сию пору. Ничто не сможет показаться столь замечательно новым для теории, которую мы отстаиваем в этой книге и по которой затопление первичной родины человека и наступление ледниковой эпохи связаны с потопом, ибо, когда около двухсот лет назад русский посол Эверт Исбрантс Идес, совершал свое отважное трехлетнее путешествие в Китай, он обнаружил на Севере и подтвердил факт именно таких верований³.

Суммируя данные этой главы, мы можем сказать, что тот, кто хотя бы воспримет заключение, к которому подводят нас предварительные аргументы, тот больше не встретит камня преткновения в последних открытиях геологов, касающихся экстраординарной жизненной энергии, появлявшейся в отдаленные века и отраженной в древних мифах, повествующих о гигантах, и титанах, и полубогах раннего утра Земли. Наоборот, и окаменелые останки, и этнические мифы, и священные писания — все это будет признано объединенным в потоке общей истории.

¹ «Prehistoric Man in Europe». The Am. Antiquarian and Oriental Journal. Chicago, 1881. P. 284.

² Johnson's Cyclopaedia, sub voce.

³ «Старые русские, живущие в Сибири, считали, что мамонт был таким же животным, как слон, и что до потопа в Сибири было теплее, чем теперь, и здесь жило много слонов; они утонули при потопе, а затем, когда наступил холод, вмерзли в глину рек». *Nordenskjöld. Voyage of the Vega*. P. 305.

ГЛАВА 8

ОБЗОР АРГУМЕНТАЦИИ

Но если вода — это лучшее, а золото — самое драгоценное, то самой дальней связи достиг Ферон своими добрыми делами — из своего дома прикоснулся к Столбам Геракла¹. Непроходимо все, что рядом, и для неразумных, и для разумных. Я не буду здесь дальше искать: поиск был напрасен.

Пиндар

В части II, в самом начале нашей дискуссии, внимание было уделено двум классам испытаний, с которыми неизбежно должна встретиться гипотеза северно-полярной локализации Эдема: первые касались в равной мере всех предполагаемых мест в умеренных и межтропических широтах; вторые неотторжимо связаны с особенностями природы на Северном полюсе. В первом классе семь испытаний были пронумерованы, и к концу части IV мы увидели, как неожиданно и убедительно все они были преодолены. Во втором классе другие семь испытаний были уточнены как «новые черты», введенные в проблему локализации Эдема благодаря самой природе нашей гипотезы. Все они были такого особенного и экстраординарного характера и так модифицировали требования, предъявляемые ко всем человеческим традициям, что прямое искажение правды, свойственное неверной гипотезе, не могло бы спасти ее от явного провала при наличии каждого удачно приводимого параграфа.

¹ «Атлант дал Гераклу «столбы мира», в которых содержались все тайны природы». *Rawlinson. Herodotus. Vol. I. P. 505 n.* См. ниже, часть VI, глава 2. А также *Jonnes. L'Océan. P. 121, 107, et passim.*

В данной части мы свели вместе те факты или по крайней мере часть фактов, которые призваны показать, что гипотеза полярного рая, как ни одна другая, может воспринять и удовлетворить каждое из этих новых и еще более трудных требований. Выражаясь в стиле математиков, хотя, конечно, с должным осознанием природы проводимых рассуждений, можно сказать, что мы сначала решили нашу проблему, а затем, встав на новый путь и изменив отдельные элементы, доказали и удостоверили наш ответ. Кто захочет увидеть этот процесс подтверждения, должен вернуться к главе 2 части II и тщательно сопоставить семь «новых черт», пронумерованных там, с фактами первых семи глав настоящей части. Влияние такого сопоставления вряд ли будет сомнительным для искреннего ума.

По твердо обоснованному убеждению автора, потерянный Эдем найден. Ни одному из читателей его истинное место не может показаться столь неожиданным, каким оно стало для автора. Каждая предшествовавшая возможность, казалось, восставала против этого. Прежде всего, в таких проблемах каждая новая гипотеза принципиально непохожа на ряд предшествовавших, найденных неприемлемыми. Где больше, чем в этой области, могло быть выдвинуто гипотез ученым и искренним человеком? Кроме того, по своей природе гипотеза сильно отягощала условия и требования самой проблемы. И если в течение веками длившихся дискуссий в подлунном мире так и не было найдено места, которое могло бы соответствовать простым условиям Бытия, то трудно было поверить, что это место могло совпасть с новыми и гораздо более экстраординарными условиями! В целях своей верификации гипотеза требовала, чтобы были подтверждены все древнейшие космологические идеи и традиции человечества, — такая интерпретация единодушно запрещается новой наукой почти в каждом разделе исторических и археологи-

ческих исследований. Как вероятно, что такое предприятие могло увенчаться успехом!

К счастью, события в человеческой жизни происходят независимо от наших недальновидных возможностей. Это может видеть любой человек, восклицая при этом: «Всегда происходит что-то невероятное!» Даже индивидум, исполненный благоговения, который усматривает в истории промысел выше человеческого и считает саму природу явлением сверхъестественным, должен по меньшей мере смутиться при первом неутешительном для него проявлении ключевого подхода к правде. Его представления о реальности шире, чем представления просто верящих в природу, а поэтому более приспособлены к восприятию вероятного. Уподобляя самого себя некой личной Силе, которая повсеместно направляет свои деяния к правде, не менее чем к справедливости, он всегда пребывает в ожидании чего-то неожиданного, а поэтому и смотрит на каждое новое проявление своей правды не как на личное достижение, а как на еще одно доказательство своего ученического успеха и его ценный залог.

В процессе развития суммированных здесь наук выявилось много любопытных вещей, одну из которых уместно вспомнить. Археологи уверены, что более ста лет назад искусный ученый Жан Сильвен Байи в своих трудах «Письма об Атлантиде Платона» (1779) и «Письма о происхождении наук» (1777) отстаивал взгляд, что изначальная колыбель цивилизации была в Сибири, между 49 и 50° северной широты. Во второй из упомянутых работ встречается отрывок, в котором автор, теоретически помещая место рождения человека на полюс, отмечает «единственное соответствие» этого начального пункта всем феноменам цивилизации и указаниям мифологии. И тут же, однако, словно испугавшись собственного безрассудства, он разуверяет в сказанном своих читателей, заявляя, что его предположение есть «лишь философская выдумка» и что ему «не

хватает поддержки со стороны истории»¹. Можно ли теперь сказать, что поддержка со стороны истории полностью не обеспечена?²

Хотя наша гипотеза не нуждается в дальнейшем подтверждении, все же очень легко развить новую и поразительную линию свидетельств, осветив с ее помощью происхождение ошибочных предвзятых мнений, в соответствии с которыми в прошлом или постоянно выдвигались фальшивые теории либо же заявлялось, что проблема неразрешима.

Итак, после того как мы узнали о положении, то есть о позе молящегося человека, принятой в среде всех древних наций, легко увидеть, что изначальный сад «Передней страны» должен был быть на Севере. Но, начиная с послеледникового периода, эта Передняя страна, естественно, ассоциировалась с Востоком, и все исследователи — евреи, христиане или мусульмане — пытались отыскать некий восточный регион с райским климатом, с «центральным деревом» и «рекой, разделяющейся на четыре части», которая и определяла изначальный Ган-Эдем, и мы видим в этой предварительно неверной концепции достаточное основание для повторения ошибки век за веком.

И снова, пересматривая результаты теологов, мы увидели, что немало нового было отброшено с возму-

¹ «Наконец, если я прослеживал путь человека, родившегося на полюсе, который двигался в сторону экватора, разрабатывая измерения времен года по физическим данным в различных широтах, это была лишь философская фикция, порожденная единственно из-за совпадений с феноменами, замечательными в силу их пояснений в сказках; фикция, которая вообще ничего не абсурдного в себе самой не имеет и которой не хватает поддержки истории». С. 255, 256.

² После оповещения о своих результатах автор получил письма от трех простых приверженцев Библии, которые, как оказалось, возражали, каждый по-своему, против заключений этой книги. Один из них, Александр Скелтон, механик и кузнец из Паттерсона, услышал, кажется, о заметке в «Нью-Йорк Трибюн» (1878), и его аргумент, хотя и краткий, исчерпывающ и неоспорим.

щением, порожденным, очевидно, бессмысленными и противоречивыми представлениями прежних отцов и учителей церкви; в некоторых из этих представлений рай помещался на небесах и еще, по-видимому, на земле и иногда посередине между небом и землей, так высоко, как Луна. При таких представлениях Сэмюэль Батлер, перечисляя редкие достижения Гудибраса, должен был сказать: «Он знал место рая и мог определить ступень его местоположения; и если он смещался, то мог доказать куда — под Луну или еще выше».

Во всю эту неразбериху вносит рациональное зерно наше учение о доисторической Райской горе, стоящей на вершине Земли, на Северном полюсе, и достигающей своей вершиной «лунной орбиты». Гора действительно расположена одновременно на небе и на земле. Интересно отметить, что поздние средневековые теологи, несмотря на их противоречия историческим изысканиям, прослеживали свои концепции прямо к тому апостолу, который, согласно церковной традиции, считался «апостолом Индии», а потому имел наилучшую возможность узнать о восточно-арийской Меру и передать потомкам эту особенную и освященную веками традицию, касающуюся рая¹. Более того, как мы уже видели, в некоторых азиатских религиях было два рая — небесный и земной, — соединенных столбом или мостом, по которому могли проходить святые души. Поэтому, когда мы находим у древнего писателя упоминание в одном месте о земном рае, а в другом — о небесном, то путаница происходила не в его мозгу, а в уме читателя.

Здесь следует сказать доброе слово о бедном Козме Индикоплове — человеке, который был более

¹ «Я нашел в некоторых наиболее древних книгах, что апостол Фома был автором мнения... будто рай был так высоко, что достигал лунного диска». *Albertus Magnus. Summa Theologia, pars II, tract. XIII, qu. 79.*

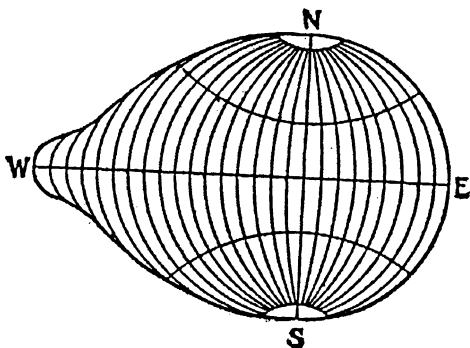
предвзято и безграмотно оскорбляем современными учеными, чем любой другой космограф раннехристианских веков. Без сомнения, легко смеяться над его грубыми представлениями о вселенной, но кто нас уверит в том, что тринадцать-четырнадцать веков назад не было бы так же легко высмеивать рассуждения Гершеля о единстве космоса? Однако может так случиться, что предыдущие главы придали новое значение мысли монаха, который «плавал в Индию», показав нам, что его «гора» к северу от известных в его дни стран является не чем иным, как горой Меру, легендарной, поддерживающей небо высотой Северного полушария. Его локализация Эдема, в той степени, в какой это установлено наукой, по меньшей мере так же хорошо обоснована, как и потерянная «Лемурия» Геккеля или среднеатлантическая «Атлантида» Унгера. Наиболее замечательно, что он точно на севере от арктически-океанской границы Европы — а не на западе, как иногда неверно представляли¹, — локализует «землю, где человек жил до потопа»². Если наши заключения правильны, Козма был самым ранним из известных географов, который дал христианскому миру точное определение истинного места послеэдемского допотопного мира. Таким образом, те, кто столь долго делал из него мелкую иллюстрацию неграмотности и антинаучного духа «христианского» учения, могут воспользоваться случаем пересмотреть свои суждения и превратить свои насмешки в восхваление.

Тот же принцип, который объясняет странный мир Козмы, поясняет также и странную концепцию Земли, обнаруживаемую в письмах Колумба. По этим письмам, историческое полушарие было настоящей сфери-

¹ Например, *Доннелли*. *Atlantis*. P. 96.

² «Земля за океаном, где до потопа обитали люди». *Cosmas Indicopleustes*. De Mundo, lib. IV. Montfaucon. *Collectio Nova*, t. II, tabula I, opp. p. 188.

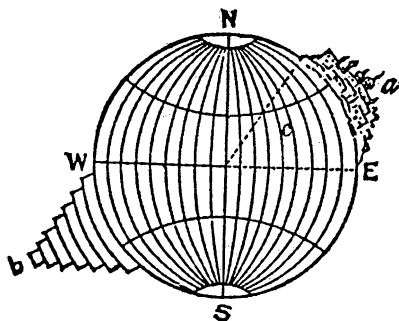
ческой конфигурации, но полушарие его изысканий на дальнем западе обнаружило выступ, приподнятость на экваторе, где, как он полагал, должна была быть Азия, но которая потом явила себя как северная часть Южной Америки. Это придало Земле облик, изображенный на рисунке, похожий на почти круглую грушу¹.

«Земля Колумба»

На первый взгляд эта концепция кажется произвольной и даже причудливой, но если мы возвратимся на один-два века назад на землю Данте, то найдем земной шар еще более эксцентричным, таким, на котором Райская гора соскользнула вниз на 30° от экватора, как показано на рисунке (см. с. 290).

¹ «Возможно, что идея реально относится к VII веку. Мы можем прочитать в некоторых космографических рукописях той эпохи, что Земля подобна конусу или шпилью, и ее поверхность поднимается с юга на север. Эти идеи заметно распространялись сочинениями Джона Бове в 1479 году. Из них, возможно, Колумб заимствовал свои представления». *Flammarion. Astronomical Myths*. P. 296. См. также: *G. Marinelli. La Geografia e i Patri della Chiesa*. Roma, 1882.

«Земля Данте»:

- a — город Иерусалим;
- b — Гора Чистилища;
- c — ад внутри Земли

Основные данные для такой конструкции обнаруживаются в описании Горы Чистилища, о которой сказано: «Сион таким образом соотносится с этой горой на Земле, что обе имеют один горизонт и разные полушария». Комментатор говорит об этом: «Когда «Божественная комедия» была написана, Иерусалим был признан точным центром обитаемого полушария; другое полушарие признали покрытым водой. Из этого океана поднялась Гора Чистилища, подобная пику Тенерифе, из самой утробы волн, и она — точно против горы Сион, так что обе являются антиподами. Математики в своих измерениях Дантова ада рассчитывали так: дуга в 30° была отмерена от меридиана Иерусалима к западу до Кума, вблизи Неаполя, и здесь, у «Fauces Averni» Вергилия, им понравилось поместить ее мрачный вход. Другая дуга в 30° была отмерена от того же меридиана к востоку, так что обе они вместе составляли часть земной поверхности примерно в 4330 анг-

лийских миль, хорда которой равна половине ее диаметра. Это составило основу их операции, так что вместе с расстоянием от центра Земли до ее вершины... ширина и глубина ада были одинаковы. В самом центре притяжения, плотно заполненном вечно нетающим льдом, был помещен мрачный властитель этого горестного царства»¹.

Более поздний издатель замечает: «Чистилище у Данте — это гора на острове, чья вершина достигает первой из небесных сфер, сферу Луны... Она расположена точно против Иерусалима, и ее объем равен объему противоположной ей адской пещеры... На вершине горы земного рая находится сад Эдема»².

Что касается правильности действий вышеупомянутых «математиков», автор данной книги не готов судить об этом³, но внимательный читатель «Божественной комедии» не упустит заметить, что ее «гора Сион» и «Гора Чистилища, скорбная, высочайшая и окруженная морем», являются просто непризнанными «пережитками» доисторической мысли — антиподные Мировые горы некогда были расположены на полюсах, но здесь их локализовали иначе, чтобы следовать запросам средневековой сакральной космологии. Они — это и Су-Меру, и Ку-Меру индусов, встречающиеся и в христианской поэзии. Глядя на иллюстрации лорда Вернона к этому

Henry Clark Barlow. Contributions to the Study of the Divina Commedia. London, 1864. P. 169, 170.

² *A. J. Butler. The Purgatory of Dante. London, 1880. Prefatory Note.* Ср. гениальную лекцию Витте о «Dante's Weltgebände», в его «Dante-Forschungen». Bd. I. P. 161—182.

³ Учителем Данте по естественным наукам был Брунетто Латини, родившийся в 1230 году и умерший в 1294-м. В «Инферно» XV, 85 о нем написано с любовью. Он создал работу, по которой вышло старофранцузское издание «Li Livres dou Tresor» (Paris, 1863). В нем (кн. I, ч. III, гл. V) автор защищает доктрину сферической формы Земли. Отзывы Данте об авторе и его работе были собраны и представлены в статье в «Jahrbuch der Deutschen Dante-Gesellschaft». Bd. IV. P. 1—23.

любопытному космосу, индусский пандит почти наверняка думает, что он как бы получил из пуран карту полушарий¹. После того как Райская гора так «наклонилась», сначала к широтам Центральной Азии, а затем к экватору и, наконец, приняла «висячую» позицию, в которой лорд Вернон ее и помещает, прямо под Городом Бога вместе с подземным центральным инферно между ними, — после таких смещений не следует удивляться тому, что искатели рая так долго не могли распознать ее².

Наш арктический Эдем путем объяснения происхождения космологических концепций древних халдеев, египтян и индусов дает в то же время толкование происхождения наиболее необычных и на первый взгляд бессмысленных концепций средневековых и современных космографов, подчеркивая то, что может быть достаточно определено названо философией ошибок, ложных концепций и причуд прежних искателей рая. Важно, что гипотеза отвечает всем требованиям данной проблемы; и еще важнее, что она справляется с этим лучше, чем любая другая гипотеза.

¹ См.: «Figura universale della Divina Commedia». P. XXX, of vol. I, of *L'Inferno di Dante Alighieri* da G. G. Warren Lord Vernon. London, 1858.

² Картина Фламариона (*Myths of Astronomy*. P. 311) очень близка картине лорда Вернона, но только изображение висящей горы сделано так, что ее наивысший пик обращен вниз. См.: *S. Günther on «Die Kosmologische Anschauungen des Mittelalters»*, in: *Die Rundschau für Geographie und Statistik*. Bd. IV.

ЧАСТЬ VI

**ЗНАЧЕНИЕ НАШИХ
РЕЗУЛЬТАТОВ**

Как у человека, зажигающего свечу, чтобы рассмотреть желаемые один или два предмета, свет не ограничивает себя этими двумя предметами, так и мне думается, что в поисках этих двух вещей — мирового потопа и рая — разрабатываются понимание и представление о древней Земле; от которых они зависят; тем самым мы проливаем свет на всю древность.

Томас Бёрнет

Я взял себе за правило неуклонно следовать исторической традиции и твердо держаться этого ключа, даже когда многие вещи оказываются странными и почти необъяснимыми или по меньшей мере загадочными; ибо в исследовании древней истории в момент, когда мы упустим эту нить Ариадны, мы можем не найти выхода из лабиринта причудливых теорий и неразберихи сталкивающихся мнений.

Ф. фон Шлегель. Философия истории

Миф о Райском саде не является полным вымыслом; в форме детской поэзии он дает нам первую страницу духовной истории человечества, той истории, в документах которой имеется не просто несколько более или менее обработанных кремней, но весь этот пережиток божественной жизни в человеческой душе, проявляющийся своими стремлениями, болью и этим общим чувством утраты права, которое трепещет во всей мифологии и дает постоянное вдохновение всем религиям.

Э. де Пресансэ

Храм язычников — древнейшее сооружение, но не относится к языческой эпохе, и священные легенды этого храма содержат первоначальную историю первобытного общества и рода человеческого и его (храма) первоначальное предназначение.

Люкен

ГЛАВА 1

СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ИЗУЧЕНИЕМ БИОЛОГИИ И ФИЗИКИ ЗЕМЛИ

Каким казался наш земной шар, когда ты осматривал его!
Когда в твоей здоровой юности было рождено все
живое, невыношенное, и планета была раем, истинная
сатурнианская Земля!

Далеко к полюсу протянулся Счастливый Сад.
Земля хранила его красоту теплом собственной груди.
Тяжелый труд не появился, чтобы мешать росту ее
сыновей и ожесточать их.

Никакие преступления (там не было желаний!) не тре-
вожили их отдых.

Эдмунд К. Стедман.

Череп в забое по добыче золота

Решение проблемы жизни может прийти с неожидан-
ной стороны.

Джон Фiske

Если предполагаемые факты и заключения предше-
ствующих глав будут признаны правильными, то стан-
ет ясно, что в поисках правильного ответа на один из
давно стоящих и наиболее затруднительных вопросов
библейского богословия мы в то же время открываем
одну из тех центральных ключевых истин, знакомство
с которой затрагивает очень много других отраслей
знания. Действительно, не будет преувеличением ска-
зать, что принятие этой предполагаемой правды, осно-
вывающейся на соответствующих свидетельствах, долж-
но затронуть оценку людьми источников знания. Если
священные традиции человечества, будучи единожды
правильно понятыми, оказываются в удивительной гар-
монии друг с другом и содержат результаты, которые

наши наиболее далеко продвинувшиеся науки совместно договорились проверить, то это открытие не может не придать новой значимости истории во всех ее отраслях и учениях. Но, кроме этого общего эффекта проверки древнего доказательства, наше точное заключение относительно местоположения колыбели человечества имеет наиболее очевидную и важную связь со всеми физическими, палеонтологическими, археологическими, филологическими, мифологическими, этнографическими и культурно-историческими предположениями и размышлениями, — словом, наиболее очевидную и важную связь почти с любой проблемой, которая в заметной степени привлекает и занимает нашу современную мысль¹. В данной части предполагается отметить отношение наших фактов и заключений к нескольким из этих областей исследования, и прежде всего их соотношение с изучением биологии и физики Земли.

В части III, в главе 7 части V и в других местах мы уже приводили разные иллюстрации захватывающего и подтверждающего подлинность вклада, который биологические науки могут внести в изучение доисторических традиций. Возможно, читатель, посвятивший себя этому виду изучения, задался вопросом, почему богатое поле иллюстраций не столь часто использовали авторы, писавшие о древности? Однако, каким бы важным отношение биологических исследований к доисторическим ни было, не следует забывать, что встречное отношение изучения самых ранних прослеживаемых

¹ Даже психологи в своих исследованиях могут быть глубоко заинтересованы в нашем результате: «Здесь возникает вопрос о том, насколько на нее (власть мысли фокусника над предметом) могут воздействовать электрические и магнитные явления, среда и климатические влияния, так как она поистине расцветает и в Старом, и в Новом Свете по мере того, как исследователи приближаются к области Северного полярного круга и входят в земли северного сияния и полночного солнца». *G. Archie Stockwell. Indian Jugglery and Psychology // The Independent. New York, Sept. 27, 1883. P. 1221.*

мыслей и верований человечества для наиболее плодотворного изучения биологии ни на йоту не менее важно. Это крайне важное положение как для затронутых областей знания, так и для общей теории личной и организованной культуры; и все же это положение нечасто принимают во внимание вдумчивые читатели.

Достойно сожаления и настораживает то, что обычный биолог наших дней не видит ничего достойного его профессионального внимания до нынешнего столетия. Интеллектуальная история человечества не представляет ни малейшего интереса или ценности для его работы. Поколения за поколениями человеческих наблюдений, размышлений и предположений, касающихся проблем жизни, для него как будто никогда не существовали. А если он и знакомится с ними в небольшой степени, то обычно лишь ради развлечения своих слушателей тем, что он считает причудливыми и абсурдными идеями прежних времен, и для достижения впечатления у них тем контрастом, который представляет современная «наука». Все, что человечество сделало до его собственных непосредственных учителей, вызывает у него не более чем жалость и презрение.

Конечно, о таком отношении сейчас в любой отрасли человеческих исследований должно лишь сожалеть. Его последствия вредны со всех точек зрения. В той степени, в которой оно преобладает среди любого отряда работников умственного труда, в той же степени этот отряд становится оторванным от единой исторической мыслительной жизни человечества. От этого страдает не только мыслительная жизнь, но и оторванные от нее работники.

Осознающее свою интеллектуальную историю человечество, естественно, перестает обращать внимание на тех людей, которые отрицают ее или теряют к ней интерес. С другой стороны, любой класс людей, игнорирующий историю человеческого сознания и начинающий всю подлинную историю и всю истинную науку с собственных достижений, этими самыми действиями ставит себя вне того духовного содружества, в котором все формы и части знания достигают целостности и

взаимной дополненности. Круг их интеллектуальных симпатий и вкусов сужается. С потерей широких симпатий и вкусов они подвергают себя опасности потерять способность различать и оценивать любой вид истины вне ограниченного диапазона их специализированной области профессионального исследования. И эта опасная тенденция зашла уже так далеко, что в любой стране трудно найти такого прославленного биолога, чья публично защищаемая теория образования в его собственной области деятельности полностью не игнорировала или активно не противодействовала бы расширяющимся историческим и человековедческим исследованиям, которые одни лишь могут подготовить человека к полному интеллектуальному согласию со всяким добрым учением. Если эту тенденцию нельзя будет каким-либо способом приостановить, то у специалистов биологии и естествознания может возникнуть действительная опасность превратиться в гильдию столь же узких, изолированных и невлиятельных экспертов, как составители антикварных каталогов современной Европы¹.

В исследованиях, подобных тем, которые нас так захватили, заключено наилучшее из возможных исправлений такой односторонности. В этой области найдены побуждения для любознательности исследователя, факты для его понимания, доказательства для его здравого рассудка, игра для его воображения. И все время изучение природы и изучение им человека взаимно помогают друг другу. Перед исследователем сейчас природа

Несколько лет назад г-н Джон Стюарт Милл в обращении к Шотландскому университету выступил в защиту требований о включении классических исследований в общий университетский учебный план. За одно это «преступление» его сурово критиковали в редакционной статье Американского органа естествознания, и, несмотря на тот факт, что он был печально известен как неверующий в Откровение и открытый поклонник атеистической эволюционной социологии Конта, ему было предъявлено ужасное обвинение: «Он был в золотом веке, в состоянии свободы мысли потерянного рая, в которой понятия древнего совершенного состояния человечества и пре-

и ее жизнь в двух формах: 1) как она погребала себя под слоями горных пород; 2) как она изобразила себя в исторической и даже доисторической мысли человека. Если первая придает ей больше осязаемости, то это лишь осязаемость разлагающегося скелета. Только вторая показывает ее дивной и наполненной всеми значениями жизни. Каждая из форм важна, являясь взаимно исправляющей и взаимно дополняющей.

Пока еще биологи не воспользовались древними концепциями природы так, как им следовало бы это сделать. Каким долгим и медленным был прогресс ботаники до этой новейшей концепции о том, что все формы жизни растительного царства произошли первоначально из одного центра, который находился на полюсе! Древнеиранский миф о «дереве всех семян», от которого произошли «зародыши всех видов растений», когда-либо произраставших, и которое было расположено на Северном полюсе, должен был давно натолкнуть их на истину как относительно генетического единства растительного царства, так и относительно его древнего центра распространения.

То же самое можно сказать о зоологах и многозначительности мифов того народа, почитающего «первобытного вола» и Гоша, «олицетворения животного царства»¹. В этих осколках древней культуры мы имеем формы, в которых доисторическая зоология выражала единство происхождения и северное полярное происхождение всей фауны Земли.

восходства древних были противоположны вырожденчеству современников; и настолько полно был захвачен и извращен этим представлением его интеллект, что он был отключен от понимания огромного и значительного влияния современной доктрины эволюции». «The Dead-Language Superstition», *Popular Science Monthly*. New York, 1883. P. 703. Такие естествоиспытатели слишком безграмотны, чтобы осознавать тот факт, что именно в биологию Милл внес огромный вклад, заявив, что среди всех отраслей человеческого знания она «представляет пока еще единственный пример истинных принципов рациональной классификации».

¹ *Darmesteter*. The Zend-Avesta. Part II. P. 110.

Теперь, возможно, слишком поздно биологам искать в этих частных мифах указания, которые много поколений назад они могли им дать. Более медленными и болезненными путями эта красивая полярно-центрическая концепция растительного, животного и человеческого миров была наконец достигнута. Проблемы распространения самых древних растений, животных и народов заставили людей ее принять. Но если открытие согласованного значения этих древних мифов было одинаково отсрочено, мы можем по крайней мере потворствовать надежде, что неожиданное согласие доисторических представлений с представлениями самой новейшей науки вдохновит искренних исследователей природы на новое и более уважительное отношение к первобытным учениям и верованиям человечества. Тем временем пусть не будет забыто то, что есть и другие мифы такой же древности и, возможно, более широкой распространенности, значение которых для прогресса биологии может оказаться сегодня столь же большим, как когда-то значение мифа о «дереве всех семян».

Заметьте, например, такой любопытный факт, что, в то время как в древней восточно-арийской мысли боги горы Меру имеют потрясающий рост, обитатели смежных областей несколько меньше, хотя все еще гигантские, но они, кажется, последовательно уменьшаются в размере от варши к варше, пока мы не достигаем страны Бхарата, варши, которая граничит с экваториальным океаном и населена обычными людьми. И если жители ада, находящегося дальше на юг, должны быть, в соответствии с неким законом природы, еще меньше, чем люди, то душа принца Сатъявана, когда ее уносят к местожительству Ямы, описана в «Махабхарате» лишь «высотой с большой палец». Поразительная последовательность: начинаясь с существ ростом в несколько миль, она завершается на границах «Земли смерти» бестелесными духами, чей рост равен лишь длине большого пальца. Но это представление о размерах царства порожд-

денной и изменчивой жизни не ограничивалось предками индусов. В наиболее ранней мысли Древней Греции подлинная обитель пигмеев была около экваториальной Океанской реки; дальше к северу располагалось местожительство людей; продвигаясь еще дальше, человек попадал в край гигантов; в то время как на полярном Олимпе боги были настолько огромны, что при своем падении распростертый Арес «закрыв семь акров»¹. Следы того же самого замечательного правила найдены в другой мифологии². Возможно, эти отдаленные доисторические представления имеют некоторое значение для сегодняшней биологии.

Чем должен быть этот урок, как не тем, что во всех наших исследованиях происхождения и условий поддержания жизни должны быть приняты во внимание явления высоких северных широт? Те, кто занят непосредственно этими исследованиями, слишком долго обращали свое внимание на ледяные пропасти «глубокого моря» в надежде в каком-нибудь «глубоководном» комке с лишнего солнца океанского дна найти протоплазматическую энергию, которая преобразовала неживую материю в микромиры органической жизни. Но этот поиск ни в коем случае не следует вести в области холода и тьмы³. Давайте искать начала жизни и питающие жизнь силы там, где были замечены ее высшая энергия и изобилие, — в центре, откуда все типы и формы жизни

Darmesteter. The Zend-Avesta. Part XXI. P. 407. Вспомним здесь четыре более чем гигантских посейдоновых шага от фракийского Самоса до Эгеиды. *Iliad*, XIII, 20.

² «Идея о душе как своего рода «пальчике» знакома индусам и немецкому фольклору». *E. B. Tylor. Primitive Culture*, I, 450 п.

³ «По мере опускания от берега в глубины вод, чем глубже мы идем, тем температура становится более низкой, пока мы не достигаем слоя или зоны воды с температурой приблизительно 32—36° по Фаренгейту, где изобилует одна лишь циркумполярная или арктическая жизнь... Вода океана по всему земному шару ниже глубины одной тысячи морских саженей имеет арктическую температуру». *Packard. Zoölogy*. P. 665.

победно распространились по миру; давайте изучать их на полюсе!¹

Об этом предмете такой консервативный специалист, как ректор университета Доусон, недавно заметил: «Нет ничего невозможного в том, что в планах Создателя непрерывное летнее солнце арктических областей могло быть средством для созидания или по крайней мере для быстрого роста и умножения новых и более разнообразных видов растений»².

Какие новые и интересные стороны проблемы жизни возникают в этом истинном центре!³

¹ После того как были написаны вышеупомянутые слова, выдающийся специалист глубоководного землечерпания произвел на свет следующее поразительное свидетельство: «Что касается состава глубоководной фауны, то одна из ее наиболее замечательных особенностей — полное отсутствие в ней палеозойских форм, за исключением лишь представителей моллюсков и брахиопод; и примечательно, что среди глубоководных моллюсков нет представителей *Nautilida* и *Ammonitida*, в таком изобилии встречавшихся в древние периоды, и что наиболее древняя брахиопода *Lingula* может встречаться только на мелководье». *Professor H. N. Moseley. Biological Address before British Association in 1884 // Nature, August 28, 1884. P. 428.*

² *The Genesis and Migration of Plants // The Princeton Review, 1879. P. 292.*

³ Следующий отрывок из недавней газеты предлагает некоторые новые линии желательных исследований:

«Норвежский специалист по географии растений Шубелер недавно привлек внимание к некоторым неожиданным и удивительным особенностям, проявившимся в произрастании растений в высоких широтах, которые он приписал усиленному солнечному воздействию долгих дней. Большинство растений в этих областях приносят намного больше и более тяжелых семян, чем в более низких широтах. Зерно тяжелее на Севере, чем в более южных широтах; увеличение веса происходит благодаря усвоению неазотных веществ, в то время как в них совершенно нет белковых соединений. Листья большинства растений вырастают крупнее в более высоких широтах и в то же самое время приобретают более глубокую, более темную окраску. Это свойство наблюдалось не только у большинства диких деревьев и кустарников, но и у плодовых растений и деревьев и даже у огородных растений. И еще наблюдалось, что цветы большинства растений больше по размеру и более ярко окрашены и что многие цветы, белые на юге, на дальнем севере становятся фиолетовыми».

Здесь находится такое царство солнечного света, о каком мы никогда не мечтали в наших более низких широтах. Здесь мы имеем такую напряженность

Жизненные силы в высоких арктических широтах настолько мощны и неудержимы, что ни темнота, ни неописуемый холод не могут противостоять им. Это утверждение хорошо иллюстрируют водоросли. Согласно автору статьи в журнале «Nature» (Oct. 30, 1884), почти все арктические морские водоросли живут несколько лет, и для того, чтобы они могли размножаться и питаться, их органы действуют в течение темного периода так же успешно, как и в течение светлого. В зимний период в самой северной части Шпицбергена в 1872—1873 годах профессор Кьеллман наблюдал (заметьте!) в середине зимы, когда солнце находится наиболее низко, а темнота поэтому наиболее сильна, что происходило значительное развитие и рост органов питания, а что касается органов размножения, то он выяснил, что именно в этот сезон они были наиболее развиты. Появились и вызрели споры всех видов, превратившись в роскошные растения. Арктические морские водоросли представляют поэтому замечательное зрелище растений, у которых развиваются органы питания и особенно органы размножения круглый год, даже в течение долгой полярной ночи, постоянно вырастая при температуре между -1° и -2°C , и даже достигая больших размеров при температуре, которая никогда не поднимается выше точки замерзания. Относительно «прародины» профессор Кьеллман пришел к выводу, что место происхождения морской водорослевой растительности находится непосредственно в самом Северном Ледовитом океане. Он уверен, что эту теорию доказывает тот факт, что арктическая флора морских водорослей богата местными видами. Есть много видов, найденных как в Северной Атлантике, так и в Тихом океане, большой процент которых заходит очень далеко на север в Арктическом океане, где они достигли высокой степени развития, являясь характерными морскими водорослями Северного Ледовитого океана; и то, что эти виды появились там и постепенно распространились в двух других океанах, он считает более чем вероятным. То, как незначительно зональные различия климата влияют на возможность повсеместного распространения северной популяции флоры и даже фауны, хорошо показывает следующее: «С океанской температурой связан замечательный факт, что принадлежащие арктическим морям формы животной жизни были подняты в Антарктическом океане с глубины в две тысячи морских саженей и, возможно, прошли путь от полюса до полюса через тропики (в глубоководных течениях), не подвергаясь большему перепаду температур, чем приблизительно в пять градусов». *Gen. R. McCormick. Voyages of Discovery in the Arctic and Antarctic Seas. London, 1884. Vol. I. P. 354.*

и направление магнитного поля Земли, с биологической значимостью которых мы совершенно не знакомы. Здесь мы сталкиваемся с электрическими силами, протекающими через каждый лист травы и вершины самих холмов с «колышавшимся пламенем»¹. Разве не окажется, что совершенно исключительные биологические условия и энергии приведут к некоторому исключительному биологическому результату? Разве это не более обнадеживающая область для изучения происхождения жизни, чем темные и почти замороженные тайники глубин моря? Старые богословы были приучены называть Адама и Еву «протопластами», возможно, что на их древней полярной прародине наука сможет все же обнаружить священную тайну всей «протоплазмы».

Наш новый интерес к одной из земных полярных областей придает новое значение противоположности между обеими полярными областями². Не более десяти лет назад наш наиболее выдающийся американский геолог сказал: «В существующем состоянии науки я не нахожу никакого объяснения тому, почему большая часть земной суши должна быть расположена вблизи Северного полюса, а воды — около Южного. Физики говорят, что это указывает на большее притяжение и поэтому большую плотность твердых пород под Южным океаном. Но почему минеральные компоненты должны были быть так собраны вокруг

¹ The Arctic Manual. P. 739.

² «Более высокая средняя температура Северного полушария по сравнению с Южным явно доказана и всеми признана». *Professor Hennessy. Terrestrial Climate // Philosophical Magazine and Journal of Science. London and Edinburgh, 1859. P. 189.* О большей длительности в Северном полушарии весны и лета см. *Malte-Brun. System of Universal Geography. Boston, 1834. Vol. I. P. 14.* А также: *Mansfield Merriman. The Figure of the Earth. New York, 1881. P. 76.* Неравенство средней температуры сейчас считается меньшим, чем предполагалось прежде.

Южного полюса, чтобы придать там коре большую плотность, — этот вопрос остается без ответа. Может быть, потому, что магнитный железняк (магнетит) гораздо в большем количестве проникал сквозь антарктическую кору, чем через арктическую? Это лишь одна из многих возможностей, и в настоящее время, не имея удовлетворительных доказательств, она не может противостоять общей истине, что железо присутствовало повсеместно»¹.

Но различие двух полюсов столь же озадачивающе для биолога, как и для географа: «Исследования показали, что две полярные области отличаются очень сильно. Моря Арктики изобилуют животными. Такие наземные животные, как медведь, волк, северный олень, мускусный бык, арктическая лиса, рассеяны по замороженной поверхности земли, где они находят средства пропитания. Воздух населен неисчислимыми стадами птиц; выносливая растительность простирается почти до Северного полярного круга, а за ним существует во мхах, лишайниках, низкой траве, щавеле, маленьких чахлых кустах, низкорослых деревьях и в летних красивых цветах. В Антарктике, наоборот, растительность прекращает расти на некоторой границе, деревья исчезают приблизительно на 56° ю. ш. Моря изобилуют животными, неизвестными в Арктике; здесь много птиц, однако на суше совершенно не найдены четвероногие животные»².

С этим мы можем сравнить уже цитировавшиеся слова сэра Джозефа Хукера: «Говоря географическим языком, совершенно не существует антарктической флоры, кроме нескольких лишайников и морских водорослей»³.

Professor Dana, in: *American Journal of Science*, 1875. Vol. XXI.

² *C. P. Daly*, in: *Johnson's Cyclopaedia*, Art. «Polar Research».

³ *Nature*. London, 1881. P. 447.

Разве не кажется, будто в период, когда появившаяся в арктическом центре растительная и животная жизнь начала свое победное шествие по всей Земле, Южный полюс, должно быть, был покрыт «бесплодным морем»? Или, более того, имеется некоторое заметное различие в биологической значимости самих полюсов?¹

Но полярные биологические исследования подразумевают предшествующее освоение полюса и более широкое и систематическое изучение земной физики². Здесь заключены все новые и новые побуждения, чтобы раз за разом исследовать с каждой стороны все еще не охваченную твердыню Северного полюса. Маури мог давно написать: «По мере развития науки люди со все более глубокой тоской смотрели на мистические круги полярных областей. Там возникают айсберги, начинаются ледники; там колыбель потоков, там «детская комната» китов; там ветры заканчивают свои кругообороты, а морские течения — свой круг; там зажигается утренняя заря, а дрожащая стрелка компаса уходит на отдых; а еще там в лабиринтах мистического круга непрерывно играют земные силы тайной мощи и широкого влияния на благополучие человека. В пределах Северного полярного круга находятся полюс ветров и полюс холода, полюс Земли и магнитный полюс. Это — круг тайн, и желание проникнуть в него, исследовать его неисхоженные просторы и секретные палаты, изучить его физические стороны и преврати-

¹ Последнее объяснение должно показаться более предпочтительным по экспериментам доктора Фердинанда Кона, который обнаружил, что положительный электрод препятствует развитию микрококков «в значительно большей степени, чем отрицательный». *Beiträge zur Biologie der Pflanzen*. Breslau, 1879. P. 159. Также известно, что яйца могут быть высижены быстрее на одном полюсе магнита, нежели на другом.

² См.: Приложения, VII «Новейшие полярные исследования». А также: *Andree. Der Kampf um den Nordpol*. 4 Aufl. Bielefeld, 1882.

лось в тоску. Благородная отвага сделала арктические льды и одетые снегом моря «классической» землей. Ведут туда людей не лихорадочное восхищение и не тщетные амбиции, а более высокое чувство, священное побуждение: желание заглянуть в мастерские творения, постичь строение нашей планеты и за счет знания вырасти более мудрыми и совершенными». Если такую страсть к открытию можно было бы разжечь к имеющимся более старым и отвлеченным проблемам, каким должен был бы быть результат, когда к ним была бы добавлена возможность раскрытия по крайней мере некоторых тайн жизни природы и определения места, где началась человеческая жизнь!

ГЛАВА 2

СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ИЗУЧЕНИЕМ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Греки, которые превзошли всех людей в изобретательности, приспособили для себя большую часть этих вещей, преувеличивая их и добавляя к ним различные украшения, которые они разными способами вплетали в эту основу, чтобы захватить обаянием мифов. Так, Гесиод и знаменитые киклические поэты рисовали свою теогонию и гигантомахию, свое искажение богов, и распространением их всюду они вытеснили истинное повествование. Но для ушей, приученных к их вымыслу, узанному нами несколько столетий спустя, басни звучали как драгоценные сокровища, которые, как я отметил, когда начал говорить, они получили по традиции; укоренившуюся со временем эту веру стало настолько трудно сдвинуть, что по большей части правда уподобилась сказке, рассказанной для развлечения, в то время как искажение традиций стало рассматриваться как настоящая правда.

Филон из Библа

Подводя итог наиболее вероятных результатов всех своих исследований, Дарвин утверждает, что человек должен рассматриваться как «произошедший от волосатого четвероногого животного с хвостом и острокопечными ушами, вероятно, с привычками обитателя деревьев и населявшего Старый Свет¹.

По Геккелю, этот Ното примигениус — Человек перворожденный — был черноватым, с густыми курчавы-

¹ Descent of Man. Pt. II. Ch. 21.

ми волосами и выдающимися челюстями обезьяноподобным существом, с длинной узкой головой. Его тело было полностью покрыто волосами, и он не был способен говорить.

Читая наиболее модных авторов по древней мифологии и литературе, можно подумать, что они воображают авторов ведических гимнов и авторов мифов классической литературы как очень ранних и лишь чуть-чуть развитых потомков этого волосатого Номо Darwinius. Так, согласно Кири, во времена, когда появился миф о Циклопе, «люди действительно верили, что бурное небо было живым существом, а солнце — его глазом¹. Из другого отрывка в той же самой книге следует, что в период, когда сложилась эта вера в Циклопа, люди перешли на весьма высокую стадию по сравнению с более ранней, когда они еще знали слишком мало, чтобы вообще посмотреть на небо, и думали, что ветви деревьев простирались вплоть до неба. «Способность пристально смотреть вверх на небеса, — он говорит, — пришла к нам не вдруг, а постепенно, с течением времени. Говорят, что дикари едва ли когда-либо поднимают свои глаза, а их голова естественно наклонена с опущенным вниз пристальным взглядом, так что для них требовалось усилие, чтобы посмотреть на небо и небесные тела. Первобытный человек питался корнями и ягодами или меньшими животными и паразитами, которых он собирал с земли, и таким образом привычка и потребность приковывали его взгляд к земле. Поэтому не приходится удивляться, что при своих полувзглядах вверх наши предки не имели свободного времени, чтобы рассмотреть, что верхушка дерева в действительности не доходила до неба. Они вполне могли считать, что верхние ветви скрывались в бесконечно отдаленных воздушных областях»².

¹ Outlines of Primitive Belief, 1882. P. 27.

² Ibid. P. 58.

Работа, которую такие люди делают при объяснении древней литературы и мысли, довольно странная. Приписывание Агни того же самого высшего почитания, которое поэт только что отдал Варуне или Митре, объясняется чрезвычайно «короткой памятью» древних людей¹. По отношению к любой из древних наций они могут допустить знание только крайне ограниченной поверхности земли. Ранние арии воспевают океан и суда со ста веслами, но ни на мгновение нельзя предполагать, что они когда-либо видели настоящий океан или слышали о нем; они просто создали в своем воображении мифической океан². В таких руках бессмертная Илиада становится просто «сказкой о сухопутной битве, театр действия которой был ограничен двумя эгейскими берегами — известным греку миром»³. Хотя поэмы Гомера в различных местах выдают знакомство с астрономией и фактически называют различные созвездия, все же, когда возникает вопрос о том, как поэт представлял себе возвращение солнца в течение ночи с запада на восток, молчит даже г-н Банбери, сообщая нам, что в дни Гомера никто никогда не задумывался над таким вопросом⁴.

Примеров этого худшего, чем средневековое невежество, искажения древней мысли и языка предостаточно. Но так как должен быть произведен некоторый отбор, возможно, будет лучше ограничиться тремя или четырьмя положениями из области, вероят-

¹ Outlines of Primitive Belief, 1882. P. 115.

² Ch. Ploix. L'Océan des Anciens // Revue Archeologique, 1877. Vol. XXXIII. P. 47—54.

³ Keary. Primitive Belief. P. 296.

⁴ «Как солнце возвращалось назад в точку, из которой оно должно было начинать заново свой путь, вероятно, никто в его дни не беспокоил себя таким вопросом» (!) Hist. Ancient Geography. Vol. I. P. 34. Это плохо согласовывается с утверждением Бергена: «Вопросы местонахождения и состояния солнца, когда оно исчезает, сильно заботят ведических поэтов». La Religion Vedique. T. I. P. 6.

но, сравнительно знакомой всем читателям, просматривающим эти страницы, — из области космологии Гомера. Если мы достигнем успеха согласно нашему ожиданию, мы дадим понять, что те переводчики Гомера, чьи представления о греческой культуре вытекают скорее из современной дарвиновской антропологии, чем из самих поэм, показывают и числом, и характером своей толковательской путаницы полную неправильность своих основополагающих предположений¹.

1. Только что затронутый вопрос о движении солнца наиболее подходящий, чтобы с него начать и показать те затруднения, в которые признанные толкователи непрерывно попадали из-за отрицания ими знания у древних сферической формы Земли.

Открывая Китли, мы находим общепринятое утверждение, что «согласно представлениям эпохи Гесиода и Гомера, Земля была круглым плоским диском, вокруг которого текла река Океан». Затем он говорит, что «люди, видя каждый день восход солнца на востоке и заход на западе, естественно задавались вопросом, как достигалось его возвращение на восток». Он ссылается на тот факт, что «в Одиссее, когда Гелиос заканчивает свою дневную поездку, он, как считают, проходит под Землей», но добавляет, что «нелегко определить, подразумевал ли поэт, что тогда в течение ночи он проходил на восток через Тартар». «Красивый вымысел о солнечной чаше или бассейне» он описывает следующим образом: «Если, далее, есть основания предполагать, что, по распространенному убеждению, вокруг края Земли прохо-

¹ В новой работе (*W. Helbig. Das Homerische Epos von den Denkmälern erläutert, Leipsic, 1884*) мы имеем некоторые признаки нового и лучшего рода гомеровской археологии. Автор считает, что в дни Гомера были свидетельства «потерянных искусств», и в найденных в Микенах сокровищах он видит плоды предгомеровской цивилизации.

дило громадное кольцо высоких гор, то поэтам было легко выдумать, что при достижении западного рукава Океана самого Гелиоса и его колесницу с конями принимала волшебная чаша или лодка, сделанная самим Гефестом, которая, направляемая течением, за ночь переправляла их вокруг северной части Земли, где его светом наслаждались только счастливые гиперборейцы, а от остального человечества этот свет скрывали высокие Рифеи. Они, должно быть, также предполагали, что чаша продолжала свое движение в течение дня, каждые двадцать четыре часа делая оборот вокруг Земли». Однако об этом вымысле, признается Китли, «ни Гомер, ни Гесиод не выказывают никакого знания». Поэтому после цитирования разных более поздних поэтов он заканчивает следующим образом: «Из рассмотрения всех этих отрывков, видимо, следует, что представления поэтов относительно этого предмета были очень неопределенными и мимолетными. Возможно, преобладающим мнением было то, что само Солнце и его утомленные кони отдыхали на Западе, а затем возвращались на восток»¹, однако Китли не делает никаких дальнейших усилий, чтобы определить, каким же путем — через север или под предполагаемым «плоским диском» Земли.

Трудность предположения, что, по мысли Гомера, ночью солнце проходило назад на восток под плоским земным диском, через Тартар, состоит в том, что поэт неизменно представляет этот подземный мир никогда не освещаемым светом. Ввиду этого и из-за зловещего молчания Гомера относительно какой-либо крылатой чаши, проплывающей вокруг Земли с севера, некоторые переводчики предупреждают нас против ожидания любой последовательности мысли в

¹ Mythology. P. 47—50. Здесь, как обычно, Китли близко следует за Фёлкером.

столь примитивной поэзии¹. Двигаясь в этом направлении, Швенк доходит до того, что предполагает, будто остров Эя на далеком западе есть плод воображения, созданный для особой цели — предоставить мышлению своего рода место отдыха, где оно могло оставить тонущего Гелиоса, чтобы не беспокоить себя неудобными рассуждениями о том, как ему вернуться назад на восток в назначенный час. Он говорит: «Поэзия Гомера не могла позволить Солнцу и дневному свету отдыхать ночью в Аиде Гомера, поскольку в этом случае Аид будет освещен. Поэтому предполагается отдаленный остров на краю света, где Гелиос и Заря, после того как они пересекли небо, отдыхали бы ночью и откуда после этого отдыха утром снова поднимались бы на небо. Точное объяснение того, как они прибывают на запад на этот остров, а затем утром восходят на востоке, лежит вне поэзии, поскольку у Гомера не найти никакой системы, и только каждый объект, взятый сам по себе, правилен и ясен»².

Допустите сразу сферичность Земли, и все эти трудности переводчиков прекратятся. Восток и запад соприкасаются друг с другом. Гладстон перед полным отказом от теории плоской Земли подошел к истине так близко, как только мог; говоря о Гелиосе, он писал: «Факт его спортивных занятий с волами ночью и утром ясно показывает, что Гомер рассматривал Землю не как плоскость, а как круг, а может быть, как цилиндр, и считал, что запад и восток смыкаются»³.

¹ «От народных взглядов и представлений нельзя требовать последовательности или завершенности. Они поднимаются лишь до определенной точки и постигают только часть, и только ту, которая проявляется с первого взгляда; они отставляют в сторону все умозаключающее отражение и не беспокоятся о противоречиях, так как не осознают ни одного из них». *J. F. Lauer*, in: *Anhang to Ameis's Odyssey*, X, 86.

² Процитировано в: *Ameis. Odyssey, Anhang*. XII, 4.

³ *Juventus Mundi*. P. 325.

Однако он перепутал, предположив Тринакию местом контакта. Скорее это было на меридиане Ээи, поскольку нам явно сказано, что «*othi t'Eous erigeneies oikia kai choroï eisi kai antolai Eelioio*» («там находятся жилища и хороводы рано рождающейся Эос и восходы Гелиоса»¹).

Нет ничего более естественного, чем то, что поэт, раздумывающий над миром живущих людей, как это делал Гомер, и направляющий свои мысли на восток и на запад в поиске места встречи вечера и утра, должен сосредоточиться на меридиане, противоположном его собственному, на том единственном месте, где его направленные на восток и на запад мысли должны непременно встретиться. Его восточная сфера естественно простиралась бы вокруг в восточном направлении, пока не встретила бы край сферы, простирающейся вокруг на запад. Поэтому на этом самом дальнем меридиане² он заставил старый день уступить место новому, кануну утра. Это была сомнительная линия, которая Одиссею и его спутникам была совершенно не ясна: «Где был восток и где был запад, куда уходил Гелиос позади Земли или где он поднимался вновь»³.

2. Ложное предположение, что Земля, по мнению Гомера, плоская, создало все отмеченные споры, связанные с его представлениями о местоположении Аида. Этот вопрос разделил переводчиков Гомера более чем на дюжину отличающихся лагерей. Их взаимно противоречащие решения проблемы были бы посмешищем для противников изучения классики, будь только эти последние достаточно знакомы с мировой наукой, чтобы быть уверенными в их существовании. Рассмотрение и

¹ Odyssey, XII. 3, 4.

² То, что сын Одиссея и Кирки был назван Телегоном, «рожденным далеко», таким образом, становится особенно важным.

³ Odyssey, X. 189—192.

решение вопроса в этом месте слишком надолго задержало бы обычного читателя, но в разделе VI Приложения сделанным здесь утверждениям можно будет найти подтверждения.

3. Далее, то же самое предположение о плоской Земле виновато во всех трудностях, с которыми столкнулись переводчики в представлениях об океане и в целом о водной системе Земли в соответствии с данными Гомера.

Эти трудности не отнесешь ни к редким, ни к маленьким. Отметим здесь четыре из них. И первая — та, что вырастает из утверждения, что из глубоко текущего океана «текут все реки и все моря, все фонтаны и глубокие колодцы»¹. Фёлкер объявляет это «труднообъяснимым». Он говорит, что «едва ли может предполагаться непосредственное впадение океана в море, в частности потому, что Гомер не знает ни о каких подобных впадениях в Фасисе и у Геркулесовых Столбов, таким образом невозможно было бы помыслить и происхождение рек»². Другие авторы, приверженные иллюстрированию древней мысли, похоже, не прекращают спрашивать, были ли реки, текущие вверх из океана в горы, мыслимы они или нет, и серьезно устанавливали перед юными студентами построенные на этом плане диаграммы как истинное представление мысли Гомера!³.

Вторым затруднительным вопросом был такой: «Если поток-океан окружал земной диск и образовывал его наиболее удаленную границу, то на чем держался сам

Iliad, XXI. 196.

² Homerische Geographie, § 49.

³ См. старые классические атласы. «Согласно Гомеру, — говорит Теодор Алоис Бакли в своем переводе «Илиады», — Земля — круглая плоскость, а Океан — это окружающий его огромный поток, из которого реки текут внутрь» — конечно, поэтому в гору, вверх.

поток-океан и что составляло его другой берег?» Как говорил Фёлкер, «кто на другой стороне сдерживал лавины громадной Мировой реки, так что их не уносило в пустые пространства небес? Была ли это узкая полоса внутренней Земли, или это был бесформенный хаос, или спускающийся край неба, или внутренняя мощь самих вод?»¹. Бухгольц говорит: «То, чем сам океан был, в свою очередь, ограничен, остается неясным. Подобное детскому воображение эпохи Гомера удовлетворяло себя этим путаным расплывчатым представлением»². Наиболее естественным ответом, особенно с точки зрения, представленной Бухгольцем, который с Укертом и другими заявляет, что небо Гомера было буквально металлическим, видимо, является третья гипотеза Фёлкера, а именно, что край металлического неба составляет внешнюю границу океанского потока³. Это также соответствовало бы общему взгляду на то, что круглый диск Земли «делил полую сферу вселенной на две равные части»⁴.

Это также точно соответствовало бы странному и сложному изображению Флахом мира Гесиода в его недавней работе о гесиодовской космогонии⁵. Далее, видимо, лучше всего было бы согласовать с языком Гомера, описывающим небесные созвездия купающимися в океане. С другой стороны, такое предположение было бы несовместимо с изображением Гомером

¹ Hom. Geog., § 49. Ср. Китли: «Поскольку это был поток, он должен был предполагать наличие другого берега, чтобы ограничить его течение». *Mythology of Greece*. P. 33.

² *Homerische Realien*, I, I. P. 55.

³ В своей более ранней работе «*Die Mythologie des Japetischen Geschlechtes*» (Giessen, 1824. P. 60) Фёлкер отчетливо подает это как древнегреческое представление: «Где в действительности Небо смыкается с Океаном и где находилась конечная цель смелых моряков».

⁴ *Keightley*. *Mythol.* P. 29.

⁵ *Hans Flach*. *Das System der Hesiodischen Kosmogonie*. Leipsic, 1874. (Diagram prefixed.)

дальнего берега, представляющего удобный причал, и особенно причал, расположенный, как и причал Одиссея, в подземном мире. Кроме того, оно было бы несовместимо с современным представлением о том, что небеса Гомера поддерживали горные столбы, стоявшие на земле внутри океанского потока подобно горе Атлас в Западной Ливии¹. Поэтому снова возникает вопрос: «При плоской Земле, окруженной океанской рекой, что представляет собой дальний берег и как может высаживающийся на нем моряк говорить о себе как о находящемся в подземном мире?» Ученый Фёлкер оставляет предмет без удовлетворяющего объяснения: «Поэт не ответил на наши вопросы».

Третье затруднение, надолго задерживающее того же самого защитника теории плоской Земли, заключается в следующем: как он понимает Гомера, центром круглого земного диска была Эллада, находившаяся не более чем в «десяти или одиннадцати днях плавания» от океана в любом направлении; и все же на самый короткий маршрут плавания от Оигии до земли феакийцев поэт отводит восемнадцать дней, и по крайней мере еще столько же, в том же самом направлении, к Элладе, и все же Оигия — пуп или центр моря. «Это, — говорит он, — непреодолимые трудности для того, кто измерял бы компасом. Из этого примера нам следует усвоить нечто большее: есть народная вера и есть народные сказки. Там, где нет согласия, нам не следует навязывать его силой. Земля круглая, а Эллада — ее центр; такова была народная вера. Но расположение океана и границы Земли — это в то же самое время очень неустойчивые понятия, а любое мало-

Maury. Histoire des Religions de la Grece Antique. Paris, 1857. Vol. I. P. 596. В подобной манере Банбери (*Bunbury. History of Ancient Geography. Vol. I. P. 33*) изображает твердый небесный свод Гомера опирающимся на наиболее удаленный край круглой Земли как раз внутри океанского потока.

мальски протяженное путешествие кажется поэтому простирающимся на такое потрясающее расстояние, что вполне может случиться, что оно перейдет все границы этого царства, где находилось, если можно так выразиться, наиболее потрясающее из всех известных расстояний»¹. Таким образом, ошибающийся Гомер снова уличен в противоречии, и чтобы приспособиться к его преувеличенным и потрясающим расстояниям, даже Гладистон чувствовал необходимость сначала заменить форму самого земного диска и представить его как обширный параллелограмм, более вытянутый с севера на юг, чем с востока на запад².

Четвертая трудность современного толкования следует из опыта согласования изображения поэтом океана с его изображением движения Солнца. Солнце вечером, конечно, перестает быть видимым людям. Согласно изображению Гомера, оно возвращается к океану-потоку³. Его яркий свет тонет в нем⁴. На восходе оно также из океана начинает подниматься на небо⁵. Все же его заход описан как уход *eis уро gaian*, то есть под или за Землю⁶. И как же теперь могут быть согласованы эти данные с плоским круглым диском Земли и с обтекающим ее океаном на той же самой плоскости, и с вечно темным и неосвещенным солнцем Аидом, находящимся сразу к западу за океанской рекой? Если мы попытаемся представить солнце буквально погружающимся в океан и прячущим свой свет под его водами, тогда оно уходит не под или за землю, *eis уро gaian*, а скорее внутрь океана.

¹ Hom. Geographie, § 50.

² См. его карту. Ср.: *Juventus Mundi*. P. 493.

³ *Iliad*, XVIII. 240.

⁴ *Iliad*, VIII. 485.

⁵ *Iliad*, VII. 422; *Odyssey*, XIX. 433.

⁶ *Odyssey*, X. 191.

Кроме того, вновь возникает старая трудность относительно того, как ему добраться на восток ко времени своего восхода. Однако, если оно целую ночь скрывалось под волнами океана, спускаясь вниз на крайнем западе при своем заходе и поднимаясь из них на крайнем востоке при восходе, как мы можем согласовать это с его играми всю ночь и утро со своим волнами на острове Тринакия¹? Но мы не можем отказать от этого предположения и в целом позволить солнцу садиться вне и позади океана-потока, потому что это произошло бы в западном Аиде, где оно никогда не светит. И снова мы не можем все же говорить, что оно просто опускается на поверхность океана, а затем в своей «чаше» или иным способом движется на восток по кругу через север, так как тогда океан находился бы на той же самой плоскости, что и местожительство людей, и они не были бы покрыты темнотой, а имели бы удовольствие наслаждаться зрелищем если не «полуночного солнца», то по крайней мере непрерывного свечения солнца, перемещающегося вокруг горизонта.

По этой гипотезе Аид, находящийся прямо к западу от реки, был бы также в равной степени освещен. Внутри океанского потока солнце, конечно, не прячется в земле, поскольку это было бы несовместимо со всеми отрывками, связывающими его восход и заход с океаном. Но если его нельзя осмыслить ни как садящимся на ближней, ни на противоположной стороне потока, ни как отдыхающим в океане, ни как прячущимся под ним, какое остается возможное представление о его сущности?

¹ Odyssey, XII. 380. Единственная диаграмма, основанная на этой концепции, которую я видел, находится в редкой и странной работе Йоханеса Хербиниуса: *Johannes Herbinus. Dissertationes de admirandis mundi Cataractis*. Amstel, 1678. P. 13.

Все эти неприятности — естественный результат одного ложного предположения — предположения о том, что Земля Гомера является плоским диском. Предположите, что она — шар, и все эти трудности исчезнут. Тогда, чтобы заставить солнце спускаться в океан, где находится Эя, поэт создает постель, на которую удаляется царь дня и с которой утром он поднимается снова. В то же самое время, с точки зрения поэта и с точки зрения земель, населенных соотечественниками поэта, каждый заход солнца был уходом «под землю», чтобы вновь появиться с противоположной стороны. Этот взгляд на движение Гелиоса решает все затруднения; и если у Гомера были знания о земле и небе, включенные в этот взгляд, мы можем быть уверены, что он также знал, как знаем мы, в каком смысле океан является источником всех родников и рек и по какой причине экваториальный океан никогда не убегает из-за отсутствия «сверхземного» берега.

4. Та же самая близорукость толкователей, которые таким образом преуменьшили и неверно поняли все особенности космографии Гомера, создала и поддерживала теперь повсеместно распространенную догму, по которой в поэмах Гомера «Олимп всегда являлся Фессалийской горой», с этим же именем¹. Всей нашей молодежи преподают, что «древние поэты верили, что боги действительно жили на вершине этой горы, отделяющей Македонию от Фессалии. Даже басню о гигантах, измеряющих небеса, следует понимать в буквальном смысле; не так, что они поместили Пелион и Оссу на вершину Олимпа, чтобы достигнуть еще более высоких небес, а так, что они взгромодили Пелион на вершину Оссы и их вместе поставили на нижних склонах Олимпа, чтобы измерить высоту самого Олимпа, местожи-

¹ Ameis and Hentze. Ilias, I. 44.

тельства богов»¹. Чтобы разрешить вопрос отрицательно, равно как и положительно, уважаемая немецкая эрудиция торжественно объявляет: «Боги Гомера никогда не живут на небесах»². Такой догматизм бросает вызов свежему подходу к исследованию вопроса.

Поднимая этот вопрос, Китли отмечает, что, если мы должны были бы следовать учению сравнительной мифологии, нам пришлось бы расположить местожительство богов Гомера в высотах небес. Его слова таковы: «Если бы мы последовали аналогии и исходили из космологии других народов, то мы сказали бы, что местожительством греческих богов была верхняя поверхность высшей полусферы»³. Он идет дальше и ссылается на представления скандинавов и некоторых других народов и добавляет: «Следовательно, мы могли бы прийти к выводу, что Олимп, местожительство греческих богов, был синонимом небу, и что Фессалийская гора и все другие, которые носили то же самое название, были названы в честь исходной небесной горы».

Жаль, что ученый не смог принять это очень разумное заключение. Отклоняя признанные подсказки сравнительной космологии, он говорит: «Однако тщательный обзор тех отрывков из Гомера и Гесиода, в которых упоминается Олимп, приведет нас к уверенности, что ахейцы считали Фессалийский Олимп, самую высокую гору, с которой они были знакомы, местожительством своих богов».

Единственным отрывком, особо упомянутым Китли как устанавливающим этот взгляд, является «Илиада» (XIV.225 и след.), где используемый язык вполне согласуется с мыслью о том, что, сходя с вершины Олимпа, Гера спускалась с северного неба. Более слож-

¹ *Smith*. Classical Dictionary, Article «Olympus».

² *Völcker*. Homerische Geographie. P. 9, 12.

³ *Mythology*. Fourth Edition. London, 1877. P. 34.

но доказательство Фёлкера¹, но его логическая убедительность ни в коем случае неприемлема.

Истинное представление Гомера о местожительстве богов гораздо более возвышенное, более величественное и более поэтическое, чем данное нам такими переводчиками. Согласно реальному изображению поэта, это местожительство — «просторные небеса» — не атмосферное небо, «небо в эфире и облаках», οὐρανὸν ἐν αἰθερί καὶ νεφελεῖσιν, ибо оно находится в особом владении Зевса (Илиада, XV.192); а верхнее небо, небесный купол, в котором солнце, луна и звезды беззвучно кружатся вокруг полюса. Древнему греку, как и древнему персу или арию, было легко представить себе этот небесный купол как небесную гору, просторную, величественную, неземной красоты и населенную чудесными существами, невидимыми для смертных. И эту небесную гору он назвал Олимпом. Гора в Фессалии, в Вифинии и целая дюжина других гор того же самого названия² были священны только потому, что они символизировали и несли в себе память о своем небесном прообразе. Из «Одиссеи» (XI. 315) ясно, что Гомер говорит о Фессалийском Олимпе наряду с другими фес-

¹ Homerische Geographie und Weltkunde. P. 4—20. Скопированное Бухгольцем (*Buchholz*. *Nom. Realien*, I, § 12) рассуждение профессора Блеки полностью субъективно: «В духовной религии, подобной христианству, слово «небеса» насколько возможно, настолько всегда будет сохранять неопределенность; в образной или чувственной религии, подобной греческой, оно должно найти себе определенное место. Зевс в форме человека и с человеческими членами должен восседать на земном сидении; и единственным достойным для него местом может быть самая высокая гора в той стране, к которой он принадлежит. Теперь, поскольку первоначальным местом, где греки отдыхали от дальних путешествий на Каспий и на запад в Эвксин, были равнины Македонии и Фессалии, необходимым местоположением для трона Высшего Бога и совета бессмертных был Олимп, самый восточный край Камбунийской гряды, отделяющей Фессалию от Македонии, к северу от Пеней и ущелья Темпе». *Homer and the Iliad*. Edinburgh, 1866. Vol. IV. P. 174.

² Гезихий утверждал, что знает о четырнадцати горах, носящих название Олимп.

салийскими горами¹; но в целом под Олимпом он подразумевает высоты северных небес, рассматриваемых как настоящее местожительство богов².

Доказательства неправильности нынешнего толкования появляются почти на каждой странице поэм Гомера. Обозначение богов формулой *οἱ οὐρανὸν εὐκυνέχουσιν* («обладающие широкими небесами») встречается дважды в «Илиаде» и шестнадцать раз в «Одиссее», но выражения «кто обладает широкими небесами», в «Одиссее», XIX, строка 40, и «кто обладает Олимпом», строка 43, явно одинаковы по значению³. Так, в «Илиаде» «бессмертные, которые обладают олимпийскими дворцами», и «боги, которые обладают широкими небесами», являются, бесспорно, взаимозаменяемыми фразами⁴. Следовательно, также «олимпий-

¹ Для всех, кто отрицает, что для Гомера небеса были местожительством богов, этот отрывок представляет непреодолимые трудности. Поместить Оссу на Олимп, затем на Оссу Пелион, чтобы посредством их трех вскарабкаться наверх, в местожительство богов, расположенное на вершине самой низкой из них трех, представляется проблематичным! Не удивительно, что Фёлкер думает, что Гомера перехвалили за его знания окрестностей и соотношения гор: «Олимп должен в любом случае идти низшим в этой последовательности, и, как следует из этого места, для гомеровского знакомства с местностью и для обоснования действительного расположения гор он должен быть нами туда поставлен». *Hom. Geog.* P. 9. Действительно, забавно это надменное замечание, под влиянием которого идет на попятную Хартунг: «Почему же такой ученый в таком высказывании должен был выражать сомнение, что религиозное представление об этом там никогда не встречалось?» *Die Religion und Mythologie der Griechen*, Th. III, 6. Но один немец кажется, предчувствует неизбежное значение этого отрывка: «Однако греку, пожалуй, было известно, что боги не жили действительно на Олимпе, как следует из описания борьбы Ота и Эфиальта против олимпийских богов». *Rinck. Die Religion der Hellenen*. Zurich, 1853. Vol. I. P. 207.

² Ср.: *Pictet. Les Origines*. Paris, 1877. T. III. P. 225.

³ Ср.: III.339; а также Гимн Гомера, In Apollinem, II.320, 334. В «Илиаде», VIII, строки 393 и 411, те же самые двери называются то «ворота небес», то «ворота Олимпа».

⁴ Книга I. 18; II. 13, 30, 484; V. 383, 404 и далее. См.: *Völcker. Homerische Geographie*. P. 13 (§ 9).

цы», «уранийцы» и «эпуранийцы» — это имена тех же самых существ¹. В «Теогонии» Гесиода выражение *entos Olympi* («в пределах Олимпа» или «на Олимпе») встречается не менее трех раз². Перевести его согласно нынешнему толкованию Гомера — значит расположить дворец Зевса в сердце земной горы и превратить «светоносцев» его небесного двора в троллей.

В двадцать четвертой книге «Илиады», в стихе девяносто седьмом, нам рассказывают, что Ирида и Фетида были взяты «на небеса». И как только Отец богов и людей начинает беседу, он говорит: «Ты прибыла на Олимп, о богиня Фетида»; и в стихе сто двадцать первом поэт заключает: «Так он говорил; и при этом сереброногая богиня не только не повиновалась, но стремительно помчавшись, она спустилась с Олимпа»³.

Одна из наиболее ярких картин жизни Олимпа во всей «Илиаде» — это описание (книга XV и далее) наказания Геры Зевсом. В буквальном переводе Бакли оно представлено таким образом: «О Гера, из-за злых искусств, неосуществимых, твоя хитрость заставила благородного Гектора прекратить сражение и обратить

¹ Книга I. 399; XX. 47; I. 570; V. 373, 898 и т. д.; VI. 129, 131, 527. Ср.: I. 497: *Eerie d'anebe megan ouranon Olympon te* («равно взойшла на великое небо, к Олимпу»). Подобное отождествление встречается в «Теогонии» Гесиода. V. 689. См. Л. Преллер: «Поэтому Небеса и Олимп также могут использоваться совершенно равнозначно». *Griechische Mythologie*. Leipsic, 1854. Vol. I. P. 48.

² Строки 37, 51, 408. Переводчики Гесиода сочли это столь большим затруднением, что Гёттлинг и Пойли делают его основанием того, чтобы подвергнуть сомнению подлинность или древность отрывков. См. также: *Schoemann*. Die hesiodische Theogonie ausgelegt und beurtheilt. Berlin, 1868. P. 303. Все же Пфау в «Реальной энциклопедии» Паули, в статье «Олимп», подтверждает, что мы находим у Гесиода «точно те же самые представления об Олимпе», что и у Гомера. *Pfau*. In: *Pauly. Real-Encyclopaedie*, Art. «Olympus».

³ Подобный случай встречается: Илиада, I. 195, 208, ср. с 221; V. 868 с 869; X. 351 с 355; XX. 5 с 10; Одиссея, I. 313 с. 316; XX. 31 с 55; а также 103 с 113. Удивительно, что Фазз может говорить, что этот случай в тексте единственный, найденный в «Илиаде», «Одиссее», Вступление, с. XVII (*Odysee. Einleitung*. P. XVII).

свои войска в бегство. В самом деле, я не знаю, не быть ли тебе первой, чтобы вкусить плоды своих пагубных махинаций, и не наказать ли тебя розгами. Разве ты не помнишь, когда ты качалась на высоте и я повесил две наковальни на твои ноги и обмотал золотую цепь вокруг твоих рук, которую невозможно было разорвать? И ты висела в воздухе и облаках, и боги сочувствовали тебе повсюду на высоком Олимпе; но, стоя вокруг, они не были способны освободить тебя; и каждого, кого я ловил, хватая, швырял от порога небес, пока он не достигал земли, едва дыша».

Хотя слово «небес» вставлено переводчиком, противопоставление, требуемое выражением «достигал земли», заставляет сделать эту вставку, чтобы добиться здравого смысла.

В первой книге Гефест дает собственное изложение того же самого низвержения с небес. Он говорит: «Будь терпеливой, моя мать, и хотя тебе огорчительно, но ограничь себя, чтобы моими собственными глазами я не созерцал тебя побитой, являющейся очень дорогой для меня; тогда, хотя я исполнен печали, не смог бы я помочь тебе, поскольку Олимпийцу Зевсу трудно противостоять. Поскольку и прежде, когда я желал помочь тебе, он, схватив меня за ногу, отшвырнул меня от небесного порога¹. Целый день я летел, и к заходу солнца я упал на Лемнос, но во мне оставалось мало жизни».

Ничего не может быть проще, чем то, что вся сцена задумана как происходящая высоко под сводом небес. Располагать ее на какой бы то ни было «горе с многочисленными вершинами» — в любом случае иска-

¹ «Небесный порог» является представлением Бакли об этом термине, хотя в другом месте он отличает Олимп от небес, как в примечании к книге XVI. 364. По древней космологии, «врата небес» были расположены на северном полюсе неба. *Khândogya-Upanishad*, XXIV. 3, 4, 7, 8, 11, 12. *Sacred Books of the East*. Vol. I. Pt. I. P. 36, 37. О раввинской традиции см.: *Eisenmenger. Entdecktes Judenthum*. Bd. II. P. 402.

жать представление¹. Кроме того, Лемнос не располагался под Фессалийским Олимпом, и при этом слово *karreson* («ниспал») не может описывать движение Гефеста в пространстве от одного из этих мест до другого. Правильное объяснение действительно столь настоятельно, что осознающий несогласованности в самом тексте Китли в другом месте сам говорит: «Самым излюбленным и часто посещаемым местом на земле для Гефеста был остров Лемнос. Именно здесь он упал, когда был сброшен с небес Зевсом за попытку помочь своей матери Гере»². В подобной манере профессор Геддес со столь же забавной забывчивостью пишет о Зевсе, «сбросившем Гефеста с небесных зубчатых вершин» и «способном затянуть и богов, и землю, и море вверх на небо»³.

Не менее известный отрывок в первых строках книги восьмой еще более убедителен: «Кого бы из богов я ни обнаружил отделившимся от остальных, желающим помогать или троянцам, или грекам, он с позорным наказанием вернется на Олимп; или, схватив, я швырну его в мрачный Тартар, очень далеко отсюда, туда, где ниже земли находятся очень глубокий залив, железные двери и медный порог⁴, настолько же далеко

¹ Таким образом, после напоминания читателю, что «не может быть сомнений в том, что боги здесь представлены на Олимпе, а не там, где висела Гера («в эфире и облаках»)), Фёлкер очень естественно восклицает: «Где же крепился конец веревки?» И сразу же отвечает: «Без сомнения, вокруг Олимпа!» Не удивительно, что он ставит восклицательный знак после такого шедевра толкования. Возможно, французский ученый М. Буавен, который, объясняя Одиссею, VI. 40 и далее, утверждал, что Гомер представлял себе Олимп перевернутой горой, у которой заснеженная вершина располагалась около земли, а бесснежное и засушливое основание — в небесах, подхватил эту мысль из толкования Фёлкером этого отрывка!

² *Mythology*. P. 97.

³ *The Problem of the Homeric Poems*. P. 133.

⁴ Вот дверь подземного мира и порог, соответствующий верхней, северной, полярной двери, от которой Гефеста швыряли на землю. Сравните также с описанием Гесиода.

отстоящий вниз от Аида, как земля отстоит от небес; тогда будет он знать, до какой степени я являюсь наиболее могучим из всех богов. И приходите вы, боги, и испытайте меня, чтобы все вы могли все знать. Опустив с небес золотую цепь, вы, боги, свесьтесь сами оттуда, но не сойдет с небес на землю ваш верховный советник Зевс, даже если вашего труда будет так много; но когда бы я по своему желанию ни захотел вытянуть ее, я смогу поднять ее вместе с землей, и с океаном, и со всем; далее я действительно обмотаю цепь вокруг Олимпа, и все они будут болтаться в вышине».

Комментариев не требуется. До тех пор пока вещь может быть подвешена на что-либо и поддержана частью себя, ни один переводчик не сможет заставить вершину Олимпа в этом отрывке обозначать вершину горы в Фессалии¹.

Если требуются какие-либо дополнительные доказательства, чтобы показать, что ни одна гора земли не может отвечать требованиям языка «Илиады», касающимся Олимпа, их, конечно, предоставляют уже цитированные отрывки, где просители обращаются к богам как к Олимпийцам и простирают свои руки дальше к «звездным небесам». Пример этого следующий: «И защитник греков, геренийский Нестор в особенности

Героическая манера, в которой профессор Геддес принимает эту серьезную альтернативу и перекладывает собственные затруднения на плечи поэта, несколько обескураживающа для переводчиков, которые имеют склонность искать осмысленное значение у своего автора. Он говорит: «Манера, в которой упомянут этот *ῥιον Ὀλύμπεοιο* («вершина Олимпа») в материальной форме, показывает, что он был не только зрительно воспринимаемым, но и господствующим объектом на местности поэта; и до такой степени, что запутывает его физические рассуждения и представления о космосе, так как он сделан островерхой башенкой, на которой мир моря и земли как бы должен подвешиваться золотой цепью. Однако здесь *ῥιον* должен быть частью настоящей горы, а не любого идеализированного Олимпа» (!) *Wm. D. Geddes. The Problem of the Homeric Poems. London, 1878. P. 257.* Это столь же плохо, как и крикливая произвольность Фёлкера по поводу того же самого отрывка, *Geog., § 11.*

просил, простирая свои руки к звездным небесам: «О Отец Зевс, если когда-либо кто-нибудь из плодородного Аргоса, сжигая для тебя жирные бедра быков или овец, умолял бы тебя, чтобы он мог возвратиться, и ты пообещал и согласился, помни эти вещи, Олимпиец, и предотврати жестокий день»¹.

Преобладающему толкованию не менее противостоит и язык «Одиссеи». Здесь об Олимпе образно говорят точно так же, как мы говорим о небесах: «Потому что Олимп ниспослал мне печаль» (IV. 722). Снова в памятном отрывке он изображен в определениях, которые явно не относятся ни к какой земной области: «Говоря так, синеглазая Афина отправилась на Олимп, где, как говорят, вечно находится устойчивое местожительство богов; его не колеблют ветра, никогда не орошают ливни, и снега не достигают его; а распространяется оттуда самая безоблачная ясность, и белое сияние пробегает над ним, которым благословенные боги наслаждаются все свои дни. К этому месту и направилась Афина, когда она предупредила девуцу»².

В книге XX. 30 Афина спускается «с небес», в то время как в строке 55 ее возвращение описано как возвращение «на Олимп». Так, в строке 103 Зевс громыхает: «С сияющего Олимпа, с высоты облаков».

Но в строке 113 тот же самый «гремящий» описан так: «Со звездного неба».

Как в «Илиаде», так и в «Одиссее», просители обращают свои просьбы к «звездным небесам»³, а богов,

¹ Book, XV. 371, 375. Ср.: X. 461; III. 364; VII. 178, 201; VIII. 365; XVI. 232; XIX. 257; XXI. 272; XXIV. 307, и т. д.

² Книга VI. 40. На с. 65 своей «Мифологии» Китли цитирует этот отрывок как нечто, явно противоречащее его взглядам, однако вновь повторяет свое утверждение о том, что «греки начальных веков рассматривали высокую фессалийскую гору с названием Олимп как жилище своих богов». Ср. с Фёлкером: «Такие противоречия найдены почти у всех поэтов». Geog. P. 6.

³ Odyssey, IX. 527 и в других местах.

которые обладают Олимпом, называют *uperthe martiroi*, то есть «свидетелями в вышине»¹.

Этот язык и все его использование в «Одиссее» столь безошибочны, что различные современные авторы, не освобожденные от традиционного взгляда на «Илиаду», все же воспринимали и признавали идентичность *Olympus* и верхнего *ouranos* в предыдущей работе. Из немецких ученых в этом смысле высказались Фаези² и Инэ³, а также выдающийся среди шотландцев профессор Геддес⁴. Последний говорит: «В “Одиссее” нет ничего, что заставляло бы нас думать о горе Олимп». Доказательство с такой стороны, конечно, тем более убедительно.

Далее, по мысли Гомера, местожительство богов было там, где мы должны скорее всего ожидать найти его, а именно в высотах небес. Рассмотренный в связи с августейшим владыкой богов и людей полярный не-

¹ Odyssey, XIV. 393, 4.

² Примечания к Iliad, I. 420, and in: Einleitung to the Odyssey. P. XVII.

³ Smith's Dictionary of Biography, Art. «Homer». P. 510.

⁴ Ук. соч., § 155, 156, с. 260—263. Сложные аргументы профессора Геддеса для доказательства того, что «Олимп Ахилла» является «настоящей горой, которая в Фессалии», совершенно неубедительны. Использование слова *agannifos* («очень снежный») не требует более буквального толкования, чем применение поэтом термина «снежный» к живой груди, или «кудрявый» к облакам. Так, слово *polyptychos* («многослойный»), вообще ничего не доказывает для его целей, поскольку Еврипид, никогда не читавший поучительного заявления профессора относительно того, что эпитет *polyptychos*, применимый только к горам, является существенным препятствием, предотвращающим отождествление с *ouranos* («небо»), применяет его снова и снова к «многослойному Урану», то есть небу. Даже одно-единственное свидетельство профессора, не за счет его собственной, только «предполагаемой» уступки, предназначенное показать существенное подобие «Илиаде» (книга XVI. 364), говорит скорее против, чем за него, поскольку *ap Olympou nefos* («облако с Олимпа») не может *aitheros ek dies* («из божественного эфира») прийти к атмосферному *ouranon* («небу»), где движутся облака, пока Олимп не окажется там, где находится божественный эфир, высоко над атмосферными небесами. Обращение Фёлкера с этим отрывком настолько абсурдное, что Геддес даже не пытается следовать ему. *Hom. Geog.*, § 13.

бесный свод был дворцом, местопребыванием двора — *doma* или *domos* Зевса¹. Рассматриваемый в отношении своих оттенков, голубовато-стальных и золотых, он был описан как металлический, *sidereos*, *chalkeos* и *polychalkos* («железный», «медный» и «многомедный») — понятиями, которые такие специалисты по металлам, как Фосс, Бухгольц и Банбери, отнесли к абсолютно буквальным². Представленный эфирной высотой, он был изображен в виде небесно-высоких гор, «снежных», как белые облака неба. Затем для стремящегося вверх воображения, громоздящего одну высоту на другую в тщетной попытке достичь вершины, гора стала «крутой», *airys* (Илиада. V. 367, 869; XV. 84); *makros*, «большой» (Илиада, I. 402, и в десяти других отрывках); *polydeiras*, «многохребтовой» (Илиада, I. 499; V. 754; VIII. 3) и *polytychos*, «многослойной» (Илиада, VIII. 411; XX. 5). Это последнее описание, «Олимп из многих слоев или ущелий», особенно выразительно. Вместо обозначения

¹ Дом Гефеста на Олимпе ясно именуется «звездным». Илиада, XVIII. 370, ср. с 146, 148. Кроме того, Аристотель или тот, кто написал «Письмо Аристотеля Александру о Системе Мира», в одном отрывке ясно отождествляет *ouranos* (небо) и *Olympos*, говоря, что по разнообразным причинам правильного толкования слов мы называем наиболее удаленную окружность небес обоими именами. См.: *Flammarion. Astronomical Myths, or History of the Heavens*. P. 156. Даже Фёлкер при первом изложении мысли, которая ввела в заблуждение всех его преемников («что Уран и Олимп никакие не синонимы, по употреблению Гомера»), искренне признает, что это «идет вопреки всеобщему до настоящего времени мнению». *Homerische Geog.* P. 4. С богами гомеровской величины, даже единственному из которых требуется семь акров для его ложа, сама мысль о размещении всего Олимпийского двора и жизни богов на острой, узкой, явно видимой вершине в Фессалии смешна.

² Бухгольц (*Buchholz. Nom. Realien. Bd. I. 1. P. 3*) объявляет это образное толкование «слишком искусственным» для тех ранних времен и напрямик утверждает, что «согласно мысли гомеровского грека, небеса являются пустым металлическим шаром». Ему бы следовало добавить, что, согласно такому ленивому мышлению, Афродита была «твердым золотым изображением» (*Odyssey, VIII. 337*), а голос Ахилла (*Iliad, XVIII. 222*) был «медным снарядам».

«горных хребтов» или цепей гор, как утверждал Геддес и многие до него, оно изображает старое как мир представление о небесном своде, неоднородном, а с одним небом над другим, вплоть до «третьего», «седьмого» или «девятого». Эти небеса представлялись самому Гомеру как слои один поверх другого, подобно покрытию щита¹. И что усиливает соответствие этого сравнения и соответствие космического украшения щита Ахиллеса, так это тот факт, что «пупу» щита там соответствовал центральный и всегда постоянный пуп небес.

5. Наконец, наша более широкая и более осмысленная интерпретация идей Гомера красиво объясняет «высокие Столбы Атланта» и разрешает многообразные недоумения ведущих авторитетов в этом вопросе.

В подходе к изучению этого предмета перед каждым вдумчивым новичком возникает ряд вопросов, ответы на которые он нигде не может найти. Например: как Гомер может говорить о Столбах Атланта, используя множественное число, когда в других местах древнегреческой мифологии всегда указывается только один? Далее, если он все же лишь один и находится на западе, около Садов Гесперид², то какие соответствующие подпорки поддерживают небо на востоке, севере и юге? Или, если Столб Атланта лишь один из многих подобных столбов, поддерживающих

См. гомеровское *triptychos* (Илиада, XI. 353), именно в этом смысле. Сравните изумительное описание в «Государстве» Платона, 616. Деппю ухватил правильную мысль, когда он писал слова: «Олимп, состоящий из нескольких слоев сфер». *Depuis. Origine de Tous les Cults.* T. I. P. 273. Так что признание факта, что девять подземных, или относящихся к южному полюсу, миктланов, или обитателей мертвых у ацтеков, были просто копией девяти небесных, или относящихся к Северному полюсу, тлалоканов, или небес, мгновенно устраняет давнишние трудности толкователей этой мифологии. См.: *Bancroft. Native Races.* Vol. III. P. 532—537.

² *Hesiod. Theogony*, 517. Атлант обычно всегда упоминается вместе с Гесперидами. *Preller. Griechische Mythologie.* Vol. I. P. 348.

небеса по всей их окружности, то как стал он гораздо более известным, чем остальные? А если гомеровское множественное число указывает, что все они принадлежали Атланту, то как появилась мысль об одном абсолютно преобладающем Столбе? Если подпорка неба была во многих точках по его наиболее удаленному кольцу, то как Гесиод мог рискнуть представить весь свод висящим на голове и руках Атланта?¹ Если же это особая функция Атланта или его Столба — стоять на твердой земле и поддерживать небо, то окажется, что у него нет особой связи с морем: почему тогда Гомер вводит странное утверждение, что Атлант «знает все глубины моря»? Это, конечно, кажется очень таинственным. Кроме того, если Столб или Столбы служат, чтобы поддерживать небо, они, конечно, находятся в различных отношениях к небу и земле. Они поддерживают первое, а их поддерживает второе. Однако достаточно необычно гомеровский классический подход ставит их в точно одинаковые отношения к обоим². Хуже того, Павсаний безоговорочно и многократно утверждает, что, согласно мифу, Атлант держит на своих плечах «и землю и небо»³. И этому со-

¹ Theogony, 747. Кроме того, как одно ограниченное существо могло бы разделиться между таким большим количеством так далеко расставленных столбов? «Едва ли можно усомниться, что слова *amfis echousin*, «со всех сторон» (Одиссея, I. 54), не подразумевают, что эти колонны окружают землю, поскольку в этом случае они не только должны быть большими в числе, но и людям, жившим в века создания и рассказывания мифов, должно было быть очевидным, что существо, стоящее в одном месте, не может хранить, поддерживать или защищать множество столбов, окружающих квадратную или круглую землю». *Cox. Mythology of the Aryan Nations*. London, 1870. Vol. I. P. 37 n.

² «То, что имеются в виду небо и земля, а не одно только небо, подтверждается различными поэтическими отрывками и другими доказательствами». *Preller. Griechische Mythologie*. Vol. I. P. 348.

³ Книга V. 11, 2; 18, 1. Один переводчик делает глубокое предположение, что в гомеровском отрывке *gea* («землю») «добавлено в результате зевгмы, грамматической фигуры, состоящей в подчинении одному члену предложения ряда других»! *Merry and Riddell. Odyssey*, I, 53.

ответствует язык Эсхила¹. Но что это за поэтическое воображение, которое изображает могучую колонну, не только поддерживающую лежащий на ней большой вес, но и в то же самое время являющуюся опорой для самой себя? И это — пример творения того бессмертного эллинского гения, которого весь современный мир учит почти что обожать?

Обращаясь к авторитетам в толковании текстов и мифологии, наш новичок не находит никакой помощи. Напротив, их необдуманные предположения и взаимные противоречия только смущают его больше и больше. Фёлкер со всей убеждающей силой ведущего сообщает ему, что «в Атланте дается олицетворение искусства навигации, покорения моря посредством человеческих умений, торговли и выгоды от торговли»². Преллер учит его отклонить этот взгляд и считать этого таинственного сына Иапета «морским гигантом, представляющим собой оберегающее и поддерживающее всемогущество океана в отличие от разрушающей землю мощи Посейдона»³. Классические словари только озадачивают его многочисленными ребячествами, изобретенными невежественными эвгемеристами — комментаторами древних книг, историями в том смысле, что первоначальный Атлант был просто астрономом, который первым построил искусственный глобус, чтобы изобразить небо; или что он был северо-западным африканцем, который, поднимаясь на высокий мыс, чтобы лучше наблюдать небесные тела, свалился в море и таким образом дал название и горе, и Атлантическому океану. Шойман открыто не выражает положительного и определенного понимания вопроса, но

² Prometheus Bound, 349, 425 seq.

³ Mythologie des Japetischen Geschlechts. P. 49 seq. За ним последовали К. О. Muller. Keightley, Anthon и многие другие.

⁴ Griechische Mythologie. Vol. I. P. 32, 348. За ним последовали Фаези, и профессор Пакард назвал это мнение «общепринятым».

предполагает, что таинственный титан был, по всей вероятности, своего рода «первоначально гигантским богом горы»¹

Брайан сначала делает Атланта горой, поддерживающей храм или пещерный храм, называемый Co-el, дом Бога, откуда происходит «Coelus римлян». Т. I. С. 274 (coelus — лат. «небо»). В следующем томе, однако, он говорит, что «под именем Атланта подразумеваются атланты». И цитируя «Одиссею», он переводит таким образом: «У них [у атлантов] были также длинные столбы или обелиски, которые были связаны с морем и на которых была изображена вся система как неба, так и земли; amphis — по всему кругу, и спереди на обелисках, и на других их сторонах»².

Если наш исследователь спрашивает, как и древний филолог, как это Атлант мог стоять на земле и поддерживать небеса на своей голове, если небеса были так удалены, что наковальне потребовалось бы девять дней и ночей, падая, пролететь это расстояние, Пейли любезно объясняет, что «по представлению поэта, Атлант, несомненно, поддерживал небо около его соединения с землей на далеком западе»³. В этом случае, конечно, умеренно короткий гигант будет отвечать данной цели. Если после всех своих консультаций с авторитетами наш юноша все еще остается неудовлетворенным и делает последнюю попытку, обратившись к прославленному Велкеру, он узнает в качестве заключительного важного урока, что, когда древний автор говорит «небо и земля», не следует ни на секунду полагать, что он буквально подразумевает

¹ G. F. Schoemann. Die hesiodische Theogonie ausgelegt. Berlin, 1868. P. 207.

² Analysis of Ancient Mythology. London, 1807. Vol. II, 91.

³ The Epics of Hesiod. P. 229. Другой английский толкователь рисует образ гиганта, чьи плечи широки, как небо, и переводит amphis echousin как «которые поддерживают с обеих сторон, то есть на востоке и на западе». Merry and Riddell. Odyssey, I. 53.

небо и землю», и что если бы пишущие о мифологии вспомнили это, то они сэкономили бы себе «большое количество умственных мучений и бесплодных поисков «за» и «против»¹. От такого результата всех своих исследований разве может новичка не охватить отчаяние от невозможности когда-либо получить хоть какие-то знания о значении мифа, если действительно он все еще может воображать, что миф должен иметь значение?

Здесь, как и повсюду, истина сразу объясняет и даляет все трудности, созданные ложными и необоснованными предположениями.

Если однажды понять мир Гомера, каким мы восстановили его, насколько ясным и красивым становится сразу представление о Столбах Атланта! Они являются просто вертикальными осями земли и неба. В отношении земли к небесам, соответственно, их два; но в отношении вселенной как неразделимого целого они представляют единое целое. Совпадая, они действительно составляют нечто одно, но мысленно их можно разделить. Следовательно, единственное и множественное обозначения одинаково правильные и одинаково подходящие. Пронизывающий земной шар в самом «пупе или центре моря», Столб Атланта проникает гораздо глубже, чем любая ниша водного мира, и о нем вполне можно сказать, что «он знает глубины всего моря». Или же это утверждение может иметь отношение к тому исконному морю, в котором этот Столб стоял, когда начинался процесс земле- и космообразования. В этом смысле, каким подходящим

¹ «Много головоломок и напрасных тупиков породило выражение *Iavsanias rpi ton omon kata ta legomena ouranon te anechei kai gen* — «на лежах, сообразно сказанному, держит небо и землю», которое встречается также в описании картины художника Панэна (5, 11, 2): *ouranon ai gen anechon paresteke* — «поставлен поддерживать небо и землю»; предполагается, что «небо и землю» следует понимать буквально». *ir. Götterlehre. Vol. I. P. 746, 747.*

и существенным он мог бы быть применительно к Идзанаги¹!

И вновь ассоциация Атланта с Садами Гесперид, столь далекая от опровержения нашего объяснения, в действительности предоставляет новое его подтверждение, так как Эсхил, Ферекид и древнейшие традиции располагают самих Гесперид не на западе, а на крайнем севере, за Рипейскими горами, в окрестностях земли гипербореев². Фактически, есть очень веские причины для уверенности в том, что эти Сады Гесперид были не чем иным, как звездными садами приполярного неба; что поэтому Гесперид называли «Дочерьми Ночи» и что огромный змей, который помогал нимфам присматривать за «золотыми яблоками», был не кем иным, как созвездием Дракона, чей яркий элемент альфа, астрономический Тубан, менее пятидесяти веков назад был Полярной звездой нашего неба³.

¹ Сравните с ведическим утверждением: «Тот, кто знает Золотой Тростник, стоящий в водах, является таинственным Праджapati». *Muir. Sanskrit Texts. Vol. IV. P. 21. Garrett. Classical Dictionary of India, Art. «Skambha»*. Тем не менее другое объяснение предлагает Ригведа, X. 149: «Савитри установил опоры земли; Савитри закрепил небо в пространстве, не имеющем опоры; Савитри, сын вод, знает место, где океан, подержанный, вытекал наружу». *Muir. Sanskrit Texts. Vol. IV. P. 110* (ср. с немецкой версией Людвига). Согласно этому, его следует воспринимать как знающего глубины всего океана, потому что его небесные истоки находятся около его головы, а самые большие глубины — у его ног. С тех пор как вышесказанное было впервые напечатано, автору встретился замечательный чертеж, изданный четыре-ста лет назад в «*Magarita Philosophica*», на котором Атлант представлен почтенным человеком, его ноги находятся у нижнего, а голова — у верхнего полюса неба, точно в соответствии с нашим толкованием. Воспроизведение его можно увидеть в книге: *Flammarion. Astronomical Myths. P. 150*. Кроме того, о существенно важной этимологии греческого слова *polos* («ось, полюс») см.: *Aristophanes. Aves, 180 foll.*

² *Preller. Griechische Mythologie. Vol. II. P. 149. Völcker. Mythologische Geographie. P. 133 seq. Wolfgang Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Vol. I. P. 38*. О «северном столбе», о котором говорил греческий географ в 275 г. до н. э., см.: *Beauvais. Revue de l'Histoire des Religions. Paris, 1883. P. 771 n. Cp.: c. 700.*

³ *Gustav Schegel. Uranographie Chinoise. La Haye, 1875. P. 506, 507, 685.*

Скажем еще раз, что наше толкование в совершенстве согласовывает пояснения, которые изображают Атланта держащим небо, с теми, которые показывают его таким же образом держащим Землю. Больше того, оно открывает любопытный факт, что описание Гомером высоких Столбов Атланта столь явно отождествляет их с осями Земли и неба, что во избежание грубой ошибки обычного неправильного перевода сначала было необходимо создать, а лексикографов заставить принять новое особое значение для слов *amphis echein* — значение, не требуемое более никаким другим текстом во всей совокупности произведений греков гомеровского времени. Прекрасен и выразителен язык Гомера: *echei de te kionas autos makras, ai gayan te kai ouranon amphis echousin*. — «Кто по собственному праву обладает высокими Столбами, которые окружены Землей и небом»¹. Нигде у Гомера, да и у любого древнего грека это выражение не означает «подписать отдельно, порознь»².

Наконец, относительно предполагаемой трудности вообразить держателя небес настолько высоким, что медной наковальне требовалось девять дней и ночей падать от его головы к ногам. Если бы профессор Пейли вспомнил талмудического Атланта Сандалфона, он едва ли посчитал бы нужным располагать гесиодовского Атланта у края Земли, где небо столь низко. О Сандалфоне рабби Элиезер сказал: «Это ангел, который стоит на земле и достигает головой двери небес. Мишна учит, что он называется Сандалфоном; он превосходит других ангелов ростом настолько, сколько можно было пройти за пятьсот лет, и что он стоит позади колесницы Большой Медведицы и сплетает или завивает гирлянды для своего Творца»³.

¹ Ср.: *Odyssey*, XV. 184.

² Бутман (*Buttmann*. *Lexilogus*, англ. перевод, 5-е изд., с. 94—104) не менее безуспешен в показе такого значения, чем более старшие оставители словарей.

³ *Eisenmenger*. *Entdecktes Judenthum*. Bd. II. P. 402 (Eng. Vol. II. P. 97). Во всех древних космологиях «дверь небес» находится на Северном полюсе. *Sacred Books of the East*. Vol. I. P. 36, 37.

В таком случае Столб Атланта является осью мира. Это тот же самый Столб, к которому обращается египетский документ, известный как большой Магический папирус Харриса, в этих ясных словах: «О длинная Колонна, которая начинается в верхних и в более низких небесах!»¹ Едва ли можно сомневаться, что это то же самое, что древние египтяне в своей Книге мертвых так удачно величали «Спинным хребтом Земли»². Это ригведийская многонесущая ось Мирового колеса, не останавливающего своего вращения, никогда не стареющего, не гниющего, не изнашиваемого течением времени, того колеса, на котором покоится все сущее³. Это стержень зонтика по бирманской космологии, это имеющаяся у индийских богов и демонов мутовка. Это ствол каждого Космического Древа⁴. Это не имеющее тени Копье Александра; Пробивающая черепаху (пробивающая землю) стрела монгольского бога неба; Копье Идзанаги; Топор из меди, на котором покоилось небо мицтеков⁵. Это Шнур, который древневедийскому поэту виделся протянувшимся от одного края вселенной до другого⁶. Разве это не «линия» небес у создателей Псалмов, которая проходила сквозь саму «землю» и шла до «края мира»? Это Ирминсул германцев, как явно признано Гриммом. Эта

¹ Records of the Past. Vol. X. P. 152. Другие упоминания Поддерживающего небо столба можно увидеть в книге: *Brugsch. Thesaurus Inscriptionum Aegyptiacarum*, I, 82, 83, 87, 177. См. рис. напротив с. 175 и рис. 12, с. 124.

² Глава CXLII.

³ Ригведа, I. 164. Grassmann and Ludwig.

⁴ Людвиг в своей версии Веды находит повторный случай употребления выражения «Stengel der Welt» — «Ствол мира».

⁵ *F. Gregorio Garcia. Origen de los Indios del Nuevo Mundo. Madrid, 1729. P. 337.* Здесь по невежеству «полярный топор» (ахе) вытеснил полярную ось (axis) древней науки. *Банкрофт. Коренные народы. Т. III. С. 71. Ср.: «Золотой осколок» Манко Капака. Ревилл. Лекции Хибберта, 1884. С. 131. Reville. Hibbert Lectures, 1884. P. 131.*

⁶ Ригведа, X. 129, 5.

башня Хроноса. Это Веретено необходимости Платона. Это Азакол североафриканских суни. Это Лестница с семью лампами в обрядах Митры. Это талмудический Столб, который соединяет рай небесный и рай земной.

В предшествующем обсуждении космологии Гомера мы достаточно показали причины и способы лечения распространенного злоупотребления (назовем это так) со стороны переводчиков поэзии Гомера. Их беспочвенные предположения и грубые ошибки были повторены и умножены почти в каждой области археологии: ассирийской, египетской, еврейской, персидской, индийской. Куда бы ни шло современное исследование, оно всегда несло с собой, как своего рода первейший принцип и правило объяснения, предположение, что в древности, возможно, не могли знать ничего о мире, кроме того, что неразвитые племена и народы по необходимости наблюдали в пределах собственных замкнутых границ. Поэтому на каждом шагу следует ожидать несообразностей невежества и полужнания, а также неорганизованного, «детского» воображения. Не нужно удивляться даже самым обычным противоречиям. И действительно, ученый Сенгебуш по отношению к Гомеру фактически сформулировал всеобщее утверждение, что результаты исследований в различных разделах изучения Гомера «всегда окажутся противоречащими друг другу»¹.

Ввиду признанных современных результатов исследований космологии Гомера соблазнительно оправдать это утверждение, судя о поэте лишь по умственному уровню следующим образом: результаты всех исследований Гомера, основанные на предположении, что Гомер был слишком «примитивным» человеком, чтобы

знать, где заходит солнце, всегда окажутся внутренне противоречивыми.

Давно наступило время, чтобы был услышан протест против подобного варварски неверного истолкования древней литературы. Достаточно долго красоту и широту древней мысли в поэзии и мифе и даже в словосложении затемняли и скрывали с помощью этого тщеславного предположения современного учителя. Старые грамматисты, предполагая, что Гомер не мог иметь понятия ни о чем другом, кроме ближайших вод, калечили великие размеры «Одиссеи», чтобы подогнуть ее под путешествия ее героя в западную часть Средиземноморья или, еще хуже, в Эвксин¹. Но в конце концов все это извинительное прегрешение по сравнению с принятой в настоящее время процедурой у ученых, явно воспитанных на научно-популярных журналах и воображающих, что Колумб был первым человеком, которому когда-то пришла в голову мысль, что Земля круглая, приступают к изучению древности просто как к изучению древнего раздела варварского фольклора. Конечно, пришло время исследовать великие творения древнего ума в другом духе². Ничего, кроме прискорбия, не вызывает масса бессмысленного спора и ложных обвинений, которые ежегодно набиваются в память сменяющих друг друга поколений ученых и университетской молодежи, споров и объяснений, которые ни для преподавателя, ни для ученика

¹ У. Дж. Стиллманн в «Журнале столетия» («The Century Magazine») за 1884 год этим устарелым способом только что вновь сделал набросок «След Улисса», признавая, однако, что для его локализации решающей все Огигии «нет никаких свидетельств»: с. 562, 563. См. его карту.

² «Чем глубже доктор Шлиман копал Трою, тем более высокая культура складывалась из открывающихся находок; таким образом, мы также можем говорить, что чем более древние обнаруживаются сообщения, тем о более высоком образовании греков они свидетельствуют». *Anton Krichenbauer. Beiträge zur homerischen Uranographie. Wien, 1874. P. 13. Ср.: 63, 69 и след.* Утверждение содержит ссылку на астрономическую науку самых ранних греков.

не имеют ни малейшей ценности в области разумного освещения пороков неправильных принципов классической герменевтики¹. Обсуждения и результаты данного сочинения по меньшей мере раскрыли возможное начало человеческой истории. Согласно данному сочинению, ранние поколения людей вряд ли не умели приобретать то знание о состоянии небес, которое приписывают им самые древние традиции всех народов². И если, вследствие принятия или даже обсуждения предложенных нами результатов, взгляды ученых наконец еще раз будут направлены на изучение великих письменных и других художественных произведений древнего ума в новом и более сдержанном духе, достижения, которые от этого несомненно расширятся, не будут ни редкими, ни мелкими.

Герменевтика — искусство толкования текстов (классической древности, Библии и т. п.), учение о принципах их интерпретации. — Прим. ред.

² «Среди евреев есть традиции глубокой древности в отношении их астрономии. Иосиф говорит: «Бог продлил жизнь патриархов, которые жили до потопа, как за их достоинства, так и для того, чтобы дать им возможность совершенствования своих знаний геометрии и астрономии, которые они обнаружили; и чего не смогли бы совершить, если бы не жили 600 лет, потому что только по истечении 600 лет завершался великий год».

А теперь, что же это за великий год, или цикл, в 600 лет? М. Кассини, директор Парижской обсерватории, обследовал это с астрономической стороны. Он рассматривает его как доказательство большой древности их астрономии. «Этот отрезок, — говорит он, — среди обнаруженных один из наиболее замечательных; поскольку, если мы примем лунный месяц за 29 дней 12 часов 44 минуты 3 секунды, мы найдем что 219 146,5 дня составляют 7421 лунный месяц, и это число дней дает 600 солнечных лет по 365 дней 5 часов 51 минуте 36 секунд». Если этот год использовался до потопа (а это очень вероятно), то должно быть признано, что патриархи уже были знакомы в значительной степени с движением звезд, так как этот лунный месяц почти до секунды согласуется с тем, который был определен современными астрономами». *Flammarion. Astronomical Myths. Paris. P. 26.*

ГЛАВА 3

СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ И ЕЕ САМЫХ РАННИХ ФОРМ

Чем больше я вникаю в древнюю историю мира, тем больше убеждаюсь, что развитые нации начались с более чистого поклонения Высшему Существу; что волшебное влияние природы на представления рода человеческого позднее породило многобожие и, наконец, полностью затенило духовные представления религии в вере людей.

А. В. фон Шлегель

Так называемая эволюция дикой жизни, как ее описывает натуралистическая школа, считая ее первой ступенью развития человечества, имеет два больших недостатка: она унижается слишком низко, и она повышается слишком высоко; поскольку невозможно объяснить достижения, которые констатированы у человечества, как только она вывела его впервые на путь полного одичания.

Э. де Прессансэ

Существует еще один разряд интересных современных исследований, лежащих частью в антропологической, а частью в богословской области, для которых обсуждения и результаты данной книги наиболее важны. Эти вопросы касаются происхождения, исходной формы и действительной истории религии.

Такие исследования весьма необходимы в настоящее время. Как мы видели, все наиболее древние тра-

диции народов представляют человечество начавшим свое существование в единении с божественным и потерявшим это святое и благословенное состояние только из-за греха. Этот взгляд на происхождение религии преобладал среди всех народов земли с самого начала прослеживаемой истории, различаясь только в небольшой степени, чтобы разрешить исповедующим многобожие народам считать первобытное божественное братство многобожием. Для исповедующих единобожие народов важно, что несколько древних наций, представляющих такие сильно различающиеся народы, как, например, египтяне, персы и китайцы, видимо, в своих самых ранних прослеживаемых религиозных представлениях больше придерживались единобожия, чем в своих более поздних и самых новых верованиях и деятельности. Но и не задерживаясь на этом, можно заявить в качестве широко распространенного и впечатляющего факта, что, за исключением нескольких умозрительных авторов (в основном из числа тех, кто жил начиная с середины прошлого¹ столетия), у всей человеческой семьи во все века было твердое традиционное убеждение, что человек начал свое существование чистым и безгрешным, в виде сознательной и разумной божественной общности. Этот взгляд не менее, если не более, чем для Библии, есть характерное для всех народов представление о происхождении и первой форме религии у людей.

Только что было отмечено, что этот вопрос в настоящее время настоятельно требует нового освещения. Такая потребность необходима по той причине, что за прошедшие примерно сто лет некоторые умозрительные мыслители, забывающие о ранней истории развития человечества, отклоняя священные книги всех наций, презирая согласующиеся друг с другом убежде-

¹ Ср.: *Lenormant. Beginnings of History*, ch. II. The Duke of Argyll's. *Unity of Nature*. London, 1884, ch. XI, XII, and XIII.

ния всех народов и в той или иной степени осмеивая саму идею, на которой основана религия, — а именно идею о существовании и деяниях сверхчеловеческих и надчеловеческих личностей, — взяли на себя обязательство отбросить прочь представление о происхождении религии, которое мы только что описали как единое для всех народов, и заменить его другими объяснениями, собранными так, чтобы оказалось, что религия произошла от самого человека, независимо от какого-либо божественного проявления. Следствием стало возникновение предположений с несоответствующими посылами и противоречиями в соответствующих им заключениях. Открыто заявляя о необычной философской беспристрастности, которую поддерживал интерес, всегда сопровождающий новые попытки отбросить прочь верования поколений, приспособляясь к любому разряду читателей, и особенно ко всем последовательно ведущим модам в нерелигиозных и несовместимых с религией современных предположениях, такие авторы не только внесли полное замешательство в эту часть философии религии, но и так опустили и огрубили представления своих читателей о первобытном человечестве и так поправили все правдоподобие в своих описаниях примитивной дикости, что даже со стороны биологической и социологической наук уже началось сильное ответное действие.

Будет поучительным кратко рассмотреть историю этих безосновательных предположений и обратить внимание на последовательные ступени постоянно усугубляющихся ошибок и взаимных противоречий в одобряемых авторами результатах.

Первым из них был Дэвид Юм, английский деист и поборник философских сомнений. В своей «Естественной истории религии» (изданной в 1755 году) он устанавливает в качестве своего первого и основополагающего суждения следующее: «Первичной религией человечества было многобожие».

Его первым аргументом в поддержку этого положения служит обращение к свидетельствам послехристианской истории. Он излагает это так:

«Это факт, причем бесспорный, что приблизительно 1700 лет назад все человечество было многобожным. Принципы сомнения и скепсиса у нескольких философов или же теизм — и то не слишком чистый — в среде одной или двух наций не являются возражением, стоящим внимания. Возьмите ясные доказательства истории. Чем глубже мы заглядываем в древность, тем больше обнаруживаем погружение человечества в многобожие. Никаких знаков, никаких признаков какой-либо более совершенной религии. Наиболее древние записи рода человеческого все еще свидетельствуют о существовании у нас этой системы как распространенной и установившейся веры. Север, Юг, Восток, Запад дают веское единодушное доказательство тому же самому факту. Что может быть противопоставлено столь полной очевидности?»

Сила этого отрывка состоит почти исключительно в холодной уверенности догматического утверждения. Просто состояние большинства человечества 1700 лет назад не представляет обоснованного критерия, чтобы судить о состоянии рода людского за тысячи лет перед этим. Действительно, любому стороннику того или иного взгляда на историческое развитие должно казаться без проверки определенным, что состояние людей через несколько тысяч лет после начала их существования должно очень сильно отличаться от их примитивного состояния. Но, кроме того, он допускает, что 1700 лет назад распространенность многобожия была, в конце концов, не повсеместной; имелись «одна или две нации» теистов и даже философы других наций, которые сомневались в истинности многобожия. Поэтому нелепо говорить о «единодушном доказательстве» Севера и Юга, Востока и Запада.

Второе положение, на котором настаивает Юм, это невероятность допущения того, что «варварское, тер-

пящее нужду животное, каким является человек в момент зарождения общества», «подверженное давлению таких многочисленных желаний и страстей» существо должно было иметь или расположение и способность, или свободное время для того, чтобы изучить «порядок и строение вселенной» и чтобы это привело «к чистым принципам теизма». Он допускает, что тщательного и философского рассмотрения единства и порядка естественного мира достаточно, чтобы привести к несомненной вере в существование Всевышнего и Всемогущего Творца, но он говорит: «Я никогда не смогу подумать, что это соображение могло бы оказать влияние на человечество, когда оно создавало свои первые грубые понятия о религии». Предполагая, что первые люди обязательно должны были быть «невежественной толпой», он говорит:

«Кажется вполне определенным, что, в соответствии с естественным прогрессом человеческой мысли, невежественная толпа сначала должна удовлетворить некоторые низкопоклоннические и личные намерения высших властей, прежде чем она направит свои представления к тому совершенному Существу, которое одарило порядком все строение природы».

Трудно увидеть силу этого аргумента. Весь он зиждется на двух предположениях: 1) что первые люди были самыми низкими варварами, пользуясь его же собственными словами, «варварскими, терпящими нужду животными»; 2) что помимо философского изучения природы не было никакого другого пути, которым они могли бы обрести веру в существование Творца. Поскольку ни один верующий любого возраста никогда не признавал эти предположения и поскольку Юм не приводит ни малейшего доказательства какого-либо из них, эта часть аргумента совершенно недостойна человека, считающего себя философом.

Его следующее и последнее положение — это невозможность потери веры в Единого Бога, хотя бы

однажды достигнутой самыми древними людьми. Он говорит:

«Если люди сначала были введены в веру в единое Высшее Существо из рассуждений о строении природы, они не могли бы никогда оставить эту веру с целью принять многобожие; и те же самые принципы разума, которые сначала породили и распространили среди человечества такое великолепное мнение, должны были быть способны с еще большим усилием сохранять его. Первоначальное изобретение и доказательство любого учения намного труднее, чем поддержка и сохранение его».

Здесь у нашего автора оказывается еще меньше успехов, чем в любом из его прежних аргументов. Во-первых, как и прежде, он пренебрегает возможностью предполагать знания о Боге посредством божественного самопроявления, таким образом искажая или обходя одно положение в споре. Во-вторых, утверждение о том, что если первые люди достигли чистого теизма, то они никогда не смогли бы отказаться от него и стать многобожниками, следовало бы сравнить с его же собственными более поздними утверждениями в разделе VIII того же самого произведения, где он описывает то, что сам он называет «приливами и отливами многобожия и теизма». Этот раздел открывается так:

«Примечательно, что принципы религии в человеческом сознании имеют своего рода приливы и отливы и что люди имеют естественную склонность подниматься от язычества к теизму и снова опускаться от теизма в язычество».

Затем автор высказывает свою известную теорию происхождения многобожия как формы религии и свою теорию вырастания единобожия из многобожия. Но когда люди таким образом достигли веры в Бога, обладавшего «признаками единства и родства, простоты и духовности», то наступает — так он заявляет — ес-

тественный возврат в многобожие. Объясняется это такими словами:

«Такие очищенные идеи [как идеи чистого единобожия], являясь чем-то несоразмерным с грубым восприятием, не остаются надолго в своей первоначальной чистоте, а требуют поддержки понятием более низких посредников или подчиненных агентов, которые становятся между человечеством и его высшим божеством. Эти полубоги, или промежуточные существа, имеющие большие примеси человеческой природы и являющиеся более знакомыми нам, становятся главными объектами религиозных обрядов... Но поскольку эти языческие религии каждый день впадают во все более широкое и более грубое искажение, они наконец уничтожают себя, и мерзкими представлениями, которые они устраивают из своих обязанностей, заставляют ход событий снова поворачиваться к ним».

Таким образом, единобожие и многобожие, по Юму, — две противоположности, между которыми всегда колеблется человеческое мышление. Если это так, то ясно, что это колебание или основано на рассудке, или не основано. Если оно основано на рассудке, то первобытные люди могли путем размышления прийти к единобожию как к своей первой религиозной вере, но все же возвратились к многобожию как к естественному и разумному ответному действию. С другой стороны, если колебание не основано на рассудке, то, поскольку по его собственной оценке все поздние религиозные состояния человечества были неразумными (нерассудочными), первое могло совершенно отличаться от того, что Юм рассматривал бы как рациональное, то есть оно могло быть состоянием чистого единобожия. Таковой была предпринятая Юмом попытка показать примитивность многобожия и всего с ним связанного.

Пятью годами позже, в 1760 году де Бросс, один из корреспондентов Вольтера, издал свою незрелую, но

примечательную книгу «Поклонение фетишам, или Параллель древней религии Египта нынешней религии негров». Это был именно тот автор, который первым ввел в оборот слово «фетишизм» и который первым принял его без доказательства в качестве неизменного спутника многобожия. Однако де Бросс был открытым сторонником первобытного божественного откровения, он сделал евреев исключением из своего общего утверждения, по которому все древние нации начались с фетишизма, от него поднимались до многобожия и от него направлялись к единобожию. Однако в начале нынешнего столетия Огюст Конт, пренебрегая каким-либо первобытным откровением, поднял обобщение де Бросса до абсолютного закона исторического развития. Он придал ему большее правдоподобие и влияние, представив этот закон теологического прогресса только как часть еще более широкого общественного закона, согласно которому человечество, указанным способом пройдя это «теологическое состояние», проходит затем через «философское» состояние и, наконец, достигает «научного» состояния атеистического позитивизма.

В 1795 году в Германии точка зрения Юма нашла способного последователя в лице Г. Л. Бауэра, из Альтдорфа, а десятью годами позже мы видим, как Майнерс в своей «Всеобщей истории религии» повторяет и усиливает понятие абсолютной первобытности фетишизма. Рационалистические и пантеистические тенденции немецкой умозрительности примерно в это же время были, конечно, благоприятны для любой новой теории, которая дискредитировала бы библейскую, и, таким образом, случилось так, что к середине нынешнего столетия теория де Бросса в своей более полной контовской форме стала повсеместно принятой. Говоря о ее преобладании, профессор Макс Мюллер произносит:

«Все мы были воспитаны на ней. Я сам, конечно, придерживался ее в течение долгого времени и никог-

да не сомневался в ней, пока меня не стал все более и более поражать тот факт, что в то время, как в самых ранних доступных документах религиозной мысли мы напрасно ищем какие-либо ясные следы фетишизма, они становятся все более и более частыми на более поздних этапах религиозного развития и, конечно, более зримы в более поздних искажениях индийской религии, начиная с Атхарваведы, чем в самых ранних гимнах Ригведы»¹.

Многие годы нашей работы по первобытной истории были пропитаны этой мыслью. Даже откровенно христианские авторы истории религий и сравнительного богословия в значительной степени уступали этому преобладающему представлению. Как хорошо сказал один человек, «сама теория стала своего рода научным фетишем, хотя, подобно большинству фетишей, своим существованием она кажется обязанной невежеству и суеверию».

Однако по прошествии некоторого времени эта давно преобладающая догма натурализма потеряла доверие у всех добросовестных исследователей мировых религий и, конечно, профессиональных этнографов. В своей недавней работе «Гибертовские лекции о происхождении и развитии религии»² Макс Мюллер, сам бывший, как мы видели, в течение долгого времени сторонником этой теории, публично оспаривает ее правильность. Во второй лекции с большой остротой и со свойственным ему богатством иллюстрированных фактов он разоблачает неразборчивость, с которой в настоящее время использовался термин «фетишизм», и ничемность свидетельств, на которые опирались Конт и другие. Он уважительно, но настойчиво излагает несоответствие их психологического объяснения происхождения фетишизма и показывает, что даже западноф-

¹ *Origin and Growth of Religions*. London and New York, 1879. P. 58.

² Reviewed by C. P. Tiele, in: *Theol. Tijdschrift*, for May, 1879.

риканские поклонники фетишей в то же самое время придерживаются других представлений, а именно многобожия или в некоторых случаях даже единобожия. Подводя итоги своих заключений, он говорит:

«Результаты, которых мы достигли после исследования многочисленных работ о фетишизме со времени де Бросса до наших дней, могут быть сведены к четырем положениям.

Первое. С самого первого употребления значение слова «фетиш» оставалось неопределенным и у большинства авторов так сильно расширено, что может включать в себя почти любое символическое или имитирующее изображение религиозных объектов.

Второе. У народов, имеющих историю, мы обнаруживаем, что все, попадающее под категорию фетиша, указывает на наличие исторических и психологических предшественников. Поэтому нас не оправдывает предположение, что иначе было у народов, чье религиозное развитие нам неизвестно или недоступно.

Третье. Не существует такой религии, которая полностью уберегла бы себя от фетишизма.

Четвертое. Не существует такой религии, которая полностью состояла бы из фетишизма»¹.

Столь умело показанные недостатки фетишистской философии происхождения религии, вышедшие из-под пера так широко и по достоинству уважаемого ученого, не могут не произвести глубокого и полезного впечатления на мир обычных читателей и авторов, пользующихся данными из вторых рук. Вероятно, эта работа не сможет стать «эпохальной» исключительно из-за того, за что автор не несет ответственности, а именно из-за того факта, что при обсуждении сегодня этой догмы о первобытном фетишизме мы в действительности имеем

¹ Origin and Growth of Religions. P. 115.

дело с проблемой, которая в продвинувшихся вперед кругах давно уже мертва. Даже г-н Эндрю Ланг, возможно, наиболее непримиримый из всех рецензентов профессора Мюллера, самостоятельно не желает делать фетишизм «первым моментом в развитии религии»¹. Десятью или пятнадцатью годами ранее спор принес бы во много раз больше пользы, чем сейчас. За это время произошли решительные изменения. Десятилетие или два назад защитникам натуралистического взгляда на происхождение религии оставалось предпринять еще один, и даже не один шаг. Юм сделал многобожие примитивной верой; Конт думал вернуться к этому и принять без доказательства такую еще более зачаточную форму, как предшествующее ему многобожие. Оставалось только пройти дальше фетишизма и объявить первых людей абсолютными атеистами. Это и сделали современные авторы, среди которых в Англии выделяется сэр Джон Лаббок. В главе IV своей работы, по ошибке названной «Происхождение цивилизации и первобытное состояние человека»², он классифицирует «первые большие ступени религиозной мысли» следующим образом.

Первая. *Атеизм*. «Понимание под этим словом не отрицания существования божества, а отсутствия любых определенных мыслей о предмете».

Вторая. *Фетишизм*. В состоянии первобытного атеизма люди особенно верили в человеческие тени, призраки и людей, увиденных во сне, и т. д., хотя этих духов не воспринимали как бессмертных или как обладавших какими-либо сверхъестественными способностями. Их боялись только потому, что в них предполагались мощь и предрасположенность навлекать бо-

¹ Custom and Myth. London, 1884. P. 212—242.

² Первое издание было предпринято в 1870 году. Поздние отзвуки слышны у Mortillet. Le Préhistorique. См.: Revue de l'Histoire des Religions. Paris, 1883. P. 117.

лезнь или иным образом вредить людям во плоти. Теперь, поскольку полагалось, что посредством фетиша этим злым духом можно было управлять и подчинять его воле поклоняющегося, фетишизм, рассматриваемый в отношении к религиозному развитию, объявлен Лаббоком «решительным шагом вперед». Рассмотренный сам по себе, «он является простым колдовством».

Третья. *Тотемизм*, или *поклонение природе*. Его наш автор нигде ясно не отличает от фетишизма. На этой ступени религиозного прогресса «дикарь отказывается от своей веры в фетишизм (от которой в действительности все еще полностью не освободился ни один народ), но он привносит в него веру в существа более высокой и менее материальной природы. На этой ступени почитаться может все: деревья, камни, реки, горы, небесные тела, растения и животные».

Четвертая. *Шаманизм*. «Как тотемизм накладывается на фетишизм, так и шаманизм накладывается на фетишизм». Здесь боги представляются гораздо более «могущественными, чем люди», «совершенно иной природы», проживающими далеко и «доступными только шаманам», которые «иногда удостоиваются присутствия божеств или им разрешают посещать небесные места». Это, в свою очередь, объявлено «значительным прогрессом» по сравнению с предшествующей ступенью религиозной мысли.

Пятая. *Идолопоклонство*, или *антропоморфизм*. Здесь «боги все еще полно перенимают природу людей, являясь, однако, более могущественными. Они все еще поддаются убеждению; они — часть природы, а не создатели. Они представлены изображениями или идолами».

Шестая. Шестой ступени не дано никакого названия; но она описана как ступень, на которой «божество расценивается как автор, не просто часть приро-

ды». Оно впервые становится действительно сверхъестественным существом».

Седьмая. На этой последней и самой высокой ступени, которую он также именует нехристианской, нравственность становится «впервые связанной с религией»¹.

Мы не перестаем подробно критиковать эту чрезвычайно путаную и плохо выстроенную классификацию, как и допущения, на которых она основывается. Ее главная отличительная особенность — это бездоказательное утверждение всеобщего первобытного атеизма в качестве предшественника любой формы религиозного развития у человечества. Поскольку он основывался на догме и о подтвержденном отсутствии всех религиозных верований и обычае среди нынешних самых примитивных дикарей, и о принципе, что религиозные представления людей всегда находятся в точном соответствии со степенью их цивилизованности, то быстро началось его опровержение. На следующий год после публикации его работы в научном сочинении «The Primitive Culture» Э. Б. Тайлор оспорил несколько оснований Лаббока для утверждения, что якобы были найдены нерелигиозные племена, в то время как в его новой работе «The Human Species» (1879) способный ученый, профессор антропологии в Парижском музее естествознания Катрефаже пошел еще дальше, не только поддерживая Тайлора в том, что до сих пор не было обнаружено ни одно атеистическое племя дикарей, но и явно отрицая предположение о том, что подъем религиозных представлений неизменно соответствует подъему по лестнице общей цивилизации или знания искусств. Факт остается фактом, что эти возражения гипотезе примитивного атеизма пришли не со стороны бого-

¹ Chaps, IV—VI.

словов, а от людей науки — от коллег-исследователей в области антропологии и этнологии, — их многочисленность придавала им еще больший вес¹. Внимательный читатель, однако, не в состоянии не заметить, что единственное различие между воззрениями Лаббока и некоторых из его критиков заключается просто в различии названия, а не предмета; что предполагаемое примитивное состояние, которое он называет атеистическим, точно отвечает тому, что Тайлор и Дарвин описали бы как самую раннюю форму анимистической религии, и тому, что Герберт Спенсер назвал бы первыми элементарными началами поклонения призракам и предкам. И при этом мы не можем не видеть, что последовательный дарвиновский эволюционист должен разместить начало человеческой истории так близко к границе грубой жизни, чтобы делать почти определенным, что первая ступень была точно нетеистической, а вместе с тем и полностью нерелигиозной.

Именно в этом месте следует откликнуться на сложную работу Отто Каспари из Гейдельберга, озаглавленную «Urgeschichte der Menschheit, mit Urgeschichte Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geisteslebens» («Первобытная история человечества, касающаяся естественного развития древнейшей духовной жизни»). Это двухтомное сочинение было выпущено в Лейпциге в 1872 году и вышло вторым изданием в 1877 году. Очень большая его часть посвящена показу представлений автора о происхождении и естественном развитии религии в ранней истории человечества. Эти представления отличаются новизной и разработаны с

¹ Профессор Роскофф удостоил Лаббока чести собрать в длинном списке все племена и народы, которые последний объявил нерелигиозными, и показать в каждом случае свидетельства их религиозного характера. См. его работу «Das Religionswesen der rohesten Naturvölker», Leipsic, 1880.

изобретательностью, которая делает книгу пленительной для исследователя, как самый захватывающий роман. Автор является чистым и открытым эволюционистом, но вместо попытки решить свою проблему с Лайелем и Брока по данным палеонтологии, или с Дарвином и Геккелем по данным зоологии, или с Хаксли и Бастианом по данным биологии, или с Мюллером и Нуаре по данным филологии, или с Пришаром и Пешелем по данным этнографии, или с Тайлором и Лаббоком по данным истории культуры, или с Уэйтцем и Топинаром по данным общей антропологии, он подходит к ней и берется за нее как за проблему той высшей и более широкой науки, для которой все вышеперечисленные служат лишь «притоками», — той науки, которой ее немецкие создатели дали название *Völker-Psychologie* (этнопсихология, или антропная психология). Он не может считать проблему решенной до тех пор, пока, начиная с психологических факторов грубой жизни, мы не сможем представить себе последовательные шаги и ступени, по которым первоначально животное мышление медленно развивало все духовные и религиозные представления, эмоции, привычки и идеалы исторического и действительного рода человеческого. Его собственная попытка сделать это не свободна от произвольных предположений и несообразностей, но в целом, это чудо проницательного исследования и созидательной способности. В противоположность ей, толкования Юма и Лаббока выглядят неуклюжими и преувеличенными, подобно тому как ранние теории геологии, описанные в «Книге природы» Голдсмита, теперь представляются современному исследователю.

Одно из самых старых среди направленных против сверхъестественных объяснений происхождения религии то, которое приписывает его невежественным и суеверным страхам самых древних людей.

«*Primus in orbe deos fecit timor*». — «Богов первым на земле создал страх», — написал Петроний, а более

полное объяснение того же самого понятия Лукрецием похоже на это. Такое объяснение никак не удовлетворяет Каспари. Он не может представить, как страх мог стать тем соединением почтения и любви, которое суть религии. Страх просто побуждает грубого человека избегать, насколько это возможно, предмета боязни. Равно неудовлетворительно представление о том, что небесные тела и более возвышенные явления природы поставили перед человеком те вопросы, из которых могла бы вырасти религия. Первобытный человек, подобно грубому антропоиду, не имел ни малейшего понятия об отдаленном и высоком. Ничто не представляло для него интереса, за исключением того, что воспринималось как жизненно связанное с ним в борьбе за существование. Пределы его восприятия и понимания были ограничены предметами, которые были либо врагами, либо союзниками в этом бесконечном сражении. Поэтому религию нельзя вывести из какого бы то ни было проникновения природы или природных предметов в человеческое сознание. Она имела глубокое и еще более очевидное происхождение из естественных человеческих отношений.

Первой и коренной формой всего благочестия было благочестие сыновнее. Первым предметом действительного религиозного отношения был родитель. Это благоговейное и нежное отношение сознательно невежественного, слабого и зависимого ребенка к неопределенно мудрому, сильному и заботливому отцу (или матери) по существу религиозно. В чрезвычайно раннее время оно должно было перейти от родителя ко всем защищающему и всеми управляющему племенному вождю, а также к пожилым и опытным советникам грубых первобытных общин. Естественная тяга нецивилизованных людей к языку жеста, должно быть, породила обычные формы проявления уважения — зачатки, которые мы можем наблюдать в уважении, оказываемом пчелами своей королеве, — и, таким

образом, родители, вожди и мудрецы были первыми объектами религиозного почитания и уважения людей. Поскольку люди еще не имели представлений о природе в целом, у них не было никакого мыслительного интереса к звездам, деревьям или животным, никакого умственного побуждения к почитанию чего-либо иного, кроме «нравственно возвышенного», каким оно казалось в узком кругу семейной и племенной жизни. Не было мысли о невидимом мире, не было представления о душе, не было даже точного понимания смерти. Предполагалось, что мертвый человек просто находился во сне или в длительном обмороке. Являясь самоочевидно беспомощным для присутствующих, подобно больному члену семьи, он вызывал естественную жалость и заботу. Еду и напитки помещали рядом с ним, чтобы они были наготове к его пробуждению. Если его приходилось оставлять, то его помещали в пещеру, чтобы защитить от диких животных, а оружие оставляли для его пользования.

На основе этого наивного представления о вещах сначала становилось осмысленным почитание животных. Животное, которое пожирало человека, живого или мертвого, теперь являлось в такой же степени человеком, как и животным. Человек не перестал существовать; он просто смешал свою жизнь с жизнью животного и стал «человеком-животным». Свирепость нового соединения ошибочно легко принимается за злое желание покойного человека отомстить своим родственникам или соратникам за то, что они недостаточно защищали его от пожирающего животного. Но если «человек-животное» достаточно человечен, чтобы помнить и мстить за такое настоящее или предполагаемое пренебрежение со стороны его бывших друзей, он должен быть достаточно человечен, чтобы признать или оценить любые добронамеренные попытки успокоить его гнев и приобрести его покровительство. Отсюда следует естественное основание не для всеобщего по-

клонения животным, а для поклонения более распространенным плотоядным животным, и Каспари пытается показать, что они были первыми, кто достиг такой различающейся оценки.

Здесь также найдено происхождение людоедства. Человек убил своего врага. Если он просто оставит его мертвым, то через некоторое время он оживет и снова станет таким же плохим, как когда-либо. Если вдруг перед этим какое-нибудь дикое животное съест его, то он тогда превратится в свирепого и злобного «человека-зверя» — худшего врага, чем прежде. Нет другого пути достижения победы окончательной и безопасной, кроме как съесть его самому. Тогда жизнь и доблесть убитого станет жизнью и доблестью убийцы. Даже съедание других, не врагов, таким образом становится понятным. Поскольку считают, что фанатики-негры съедают — «с некоторой нежностью» — тела своих жен и детей, то и примитивный человек, ища самое безопасное место для тела своего мертвого друга, возможно, считал гораздо более дружественным поступком съесть его, нежели оставить и дать возможность под землей попасть во власть червей или на земле стать добычей животных. Наш автор думает, что из двух побуждений — желания присвоить жизненные силы противника и желания сделать как можно лучше для не способного уже проснуться друга — в первую эпоху мира людоедство стало почти повсеместным. Сама почтительность живых к мертвым вносила вклад в распространение этого отвратительного обычая.

Наши ограничения не позволяют одинаково полно изложить остальные ступени, на которых религия росла, пока не стала тем, чем она является в мире. Удовлетворимся высказыванием, что за тысячелетия с начала человеческой истории «к концу каменного века» произошла самая большая революция в человеческой мысли, вере и жизни, какую когда-либо видело человечество. Она была вызвана появлением и принятием

веры в то, что и деревья, и люди, и животные — словом, все предметы природы — обладают невидимой, неосязаемой жизненной силой, душой. Это странное новое понятие породило и поддержало открытие, которое, оцениваемое по широте и основательности оказанного влияния, должно быть помещено во главе всех других, а именно открытие искусства разжигания огня. Эта таинственная и доселе неизвестная мощь, вызывающая то, что казалось ярким и живым существом из царства невидимого, посредством «добывания огня путем трения дерева о дерево», наполовину ставила в тупик даже касту жрецов, в чьих руках находилась эта ужасная тайна. Их попытки использовать ее вели к шаманизму и магии. Добываемый из наблюдаемого жизненного тепла живых существ и холода мертвых вещей новый элемент был быстро отождествлен с внутренней сущностью самой жизни, а новое искусство все сильнее привлекало всеобщее внимание его преимущественным сосредоточением в руках воспламенителей, или жрецов огня, в целях лечения. То же самое отождествление тепла и жизни вскоре связало фаллос с добыванием огня трением и ввело странное и явно чудовищное заблуждение — поклонение фаллосу.

С этими новыми мыслями было вполне естественно, что солнце, звезда и вспышка молнии должны были приобрести новое значение для человека и наложить свой отпечаток на религии. Поклонение животным было основательно изменено искусно придуманными способами. Простые жертвоприношения более раннего этапа уступают место жертвам огню и небесным телам. Настолько сильно желание превратиться в белых огненных духов и присоединиться к божественному братству, что люди приносят себя в качестве жертв и ищут преобразования в святом пламени алтаря. Отсюда человеческие жертвоприношения; отсюда и сжигания мертвых. Со временем мысль о душе приобретает все большую и большую определенность, как и представление о нема-

териальных сверхчувственных богах. Долго возбуждаемое воображение дает возможность создания мифа. Часть великого духовенства истории изобретает иероглифическое и алфавитное письмо, и со временем, естественно, появляются священные книги, космогонии, своды религиозных законов и т. д. Волшебная палочка человека, впервые принесшего огонь, в конце концов создала духовную невидимую копию незримого мира. В этом очарованном мире мы сегодня живем, где самые низкие из нас проявляют нашу веру в форме суеверного фетишизма, а самые высокие — в попытках чисто духовного поклонения. То самое высокое христианское представление, что «Бог есть свет, и в Нем совершенно нет тьмы», является просто высшей точкой того образа мышления, которое зародилось столетия назад с той искры, что высек какой-то дикий доисторический обработчик кремня ударом по твердому камню¹.

Краткость этого наброска теории Каспари не дает возможности составить полное суждение о мастерстве и правдоподобию, с которыми он ее разработал. Еще меньше у нас места для того подробного образа, который был бы необходим, если бы мы собирались предпринять опровержение этой схемы частично или целиком.

В разительном противоречии с теорией Каспари находится теория Жюля Бэсака, разработанная в его «Происхождении религии»². Он также начинает с первобытного животного состояния и предлагает проследить появление и естественное развитие религии от той отдаленной отправной точки человеческого рода. Но вместо возвеличения начального влияния чистой внутренней жизни в истинно немецком методе Каспари, Бэсак — в свойственной французу манере — начинает с обожеств-

¹ Очень близко к представлению Каспари мнение, выдвинутое профессором Й. Фрошаммером в его последней работе: *J. Frohschammer. Die Genesis der Menschheit. München, 1883. P. 68—381.*

² Париж, 2 тома, 1877. Ср.: *Baring-Gould. Religious Belief. New York, 1870. Part I. P. 411—414.*

ления обычного материнства, представляемого самозарождающимся и самодостаточным. Эта форма религии преобладала в течение отдаленного предшествовавшего периода, когда было обнаружено, что мужчины принимают обязательное участие в продолжении рода. Религиозными символами тех отдаленных времен были «естественные или искусственные возвышения», и «вспучивания», и подземные полости: возвышения в образе материнской груди в состоянии ожидания ребенка, углубления и полости в образе священного лона божественной матери. Отсюда культ мячей или гор округлой формы; отсюда символика курганов, пирамид, гротов, шахт, лабиринтов, дольменов. В этот период все материнство божественно, а вся жизнь и изменения в природе мысленно представлены как самопроизвольные и исключительно женского пола, зачинающие и рождающие.

Во второй период, который все еще предшествует идее брака и установлению идеи личной собственности или индивидуальных прав, была обнаружена функция мужского начала; теперь божественная мать-природа воспринимается как аналог женщины того периода — матери, оплодотворяемой только мужской энергией, но мужской энергией с любой стороны. Говоря словами Бэсака, она является «священной проституткой, имеющей своим символом землю, открытую всем зародышам»¹.

В третий период оба начала приведены к отношению равенства, и теперь божественным становится гермафродит. В четвертом приоритет отдан мужскому началу, религиозные символы материнства уступают место фаллическим символам, возникают институты брака и собственности, власть атмосферных и астрономических божеств начинает заменять власть земных духов. Пятый период отмечен полным господством этих астрономических божеств и ясным отказом от древних хтонических и

¹ Origines. P. 131.

подземных сил. В шестом приходят окончательное разделение Неба и Земли, идея творения и идея всемогущего и находящегося вне мира Творца всех вещей.

Способ, которым автор разрабатывает это примечательное толкование истории и символики религии, в двух томах формата по 300 страниц в каждом, столь же изобретателен, как и отвратителен.

Смотрите на запашистый результат этих последовательных философских и научных бунтов против истории! И за кем из всех этих мудрых людей Запада мы будем следовать? Первой формой религии, говорит один из них, была животная галлюцинация ранних антропидов, почитающих сексуальное порождение. Нет, говорит другой, она была подлинным поклонением невидимым богам и богиням, подобным прекрасным олимпийским божествам Греции, — религией, чьи плоды по характеру и поведению сравнимы с плодами христианского единобожия¹. «Ерунда! — восклицает третий. — Многобожие — это очень высокий тип религии; люди никогда не могли бы достигнуть его до открытия огня, никому не известно сколько времени прошло от начала начал». «Дураки все! — возражает идущий напролом. — Вы что, не знаете, что первобытные люди были еще ниже, чем самые низкие наши современные дикари, так же неспособные к любым религиозным идеям, как и к использованию интегрального исчисления?»

Перед началом показа этих умозрительных предположений было сообщено, что их противоречия и невероятные результаты уже вызвали сильную реакцию даже со стороны биологов и социологов. Эта реакция слишком поучительная, чтобы оставить ее незамеченной². Она исходит от людей, которые, говоря религиозным или богословским языком, представляются полностью сочувствующими ниспровергателям старой библейской

¹ Цитированное выше эссе Юма, заключительные абзацы.

² Ср.: *Revue des Deux Mondes*, April, 1880. P. 660—665.

и всеэтнической веры; но оказывается, что они не могут идти вместе с этими ниспровергателями без того, чтобы не дать больше, чем может позволить себе любой биолог или социолог, если он поддерживал бы заслуживающую доверия философию истории человека и человеческого общества. Простому стороннику истории зрелище их затруднений и попыток выбраться представляется в значительной степени развлекательным. Действительно, наилучшее опровержение всего неправильного во всех этих новых представлениях об изначальной религии будет найдено не в слепом и неразборчивом споре, со всеми вкупе, а в показе, как каждый отход от традиционного представления заводит осторожного мыслителя в тупик почти неразрешимых проблем, и как легко все реальные факты, на которых эти предлагаемые отступления основываются, могут быть выстроены в поддержку традиционного представления. К этой задаче мы обращаемся.

Во-первых, согласно книге Бытие, самые ранние представители рода человеческого начали свое существование в рае голыми, бездомными и не обладающими ни одним из внешних видимых признаков того, что называется цивилизацией. Если бы г-ну Лаббоку позволили в то время посетить это место, то он бы не увидел — настолько, насколько предполагает Моисей, — никаких печатных и механических ткацких станков, а может быть, даже и приспособления для добывания огня трением и кремневых наконечников стрел. Он не увидел бы никакого бога, никакой милтоновской стражи из ангелов, никаких райских ворот, никакого храма или алтаря. Он просто увидел бы на обильной тропической природе богатство изящных животных форм, развивающихся в многообразии переходных ступеней и достигающих высшей точки в двух чистых человеческих существах. Он, несомненно, ушел бы и доложил на следующей встрече Антропологического общества об открытии нового Otaheite, чьи го-

лые и безыскусные обитатели явно находились на нижней ступени лестницы в отношении «культуры» и на дофетишистской «атеистической стадии» в отношении религии. Поступив так, он совершил бы не более грубую ошибку, чем совершают многие из его любимых репортеров, описывая такие народы, как жители Андаманских островов¹.

По старому представлению, не менее чем по новому, умения развивались лишь постепенно. До дней Тувал-Каина у людей отсутствовало умение обработки металлов и всего того, для чего она была существенно необходима. До изобретения Иувала не было музыкальных инструментов. Все в Священном Писании указывает на тот вид общественного и промышленного прогресса, которого во взаимосвязи с началами человеческого общества естественно было бы искать.

Таким образом, далее, сторонник Священной истории не имеет никакой возможности хотя бы в чем-то не согласиться со сторонником естественной истории. Хеккель, Пешель и Каспари вместе с Моисеем придерживаются идеи единства происхождения человечества и даже помещают свою вымышленную Лемурию как раз в северной части Индийского океана, вплотную к одному из традиционных мест расположения рая. Их мнение о переселениях человека из этого центра и о первобытном отсутствии у него умений не противоречат ни одному положению, зафиксированному в Священном Писании. Ни одна сторона не может сказать точно, как долго продолжался период, предшествовавший появлению первых великих исторических цивилизаций Азии, Египта и Греции, и ни одна сто-

¹ Более полные доказательства этого утверждения см.: *Sir Henry Sumner Maine. Early Law and Custom. London, 1883. P. 229—231; Quatrefages. The Human Species. New York, 1879. Chap. XXXV; и особенно Roskoff. Das Religionswesen der rohesten Naturvölker. Leipsic, 1880, и Réville. Les Religions des Peuples non-civilisés. Paris, 1883. T. I. Ch. I.*

рона не может сказать, как давно он закончился, так что даже в своем признанном неведении обе находятся в согласии.

Во-вторых, сторонник Священной истории, иудей или язычник, не может принять страстно отстаиваемое понятие, что мыслительные способности самых древних людей не выше, чем у самых низких сегодняшних дикарей. Те самые ранние поколения не были осведомлены о многих вещах, но определенно, что они должны были быть выше линии, отделяющей застойные или движущиеся назад народы от прогрессивных. Они были людьми, способными к исследованию сил и законов природы, к порождению умений, абсолютно новых в истории мира, и к непрерывному созданию изобретений, которые «переворачивали» состояние общества.

С таким представлением должен согласиться и дарвинист в миг проблеска здоровой мысли. Потому-то известен факт, что наши самые низкие дикари вымирают, в то время как люди, заселявшие мир в соответствии с законом выживания наиболее приспособленных в тот период истории Земли, когда, согласно Дарвину, окружающая среда была для человечества ареной борьбы за существование, должны были превосходить эти вырождающиеся и исчезающие племена. И поскольку все эволюционисты при перечислении качеств, которые помогают побеждать в борьбе за существование, делают упор на превосходящие умственные способности, то вполне естествен вывод, что прирожденный интеллект самых древних людей по крайней мере превосходил интеллект самого низкого современного дикаря. Обращаясь к рассматриваемым авторам, мы находим подтверждение нашим предшествующим ожиданиям. Так, Герберт Спенсер в одной из своих самых зрелых работ выражается так: «Имеются различные причины подозревать, что существующие люди самых низких типов, формируя социальные груп-

ты самых простых видов, не являются примером тех людей, какие первоначально были. Вероятно, большинство из них, если не все, имели предков более высоких уровней, и среди их верований сохраняются такие, которые были развиты на тех более высоких уровнях... Существует несоответствующее действительности оправдание представлений, что самая низкая дикость всегда была столь же низкой, как сейчас... что вытеснение народа народом и разгон по углам тех более низких народов, что не истреблялись, которые сейчас так активно происходят, продолжаясь с самых ранних засвидетельствованных времен, должны были происходить всегда. А смысл этого в том, что остатки стоящих на более низком уровне народов регрессируют, хотя и находят убежище в суровых, бесплодных, непригодных областях»¹.

Подобным же образом сам Дарвин представляет себе первых людей способными к господству мысли над знанием, которое порождено чувствами, позволяющими представить себе невидимое и духовное. Он оценивает их умственные способности как «высокие», говоря: «Те же самые высокие умственные способности, которые сначала вели людей к тому, чтобы поверить в невидимые духовные действия, затем в фетишизм, многобожие и, наконец, в единобожие, будут непогрешимо вести их к различным странным суевериям и обычаям до тех пор, пока их способности к рассуждению остаются слабо развитыми»². Таким образом, Дарвин справедливо считает характер самих отклонений человеческого интеллекта в его младенческом состоянии поразительным доказательством возрастания его мощи.

Лаббок приписывает самым ранним людям подобную способность представлять сверхчувственное и управлять собой в значительной степени при помощи

¹ Principles of Sociology. P. 106—109.

² Descent of Man. Vol. I. P. 66.

идеалов. Хотя иногда он описывает начальные поколения находящимися в состоянии «полного варварства» или «продвинувшимися вперед не более чем самые низкие дикари сегодня», это, кажется, происходит только по недосмотру, ибо в более поздних изданиях его указанной работы «Происхождение цивилизации» на с. 483 он явно признает и утверждает, что не считает каннибалов представителями первых людей¹. На той же самой странице он говорит: «Точно так же можно решительно заявить, что все грубейшие обычаи, по моему мнению, не являются первобытными. Я думаю, что, например, принесения людей в жертву таковыми, конечно, не были».

Каспари не менее решительно подтверждает, что состояние общества североамериканских индейцев и австралийцев является не показателем первобытности, а следствием вырождения. Он говорит: «Мы знаем ряд племен, которые продолжают существовать фактически только как выродившиеся и пришедшие в упадок группы и осколки государства, которые, дикие и жестокие, блуждают в первобытных лесах, обреченные на жалкую гибель»².

Тайлор поддерживает мнение, что наилучшим образом первобытных людей служат не самые низкие, а «самые высокие» из нецивилизованных народов. Так, он говорит: «При изучении существующих во всем мире мифов о природе вряд ли целесообразно начинать с представлений самых низких из человеческих племен

¹ Давайте надеяться, что просто по схожей невнимательности профессор Сейс говорит о «диких племенах современного мира и еще более диких племенах, среди которых языки земли брали свое начало». *Introduction to the Science of Language. Vol. II. P. 31.* Сравните со с. 269, где, говоря о мифопоэтическом человеке, которого он считает значительным шагом вперед от примитивного дикаря, профессор произносит: «Он еще не научился отличать неживое от живого»; «он еще не понял, что должно существовать то, чего не могут воспринимать его чувства».

² Т. I, с. 113.

и отсюда подниматься к вымыслам более высокого уровня; частично потому, что наши сведения скудны относительно верований этих скрытных и редко вполне понятных для нас людей, а частично и потому, что легенды, которые они знают, не достигли той художественной и систематической формы, которой они достигают у народов, стоящих выше них на лестнице культуры. Поэтому лучше взять за основу мифологию североамериканских индейцев, островитян Тихого океана или других высших диких племен, которые в настоящее время могут служить лучшими представителями древнейшего мифологического периода человеческой истории»¹.

Во второй главе той же работы он представляет свидетельства того, что многие из самых низких племен современного мира стали тем, что они есть, из-за вырождения.

Но в-третьих, если лучших представителей первых людей следует искать не среди самых низких, а скорее среди высших из нецивилизованных народов, то, конечно, мы вправе отклонить мнения всех тех авторов, которые начиная со времен де Бросса и Конта поддерживали мысль, что первобытные люди олицетворяли, оживляли и превращали в фетиш все природные предметы вокруг себя.

В этом вопросе автор «Основ космической философии» менее проникновенен, чем его учитель Герберт Спенсер. Насколько смело и умело он критикует Конта в некоторых других частностях, настолько в этом вопросе Фиске сдается ему полностью. Он говорит: «Мы можем вместе с Контом без опасений утверждать, что самое древнее отношение сознания к объяснению природы было отношением фетишистским»². Однако, признавая факт, что низшие млекопитающие,

¹ Primitive Culture. Vol. I. P. 321.

² Т. I, с. 178 и далее.

птицы и даже насекомые способны различать живые и неживые предметы и что отрицание этой способности у первых людей делало бы их хуже и ниже животных, Конт полностью придерживается представления, совпадающего с представлением из библейского текста. Ссылаясь на ряд примеров у дикарей, которые при первом знакомстве с часами или компасом воображали их живыми, он показывает естественность этой ошибки и правильно говорит: «Мы должны исключить эти ошибки, сделанные в классификации вещей, которые созданы продвинувшимися вперед умелыми людьми для моделирования живых предметов, поскольку такие вещи вводят в заблуждение первобытного человека способами, не похожими на те, какими он может быть введен в заблуждение естественными предметами вокруг него. Ограничив себя его представлениями об этих природных предметах, мы не можем не заключить, что его разделение их на одушевленные и неодушевленные в сути своей правильно. Придя к такому выводу, мы обязаны отойти от некоторых распространенных в настоящее время толкований его суеверий. Предположение, молчаливое или открыто признанное, что первобытный человек имеет склонность приписывать жизнь вещам, которые не являются живыми, явно необоснованно. Появляющееся с развитием интеллекта осознание различия между ними должно быть у него более определенным, чем у всех более низших существ. Предполагать, что без причины он начинает их путать — значит предполагать поворот вспять процесса развития»¹.

Поэтому данный автор, которого Дарвин в одной из работ называет «нашим великим философом», явно отвергает догму о первобытности и повсеместности анимизма и фетишизма у самых древних людей. Согласно его воззрениям, анимистические и фетишист-

¹ Principles of Sociology. P. 143, 144.

ские верования не были «первичными верованиями», они были ошибками, на которые «первобытный человек соблазнился в своих ранних попытках понять окружающий мир». «У первобытного человека не больше склонности путать одушевленное с неодушевленным, чем у более низких существ» (с. 146).

Как мы видели, Каспари тоже отрицает первобытный характер фетишизма¹. Приписывая его появление новым идеям, которые породило открытие искусства разжигания огня, он делает почитание «нравственно возвышенного», представленного личным отцом, племенным вождем и умершим предком, гораздо более древним, возможно, на тысячи лет древнее любого поклонения фетишам. У Лаббока нет никакого нравственного элемента в религии, пока она не достигает своей последней и самой высокой стадии. У Каспари, напротив, религия — это по существу мораль в своем первом появлении, и с первого момента существования имеет действительный и относительно достойный личный объект. Это потрясающий научный прогресс от положений Юма, Конта, Лаббока и всех их последователей; утверждение высокого нравственного характера и нравственной жизни с самого начала человеческой истории делает библейское представление об этом начале не только мыслимым, но и заблаговременно вероятным.

В-четвертых, Библия и священные традиции почти всех народов представляют единобрачие как первую форму брака, приписывая все отклонения от него неуправляемым эгоистичным страстям людей. Это пред-

¹ Сравните подобное высказывание Фрошаммера: «Вера в бога и религиозные культы начинаются не с фетишизма». *Die Genesis der Menschheit*. München, 1883. P. 71. А также недавнее заявление профессора римского права: «Я думаю, что религиозное мировоззрение всех народов вышло из верований в божественную волю, которая над нами всеми царила». *J. E. Kuntze. Prolegomena zur Geschichte Roms*. Leipsic, 1883. P. 23.

ставление Лаббок и авторы, за которыми он следовал, Макленнан и Морган, решительно отвергают. Эти теоретики провозглашают, что среди первых людей повсеместно была принята поздняя система «сложного брака» — «общинного», как его называет Лаббок. Уместность понятия «брак» очень далека от ясности. Первые общины были простыми стадами, в которых все женщины были «женами» всех мужчин. По мнению Макленнана, «следующей стадией была та форма многомужества, в которой братья имели общих жен; позже пришла форма левирата, то есть система, по которой в случае смерти старшего брата следующий по возрасту брат женился на вдове и так далее, последовательно, применительно к остальным. Он полагал, что отсюда одни племена перешли к эндогамии, а другие — к экзогамии, то есть одни запретили брак за пределами, а другие — внутри племени. Если одна из этих двух систем была старше другой, он считал, что более древней должна была быть экзогамия. Экзогамия была основана на детоубийстве и вела к практике брака захватом.

Лаббок, напротив, полагает, что общинный брак, который он принимает в качестве первобытной формы, «был постепенно заменен индивидуальным браком, основанным на захвате», и что это вело сначала к экзогамии, а затем к убийству детей женского пола, таким образом, полностью изменяя последовательность Макленнана на противоположную. «Эндогамию и регулируемое многомужество, — говорит он, — я расцениваю как формы исключительные, не ведущие к нормальному продвижению в развитии»¹. Иной является теория Бахофена, выдвинутая в его работе под названием «Матриархат». Предполагая смешение полов как исконное состояние, он считает, что при этой

¹ Origin of Civilization. P. 94, 95. Ср.: D. McLennan. The Patriarchal Theory. London, 1884. P. 355.

системе женщины, вместо того чтобы становиться все более и более распущенными и развращенными такой практикой, как мы могли бы предположить, напротив, с течением времени стали так чисты, что после периода, когда они были потрясены и возмущены скотским состоянием вещей, восстали против него и установили систему брака с превосходством женщины, где муж был подчинен жене, собственность и потомство должны были наследоваться по женской линии, и женщины пользовались основной частью политической власти.

Однако постепенно более духовные идеи, связанные с отцовством, возобладали над более материальными, связанными с материнством. Отец стал рассматриваться как подлинный создатель жизни потомства, а мать — как простая кормилица; собственность и потомство передавались по мужской линии, поклонение солнцу заменило собой поклонение луне, мужчины забрали политическую власть — словом, как ранее за первобытным «гетерством» пришла система «материнского права», так она теперь уступила место современному состоянию общества.

Поскольку главные эволюционистские авторитеты так широко не соглашались с этим положением, то, конечно, следует пойти дальше. Сделав так, мы находим множество по крайней мере одинаково уважаемых ученых и рассудительных представителей эволюционистской школы, которые, если не отвергают открыто, то явно подвергают сомнению догму о всеобщем смещении полов как первобытном состоянии общества. Так, Герберт Спенсер на страницах своих «Принципов социологии» спорит с Макленнаном, требуя, чтобы единобрачие считалось восходящим к первоистокам. Однако тогда существовали неопределенные общественные и половые отношения; он подтверждает, что промискуитет «был прекращен учреждением личностных связей, вызванных мужскими

симпатиями и оберегавшихся от других мужчин силой» (с. 665). Еще он говорит: «Побуждения, которые толкают первобытных людей к единоличному захвату других ценных предметов, должны толкать их к захвату женщин» (с. 664). И еще: «Единобрачие уходит в прошлое настолько же, насколько и любое другое брачное отношение» (с. 698). Дарвин придерживается по существу того же мнения, решительно высказывая недоверие предполагаемой половой беспорядочности самых ранних общин¹.

Подобным способом другой из самых последних английских авторов, писавших об этом предмете, Джеймс А. Фаррер в своей книге «Первобытные привычки и обычаи» (*J. A. Farrer. Primitive Manners and Customs. London, 1879*) решительно отвергает представление о том, что жестокий и насильственный захват невесты был когда-либо повсеместным, и отрицает, что обычай, настойчиво приводимый Макленнаном и другими для доказательства его преобладания, должен рассматриваться лишь как пережиток такой традиции. Об абсолютно первой форме брака он мнения не высказывает, но с его общим представлением лучше всего согласуется теория первобытного единобрачия, чем какая-либо другая. То же самое можно сказать и о Каспари, который, хотя явно не отдает первенства единобрачию, все же приписывает сыновнему благочестию роль в первоначальном зарождении религии, которая, кажется, требует такого постулата². Так, предположение Джона Фиска, что на переход от антропоидных животных к настоящим человеческим существам, вероятно, повлияло продление младенчества и родительские обязанности и заботы о более медленно развивающемся очень сложном организме и вызванная этим семейная жизнь, больше

¹ Descent of Man. Vol. II. P. 362—367.

² См. vol. I, с. 322, 358, 367.

соответствует доктрине первобытности единобрачия, чем какой-либо другой. Поэтому не удивительно, если такого рода соображения, которые мы снова встречаем в теории Нуаре о происхождении языка, должны постепенно вести к такой реконструкции дарвиновской социологии, которая будет утверждать единобрачие как одну и единственную форму половых отношений, благодаря которой человек только и смог подняться от более низких и предшествующих животных предков.

Спенсер называет предположение Фиска важным и объясняет его в примечании, добавленном к существенному заявлению о биологической и общественной ценности единобрачия (с. 630). В другом месте после заявления, что «неупорядоченные отношения между полами находятся в противоречии с благосостоянием общества и молодых, и взрослых», и после приписывания постепенного вымирания андаманцев в результате неупорядоченности половых отношений у них¹, он говорит: «Мы можем заключить, что потомство таких союзов (хотя они и были явлением исключительным, но устойчивым), выросло и было стойким» (с. 669). Позже он говорит такие слова: «Как и в обычных условиях, воспитание более многочисленного и более сильного потомства должно быть предпочтительнее за счет более упорядоченных половых отношений для тех обществ, которым больше свойственна неупорядоченность; в среднем там должна существовать более сильная тенденция к ее исчезновению, чем у тех, которым она свойственна менее» (с. 671). Но сам Спенсер должен был допустить, что в самое раннее время челове-

¹ В недавней статье о жителях Андаманских островов (The Journal of the Anthropological Institute. Vol. XII, I. 69, and II. 13) Е. Х. Мэн отрицает предполагаемую половую неупорядоченность и показывает бесполезность многих свидетельств, на которых основываются популярные этнографы.

чество в целом все же увеличивалось и распространялось от поколения к поколению, так что на основании его же собственного высказывания мы, по крайней мере, должны заключить, что моногамные общества и союзы были более многочисленными, чем промискуитетные. Поэтому г-н Ланг, наш самый последний защитник теории Макленнана, может допустить возможность того, что «человек первоначально жил в патриархальной или моногамной семье», и стремится удовлетворить своих товарищей-социологов гарантией того, что «если происходил отход от первобытной семьи и если этот отход был повсеместным, воздействуя даже на арийский народ, сторонники г-на Макленнана будут достаточно удовлетворены»¹.

В-пятых, Библия изображает древнейших людей способными поддержать представление о высшем Божественном Существо, Создателе небес и земли, Творце и полноправном Хозяине людей. Она изображает их способными к пониманию нравственной обязанности повиноваться или не повиноваться. Она позволяет нам понять, что фактически тогда, как и теперь, лишь немногие были преданы своему учению и осознанию своего долга, в то время как большая часть жила в сознательном нарушении призывов своей совести. Как естественное следствие, безнравственность нарастала: это лишало нравственности и ожесточало тех, кто предавался этому. Затем примеру безнравственных и ожесточенных родителей следовали дети, еще хуже воспитанные и еще менее одаренные, чем они сами, и так шла общая потеря нравственности, несмотря на отдельных людей и отдельные семьи, которые были более преданы совести. Песнь Ламеха (Быт. 4:23, 24) является песней настоящего дикаря, хотя и одного из тех, кто знал закон права и обязанности. Едва ли возможно ее читать, чтобы сначала не вообразить ее спетой в своего рода домашнем военном танце в хижине

¹ Custom and Myth. London, 1884. P. 246—248.

автора-многоженца. Он славен своими убийствами и, очевидно, принадлежит к тем, что с дикой жадной и зверством «захватывал себе в жены всех, кого выбирал». Он был представителем своего каинского рода. Масса этих людей и тех, кто переженился с ними, не обращали внимания на Отца и Хозяина всех существ, постепенно теряли представление о нем и, наконец, заменили его созданиями собственного человеческого беспорядочного ума и сердца, пока чистая первобытная религия справедливых патриархов не стала ложным поклонением, столь же бессмысленным и безнравственным, как масса тех, кто отдавался ее отвратительной и жестокой практике. Это неправильное и безнравственное развитие привело некоторые популяции к полностью противоестественным и саморазрушительным последствиям, типа религиозной проституции, зоофилии, человеческих жертвоприношений, людоедства и т. д.

С другой стороны, тогда, как и сейчас, преданность правде и совершенству вела их обладателя к большему знанию и более высокому духовному опыту. Тогда, как и всегда, человека сдерживал принцип: «Ему должно быть отдано то, что имеешь». Следовательно, рядом, внутри и над историческим путем развития большей части человечества от одного зла к другому шло и другое развитие меньшей, но более жизненной его части, по пути от одного добра к другому. Если царство Дьявола постоянно увеличивалось, то это же происходило и с царством Бога. Но в то время как одно было направлено на духовное и физическое вырождение и гибель, другое было направлено к жизни и окончательному господству духа. Оба этих особых пути развития включались как часть во всеобщее развитие людского рода в условиях, предусмотренных природой; одним из этих основополагающих условий была имманентность Божественного. Такова картина, представленная нам всеми монотеистическими религиями мира, и она же по существу подтверждена большинством древних традиций рода человеческого.

Теперь во всем этом нет ничего противоречащего любым известным фактам или принципам науки. Некоторые авторитеты, которых цитирует Лаббок, доказывают не только то, что нецивилизованные племена способны к выработке религиозной картины мира, но и то, что немалое их число, когда они были впервые открыты, на самом деле обладали высокими и чистыми представлениями о Высшем Духе и об отношении человека к нему. Так, он цитирует Ливингстона, говорящего, что «неиспорченные африканцы полагают, что Высший Дух живет над звездами». Пытаясь доказать отсутствие молитвы у некоторых дикарей, он верит свидетелям, которые показывают, что эскимосы, североамериканские индейцы и жители Карибов верили в существование Высшего Духа, Хозяина жизни. Он даже приводит следующее возражение против молитвы, заявленное Томочичи, вождем индейского племени, генералу Оглеторпу, а именно: «Просящий любого особого благословения выглядел для него подобно тому, кто указывает Богу; а если так, то это большое зло. Со своей стороны, он думал, что все, что случалось в мире, было таким, каким должно было быть; что Бог сам делал бы для каждого то, что совпадало бы с благом для целого, и что мы обязаны ему быть довольными всем, что бы ни случалось вообще, и благодарными за все хорошее, которое случалось в частности». Какой цивилизованный верующий, какой самый чистый монотеист когда-либо понимал или выражал эту богословскую проблему более ясно, чем делал это индейский вождь? Лаббок цитирует другого автора, говорящего, что карибцы считали Великого Духа наделенным такой великой добротой, что он не мстит даже своим врагам¹.

Так что Тайлор допускает у большинства варваров не только способность представить себе Творца, но и их действительную веру в него. Он говорит: «На-

¹ Origin of Civilization. P. 374, 375.

роды Северной и Южной Америки, Африки и Полинезии, признавая множество божеств, обычно и обоснованно считаются политеистами, хотя признание ими Высшего Творца дает право в то же самое время называть их монотеистами», если вера в Высшее Божество, считающееся Творцом мира и руководителем духовной иерархии, является достаточным основанием монотеизма. «Намного выше представления о душах, божественных манах, местных духах природы, больших божествах разных классов и разделов в богословии дикарей различаются отголоски, странные или величественные представления о высшем божестве»¹.

Он иллюстрирует распространенность этого представления фактами, связанными с варварскими народами почти в каждой части земного шара. О замечательной четкости этой мысли и веры среди новозеландцев, гавайцев, тонга, самоанцев и других представителей народа Полинезии он говорит: «Изучающие науку о религии, считающие многобожие почти ложным развитием основной идеи божественного единства, которая, несмотря на искажение, продолжает наполнять его собой, могли бы с успехом выбирать это божество тихоокеанского острова как самую подходящую иллюстрацию из дикого мира»².

Он цитирует Моренхаута, говорящего: «Таароа является их высшим или даже единственным богом; а все другие, как и в других известных системах многобожия, представляются не более чем чувственными фигурами и образами бесконечных признаков, объединенных в его божественной личности».

Он добавляет следующее возвышенное туземное описание этого Высшего Бога: «Он был; его имя было

Primitive Culture. Vol. II. P. 332.

² Сп.: Quatrefages. P. 486—495.

Таароа; он живет в пустоте. Ни земли, ни неба, ни людей. Таароа зовет, но никто не отвечает; и, существуя в одиночестве, он стал вселенной» (с. 345).

Хотя он откровенный противник теории о том, что многобожие стало результатом морального и духовного вырождения, его собственные факты настолько сильны, что для объяснения некоторых из них он вынужден обратиться к этой теории. Говоря о «представлениях о высшем божестве в диком и варварском мире», он заявляет: «Теория вырождения может опираться на такие верования, как испорченные и извращенные остатки более высоких религий, в некоторых случаях это несомненно и справедливо».

То, что религия, первоначально хорошая и чистая, может выродиться и стать испорченной, допускает даже Лаббок. В завершение его наброска «самых низких интеллектуальных ступеней, которые прошла религия», он использует следующие значительные слова: «Возможно, я остановился раньше, чем должен был бы сделать в ином случае, потому что почитание таких олицетворенных принципов, как страх, любовь, надежда и т. д., нельзя было рассматривать отдельно от фаллоса, или лингама, с которым оно было так тесно связано в Греции, Индии, Мексике и в других местах и которое, хотя вначале являлось скромным и чистым — как и все религии при своем появлении, — вело к таким отвратительным приемам, что это стало одной из наиболее болезненных глав в человеческой истории».

Читая это, изучающий историю просто спросит: если люди могли настолько испортить первоначально скромное и чистое поклонение Афродите, почему бы им не сделать то же самое с также первоначально чистым поклонением Элю?

В-шестых, открытие арктического Эдема решает все дальнейшие трудности в иудаистском представлении о религиозном развитии человечества.

Это представление о колыбели человечества уступает всем требованиям приверженца доисторической археологии относительно непритязательных начал каждой исторической цивилизации, изложенных в слепопотопных памятниках человечества. Оно приветствует каждое открытие, которое когда-либо принесло окаменелую кость, отбитый гребень, озерные жилища и могильную насыпь, находя в этом драгоценную иллюстрацию тех «времен невежества», через которые наш изгнанный род проложил себе путь (Деяния святых апостолов, 27: 30; Послание к Римлянам, 1: 18—32). Оно одинаково готово к каждому заключению научного антрополога. Своей собственной доктриной мощи окружающей среды и собственной картиной жизни млекопитающих в третичное и четвертичное время оно вынуждает его допустить, что если рай книги Бытие был на полюсе, то в высшей степени вероятно библейская картина допотопного человека с его необычной энергией, ростом и долгожительством, с его необычным вызовом мощи Бога и с его необычной настойчивостью в отпущении грехов своих эгоцентричных страстей, appetitов и амбиций. И ни в чем не может быть недостатка для его великолепного подтверждения — специалист сравнительной мифологии обнаруживает, что в этом новом рае ему дают главный ключ к его собственной науке и что в ее свете должна теперь быть заново и разумно истолкована каждая великая система древней мифологии и мифологической географии. Снова становятся историей старые-престарые рассказы о золотом веке, о Садах Гесперид, о Дереве с золотыми плодами, о гипербореях у Макробия, о восстании титанов, уничтожении человечества потопом. Их подлинность как исторических событий засвидетельствована новыми и непоколебимыми доказательствами, свидетелями столь же неподкупными, как ось Земли и полюс неба. Исследователь истории и философии

религии больше не может исключать древние мифы человечества как бессмысленные или стремиться истолковать их как результаты неизбежной «болезни языка». Они больше не могут быть подсунуты нам как капризные изменения того мифа о рассвете, солнце или буре, которые говорят нам, что воображение «примитивных» людей всегда было запутанным. Они просто являются стертыми главами из пренебрегаемой, поносимой и почти потерянной Книги язычников (неевреев), подтверждающими и утверждающими наши собственные открывающиеся главы.

Подводя итоги, мы видим:

1. Что, отвергая историческое представление о первобытной религиозной вере человечества, Юм занимает позицию, которую ни один из его преемников вообще не считает здоровой.

2. Чем дальше эти преемники поднимали восстание против истории, тем больше они входили в противоречие друг с другом.

3. Чем более последовательно и радикально осуществлялась догма о первобытной дикости, тем неизбежнее она «приземляла» своих защитников к представлению о первобытной животной грубости.

4. В своем рвении уничтожить возможность или вероятность первобытного единобожия эти наиболее последовательные и радикальные теоретики неосторожно дошли до того, что сделали невозможной самими ими отстаиваемую эволюционную биологию или социологию.

5. Вследствие этого более проникательные представители дарвинизма сейчас заново ловко подходят к долго пренебрегавшейся ими исторической концепции, представляя первых людей превосходящими современного дикаря в интеллектуальных способностях,

называя их силы высокими, считая их суждения о природных предметах по существу верными, допуская у них знание истинной и нормальной формы семьи, уступая им настоящую человеческую оценку высоких нравственных качеств и обязанностей, позволяя им иметь способность представлять всемогущего Высшего Духа, Творца и полноправного Правителя мира. И, признавая, что почти во всех религиях прослеживаются ясные следы искажения этого, представления эти делают свое дело. С этими данными Откровение Адама становится настолько же возможным и столь же вероятным, как и Откровения Авраама, Моисея или Христа.

6. Установление религии — это не плод многовекового движения вперед в цивилизации и в умениях. Нагой Адам из сада был не более лишен права на знания своего Отца, чем тот второй нагой Адам, к чьему появлению Мария приготовила пеленки. Если первый кажется слишком неразвитым, чтобы быть инструментом божественного откровения, то последний, высший из всех этих инструментов, абсолютный Создатель Откровения, начинался весьма низко. Если кочевники-арабы сегодня могут видеть в шторме и звездах возвышенные проявления одной всемогущей личностной силы, то почему не мог бы этого ощущать также и кочевник Авель? Если сегодня миссионер может заставить самого грубого фиджийца узнавать Бога и испытывать ощущение божественного прощения и покровительства, почему не могли самые ранние проповедники божественной справедливости произвести подобное влияние на искренние души до открытия искусства обработки металлов? Давайте единожды представим антропологические и социологические постулаты, требуемые даже Гербертом Спенсером, и древнее историческое представление о первобытном единобожии становится и возможным, и в высшей степени приемлемым. Как

спасение от противоречащих и взаимно уничтожающих теорий натуралистической школы в ее различных отраслях, оно представляет, на простых умозрительных основаниях, положительную привлекательность. Однако полные выкладки ее свидетельств попросту совпадают со свидетельствами о действительности исторического Откровения в целом. Каждая вещь, которая намеревается показать, что Бог ясно во всем открыл себя людям, более или менее непосредственно имеет отношение к достоверности Откровения «вначале».

7. Наконец, арктический Эдем делает полным примирение библейского и светского исследования в их отношениях к проблеме первобытной религии людей. Как мы видели, и наука, и богословие теперь находят в этом первобытном очаге образования на полюсе один плодоносный центр, откуда произошли все растительные и животные формы и формы человеческой жизни всей земли. В «окружении» таких, какие существовали там, творчески мощных, переполняющих мир сил природы любая высшая точка проявлений жизни (приближение к «золотой расе» людей, появление царственно высоких мудрецов-риши, сверхразумных, измеряющих свою жизнь столетиями, подобно богам-дэвам) была бы неизбежна. То, что любящий Творец — творящий, потому что любящий, должен быть включить себя в необходимое личное общение с этими высшими из его творений, нравственными существами, вылепленными по его собственному образу и подобию, детьми его любви, для верующего, даже для верующего-язычника является единственно достоверным представлением. То, что такая сильная раса должна была быть открыта для искушения в проявлении невинного стремления ко все более высокому совершенствованию, что они должны были стремиться «стать как боги», что они должны были жаждать получения опыта личного знания зла так же, как и добра, — это гипотезы, которые никакой серъ-

езный антрополог не назовет невероятными. То, что действительный отказ такого «ордена» нравственных деятелей от истинного закона имел место в его последующем историческом развитии под влиянием углубляющихся внешних воздействий, есть настолько же необходимое проявление закона строения природы, насколько он выражает инстинктивный вывод из предвзятого образа совершенного Морального Правителя. При таком понимании допотопных людей нужно объявить историю допотопной религии, как повествуется о ней в самых старых воспоминаниях и в наиболее священных писаниях человечества, самодостаточной летописью.

ГЛАВА 4

СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ФИЛОСОФИЕЙ ИСТОРИИ И ТЕОРИЕЙ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ценным вкладом в изучение цивилизации было бы предпринятие действий по исследованию Заката и Падения на более широком и более точном основании свидетельств, чем было принято ранее.

Э. Б. Тайлор

Золото было, конечно, первым из известных металлов... Три поэтических века — золотой век, серебряный век и железный век — это реальность, а не вымысел¹.

А. де Роша

Помимо своей философии религии, апостолы всеобщей первобытной дикости также имеют свою философию человеческой истории и общественного прогресса. Прежде всего они хотели бы заставить нас поверить², что человек существовал на земле сотни ты-

¹ Revue Scientifique. Paris, September 22, 1883.

² С впечатляющим стремлением к точности профессор Мортие говорит: «По крайней мере от 230 000 до 240 000 лет». *Mortillet. Le Préhistorique*. P. 627. Геккель говорит: «В любом случае больше чем 20 000 лет», «вероятно, больше чем 100 000 лет», «возможно, много сотен тысяч лет». *Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte*. P. 595. Джон Фиск, основываясь на мнении Кролла, думает, что «человеческой род покрыл и Восточное, и Западное полушария за тысячи веков» и что период, в течение которого человек обладал достаточными умственными способностями, чтобы оставить традиционные

сяч лет и что по крайней мере в течение первых ста тысяч лет (может быть, в два или три раза больше) он жил подобно дикому животному в чащах, логовах и пещерах¹. Его единственным занятием была борьба за существование. «Сама пещера, в которой несчастная молодежь укрывалась от бури, непрерывно подвергалась вторжению пещерной гиены и пещерного медведя, более свирепого и могучего, чем современный тип. Все многочисленные враги первобытного человека были обеспечены наступательным и оборонительным вооружением — бивнями и клыками, когтями, клювами, копьями, вымоченными в беспроягрышных смертоноснейших ядах. Каждому врагу они могли противопоставить почти непроницаемую шкуру, броню из роговой чешуи, твердый панцирь. Из-за очень странной

записи о себе, является «лишь бесконечно малой долей» этого времени. В одном отрывке он останавливается на периоде в «восемьсот тысяч лет», и одно время Лайель и другие одобряли ту же самую продолжительность. *J. Fiske. Cosmic Philosophy*, II. 320, 295. Ср.: *Southall. The Recent Origin of Man*. Phila., 1875, and *The Epoch of the Mammoth and the Apparition of Man upon the Earth*. Phila., 1878.

«В неясном тумане прошлых веков наши предки жили жизнью диких животных в лесах и пещерах». *Elisée Reclus. Ocean, Atmosphere, and Life*. Vol. II. P. 190. «Мы должны закрепить за ним положения дикаря, но дикаря, настолько отстоящего от охотника за буйволами, насколько последний отстоит от развитого представителя кавказской расы». *Rau. Early Man in Europe*. N.Y., 1876. P. 162. «При таком представлении, как у современного натуралиста, сама дикая жизнь — это далеко продвинувшееся состояние». *Tylor. Primitive Culture*. Vol. I. P. 37. «Все наши исследования в Европе состояния умений в раннем каменном веке ясно ведут к мнению, что в период, на много тысяч лет предшествующий историческому; человек находился в состоянии великого варварства и невежества; превосходящего варварство и невежество наиболее диких племен нашего времени». *Lyell. Principles of Geology*. Vol. II. P. 485. The Duke of Argyll's chapter «On the Degradation of Man» in his *Unity of Nature*. London, 1884. P. 374—447.

аномалии он был лишен всего. Он был голым и беззащитным малышом в индийских джунглях жестоких и ядовитых плотоядных животных Земли. У него не было оружия и даже орудий, чтобы сделать его. Даже если бы у него и были хорошие орудия, он недостаточно знал для того, чтобы сделать себе самую грубую дубину из ветки дерева. Он еще не «научился смотреть вверх», где росли ветви деревьев. «Привычка, так же, как и природа, удерживала его взгляд вниз, на земле». Как мы видели в предшествующей главе, он предполагал, что «ветви деревьев тянулись прямо до неба, скрываясь в бесконечно далеких эфирных областях». Действительно, согласно мнению некоторых сторонников такого мнения, этот драгоценный первобытный человек не мог распознать дерево, когда видел его. Он вовсе не был уверен, что отходящие корни и ветви не были ногами и руками собрата-человека, который, может быть, рос таким необычным способом. Так говорит «всеми понимаемый научный лектор» Германии доктор Вильгельм Маннхардт. Давайте обратим внимание на его строгое утверждение: «Хотя это и невообразимо для нас нынешних, однако действительно были времена, когда люди не были способны делать какое-либо мыслимое различие между растением и человеком»¹.

¹ «Все живые существа, от человека до растения, имеют общие друг с другом рождение, существование и смерть, и эта общность участи могла возникнуть в далеком детстве наших предшественников и могла так сильно повлиять на еще неопытное восприятие наших далеких предков, что они не видели различий, которые отделяют друг от друга ступени творения. И хотя для нас, современных, это может звучать крайне неопределенно, на самом деле было такое время, когда не знали никакого осознаваемого различия между растением и человеком». *Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge*, herausgegeben von Rudolf Virchow und Franz von Holtzendorff. № 239. Berlin, 1876.

Следует несколько опасаться, чтобы авторы этого вида не слишком спешили так решительно отвергать традиционную идею о необычайной долговечности допотопного времени. Потому что если самые ранние поколения человечества были и вправду такими «дурачками» образчиками, как здесь их представили, то возникают большие проблемы относительно возможности их защиты от самих себя, от кровожадных и могучих плотоядных животных, которыми они были окружены, а также относительно возможности достаточно раннего изучения ими того, как добывать пропитание из недружелюбной почвы, а это, в свою очередь, дает основания еще большему количеству фундаментальных проблем относительно возможности и вероятности первобытного воспроизводства. Не говоря ничего о том, откуда взялись самые первые из этих слабых и смотрящих вниз умов, очевидно, что, если когда-либо они имели наследников, чтобы поднять и понести вперед и вверх их тип жизни — жизни немыслимой, какой она может быть для нас, современных, — все же должна была (к счастью для нас) осенить некий человеческий ум (или то, что тогда занимало его место) мысль, что между Дафной (первой женщиной, кем бы она ни была на самом деле) и деревом было заметно некоторое различие.

И поскольку друзья щедры на промахи в допущении временных периодов, когда любой геологический или зоологический результат достигается сейчас без обращения к Высшей Силе, спокойному наблюдателю кажется очень жалкой и нелогичной процедура требовать от этих зачаточных представителей начинающегося человечества умения создавать или тем более развивать высокое искусство и науку умственного восприятия — и все это должно было бы уложиться в считанные мимолетные годы современной человеческой жизни. С периодом «от двухсот тридцати тысяч

до двухсот сорока тысяч лет» в своем распоряжении или даже «во много сотен тысяч лет» мы действительно надеемся, что доктор Маннхардт увидит способ пересмотреть это положение и станет обращаться с простейшими одноклеточными организмами человеческого мира в более либеральном и действительно эволюционистском духе¹.

Поборники того, что де Местр называет банальной гипотезой о первобытной дикости, сделали, к счастью, наихудшее, что могли, развалив собственную партию на неопределенно большое число взаимно противоборствующих фракций. Так, Спенсер ополчается против Макленнана, Каспари возражает против Маннхардта, Фогт пытается превзойти Дарвина, и т. д. Современная вавилонская башня хуже древней. Обзор положения дел с полным цитированием часто противоречащих высказываний представительных лидеров

¹ Имеются некоторые свидетельства скептичности геологов в отношении хронологии, на которую полагается главенствующая школа палеоантропологов. Например: «Существующая скорость ретроцессии Ниагары, отложения ила в Ниле, сталагмита в пещерах, выращивания самих гор и движения ледников была напрасно использована в качестве природных часов при допущении, что они шли с одной и той же скоростью все прошедшее время, никогда не останавливаясь, не требуя завода, они никогда не шли быстрее или медленнее, чем в то время, когда наблюдатель смотрел на них. Такие попытки столь очевидно бесполезны, что нет ничего странного, когда обнаруживается, что их серьезно делали люди, подобные Уоллису и Морттью». *W. Boyd Dawkins. Early Man in America // North American Review, Oct., 1883. P. 338.* См. также: «The Niagara Gorge as a Chronometer», by *G. Frederick Wright*, in the *Bibliotheca Sacra*, and in the *Am. Journal of Science for 1884*. Более значительна тревожно революционная «Вступительная речь», обращенная прошлым летом в Монреале к Геологическому отделению Британской ассоциации У. Е. Бланфордом: *W. T. Blanford, F. R. S., President, the Geological Section of the British Association. «Opening Address», Montreal, printed in: Nature, Sept. 4, 1884. P. 440 ff.*

был бы наиболее ко времени, но решение задачи должно быть отдано в более компетентные руки. Здесь же, предвосхищая все исследования такого рода, мы просто предлагаем читателю несколько очевидно важных замечаний.

1. В свете вышеизложенного нет никакой видимой причины для заключения, что первые люди должны были быть более слабоумными, чем те совершенные головоногие моллюски (*Nautilida*), которые несколькими эпохами ранее с поразительным мастерством плавали по древним морям силурийского периода¹.

2. Данные человеческие существа были нормально одарены вначале, и мы всюду видим опыт, показывающий, как вся дикость прошлой и настоящей истории могла легко и естественно произойти просто из пренебрежения природным и моральным законом.

3. Люди не были одарены вначале ничем, кроме животных сил, и мы до сих пор не находим во всем размахе опыта первой зари истории ничего сравнимого с предполагаемой биологической ловкостью природы, с помощью которой эти животные силы были

¹ Уже после того, как эти страницы были отданы в руки печатника, в научных журналах появилось сообщение: «Открытие доктора Линдстрема в силурийских отложениях Готланда достойно особого внимания. В слоях, которые, по сообщениям, эквивалентны нашей ниагарской группе, он обнаружил отлично сохранившегося скорпиона. Доктор Торел, один из ведущих в мире исследователей паукообразных (*Arachnida*), и доктор Линдстрем готовят о нем статью и дали ему название *Paleophoneus nunciatus*. Никаких скорпионов, а тем более *Arachnida* прежде не находили ископаемыми в слоях ниже каменноугольных, в которых в нашей стране и в Европе было найдено приблизительно двадцать пять видов; и все же этот силурийский образец более совершенен, чем любой образец окаменелого скорпиона из любого слоя».

однажды, и только однажды, превращены в человеческие¹.

4. Если палеонтология представляет нам некоторые типы жизни, которые указывают в своих последовательностях на продвижение вперед, не следует забывать, что та же самая наука представляет нам другие типы, чьи последовательные изменения с равной четкостью показывают прогрессивное вырождение и окончательное исчезновение. Движение может быть вперед, но оно может быть и назад. «Некоторые из отрядов класса рептилий, — говорит сэр Чарлз Лайель, — преобладавших, когда были сформированы горы вторичного периода, явно намного выше в своей организации любых других ныне живущих из того же самого класса. Если менее совершенные *Ophidia*, или змеи, которые теперь изобилуют на земле, в те давние дни

¹ «То, что человек, наравне с монадой, ведет свое происхождение от протоплазматического зародыша, в котором содержатся все возможности его последующего развития, не является образцом научного романа, но лишь очевидной истиной... Хотя все формы протоплазмы похожи внешне и по составу, наука может объявить, и действительно объявляет, что они не совпадают в своих возможностях. Другими словами, не все они обладают похожими силами, чтобы стать похожими организмами. Крупинка, какой является амеба, не имеет силы развить из своего вещества более высокую форму жизни. Протоплазматическая спора морской водоросли так и является морской водорослью, несмотря на подобие зародышам других или более высоких форм растений. Зародыш губки также остается обладающим силами, которые могут преобразовывать его только в губку. А о различиях между такими протоплазматическими крупинками и зародышем, предназначенным развить человеческую структуру, можно только сказать, что они огромны и по своей природе равнозначны широким структурным и функциональным различиям, которые мы проводим между губкой и человеком. О таких различиях в неотъемлемых свойствах протоплазмы при различных условиях мы пока еще находимся в полном неведении». *Andrew Wilson. Chapters on Evolution. London, 1883. P. 74, 75.*

стали впереди других среди рептилий земли, а динозавры были современниками человека, можно не сомневаться, что прогрессист ухватится за этот факт с искренним удовлетворением как за аргумент, подтверждающий его представления.

Теперь, когда последовательность полностью обратна, и оказывается, что эпоха игуанодонтов (отряд птицетазовых динозавров) намного предшествовала древним змеям эпохи эоцена и ныне живущему боа (удаву), тогда как в наше время высшим представителем этого класса является крокодил, в этом важном подклассе позвоночных должно быть признано возвратное движение»¹. С этим согласуется решительное высказывание Эндрю Уилсона: «Изучение фактов развития животных хорошо рассчитано и показывает, что жизнь — не только прогресс, но включает как прогресс, так и регресс. Можно с готовностью доказать, что физиологическая история во многих случаях имеет тенденцию к скатыванию назад вместо движения вперед и вверх к более высоким уровням. Можно показать, что эта тенденция, которую сейчас в биологии начинают осознавать лучше, чем в прошлые годы, оказала самое значительное влияние на судьбу животных и растений»². Ввиду этих фактов регресса авторы самого последнего времени, писавшие об истории жизни на нашей планете, даже при открыто выраженном принятии истинности философии Дарвина, тем не менее,

¹ The Antiquity of Man. Philadelphia ed. P. 402.

² Andrew Wilson. Chapters on Evolution. P. 343. См. с. 342—365. Продвижение вперед в палеонтологических исследованиях постоянно выносит на свет новые примеры. *Revue Scientifique*. Paris, 1884. P. 282. Даже в нашу позднюю эпоху мира «высокоспециализированные формы жизни фактически по числу составляют меньшинство живых существ». E. D. Cope. On Archaesthetism // *American Naturalist*. Phila., 1882. Vol. XVI. P. 468. Ср. того же автора: «Catagenesis», in Vol. XVIII (1884). P. 970—984.

говоря о ней в целом, произносят: «Она не может быть всей правдой»¹.

5. Снова, в соответствии с тем же самым исследованием скальных пород, жизнь не требует с необходимостью продвижения вперед или отступления; она может из века в век находиться в том же состоянии, в каком впервые появилась. Профессор Николсон говорит: «Имеются различные группы, некоторые из них высоко организованы и их внешний вид сложился чрезвычайно давно, но почти все они остаются неизменными и, конечно, не движущимися вперед. Многие из этих «постоянных типов» известны, и они указывают, что при данных условиях, нам сейчас неизвестных, для жизненных форм имеется возможность существовать в течение почти неопределенного периода времени без каких-либо важных изменений структуры»².

6. Все аргументы в пользу предполагаемого саморазвития рода человеческого из предшествовавших видов животных ввиду вышеизложенных фактов являются аргументами, возникающими по невежеству или в силу мошенничества.

7. По мнению учителей современной агностической антропологии и атеистической истории, современный

¹ Что могло бы быть более поразительным и впечатляющим, чем следующее новое доказательство из этой области: «Растительность всего палеозойского периода... очень сильно отличается от растительности последующих времен. Однако ведущие семейства *Rhizocarpeae*, *Aequisetaceae*, *Lycopodiaceae*, *Filiceae* и *Coniferae*, утвердившиеся в палеозойские времена, все еще остаются, но изменения, которые произошли, состоят главным образом в деградации первых трех семейств и в появлении новых типов *Gymnosperm* и *Phaenogam*. Эти изменения, замедленные и едва заметные в пермский и раннемезозойский периоды, кажется, были очень ускорены в позднем мезозое». *Principal Dawson. On the More Ancient Land Floras of the Old and New Worlds.* (Статья прочитана перед Британской ассоциацией.) Montreal, Aug. 1884, *Nature*. P. 527.

² *Life-History of the Earth*. P. 371, 2.

человек есть высшее создание, венчающее славою космического процесса жизни, по крайней мере настолько, насколько это касается нашей планеты. И все же, по их собственным оговоркам, на протяжении всех неисчислимых эпох, в течение которых это существо вызревало и совершенствовалось, земля устойчиво тереpla дающую жизнь теплоту, ее когда-то восхитительный и почти ровный климат медленно уступал место жаре Сахары и холоду Арктики, ее когда-то обильная растительность уступила место худшим типам, и эта вырождающаяся растительность перестала подниматься до высоты предшествовавших форм¹. Это говорит о том, что одно и то же многовековое ухудшение окружающей среды лишило жизни и привело в упадок все формы жизни, кроме одной, а именно беспомощной и одинокой, оно подняло эту одну до физического, интеллектуального и духовного господства над миром.

8. В той мере, в какой обсуждения и заключения этого сочинения доказали и проиллюстрировали надежность наиболее древних традиций в отношении расположения первого местопребывания человечества, точно в той же степени они подтвердили подлинность тех же самых традиций как заслуживающих доверия источни-

¹ «Плиоценовый период — это время заката европейской растительности, время, когда климатические условия явно изменились, когда произрастание постепенно становится слабым и растение прекращает плодоносить. Развитие этого явления происходит медленно, но идет по наклонной плоскости, на которой никогда не останавливается. Те декоративные растения, те драгоценные деревья, благородные и изящные кусты, которые теперь тщательно выхаживаются искусственной культурой в европейских теплицах, до тех пор заселяли Европу, но покинули ее навсегда. Одно за другим уходят изгоняемые растения, задерживаясь тут и там на пути в изгнание. То, что нам пришлось бы описывать, — это массовое бегство, если мы могли бы проследовать шаг за шагом за поступью регресса и указывать вид за видом развитие этого отказа растений от нашей почвы и его результат». *G. de Saporta. Le Monde des Plantes avant l'Apparition de l'Homme. Noticed in: Am. Journal of Science, 1879. P. 270.*

ков информации о первобытном состоянии человека, его мыслительных способностях и его знании Божественного и верифицировали.

Наконец, для подлинно научного и философского взгляда глубоко значима изменяющаяся власть человека над природой, истощающаяся, когда своими недостатками он нисходит до животного, и увеличивающаяся, когда своими достоинствами он восходит до божественного. Даже малейшее изучение проявлений этой власти в истории обвиняет нас как расу в неверности истинному закону нашего существования. Мы не можем отказаться от чувства, что обязаны быть властителями природы. Наше действительное отношение к космическим силам никогда не было идеальным и истинным отношением. Не ограниченный буквалист в истолковании Библии, а Ралф Уолдо Эмерсон был тем, кто написал пером следующее выражение этого чувства: «Поскольку мы вырождаемся, между нами и нашим домом все более очевидна разница. Мы настолько же чужестранцы в природе, насколько чужды Богу. Мы не понимаем знаков птиц. Лиса и олень убегают от нас; медведь и тигр разрывают нас... Человек — это бог, лежащий в развалинах. Когда люди будут невинны, жизнь будет длиннее и перейдет в бессмертие так же плавно, как мы просыпаемся от сна. Человек — карлик. Когда-то он был пронизан Духом насквозь и растворялся в нем. В настоящее время он взывает к природе, но уже в полсилы... Тем временем в крошечной темноте нет требующегося проблеска лучшего света, — случайны примеры действия человека по отношению к природе в его полную силу. Такие примеры — это традиции чудес в древности всех наций, история Иисуса Христа, воплощение принципа в политических революциях, чудеса энтузиазма, мудрость детей... Проблема возвращения миру первоначальной и вечной красоты разрешима спасением души».

Приведенное выше высказывание так же истинно и глубоко, как оно красиво и поэтично. И здесь, в этом

древнем и библейском представлении отношения человека к природе дается ясное решение всего противоречия между защитниками всеобщего расового и технологического упадка, с одной стороны, и всеобщего расового и технологического прогресса — с другой. Обе стороны правы, и обе не правы. Одна показывает и подчеркивает одни жизненно важные группы фактов, другая — другую группу столь же важных фактов. Христианская мысль истолковывает и согласовывает их обе. На протяжении всей человеческой истории она показывает нам расовый, социальный и технологический упадок везде, где люди отвергали или забывали Бога. Она же показывает нам, с другой стороны, расовое, социальное и технологическое продвижение вперед везде, где люди признавали и с любовью служили Божественному Единому, в ком мы живем, и движемся, и существуем. Далее, здесь заключен закон подлинно человеческого продвижения вперед. Как высказался Эмерсон в своем вполне христианском духе, восстановление потерянной гармонии между человеком и его Домом должно начаться со Спасения его Души.

Что касается первобытного состояния нашей расы, то действительно научный ум будет желать основывать свое представление не на висящих в воздухе умозрительных предположениях чистых теоретиков, а на непоколебимом основании факта, засвидетельствованного и подтвержденного самым широким, самым древним и наиболее бесспорным из всех совпадений божественных и человеческих доказательств. Согласно этому, как с самого начала свет был светом, вода водой, а Дух Духом, так же в самом своем начале Человек был Человеком. Оно говорит, что первые люди не могли быть людьми без человеческого сознания и что они не могли иметь человеческого сознания без разумности и свободы. Оно говорит, что они не могли обладать сознательной разумностью и свободой без восприятия нравственных качеств и личного ощущения нравственного опыта.

Оно смело утверждает, что, согласно принципу простой аналогии, представление о том, что самым древним людям потребовалось сто тысяч лет, чтобы прийти к мысли об условиях нормальной мыслительной, нравственной и общественной жизни, столь же неправдоподобно, как и представление, по которому только появившемуся млекопитающему потребуется сто тысяч лет, чтобы появилось молоко у матери. Оно привлекает внимание к тому факту, что все самые древние исторические народы всех континентов едины в доказательстве того, что первые люди обладали знанием о сверхчеловеческих личностях, добрых и злых. Оно останавливается на всеобщей традиции, по которой первобытная человеческая жизнь, будучи прогрессивной во всем, что улучшало бы ее накоплением человеческого опыта, все же с самого начала была жизнью определенно сверхживотных, почти богоподобных разумов, отважившихся в конечном счете на зло, но первоначально бывших способными к добру. Оно придерживается того же основания, согласно которому после столетий, а возможно, тысячелетий такой истории, когда великая природа, не обузданная добродетелью, перестала воспроизводиться, общественный организм был безнадежно испорчен и самому нравственному миропорядку был брошен вызов.

Как, по Платону, египетские священники сказали Солону, «божественная часть в человеческой природе исчезла»; чисто человеческая «завладела превосходством», и, избалованные самой своей выдающейся судьбой, «люди стали непристойными. Для того, кто умеет видеть, они оказались низменными и потеряли самые прекрасные из всех своих драгоценных даров. Они все еще казались великолепными и благословенными как раз тогда, когда он были наполнены несправедливой жадностью и насилием. Тогда Бог богов, который управляет при помощи закона и способен узреть такие вещи, видя, что благородный род находится в жалком состоянии, желая наложить на него

кару, чтобы он мог очиститься и исправиться», вновь объявил о божественном наказании, желая напомнить им о той более ранней и лучшей жизни, когда они «презирали все, кроме добродетели, не пьянели от роскоши», когда, «обладая истинными и великими душами, они использовали мягкость и мудрость в общении друг с другом», когда они «были послушны законам и по-доброму были привязаны к богам»¹.

Когда эти добрые усилия Божественного сострадания доказали свою бесплодность, целостность разумной цели и знания мира могли быть сохранены только наказанием и созданием новых моральных и физических условий для рода человеческого. Не могло быть достаточным ни одно изменение в нравственном управлении, поскольку все мудрые меры просто морального влияния и обучения были исчерпаны. Для новых нравственных методов, в которых в таком критическом стечении обстоятельств нуждалось человечество, было существенно необходимо создание новой физической окружающей среды и новых условий. Само по себе привнесение такой новой физической окружающей среды принесло бы в человеческое сознание, как индивидуальное, так и общественное, глубочайший и наиболее эффективный нравственный смысл. И физическое, и моральное изменение вылилось в то мировое потрясение, которое Платон назвал «Великим потопом всего». В нем погибло то, что Гесиод, Овидий и многие другие называли «золотой расой» людей — первым, самым лучшим, самым сильным, самым долгожительным из всего божественного, когда-либо носившего человеческую форму. Под водами были затоплены драгоценные накопления науки, изначальные произведения искусства, первоначальные книги — инкунабулы всей литературы. Так печальна была эта потеря самой дорогостоящей собственности человека, что то

¹ Критий, 120.

ли миф, то ли правдивая история заполнила древний семитский мир возвышенной историей, по которой Бог богов, производя справедливое осуждение безбожников, сам был столь сострадательным к преемникам и наследникам несчастных жертв, что приказал главному исполнителю Его воли сделать неразрушимой памятную надпись обо всем, что прародители нового Человечества должны были бы знать¹.

Новые физические условия, в которые было помещено человечество, стали условиями, принесенными как-таклизмом Потопа. Они включали: 1) изгнание с родины, поскольку великий ледниковый период заставил полностью отказаться от материнской области человеческой семьи; 2) рассеяние, ибо морозные и обезжизненные условия даже того региона, что сейчас является северной умеренной зоной, сделали напряженной и трудной борьбу за средства пропитания; 3) ухудшение физического сложения, соответствующего биологическим условиям новой и ухудшившейся окружающей среды; 4) как естественное следствие всего этого, сокращение обычной продолжительности жизни, существовавшей в прошлом. Будучи в то же время раздроблено до самой низкой социальной единицы по способу организации — до семьи, — и вынужденное из-за бедности природного продовольствия расселяться по мере увеличения своей численности, новое человечество «мира, который существует сейчас», было защищено от повторения тех наглых и бросающих вызов Богу форм греха, из-за которых возмездие космических размеров обрушилось на предпотопный мир².

Таково представление о первобытной человеческой истории, которое древние традиции самых древних народов противопоставляют этому недавно рожденно-

¹ *Josephus. Antiquities, I. 2, 3. Lenormant. Beginnings of History. P. 445.* Полярная «Sippara» и «земля Siriad» являются одним и тем же.

² Случаи, описанные в Бытии (11:1—9), возможно, произошли «в Передней стране» (v. 2). См. главу «Зенит Эдема».

му вымыслу о «первобытной дикости». Это представление всего христианского, всего иудаистского, всего мусульманского мира, мира древних греков и римлян, мира глубочайшей азиатской и египетской древности. Это неопровержимое самосвидетельство рода человеческого относительно фактов, о которых оно имеет знание живого и наиболее заинтересованного участвующего свидетеля¹.

Согласно результатам этого сочинения, первобытное место расположения первой мировой цивилизации находилось вне границ всех земель, известных истории. А если это так, то самоуверенный вызов г-на Тайлора настоящему времени полностью утратил силу. «Где, — восклицает он, — где сейчас находится тот участок Земли, который мог быть указан нам как первобытная прародина человека, который не показывает грубыми каменными орудиями, погребенными в земле, дикое состояние его бывших обитателей?»² «Пещерные люди» Европы столь же мало могут показать состояние человека до потопа, как пещера Робинзона Крузо могла бы охарактеризовать Вестминстерский собор. Послепотопная цивилизация (или варварство, каждый сам выбирает, как это назвать) может быть изучена по орудиям и изделиям каменного века, где бы мы ни нашли их, но никогда не следует забывать, что за всеми рассветами нового знания и новых искусств здесь проступали более полное знание и более

¹ «Люди древнего времени... наверняка должны были знать правду о собственных предках... Как мы можем сомневаться в словах... если они заявляют, что говорят о том, что происходило в их семье?» (*Платон. Тимей*, 40). Достаточно обратить внимание на то, что та недооценка устной традиции, которая неотделима от теории о том, что человек — просто улучшенное животное, и которая, показывая свои естественные плоды через таких щедрых перекройщиков истории, как профессора Куенен и Велльхаузен, дошла до того, что против нее начинают упрямяться даже опровергатели традиционной оценки Пятикнижия и Ветхого Завета. См. Приложения, VII «Новейшие полярные исследования».

² Primitive Culture. Vol. I. P. 60.

совершенные искусства пользовавшегося преимуществами допотопного мира¹.

Не позволяйте никому говорить, что исповедание такого мнения предает предубеждение христианского образования; что оно игнорирует плоды исследований века; что оно просто удревняет доктрину забытого Гоге и стремится возродить давно мертвого Банье. Если какой-либо читатель склонен к таким высказываниям, возможно, что воображаемая беседа поможет ему прийти к более обоснованным заключениям.

¹ В своей недавней работе под названием «India: What can it teach us?» (London, 1883) профессор Макс Мюллер оспаривает основные принципы нашей господствующей школы «исследователей культур», а именно: «Что мы знаем о диких племенах за пределами последней главы их истории? Поймем ли мы когда-либо их предшествующее состояние? Сможем ли мы понять то, что, в конце концов, наиболее важно и поучительно для нас: как они стали тем, чем они являются сейчас? Действительно, существует их язык, и в нем мы видим следы высокого уровня, которые указывают на отдаленные эпохи, так же, как греческий язык Гомера или санскрит Вед... Поскольку мы не признаем отдельного творения этих дикарей, они должны быть столь же древними, как индийцы, греки и римляне; столь же древними, как мы сами. Мы можем принимать, конечно, если захотим, что их жизнь была неизменной и что они сегодня являются тем, чем индийцы были три тысячи лет назад. Но это — простое предположение, и ему противоречат факты их языка. Они, возможно, прошли через множество превратностей, и то, что мы рассматриваем как первобытное, может быть для всего, что мы знаем, возвратом в дикость или искажением чего-то, что было более разумным и осмысленным на прежних этапах. Подумайте хотя бы о правилах, определяющих брак у самых низких диких племен. Их сложность превосходит всякое понимание. Все кажется хаосом предубеждений, суеверий, гордости, тщеславия и глупости. И все же мы ловим здесь и проблески того, что имелась некоторая причина в большинстве этой беспричинности; мы видим, как смысл вырождался в бессмыслицу, традиция в церемонию, церемония в силу. Почему же тогда должна эта поверхностная часть дикой жизни представлять нам самую низкую ступень человеческой жизни, самые начала цивилизации, если мы не можем копнуть глубже этой поверхности?» Сотню лет спустя рассказ о том, как мудрые люди девятнадцатого столетия стремились восстановить начала человеческой истории изучением самых низких современных дикарей, станет одной из любимых популярных иллюстраций глупости «донаучных времен».

Давайте представим себя в Кноссе, на берегах острова Крит, за сотни лет до христианской эры. Путешественник — грек из Афин — только что высадился с намерением посетить знаменитый храм и пещеру Зевса. По дороге к храму он случайно встречается с двумя попутчиками: одним — образованным критянином, другим — путешественником из Лакедемона. После должных приветствий они, естественно, заговаривают о законах и учреждениях этой страны, о своем происхождении и происхождении всех государств, законов и цивилизаций. И мы можем вообразить часть их беседы.

Афинянин: Вы полагаете, что имеется какая-либо истина в древних традициях?

Критянин: Каких традициях?

Аф.: Традициях о многочисленных уничтожениях человечества, которые производились наводнениями и болезнями и многими другими способами, и о сохранении выживших.

Кр.: Каждый склонен верить им.

Аф.: Давайте представим одну из них: я возьму известную, которая была вызвана потопом.

Кр.: На что надо обратить внимание?

Аф.: Я бы сказал, что те, кто тогда избежал гибели, были лишь горными пастухами, маленькими крохами человеческого рода, сохранившимися на вершинах гор. Такие оставшиеся в живых наверняка были не знакомы с умениями тех, кто жил в городах, и с различными устройствами, которые вызваны или интересом, или честолюбием, и со всем плохим, что они изобретают друг против друга.

Кр.: Очень правильно.

Аф.: Давайте, далее, предположим, что те города на равнинах и на морском побережье были в то время разрушены. Разве не все орудия погибли бы и не все другие превосходные изобретения политического или любого другого рода мудрости перестали действовать в то время?

Кр.: Конечно, да; и если бы вещи всегда продолжались так, как они организованы в настоящее время, как могло бы быть сделано когда-либо какое-либо открытие, даже наименее важное? Ибо очевидно, что искусства были неизвестны в течение тысяч и тысяч лет. И не больше, чем тысяча или две тысячи лет прошло с открытий Дедала, Орфея и Паламеда, — с тех пор, как Марсий и Олимп изобрели музыку, а Амфион лиру, не говоря уже о бесчисленных других изобретениях, которые появились всего лишь вчера.

Аф.: Вы забыли имя друга, который действительно нечто изобрел вчера?

Кр.: Я предполагаю, что вы подразумеваете Эпименида.

Аф.: Именно его, мой друг, ибо его изобретательность действительно стоит намного выше голов всех ваших великих людей; что Гесиод проповедовал о древности, он выполнил практически, как вы заявляете.

Кр.: Да, в соответствии с нашей традицией.

Аф.: После великого разрушения могли ли мы не предполагать, что и состояние человека было чем-то подобным? Перед уцелевшими простиралась наполненная страхом беспредельная пустыня и широкие просторы земли; одно или два стада волов были бы единственными оставшимися из животного мира, и было бы несколько козлов, едва ли достаточных, чтобы поддержать жизнь тех, кто ухаживал за ними.

Кр.: Действительно.

Аф.: А о городах, правительствах или законодательстве, о которых мы сейчас говорим, могли бы эти выжившие иметь какое-либо воспоминание вообще?

Кр.: Не могли бы.

Аф.: И из этого положения вещей не могло ли появиться все, чем мы сейчас являемся и что имеем: города и правительства, искусства и законы, значительная часть недостатков и многочисленные достоинства?

Кр.: Что вы имеете в виду?

Аф.: Ну, мой дорогой друг, как мы можем предположить, что те, кто не знал ничего обо всем хорошем и

злом, о городах, могли бы достигнуть своего полного развития, как в достоинствах, так и в недостатках?

Кр.: Я понял вашу мысль, и вы совершенно правы.

Аф.: Но, поскольку прошло время и умножилось человечество, мир стал тем, чем он является сейчас.

Кр.: Совершенно верно.

Аф.: Несомненно, что изменения произошли не сразу, а постепенно, в течение очень длительного времени.

Кр.: Это следует предположить.

Аф.: Сначала у них было естественное опасение, препятствовавшее спуску с вершин на равнину.

Кр.: Конечно.

Аф.: Многочисленность оставшихся в живых делала бы их жаждающими общения друг с другом; но тогда средства путешествия как по суше, так и по морю были бы почти полностью утеряны вместе с утерей умений, и возникла бы большая трудность добраться друг к другу; железо, медь и все металлы перепутались бы и исчезли, и не было бы никакой возможности извлекать их; у них не было бы никаких средств обрабатывать древесину. Даже если вы предположите, что некоторые орудия могли бы сохраниться в горах, они быстро изнашивались бы и исчезли, и их не было бы до тех пор, пока не возродилось бы искусство металлургии.

Кр.: Не было бы.

Аф.: За сколько поколений это было бы достигнуто?

Кр.: Ясно, что не за много поколений.

Аф.: В течение этого периода и некоторого времени спустя все виды мастерства, которые требуют железа, меди и т. п., исчезли бы.

Кр.: Конечно.

Аф.: Раздоры и войны также прекратились бы в те дни.

Кр.: Как это могло быть?

Аф.: Во-первых, одиночество этих первобытных людей поселило бы в них чувство привязанности и дружбы друг к другу; во-вторых, у них не было бы никакой причины бороться за свое пропитание. Поскольку они

имели бы пастбища в изобилии, за исключением самого начала и некоторых особых случаев; на этой земле-пастбище они главным образом поддерживали бы жизнь в начальную эпоху, имея изобилие молока и мяса и получая другое продовольствие охотой. У них также было изобилие одежды, ночлега, жилищ и посуды, как пригодной, так и непригодной для постановки на огонь; для искусства лепки и плетения совершенно не требуется применения железа: Бог дал эти два искусства человеку, чтобы обеспечить его предметами первой необходимости, чтобы даже при сокращении рода человеческого, он мог бы еще расти и увеличиваться. Следовательно, в те дни человечество не было очень бедным, и не бедность была причиной возникновения различий среди них; но и богатыми они не могли бы быть, если у них не было никакого золота или серебра. А у общества, в котором нет ни бедности, ни богатства, всегда будут благороднейшие принципы, там нет ни оскорбительного высокомерия, ни несправедливости, среди них нет никакой борьбы или зависти. И поэтому они были добры, и также потому, что они были бесхитростными; и когда им говорили о добре и зле, по своей простоте они верили тому, что услышанное было истинной правдой, и поступали так. Никто не думал подозревать другого в неправде, как люди делают теперь; они верили в правдивость того, что слышали о богах и людях, и жили соответственно; и поэтому они были во всех отношениях такими, как мы их описали. Кр.: Это полностью совпадает с моими представлениями и с представлениями моего друга здесь.

Аф.: Я хотел бы, чтобы вы поняли, что то, что предшествовало и что должно последовать, было и будет сказано с намерением объяснить, какова была потребность у людей того времени в законах и кто был у них законодателем.

Кр.: Все, что к настоящему времени вы сказали, было сказано очень хорошо.

Аф.: Вряд ли им пока еще могли бы потребоваться законодатели; ничего такого, вероятно, не существовало в их дни, поскольку у них не было письменности на этой ранней стадии: они жили, так сказать, по привычке и обычаям своих предков.

Кр.: Может быть.

Аф.: Но уже существовала какая-то форма правительства, которая, если я не ошибаюсь, вообще определялась как власть господ; и она все еще сохраняется во многих местах, и среди эллинов, и среди варваров, и является правительством, которое, по заявлению Гомера, преобладало среди циклопов: «Они не имеют ни советов, ни судов, а живут в расселинах скал на вершинах высоких гор, и каждый является судьей для своей жены и детей, и они не беспокоят себя мыслями друг о друге».

Кр.: Должно быть, он является очаровательным поэтом среди вас; я читал некоторые другие его стихи, которые очень умны; но о нем я знаю немного, потому что критяне мало читают иностранных поэтов.

Лакедемонеец: Но их много читают в Лакедемене. И он кажется принцем среди них всех; однако образ жизни, который он описывает, не спартанский, а скорее ионийский, и, кажется, он весьма сильно подтверждает то, что вы говорите, прослеживая древнее состояние человечества с помощью традиции вплоть до варварства.

Аф.: Да, и мы можем принять его свидетельства за факт того, что было такое время, когда у первобытных обществ бытовала эта форма.

Кр.: Правильно.

Аф.: А не пошло ли все это от отдельных поселков и семейств, которые были рассеяны и разбросаны по пустошам; а самый старший среди них был их правителем, потому что их правительство произошло от власти отца и матери, за кем, подобно стае птиц, они следовали, создавая один отряд под старейшинским управлением и верховной властью их родителей, которая из всех верховных властей наиболее справедлива?

Кр.: Совершенно верно.

Аф.: После этого они собирались вместе в больших количествах, увеличивая размер своих поселений, и переходили к сельскому хозяйству, сначала у подножия гор, и делали ограждения из неплотных стен и оборонительных укреплений, чтобы не подпускать диких животных, таким образом создавая один большой и общий поселок.

Кр.: Да, по крайней мере мы можем предположить это.

Аф.: Есть и еще одна вещь, которая могла бы случиться.

Кр.: Какая?

Аф.: Когда эти большие поселки вырастали из меньших первоначальных, каждый из меньших мог сохраниться внутри более крупного; каждая семья была бы под управлением старейшины и, обладая своей раздельностью друг от друга, имела бы особые обычаи в делах божественных и человеческих, которые бы они получили от своих родителей, обучавших их, и эти обычаи склоняли бы их к порядку, когда бы у родителей был порядок, и к храбрости, когда бы у их родителей была храбрость. И они, естественно, наложили бы отпечаток собственных убеждений на своих детей и на детей их детей; и, как мы говорим, они прокладывали бы путь в более крупное общество, обладая уже собственными отличительными законами.

Кр.: Конечно.

Аф.: И каждый человек, конечно, любил бы собственные законы больше, а законы других меньше.

Кр.: Правда.

Аф.: Тогда, кажется, мы натолкнулись на начала законодательства!

Кр.: Точно.

Аф.: Следующий шаг будет заключаться в том, что люди, встречающиеся вместе, должны выбирать арбитров, которые будут смотреть за законами и публично представят такие из них, кого одобряют вожди, управляющие племенами и являющиеся вроде их королей, и предоставят им выбор. Они будут называться законо-

дателями и назначать чиновников, создающих своего рода аристократию или, возможно, монархию, из династий или землевладений, и при этом чередующемся состоянии правительств они будут жить.

Кр.: Да, они были бы назначены в упомянутом вами порядке.

Но мы не будем дальше следовать за их беседой. Станет ли читатель негодовать, что его заставили так долго слушать аббата Банье, неуклюже замаскированного в одежды притворного афинского философа и рассуждающего о вопросах, которые выдают «предубеждения христианского образования»? Вполне может быть. Читающему Лаббока, Тайлора и Фогта чувства афинского путешественника кажутся особенно соответствующими Священному Писанию. Но пусть невинный не страдает за виноватого. Так случилось, что наша вымышленная беседа не есть плод нашего воображения. Она была написана более чем за две тысячи лет до рождения аббата Банье таким хорошим язычником, как знаменитый афинский Платон.

В целом, мы придерживаемся мнения, что великие согласованные традиции человеческого рода все же переживут значительное число Баховенов, Бюхнеров и Баклзов и что если когда-либо будет обнаружено место погребения Моисея, оно не будет найдено ни на одном из презираемых кладбищ, время от времени подготавливаемых для него приходящими профессорами гебраистики¹, стремящимися к ошеломляющему вступлению в должность. Несмотря на изобретательную «более высокую» критику сегодняшних преходящих «авторитетов», библейская ученость будущего отнесет время составления истории об Эдеме скорее назад, чем вперед. Может все же оказаться, что документы, вложенные в начальные главы книги Бытие, являются тем, что почтитель-

¹ *Гебраистика* — наука о древнееврейском языке и памятниках письменности. — *Прим. ред.*

ные и ортодоксальные ученые уже подтвердили — фрагментами Священных Писаний допотопной патриархальной церкви². Так это или нет, одно древнее слово всегда будет исполняться: «Трава повянет, цветок облетит, но слово нашего Бога будет стоять вечно».

Наше сочинение открывалось одной патетической картиной и должно быть закрыто другой. Давно потерянный рай найден, но его ворота закрыты для нас на засов. Сейчас, как в начале нашего изгнания, меч поворачивается в любом направлении, чтобы оградить Путь к Древу Жизни.

Помрачневший, он больше не Эдем. Новый Колумб мог бы даже проникнуть в тайный центр этой Страны чудес древности, он мог бы поспешно стать на колени среди замороженного опустошения и, онемевший от безымянного трепета, позволить пролиться несколькими горячим слезам на захороненный и опустошенный краеугольный камень самого древнего и самого любимого дома человечества.

К счастью для нас, о люди, испытанная рука добавила к третьей главе книги Бытие заключительные главы Апокалипсиса с острова Патмос. Мысль о древнем, навсегда исчезнувшем Эдеме отныне становится терпимой, ибо издавека мы уловили видение Безгрешного Рая, незамерзающих Садов, Деревя и Реки Небесного Города Бога.

Когда клубящийся натиск северного ветра
Осыпает снегом все земные сады,
Вот тогда расцветают розы неба
В своей неувядающей красоте.
А мы все здесь гости на земле,
На этой холодной ниве зимы.
И есть для нас лишь одно успокоение,
О котором вздыхают все создания.

Карл Герок

² *Moffat. Comparative History of Religions. New York, 1871. Vol. I. P. 99 seq.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЗЕМЛЯ, ПО КОЛУМБУ, НЕ НАСТОЯЩАЯ СФЕРА

Следующая подлинная сводка взглядов, которых придерживался Колумб относительно формы Земли, может привлечь многих читателей.

«Я уже читал, что мир, состоящий из земли и воды, был сферичен, и зафиксированные опыты Птолемея и других доказали это путем наблюдений за затмениями Луны и другими явлениями, прослеживаемыми с востока на запад, а также за перемещением полюса с севера на юг. Но, как я уже описывал, я увидел теперь так много неправильностей, что пришел к другому заключению относительно земли, а именно я убедился, что она не круглая, как о ней писали, а имеет форму груши, в целом очень круглой, за исключением той точки, откуда вырастает черенок, — в этой части она выпуклая, и вся в целом напоминает круглый мяч, на одном месте которого есть выпуклость, подобная соску женской груди; эта выпуклость на земле является самой высокой и самой близкой к небу ее частью, расположенной на линии равноденствий и на восточном пределе этого моря...

В подтверждение моего мнения я возвращаюсь к аргументам, которые уточнил выше относительно линии, проходящей с севера на юг на сто лиг к востоку от Азорских островов; потому что, когда плыли оттуда к западу, корабли стали медленно подниматься к небу, и тогда погода стала казаться более мягкой, и из-за этой мягкости стрелка компаса сместилась на одно деление; и чем дальше мы продвигались, тем больше она смещалась к северу, и это поднятие воспроизводило часть круга, который описывается Полярной звездой и ее звездами-спутниками. И чем ближе мы приближались к линии равноденствий, тем более заметно нарастала разница между этими звездами и их круга-

ми. Птолемей и другие философы, которые писали о земном шаре, считали его сферичным, веря в то, что это (Западное) полушарие было так же кругло, как и те, где они сами жили, и центр которой находился на острове Арин, расположенном на равноденственной линии между Аравийским и Персидским заливами, круг же проходил через мыс Сан-Висенти в Португалии к западу, а к востоку через Кангар и Серас.

Я без труда усматриваю в этой описываемой ими полусфере истинную сферу, но западная половина мира, по-моему, подобна половине очень круглой груши, на которой есть выпуклость для черенка, как я уже писал, или подобна женскому соску на круглом шаре. Птолемей и другие, писавшие о земном шаре, не имели информации об этой части Земли, которая тогда была еще неисследованной: они определили только свое полушарие, которое, как я уже упоминал, является половиной истинной сферы. А теперь, когда Ваши Величества направили меня в это путешествие для открытий, явно доказываются те истины, которые я установил, так как в этом путешествии, когда я был у острова Аргин¹ и в его окрестностях, в двадцати градусах к северу от линии равноденствий, я встретил черных людей и увидел выжженную землю, но когда достиг островов Зеленого Мыса, то обнаружил, что люди здесь еще более черны, и чем южнее мы продвигались, тем сильнее они приближались к абсолютной черноте. Когда же я достиг параллели, на которой находился Сьерра-Леоне, где при наступлении ночи Северная звезда восходит на пять градусов, то люди были совершенно черны, а жара достигла своего предела, когда я направился к западу. Но когда я миновал меридиан или уже описанную линию, я нашел, что климат делается мягче, так что, достигнув острова Тринидад, где Северная звезда поднялась ночью на пять градусов, там, как в Земле Мило-

¹ Аргуин, у западного побережья Африки.

сердия, я нашел, что температура исключительно мягка, а поля и растения свежи и зелены и по красоте подобны садам Валенсии в апреле. Люди там изящны по своему сложению, менее темны, чем те, которых я до этого видел в Индии, и у них длинные и мягкие волосы; они к тому же более тонки, умны и мужественны. Солнце стояло тогда в знаке Девы над нашими и их головами; поэтому все это должно было быть следствием исключительно мягкой температуры, и это ее свойство возрастало, как я говорил, из-за того, что эта страна расположена выше всего на свете и ближе всего к небу. Основываясь на этом, я утверждаю, что земной шар не сферичен, но в нем есть отличительная черта, уже описанная мною. Она может быть обнаружена в том полушарии, в точке, где Инд встречается с океаном; край этого полушария лежит ниже линии равноденствий. Великим подтверждением этому служит то, что при создании Богом солнца первый свет коснулся той первой точки Земли на востоке, где находится выпуклость Земли». Hakluyt Society Publications. Select Letters of Columbus. Tr. by R. H. Major. London, 2 ed. P. 134—138.

II. КАК БЫЛА ЗАСЕЛЕНА ЗЕМЛЯ

Маркиз де Сано́рта

Как могла человеческая раса распространиться по всей поверхности земного шара? Произошло ли это в результате независимого возникновения на разных и взаимно не соединенных континентах или все люди вышли из единой колыбели, из «материнской области»? По этому вопросу ученые расходятся во мнениях: Агассис считает, что и люди были сотворены, Карл Фогт полагает, что они развились в разных центрах, а Катрефаж и теологи думают, что они все едины в своем происхождении. Это факт, что человек, со всеми свойственными его роду чертами, продвинулся во все

обитаемые области Земли, и это произошло давно, когда в его распоряжение еще не были предоставлены все ресурсы, добытые путем опыта и изобретательного разума; тогда, когда он был юн и несведущ. Вот именно тогда этот слабый и почти нагой человек, умевший только добывать огонь и обладавший лишь несколькими грубыми орудиями для самозащиты и добывания пищи, покорил весь мир и расселился от Полярного круга до Огненной Земли, от страны самоедов до Земли Ван Димена (Тасмания), от Нордкапа до мыса Доброй Надежды. Это тот начальный исход, столь же вероятный, как и невероятный, воспринятый и учеными, и догматиками, тот, который нам следует объяснить или хотя бы показать его возможность. И это происходило задолго до того, как после удивительнейших открытий, когда при помощи мощных механизмов для навигации и после проведения смелых и крайне дерзких мероприятий цивилизованный человек обрел возможность похвастаться тем, что он наконец добрался туда, куда представитель детского возраста человечества добрался в века, столь от нас отдаленные, что не поддаются никаким подсчетам.

Мы должны остановиться на этом, так как следует бросить свет на то препятствие, которое донныне считают непреодолимым те, кто пробовал выявить связь между взаимно отдаленными народами по месту их расселения и определить пути следования древних племен, разделенных ныне океанами и огромными земными пространствами. В своих миграциях человек проходил, куда только мог, занимал место и селился там, осваивая типичные для этого места уголки природы, и этот процесс освоения был разным в разных местах. Отсюда произошла и нарастающая разница в расовых различиях человека. Некоторые из мест расселения оказались более благоприятными для развития и стали центрами цивилизации. Но количество таких центров крайне ограничено, а их расположение знаменательно.

Масса населения континентов распределена на три основные группы, и конфигурация их расселения поразительна для каждого, кто вникает в карту мира. Можно сразу заметить, что люди так «размещены» в приближающихся к северу областях, как будто их группы касаются одна другой или разделены узкими проходами, и что они окружают в пределах Полярного круга центральное полярное море с прибрежным поясом островов. Спускаясь к югу, мы видим, что три континента — Северная Америка, Европа и Северная Азия, которые прежде сближались столь плотно, теперь уступают место для «придатков» — для Южной Америки, Африки и Австралии, которые, в свою очередь, как бы вырождаются в мелкие точки в безбрежных водах, даже не достигших Антарктического круга. Внутри этого круга конфигурация земли полностью противоположна северной — это массивная шапка вокруг полюса в середине огромного океана.

Изучая области, расположенные между крайним севером или северным направлением от Тропика Рака, между 20 и 35° с. ш., мы найдем, что цивилизации здесь складывались при сходных географических условиях, то есть поблизости от внутренних морей. Самый восточный из центров лежит в Китае вблизи Японского моря, а самый западный — как кажется, самый недавний, — на берегу Мексиканского залива. Поздняя цивилизация сложилась в процессе растекания и трансформации, связанных с приходом в Америку европейцев, и она была полностью независимой и автономной, но слабой и относительно новой, из-за чего и не могла сопротивляться давлению более сильной расы.

По направлению к центру пространства, края которого мы здесь наметили, следует поместить два других центра цивилизации, более древних, чем два уже названных. Они лежат в тех же широтах — это Египет в долине Нила и вблизи Аравийского залива, а также Месопотамия вблизи Персидского залива. Так, каждый

континент имеет свой отдельный центр цивилизации, за исключением Азии, имеющей два таких центра — один из них находится на крайнем востоке, другой — вблизи границы с Европой. Такая специфическая группировка главных центров цивилизации в таком соседствующем соотношении составляет наиболее значительную палеоэтническую особенность, которую мы можем зафиксировать. Нил и сирийский берег Средиземного моря на западе, Верхняя Армения и Каспийское море на севере, Гиндукуш и Инд на востоке, Аравийское море на юге служат границами области, где жили кушиты, семиты и арии. Первые из них были землевладельцами, работниками и основателями городов, вторые были пастушеским народом, а третьи — горами, ставшими затем эмигрантами и завоевателями. Все они встречались, сближались и смешивались друг с другом, поочередно то побеждали, то были побеждены, развивали мастерство и умение использовать металлы, изучали оружие и вырабатывали способы иерархической самоорганизации, выражали свои идеалы в формах религии и обрели в искусстве письма наиболее сильный инструмент выражения человеческого разума. Они дали нам начала истории и развивающуюся цепочку социальных организаций, дошедшую и до наших дней. Но все же рост цивилизации в этих центрах не объясняет фактов расселения человечества по всей земле, имевшего место задолго до этого.

Распространение человека по Европе и Азии не встречалось с большими трудностями, так как оба эти континента являются общим пространством, Европа зависит от Азии, и заселение Европы из Азии согласуется с религиозными традициями. Однако возникают огромные трудности, когда дело касается Америки — ведь она всегда была заселена из края в край народами, единство которых поразило лучших исследователей. Более того, жители Америки не только создали на земле этого Нового Света оригинальную и сравнительно

высоко развитую цивилизацию, но и смогли сохранить, главным образом на севере, неоспоримые следы своего присутствия здесь в необозримо далеком прошлом. Палеолитические орудия, найденные в Делавэре, Трентоне, Нью-Джерси и вблизи от Гуанахуато в Мексике, так ясно и безошибочно характеризуют ситуацию четвертичного аллювия, что это наравне с их сосуществованием со слонами и с мастодонтами указывает и на наличие расы, которая знала те же орудия и была, безусловно, носительницей тех же обычаев и отличалась теми же чертами внешности. Как мы решим, откуда пришла эта изначальная американская раса, сестра аналогичной европейской расы того же периода, если не предположим, что оба континента взаимно сообщались? Трудности, встававшие перед этими людьми в пересечении Атлантического океана, и данные о большой древности этого океана, исключают все возможности поверить в то, что оба континента были некогда соединены, или в то, что один из них был открыт неведомым Колумбом, пересекшим океан за сто тысяч лет до известного нам Колумба.

Так, мы снова стоим перед проблемой, всегда возникавшей перед нами и всегда ускользавшей от нас, — проблемой происхождения древних жителей Америки. Очевидно, ее нельзя решить путем предположения о случайной колонизации странниками из Азии или группой лиц, потерпевших кораблекрушение; но здесь следует подумать о первобытных популяциях, растекавшихся, как по Европе, последовательными волнами, и говорящих о непрерывном присутствии человека, чье постепенное развитие и распространение в Америке протекало по тому же пути, что и на старом континенте. Могла бы быть принята гипотеза об иммиграции из Азии через Алеутские острова на Аляску, если это не было снижено до уровня вторичного факта тем, что исходная популяция присутствовала в Америке уже в четвертичную эпоху. Так же выглядит попытка най-

ти связь между памятниками, статуями и знаками письменности Центральной Америки, Египта и буддийской Азии — все это противоречиво. А поэтому подозрительно. Эти аналогии, помимо их недостаточности, должны утратить силу перед первостепенными соображениями: 1) определенность существования американского человека с крупными животными четвертичной эпохи; 2) медноцветная окраска кожного покрова, одинаковая у людей по всему континенту, за исключением эскимосов. Трудность представляет и тот факт, что сторонники моногенеза, имеющие в виду единую точку исхода всего человечества и считающие, что она находилась вне Нового Света, предполагали, что Америка была колонизирована европейскими и азиатскими иммигрантами, следовавшими по параллелям. Эмиграция в подобных направлениях сразу же встречается с таким препятствием, как океаны, все более широкими в южной стороне. Это препятствие исчезает, если мы откажемся от движения по параллелям и подумаем о возможностях движения вдоль меридианов с севера на юг. Такие миграции не встречаются с препятствиями, и взаимное подобие всех протоамериканцев, с одного конца континента до другого, не вызвало бы никакого удивления, если бы мы не загружали своих мыслей идеей их захода сюда в более позднее время.

Мы можем заметить по этому поводу, что крайние южные регионы трех континентов заселены представителями рас, которые, безусловно, пришли сюда откуда-то еще и которых относят к низшим разрядам как на Огненной Земле, так и на мысе Доброй Надежды, и в Тасмании. Эти расы, продвигаясь впереди других, сохранили видимый отпечаток сравнительно низкой степени расового типа, от которого они и произошли. Нам следует поверить в то, что эти три ветви — огнеземельцы, бушмены и тасманийцы, — столь слабо развитые физически, интеллектуально и морально, за-

шли так далеко по земле потому, что перед ними все время открывались никем не занятые области. Первопроходцы всего остального человечества, они достигли, шаг за шагом, предельных рубежей земли, пригодной для обитания. Они могли поначалу занимать и срединные земли, но, не будучи в состоянии сопротивляться натиску более сильных рас, ушли дальше. Они не смогли бы дожить до нашего времени, если бы не оказались в изолированных условиях мест самых отдаленных от их исходного дома. И нет ничего удивительного в том, что Катрефаж и Гами, описывая наиболее древние европейские расы, судя по найденным в Канштадте черепам, должны были усмотреть их аналогии только среди этих самых туземцев крайнего юга — бушменов и австралийцев.

Видно, что мы склоняемся к тому, чтобы отнести вероятную колыбель человечества к северным циркумполярным областям. Только оттуда могло оно растекаться, как из центра, чтобы распространиться по всем континентам в целом и породить последующую эмиграцию к югу. Эта теория лучше всего согласуется с предполагаемым продвижением человеческих рас. Остается показать, что она совпадает с наиболее достоверными и недавними геологическими данными и что применима не только к человеку, но и к растениям и животным, которые его сопровождали и были наиболее близко с ним связаны в зонах умеренного климата, которые и стали затем местами цивилизаций.

Общие законы геогонии замечательно совпадают с этой гипотезой. Чтобы она выглядела вероятной, нам следует только выявить два важных момента, которые не вызовут серьезных протестов геологов: 1. Полярный регион, покрытый высокоствольными лесами, имевший климат, более мягкий, чем в Центральной Европе, плодородный и обитаемый на 80% площади, подвергся медленному нарастающему охлаждению до середины третичной эпохи. Затем стало быстро нарастать оледенение.

нение и охватило даже области к югу от него. При этих условиях люди, а также животные и растения должны были или уйти, или погибнуть, то есть уходить шаг за шагом или встречаться с ежедневным ухудшением условий существования. 2. Относительно стабильным было наличие континентальной массы вокруг моря на Северном полюсе, тогда как другой полюс был занят сушей, окруженной огромным океаном. Влияние Северного полюса на продуктивность животных и растений и на их миграции, и отсутствие в другом полушарии аналогичного влияния — все это стало результатом подобного расположения суши. Важно то, что нет ничего случайного в таком сочетании земель и морей и что там были, по крайней мере с очень древних времен (если даже не всегда), возникшие земли, очень далеко «продвинутые» к полюсу и образующие вокруг Арктического моря пояс более или менее соприкасающихся земель или островов. Так, по крайней мере, учит нас геология.

Наступавшие изменения, погружения и поднятия из воды были всего лишь частичными и более поздними, тогда как основной «скелет» континента восходит к самым отдаленным временам. Всегда были Европа, Азия, Америка и арктические земли. Мы твердо знаем, что вокруг Северного полюса всегда была обширная территория, если не континент, дом тех же растений, что населили и весь земной шар, и что начиная со времени, соответствующего концу юрского периода, климат, бывший сначала таким же теплым, как и всюду, начал постепенно становиться холоднее. Снижение температуры сначала проявляло себя очень медленно и в третичную эпоху было далеким от своего современного состояния; деревья, которые тогда росли в Гренландии, — секвойи, магнолии и платаны — в наше время хорошо развиваются лишь в Южной Европе, в Центральной же Европе им не соответствует климат. Поэтому мы убеждены, что в древности вблизи Север-

ного полюса существовала зона земель, покрытых богатой растительностью. Постоянное существование там полярного моря также подтверждается окаменелостями из всего этого региона. Окружающие полюс земли были долго пригодны для обитания, и люди там жили во время, близкое к тому, при котором следы их производственной деятельности начинают обнаруживать сходство с орудиями Европы и Америки. Так, уходя из арктических земель в области, граничащие с Полярным кругом, человек отправляется в дорогу вместе с «запасом» растений и животных, которые или следовали за ним, или опережали его, или двигались наравне с ним в то же самое время и под давлением тех же обстоятельств.

Только с учетом миграций из соседних с полюсом земель мы можем в целом объяснить феномен различия рассеянных и разрозненных видов — феномен, идентичный тому, который обнаруживается при сравнении жителей Старого и Нового Света.

Объединяя современные знания с указаниями, получаемыми при анализе окаменелостей, мы встречаемся со многими примерами несовпадения. Родственные формы, часто едва отличающиеся друг от друга, были распределены в одно и то же время по широко разбросанным, далеко отстоящим одна от другой областям Северного полушария, при отсутствии всякой связи по линии параллелей, и это трудно объяснимо. Несомненно доказуемые окаменелости в Европе говорят о том, что в ней в древности было множество видов и форм растительности, встречаемых теперь в Америке, но она могла получить их только из областей крайнего севера — например, магнолии, тюльпанное дерево, американский лавр, клен и тополь, по всем показателям совпадающие с теми, что растут в Соединенных Штатах. Два платана, западный и малоазийский, к которым мы можем добавить окаменелость европейского платана, говорят о том же рассе-

янии. В Европе в третичную эпоху росло и гинкго, аналогичное северокитайскому. Там были секвойи и высокие кипарисы, соответствующие деревьям с этими же названиями, которые растут в наше время в Калифорнии и Луизиане. Кажется, что и буковые деревья произрастали в Арктической циркумполярной зоне раньше, чем появились в Северном полушарии и широко распространились по нему. Безусловно, это же относится и к болиголову, чьи четко отличимые следы были обнаружены в Гренландии выше 82° с. ш. И время его присутствия там намного опережало его появление в Европе.

Четко установленное наличие на обоих континентах многих видов животных, типичных для Северного полушария, следует приписать эмиграции, если не с полюса, то по крайней мере, из областей, прилегающих к Полярному кругу. Это явно относится к северному оленю и бизону, но не исключено, что и к животным более древнего времени; и хотя мы не имеем прямых подтверждений этого, кроме останков мамонта в Сибири, но по тому же закону сюда должны быть включены и слоны, и мастодонты. Мы говорим здесь о тех видах этих двух генераций, которые проникли с севера к югу, сопутствуя человеку древности и в Америке, и в Европе. Ключом к разъяснению всех этих феноменов служит связь континентальных земель с почти неразрывным поясом земель вокруг Полярного круга. Все это было результатом непрерывного продвижения и последующего разъединения видов и рас, выявляемых в любой зоне нашего внимания.

Прежде чем отойти от вопроса о возможном происхождении человека, мы не можем удержаться от разговора о предположительно устанавливаемых связях между ним и обезьянопитеком. По утверждениям некоторых авторов школы трансформистов, первобытный человек был антропоморфной обезьяной, физически усовершенствованной до уровня прямо-

хождения, умственно — в силу развития объема черепной коробки; постепенно разумность или способность к абстрагированию, а также умение пользоваться артикуляционным аппаратом речи вытеснили его инстинкты. Бесчисленные и безотказно выразительные аналогии в анатомии и физиологии тела человека и высокоорганизованных обезьян, то есть тех, что не имеют хвостов и мозолей на передних лапах и чьи морды и общий вид подобны человеческому облику, подтверждают эту точку зрения, по меньшей мере в том, что касается внешних черт. Есть и другие моменты сближения. Образ действия высших обезьян скорее может быть назван аналогичным, а не подобным человеческому. Они в основном склонны к лазанию, а человек — к хождению, причем человек всегда был склонен к выпрямленному положению тела. Даже наивысшие обезьяны, признаваемые человекообразными, ходят плохо и с трудом. Покидая деревья, на которых они живут, они держатся наклонно и подгибают пальцы на ногах, чтобы не прикасаться к земле всей подошвой. Поэтому мы не можем воспринять идею происхождения человека от обезьяны без дальнейших убедительных доказательств. Более того, кажется, что обезьяны развивались в обратном от человека направлении. Выросшие в жарком климате, они быстро вымирают, будучи перенесены в условия средних температур, и это особенно характерно для человекообразных обезьян.

Человек, связанный своим происхождением с севером, продвигается к югу только потому, что его поощряет к этому понижение температуры, а обезьяны, для которых сильная жара жизненно необходима, хорошо развивались в те века, когда в Европе был субтропический климат, но исчезли с этого континента сразу, когда климат стал умеренным, — вот так и получилось, что их исчезновение отсюда со-

впало с появлением здесь человека. Обезьяны ушли на юг, стремясь к необходимой им жаре, именно тогда, когда снижение температуры вытеснило его предшественников. Необходимость локализовать колыбель обезьянопитеков в жарких странах подсказала нам возможность разделить обезьян восточного и западного континентов на две различные группы, отмеченные разным расположением зубов, что дает нам право говорить об их разделении в древнейшие времена. Обе группы произошли от лемурув, ныне представленных только на Мадагаскаре, но их окаменелые останки обнаружены и в Европе. Самые недавние находки лемурув в Европе датируются концом эоценового времени. Но позднее, в миоцене, встречаются уже не нижайшие виды, а приматы, подобные тем, что относятся к экваториальной зоне восточного континента. В эту эпоху, когда море делило Европу с востока на запад, субтропический климат еще господствовал в центре континента, и пальмы росли вплоть до Богемии вдоль северного берега великого внутреннего моря. Благодаря такой температуре, обезьяны еще занимали в Европе земли вплоть до сорок пятого градуса, но не пересекая этой широты, и они исчезли навсегда, как только стало достаточно прохладно для людей и слонов.

Мезопитек (*Mesopithecus Pentelici*), которого М. Годри нашел в Пикерми в количестве двадцати пяти экземпляров, был маленьким, ходил на четырех лапах и жил в ветвях и листьях. Дриопитек (*Dryopithecus*) из Сен-Годенса (Франция) отличался чертами высшего человекообразного, но со звериной мордой гориллы; однако именно этому животному Годри склонен приписать специально оббитые кремни (по мнению аббата Буржуа) из слоев известняка из Тене, относимые к геогностическому горизонту Сен-Годенса.

Плиоитек (*Pliopithecus*) из Сансана (Франция) напоминает гиббона. Для того чтобы найти совре-

менные аналоги *Pliopithecus* и *Dryopithecus* в Европе времен миоцена, необходимо пересечь Тропик Рака примерно на 12° с. ш., более чем на 30° южнее места этих окаменелостей. Если, как предполагают, такое же расстояние существовало между периметром частото пребывания антропоморфных обезьян Европы и родиной, границами которой был сначала ограничен человек, мы обнаружим последнего на широте Гренландии, то есть на 70 или 75° . Это, конечно, гипотетический подсчет, но он основан на двух трудно отвергаемых аргументах.

Мы можем прийти к тому же заключению и на совсем ином основании. Изобилие широколезвийных орудий в смежных долинах Соммы и Сены указывает на наличие в этом месте исключительно благоприятных условий для распространения человека, чья численность впервые стала нарастать. Флора той эпохи, выявленная вблизи Фонтенбо, указывает на условия, аналогичные современному югу Франции вблизи 42 -й линии широты. И чтобы достигнуть, начиная отсюда, почти тропических областей, где растут пальмы, камфара и лавр, нам надо продвигнуться на 12 — 15° южнее, где мы встретим те же климатические условия, которые царили в миоценовой Европе, когда они вряд ли были достаточно теплы для человекообразных обезьян. Между этими условиями и теми, что, как кажется, были изначально благоприятны для развития человека, лежало пространство в 12 — 15° с. ш. Но когда пальмы росли вблизи Праги, а камфарные деревья достигали на севере Данцига (Германия), человек, если он тогда существовал, мог жить без неудобств за Арктическим кругом или вокруг него, в пределах равного расстояния от Северной Америки и Европы, которые были предначертаны ему для расселения.

Переведено для: *Popular Science Monthly*, из: *Revue des Deux Mondes*.

III. ПОЛУЧЕНИЕ «ИСТИННОГО КЛЮЧА»

Все указания в тексте и точка зрения на древнюю космологию, представленные в главе 1 части IV, полностью расходятся с той, что принята у наших авторитетов. Профессор Паккард из Йельского колледжа замечает: «Если это верно, то все наши книги и карты неверны, и мы должны согласиться с тем, что все ученые ошибались в своем понимании древних сообщений». В подобной же манере редакционная статья в одном из зарубежных периодических изданий сообщает: «Если это правильно, то здесь даны разительные доказательства отсутствия у многих преуспевающих поколений археологов, деятелей науки и ученых способностей выявить весь ход и дух древних легенд и литературы в их космических теориях и отношениях». При таких условиях обычный читатель, кажется, обретает право на получение дальнейшей информации до того, как его попросят заявить о своем восприятии.

Итак, новая точка зрения впервые была опубликована на страницах «The Independent» от 25 августа 1881 года в Нью-Йорке. В последующие годы появилось второе и расширенное издание в «The Boston University Year Book», том IX. Вскоре в Бостоне вышла и третья публикация в виде брошюры «Messrs. Ginn and Heath». В каждом случае заглавие было таким: «Истинный ключ к древней космологии и мифической географии».

Экземпляры работы при каждом ее последовательном издании были предварены предисловиями — обычно с кратким личным примечанием, — написанными наиболее компетентными учеными из университетов Афин, Рима, Берлина, Лейпцига, Гейдельберга, Бонна, Лейдена, Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга, Белфаста и Дублина. Как и следовало ожидать, возникла интересная и разнообразная переписка. Автор

чувствует, что не имеет права предавать огласке многие письма, но при этом верит, что, публикуя следующие выдержки, он не нарушает прав собственности. Так, А. Сейс (Оксфордский университет), один из наиболее выдающихся из числа современных специалистов по сравнительной филологии, написал автору после прочтения предварительного сообщения: «Я должен сначала сказать, что ваша точка зрения кажется мне исключительно разумной; похоже, что она может разъяснить ряд затруднений. Она определенно бросает свет на путешествие Одиссея и особенно на посещение им Аида. Я ожидаю появления вашей книги, которая окажется очень ценной для тех, кто изучает прошлое».

В более ранних сообщениях профессор Сейс применил еще более яркие выражения своего личного молчаливого согласия.

Все приводимые ниже отрывки взяты из писем, присланных до публикации «Прибежище мертвых у Гомера».

Так, досточтимый Уильям Е. Гладстоун, автор «Homeriс Studies», «Juventus Mundi», «Homeriс Synchronism» и т. д., пишет: «Я с большим интересом и удовольствием воспринял сообщение по «Космологии у Гомера», которое вы любезно адресовали мне. Я очень давно убедился, что Гомер придерживался не тех идей, которые ему обычно приписывают, а именно что земля плоская, а представлений о ее сферической или выпуклой поверхности. Мои взгляды долго игнорировались; в основном я согласен с вами, и когда (если когда-нибудь) придет время моей отставки и покоя, я попробую выяснить, не являетесь ли вы более тщательным и аккуратным исследователем из нас двоих в тех вопросах, в которых вы отличаетесь от меня или следуете за мной».

Роберт К. Дуглас (Британский музей), а также профессор-синолог (Королевский колледж, Лондон): «Я прочитал ваш «Ключ» с большим интересом, и хотя я не изучал специально этой проблемы, должен все же сказать, что, по-моему, он наиболее удовлетворительно объясняет космологию Гомера».

Ричард Дакр Арчер-Хинд, сотрудник Тринити-колледжа, Кембридж, Англия: «Должен сказать, что ваше объяснение древней космологии кажется мне очень простым и естественным. Оно бросает поток света на ряд проблем, которые были до этого весьма темны. Я рад слышать, что оно воспринято таким выдающимся ориенталистом, как д-р Рост, библиотекарем Индийского департамента, Лондон».

К. П. Тиле, профессор-религиовед Лейденского университета, Голландия: «После внимательного вторичного прочтения вашей работы я не могу не выразить своего мнения, что ваша гипотеза внушает доверие и она остроумна. Представление о Земле как о сфере не так уж молодо, как обычно считают... Я думаю, что вы правы, уподобляя обширный Олимп высшим небесам... Ваше описание прекрасно согласуется с древней космографией вавилонян. Я удовлетворен вместе с вами тем, что нет реальной разницы между мифическим Олимпом и небесами и что все земные Олимпы (поскольку их несколько) являются только локализацией той же небесной обители богов».

Ховард Кросби, вице-канцлер Нью-Йоркского университета: «Ваш «Ключ» к древней космологии глубоко удовлетворил меня. Я верю, что вы сделали великое открытие».

У. Д. Уитни, профессор санскритологии и сравнительной филологии, Йельский колледж: «Я просматривал с некоторым опасением изложение вашего взгляда на древние концепции космоса, но нашел их весьма остроумными и заставляющими задумываться. Они заслуживают тщательного сопоставления с высказываниями древних авторов, касающихся этого предмета».

Д-р Чарлз Р. Ланман, профессор санскритологии, Гарвардский университет: «Я прочел еще раз «Ключ» и думаю, что он очень прост, остроумен и подходит для объяснения великого множества ранее запутанных упоминаний».

У. С. Тайлер, профессор (греческий язык и литература) Амхерстский колледж: «Позвольте мне поблагодарить вас за опубликованный материал. Вероятно, ни один ключ не сможет открыть все комнаты лабиринта древней космологии и мифической географии. Но я верю, что ваш подход более всех донныне найденных».

У. А. Паккард, профессор (латинский язык и литература) колледж Нью-Джерси, Принстон: «Работа д-ра Уоррена — это результат искреннего и умелого изыскания, которое заслуживает очень тщательного обсуждения. Как представляется, она окажет огромное воздействие на решение проблемы древней космогонии. Разъяснения слов Гомера поразительны».

Стефан Д. Пит, издатель «American Antiquarian and Oriental Journal»: «Я верю, что в вашей работе по древней космологии вы охватили широкий круг проблем. Я давно догадывался, что была некая тайная пружина в астрологии древних, которая оказывала большое влияние на письменные и устные рассуждения древних, и благодарю вас за такое сведение воедино фактов, позволившее обнаружить ключ к ним».

Дж. Генри Тейер, ранее профессор (греческий язык и переводы) Эндоверской теологической семинарии, ныне профессор Духовной школы Гарвардского университета: «Позвольте мне сказать о моем большом интересе, вызванном вашим «Ключом» к древней космологии. При первом же прочтении он подарил мне чувство облегчения, граничащее с глубоким удовлетворением. Мне будет очень интересно включить его в свое преподавание».

Джеймс Фриман Кларк, автор книги «Десять великих религий» и др.: «Мне кажется, что брошен свет на многие места в классических текстах. Не могу удержаться от мысли о том, что ваша точка зрения будет истинным ключом для раскрытия многих непонятных пассажей».

Ниже приведены семь отрывков, ярко иллюстрирующих множество отзывов, полученных после публикации «Прибежища мертвых у Гомера», появившегося в печати до издания данной книги, просто в качестве дальнейшей иллюстрации, доказывающей правильность и полезность «Истинного ключа». Каждый отзыв вышел из-под пера одного из европейских ученых первого ранга, а последний из отзывов получен от наиболее широко известного из числа германских египтологов. Отзывы приводятся здесь анонимно, так как я не имею пока права оглашать имена их авторов.

«Я очень признателен вам за присылку мне «Ежегодника Бостонского университета», где напечатана ваша интересная статья о подземном мире у Гомера. Интерпретаторы Гомера долго и (как я думаю) абсурдно указывали на путь в подземное царство на западе, но я рад наконец услышать, что именно с запада — то есть от вас и вашей страны — много света было брошено на Подземный мир у Гомера. В 1868 году я долго готовил опубликованную в дальнейшем работу, посвященную доктрине входа в подземный мир, находившегося под толстым слоем земной массы, а в 1858 году пытался разрушить господствующее мнение о том, что дорога туда лежала на западе. Я с любопытством озираю массу фальшивых интерпретаций текстов Гомера, которые еще четверть века назад я считал ведущими, но от которых, я думаю, мы сейчас избавляемся. Большим источником поддержки было открытие знаний египтян и ассирийцев, и, начиная с этого года, я верю, что появится еще более широкая помощь. Вместе с вами я полагаю, что предполагаемые нелепости у Гомера по вопросу о подземном мире следует приписывать — если не все, то большую их часть, — его переводчикам».

«Весьма благодарен за ваше письмо и за интересную работу в «Ежегоднике Бостонского университета», последовавшую за письмом. Иллюстрация вашей теории, дополненная путешествием египетского Синдбада, поразительна, и она заслуживает особой вам благодарности. У меня нет возражений вашей точке зрения, за исключением разъяснений истинного значения слов «Аменти» и «Эребос» (ассирийский *eribu* = 'erebh), и поэтому я готов подписаться под словами профессора Тиле, обращенными к вам по этому вопросу. Все трудности разъясняются тем, что Гомер считал Землю сферой с Олимпом наверху и Тартаром внизу».

«Я прочитал вашу работу с большим интересом и удовольствием. Вы снова изложили свой излюбленный тезис так ясно и убедительно, что я все более и более склоняюсь к вашему мнению. И до того, как сдать окончательно, я только жду свободного времени, чтобы протудировать тщательно все факты и цитаты».

«Я прочел вашу работу с большим интересом. Ваши объяснения делают более понятными многие вещи на любом уровне, хотя я должен заново прочесть «Одиссею» до

того, как решиться утверждать, что вы смотрите на вещи так же, как и сам Гомер».

«Примите мою благодарность за ваш «Ежегодник» 1883 года, где помещена столь интересная и прекрасная работа о «Прибежище мертвых у Гомера». Не будучи специалистом по Гомеру, я все же имею право выразить мое мнение, и ваша аргументация мне кажется окончательной. Ваша работа особенно интересна тем, что в ней показано, как мала разница между космографией Гомера и космографией его последователей, а раньше нас учили другому». (Современный автор приведенного письма — это один из наиболее известных эллинистов Кембриджа, Англия).

«Я выражаю вам благодарность за новый вклад в наши познания в области концепции древних по вопросу о форме Земли. Ваша статья «Пуп Земли» исполнена интересной и существенной информации. Мое единственное сомнение сводится к вопросу — пришло ли время для столь широких обобщений, какие вы предлагаете? Однако наша наука нуждается и в центробежных, и в центростремительных силах, и исследователю не стоит бояться мест, где написано «опасно».

«Примите дружескую признательность за ваши добрые цели и за последовавшее за ними интересное сочинение. Ваша работа в высшей степени поразительная и на самом деле сразу должна внести порядок в особенно запутанный вопрос, как только ее правильность обретет под собой твердую опору... Когда вам удастся доказать, что в народных представлениях древних греков Земля считалась круглой, вы выиграете битву, и никто поэтому не посмеет рискнуть поднимать голос против вашей точки зрения. Мне не кажется невозможным обнаружить следы таких размышлений, особенно в том, что египтяне определенно уже издревле знали, что Земля имела форму шара... Помимо этих мыслей, ваше сочинение меня живо заинтересовало. К сожалению, я не смогу из-за неполадок со здоровьем присутствовать на Конгрессе ориенталистов в Лейдене, но меня очень обрадует, если вы поставите на нем на дискуссию такой остроумный и возбуждающе интересный вопрос».

Все более и более решительными выглядят последние мнения американских ученых. Ниже приведено около полдюжины отрывков из обширной подборки.

А. П. Пибоди, заслуженный профессор, Гарвардский университет: «Я прочел не только с удовольствием, но и с большой пользой вашу статью «Прибежище мертвых у Гомера». Ваша теория совпадает с моим впечатлением и превращает его, бывшее ранее смутным и лишенным основательных причин, в определенное и хорошо обоснованное».

К. К. Эверет, декан факультета теологии Гарвардского университета и профессор сравнительной теологии: «Что касается Гомера, то ваш взгляд, безусловно, способствует разрешению основательных затруднений».

Дж. Р. Бойс, профессор, Теологическая семинария Союза баптистов, Чикаго: «Продуманная и научная статья о Гомере и его «Прибежище мертвых» глубоко меня заинтересовала, и я верю, что ваш взгляд правилен».

Эдвин Пост, профессор-латинист, Эсберский университет, Индиана: «Я недавно перечитал вашу монографию по древней космологии и все больше и больше убеждаюсь в том, что ваша поразительная гипотеза будет все увереннее подтверждаться сравнительными методами».

Джордж Забриски Грей, декан Епископальной теологической школы, Кембридж, Массачусетс: «Я прочел вашу работу с большим интересом и выражаю вам свою благодарность. Мне кажется, что ваша теория выдерживает испытания со стороны всех теорий, учитывая факты, которые другим путем примирить нельзя. Помимо такого примирения утверждений древних авторов относительно земного и подземного миров, ваша теория дает возможность увидеть в их писаниях много новых и плодотворных мыслей, касающихся вещей, до сих пор незамеченных и даже незаподозренных. Верю, что это исследование может обрести и внимание, и известность, которые оно столь высоко заслуживает».

А. Б. Гайд, профессор-эллинист, Аллеганский колледж, Мидвилл, Пенсильвания: «Мне кажется, я нашел в вас своего гида в «великой запутанности». Гомер так долго ждал, но не наблюдателя, а того, кто научит нас, как надо видеть. Чем больше я размышляю над вашей схемой его космологии, тем больше меня поражает ее красота и точность, то есть ее гармоничное соответствие тому, что говорил Гомер».

Нижеприводимое непосредственно к этому месту не относится, но, будучи полученным от вдохновенного проповедника веры в Бога, оно выглядит несколько особым обращением. Имя автора говорит о его польском происхождении, а своеобразное использование им немецкого языка в известной мере подтверждает предположение, что он к нему «не привык с пеленок». А его авторитетное заявление о близком восстановлении на Северном полюсе изначального «не знающего проклятия» райа хорошо придумано для облегчения чувства любой ненужной меланхолии, в которую может впасть каждый из числа поверивших мне при мысли о потерянном Эдеме: «Кенигсберг в Пруссии, 2 мая 1884 года. Высокоуважаемый господин профессор! С радостным удивлением прочел я сегодня в здешней газете следующее сообщение: «Как разыскать место райа — на эту тему ведется теперь разговор в элегантных салонах духовной аристократии Бостона, этих американских Афин, с тех пор как доктор Уоррен, профессор местного университета, объявил в длинном научном сочинении, что рай мог находиться только на Северном полюсе. На возражение — как это Адам, человек, мог при таком холоде там обогреться — этот благочестивый и ученый господин отвечает: благодаря тому, что раньше там было теплее. Д-р Уоррен ратует за то, чтобы послать туда экспедицию, дабы подтвердить его основанные «на научных утверждениях» заключения.

Это сообщение возбудило мой интерес на следующем основании — как вы верите в то, что при зарождении человечества не знавший еще проклятия рай находился на Северном полюсе, так я верю в то, что такой же, не знающий проклятия и такой прекраснейший рай будет иметь место именно на Северном полюсе в недалеком будущем. Я преданно прошу вас: пожалуйста, как можно скорее сообщите мне ваше соответствующее науке основание, чтобы

посмотреть, отвечает ли это ваше основание, касающееся важного положения прошедшего времени, моему, которое касается еще более важного будущего времени и покоится на той же точке зрения Священного Писания и географии. Я не являюсь ученым знатоком мировой науки, равно как и географии, и настолько же мало по-человечески изучал теологию, но все-таки я «по-божественному» наученный теолог. Благодаря этому моему божественному обучению или непосредственно Богом данному мне познанию, которое даже приводит к взгляду в глубину Божественности, проявилось это мое бывшее многие годы скрытым тайное знание близкого будущего при согласованности Священного Писания и географии.

Опираясь и ссылаясь надежно на эту религиозную и природную правду, я полностью соглашаюсь с вашим воззрением на то, что на Северном полюсе находился из-за прегрешений разрушенный рай.

Я надеюсь, что мы обоюдно при ближайшем знакомстве друг с другом придем на основании этого нашего согласия к удовлетворению во имя Бога. С этим доверием к вам ожидаю я быстрого исполнения моей, именно вам адресованной просьбы.

С высочайшим почтением, покорнейше ваш...»

IV. ЗЕМЛЯ И МИР У ИНДУСОВ

Я не сомневаюсь в том, что мифологический космос современного индуизма был изначально создан на основе геоцентрической системы планетарного неба. Его «концентрические океаны» являются просто межпланетным пространством, мифологически представленным и описанным. Его «концентрические континенты» — это те невидимые плотные «кристальные сферы», которые вращаются вокруг общей оси пифагоро-птолемеевской вселенной и «возглавляются разными видимыми планетами». В обеих системах Земля является не только центром вращения планет, но и центром каждой отдельной планетной сферы. Насколько полностью неверной была интерпретация плоского мира, даваемая нам первоначально¹, вряд ли можно было бы яснее показать, чем в следующем отрывке: «Прия Врата, чьей колесницы колесо делило Землю (мир) на семь континентов, имела тринадцать мальчиков. Шесть из них вели аскетическую жизнь, а другие были правителями семи частей Земли (мира). Джамбу-двипа предназначалась Агнидхре; Плакша — Медхатитхи; Салмали — Вапушмату; Куша — Джьотишмату; Краунча — Дьутимату; Шака — Бхавье; Пушкара — Савале. О каждом из этих владык, кроме правителя Джамбу, сказано, что они имели по семь сыновей, и каждому из них досталась одна седьмая часть земли отца. Эти семь частей каждого из шести континентов разделялись семью горными цепями и семью реками, текущими вширь; они размещались так по отношению друг к другу, что, если провести прямую линию вдоль любой реки или любой цепи гор и соотносимых с ними рек или гор другого континента и продлить ее до центрального острова, то она приведет к центру Земли»².

¹ См. рис. в: *Dr. Scudder. Tales for Little Readers about the Heathen.* New York, 1849. P. 48.

² *Babu Shome. Physical Errors of Hinduism // Selections from the Calcutta Review, № XV, April, 1882.*

Все описания Земли в пуранах, безусловно, согласуются одно с другим, но приводимая ниже цитата из «Вишну-пураны» особенно ясно понимаема, если ее прочесть в свете приведенных иллюстративных выдержек: «Парашара. — Ты услышь от меня, Майтрейя, краткий очерк Земли. Полное описание я не смог бы завершить и в сто лет. Семь великих отдельных континентов — это: Джамбу, Плакша, Салмали, Куша, Краунча, Шака и Пушкара. И они окружены по отдельности семью великими морями: морем соленой воды (Лавана), сока сахарного тростника (Икшу), вина (Сура), топленого масла (Сарпис), простокваши (Дадхи), молока (Дугдха) и свежей воды (Джала).

Джамбу-двипа лежит в центре всего этого, а в центре этого континента стоит золотая гора Меру. Высота Меру — 84 тысячи йоджан, а по глубине (от поверхности Земли) — 16 тысяч. Ее диаметр на вершине — 32 тысячи йоджан, а по основанию — 16 тысяч; поэтому гора подобна семенной коробочке лотоса.

Пограничные горы (земли) — это Химават, Хемакута и Нишадха, лежащие к югу от Меру; Нила, Швета и Шрингин — к северу от нее; два центральных хребта (следующие за Меру, или Нишадха и Нила) лежат на сто тысяч (йоджан к востоку и западу)¹. Их высота — две тысячи йоджан, такова и их ширина. Варши (стра-

В нашем чертеже индусских варш длина внешних разделительных хребтов уменьшена примерно на указываемые здесь цифры. В другом чертеже — единственном, который я видел, показанном мне профессором Максом Мюллером в новом санскритском трактате, название которого я, к сожалению, забыл, — все горы были представлены как параллельные хребтам Нила и Нишадха. Более того, вся поверхность Джамбу-двипы была круглым плоским диском, а второй из последовательных внешних хребтов был более чем на 1/10 короче предыдущего. В этой пуране Джамбу-двипа описана как шар, так же ее следует изображать и далее.

Р. С. После написания вышеприведенного текста успех снижало длинное исследование диаграммы капитана Уилфорда (*Asiatic Researches*. Vol. VIII. London, 1808). Главным его затруднением

ны между этими хребтами) таковы: Бхарата (Индия), лежащая к югу от гор Химават; следующая — Кимпуруша, между Химаватом и Хемакутой; к северу от последней и к югу от гор Нишадха — Хариварша; к северу от Меру — Рамьяка, протянувшаяся от гор Нила, или синих гор, до гор Швета (белых гор); Хиранмая лежит между горами Швета и Шрингин; Уттаракуру — за этими последними, в том же направлении, что и Бхарата. Каждая из варш имеет протяженность в девять тысяч (йоджан).

Илаврита — такого же размера, но в ее центре стоит золотая гора Меру, и вся эта страна протянулась на девять тысяч (йоджан) в каждую сторону от четырех сторон горы. В этой варше есть четыре горы, служащие как бы опорой Меру, каждая по десять тысяч (йоджан) высоты. Восточная из них называется Мандара, Южная — Гандхамадана, западная — Випул, а северная — Супаршва. На каждой из них стоит по одному дереву: Кадамба, Джамбу, Пиппала и Вата; каждое шириной свыше одиннадцати сотен (йоджан) и возвышающиеся, подобно знаменам на горах. Весь континент Джамбу-двипа получил свое название от дерева Джамбу. Яблоки с этого дерева велики, как слоны. Когда они перезревают, они падают на вершину горы и из их выделяющегося сока образуется река Джамбу, воду которой пьют местные жители. В результате испивания этой воды они проводят свои дни в довольстве и здоровье, никогда не потеют, не издают дурных запахов и не подвержены дряхлению и органическому распаду. Почва на берегах реки, впитывая сок Джамбу и осушаясь мягкими ветерками, порождает золото Джамбунада, из которого изготавлиются укра-

было колебание между тем, что он считал примитивной плоской Землей пуран и сферической Землей астрономов. Вторым и зависимым источником его бесконечных затруднений были его усилия интерпретировать мифическую географию в понятиях научной географии.

шения для святых душ, сиддхов. Страна Бхадрашва лежит к востоку от Меру, а Кетумала — к западу. И между ними находится Илаврита. К востоку от нее есть лес Чайтраратха; лес Гандхамадана — на юге; лес Вайбхиаджа — на западе, а роща Индии, или Мандана, — на севере. Там есть также четыре больших озера, называемых Арунода, Махабхадра, Аситода и Манаса; воду из них пьют боги. Главные горные хребты, которые отходят от основы горы Меру, подобно волокнам корня лотоса, таковы: к востоку — Ситанта, Мукунда, Курари, Мальяват и Вайканка; к югу — Трикута, Сисира, Патанга, Ручака и Нишадха; к западу — Шиквивасас, Вайдурья, Капила, Гандхамадана и Джарудхи; а к северу — Шанкхакута, Ришабха, Хамса, Нага и Каланджара. Эти и другие происходят из глубины тела Меру или из ее сердца.

На вершине Меру расположен обширный город бога Брахмы, простирающийся на четырнадцать тысяч лиг и воспроизводимый в небесах. А вокруг него, в главных точках и промежуточных местах, находятся столичные города Индры и других властителей сфер. Столицу Брахмы обходит река Ганга, которая, истекая от стоп Вишну и омывая лунную орбиту, падает здесь с неба. После обхода города она делится на четыре реки, растекающиеся в разных направлениях: это Шита, Алакананда, Чакшу и Бхадра. Первая, ниспадая на вершины внутренних гор, с восточной стороны Меру, течет через их пики и пересекает страну Бхадрашва на пути к океану. Алакананда течет к югу, к стране Бхарате, и, разделяясь по пути на семь рек, впадает в море. Чакшу вливается в море после того, как пересечет все западные горы и пройдет через страну Кетумала. А река Бхадра омывает страну Уттаракуру и впадает в Северный океан.

Меру заключена между горами Нила и Нишадха (с севера и юга) и горами Мальяват и Гандхамадана (с запада и востока). Она лежит между ними, подобная околплодию лотоса.

Страны Бхарата, Кетумала, Бхадрашва и Уттарактуру расположены в мире, как листья лотоса, вне пограничных гор. Джатхара и Дэвакута — это два горных хребта, протянувшиеся с севера на юг и соединяющие между собой цепи Нила и Нишадха. А горы Триштинга и Джарудха — это северная граница (Меру), протянувшаяся между двумя морями с востока на запад. Так я изложил вам все о горах, описанных великими мудрецами как пограничные горы, лежащие попарно с каждой стороны Меру. Также те, что подобны волокнам, Ситанта и другие, восхитительны. Их внутренние долины — любимые места отдыха сиддхов и чаранов. И там на них есть приятные леса, приветливые города, украшенные дворцами Лакшми, Вишну, Агни, Сурьи и других богов. Там жили и небесные духи, тогда как якши, ракшасы, дайтьи и данавы находились внизу, в долинах.

Таковы вкратце описанные области рая, или Сварги, места пребывания благочестивых, куда низкие не попадают даже после ста перерождений. В (стране) Бхадрашве Вишну пребывает в образе Хаяшира (лошадиноголового), в Кетумале — в образе Варахи (вепря), в Бхарате — в образе Курмы (черепахи), в Керу — в образе Матсьи (рыбы), а в своем вселенском образе он пребывает везде, так как Хари пронизывает собою все. В восьми просторах Кимпуруши и в других (всюду, не считая Бхараты) не бывает печали, усталости, беспокойства, голода, опасений; их обитатели избавлены от всех неудобств и страданий и живут (в ненарушаемом наслаждении) в течение десяти или двенадцати тысяч лет. Индра никогда не беспокоит их ливнями, ибо земля обильна водой. В этих местах нет перемены эпох Крита, Трета и другого их чередования. В каждой из этих варш имеется семь соответственных важных хребтов, на которых, о лучший из брахманов, берут начало сотни рек». (Из перевода «Вишну-пураны», Х. Х. Уилсона (H. H. Wilson).)

Дальнейшие расчеты географии пуран см.: *Wilford. Sacred Isles in the West. Ch. III; Geographical Extracts from the Puranas // Asiatic Researches. Vol. VIII.*

V. ГРИЛЛ О МИРОВОМ СТОЛБЕ В РИГВЕДЕ

«Это название Скамбха, которому многие придают значение столба или колонны, вызывает у меня представление о предмете, несущем на седьмое небо. Это представление позволило увидеть постепенное развитие в Ведах. В Ригведе слово «скамбха» означает изначально одну колонну в образе деревянного столба и в основном является конкретным выражением о преднебесье (ср.: IV, 13,5; VIII, 41, 10). Он близок к жизненному восприятию стебля растения, на чем покоится миф о растении соме. Отсюда возникает мысль о наполненности его соком (IX, 74, 2; 86, 46), и отсюда восходит картина небес, в которой сливаются два образа — твердости и текучести. Этот взгляд выступает в более развитом виде в Атхарваведе. В ней Скамбха предстает как основной столб и несущая балка всего мироустройства, в котором все составные части взаимно увязаны и где общая (единая) балка пронизывает небо, атмосферу и землю во всем собрании их тел и элементов, включая и весь круг их явлений и катастроф, — все покоится на этом основании, созданном с этой целью самим Праджапати (X, 7, 7, 2, 35). Эта Мировая колонна несет на себе и все собрание богов (X, 7, 13). На таком архитектурном восприятии покоится и понятие Атхарваведы о Дереве, о ветвях которого говорится, что они сами являются богами (X, 7; 21, 22, 38) и укрывают сокровище. Даже в образе одушевленного существа Скамбха так представлен, что определяется каждая отдельная часть его тела. Наконец, миф заходит так далеко, что он рисует этот столб, это дерево не только одушевленным, но оно выступает еще определеннее как идентификация Мировой души (Пुरुши), высшего Брахмана, Праджапати (творца мира),

и еще определеннее Скамбха совпадает с Индрой (X, 29). Правомерно сравнивается Скамбха с Атлантом греков и со Столбами Геракла. Но Макс Мюллер утверждает, имея в виду Скамбху и вышеприведенные свидетельства, что: «Не обнаружено ни одного доказательства того, что хотя бы легкое сравнение с Иггдрасилем приходило на ум ведическим поэтам» (Essays, Deutsch, II, 184/Chips. Vol. II, 204). Мне это непонятно. Можно сравнить также трактовку образа Скамбхи и мифов о нем с: de Gubernatis *Mythologia Vedica*. P. 273—299.

Из дальнейшего развития индийской мифологии я назвал бы еще более определенное представление о Мировом Древе, или Небесном Древе, отраженное в образе райского Паригаты (кораллового дерева, *Erythrina Indica*), которое появилось при пахтанье океана и которое ради Кришны и по желанию его жены Сатьябхамы сорвал Индра. Описание дерева, как и его похищение, описаны в «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» еще раз (см. «Вишну-пурана, пер. Уилсона). И еще подробнее об этом рассказано с некоторыми отклонениями в «Хариванше», где этому растению приписываются свойства «удовлетворять все пожелания: вы должны лишь захотеть мысленно, и сразу же, в силу качеств этого растения, которое знает условия множественности, вы получите гирлянды, венцы, букеты и целые клумбы этих цветов. Этот цветок излечивает от голода, жажды, болезней, старости и т. п. Более того, этот источник счастья и славы является также залогом благочестия. Он, понимающий и разумный, лишает безбожных своего воздействия, сохраняя его лишь для тех, кто предан своему долгу». *Siehe*. Harivansa, trad. par Langlois, II, 3, 12. (J. Grill. *Die Erzväter der Menschheit*. Vol. I. P. 358, 9).

VI. ПРИБЕЩИЩЕ МЕРТВЫХ У ГОМЕРА¹

О том месте, где следует представлять себе подземный мир, (в спорах) царит фантастический разлад.

Преллер

У Гомера выявляется двойственный взгляд на местонахождение царства мертвых — один раз оно находится под землей, а затем — оно на поверхности Земли в вечном мраке по ту сторону Западного океана. Взгляды на оба Аида все время пересекаются. Для того чтобы эти перепутанные понятия разделить и осмыслить, мы должны попробовать объяснять их по отдельности.

Фёлкер

Где Гомер помещал пространство Аида? Во всем широком поле исследований Гомера трудно найти более интригующий вопрос. Литература по этому сюжету составляет целую библиотеку. Мало о чем написано столь много. Ни мифологи, ни комментаторы поэта, ни даже школьные переводчики не могут обойти этот вопрос. И все же в своих ответах авторитетные исследователи Гомера за все последнее время — к какой бы национальности они ни принадлежали — являют собой жалкое зрелище беспомощного замешательства. Эти различные интерпретаторы, будучи разбросаны на классы по ответам, которые они дают на предложенный вопрос, выглядят следующим образом:

Первые — те, кто удовлетворяется общим утверждением, что Земля у Гомера — «плоский диск» и что его Аид, как и вообще у древних, несомненно, представляется как темный провал или пещера в недрах этого земного диска. Что-либо в «Одиссее» или еще где-

Ранее напечатано в «Ежегоднике Бостонского университета».

нибудь, не согласующееся с этим взглядом, воспринималось как простая игра фантазии поэта.

Вторые — те, кто относится к классу (если это можно назвать классом) тех, кто говорит, вместе с гениальным Вильгельмом Йорданом: «Царство Аид в «Одиссее» — это та обратная сторона Земли, где не светит солнце, «противоположная земля» давно миновавших времен. Рассматриваемая и от «плодородной пашни», и от «неба богов», она всегда остается подземным миром, «подземной пещерой», но не как внутренняя часть Земли, а как обратная поверхность»¹. Здесь Земля — это плоский диск, но Аид находится не внутри нее, а под ней, на ее обратной стороне.

Третьи — это те, кто считает, что мрачное царство находится на обитаемой поверхности Земли, но только на дальнем западе, внутри океанского потока.

Сюда относятся все комментаторы, которые, локализуя Аид на западе Земли, помещают остров Цирцеи в той же области. Они считают также, что Одиссей никогда не пересекал океан.

Четвертые локализуют Аид на дальнем западе, но только по ту сторону океана. Сюда входят все комментаторы, которые помещали Аид на поверхности на западе и туда же относят остров Цирцеи, но верят все же, что Одиссей пересек океан².

¹ *Fleckeisen*. Jahrbücher, 1872. Vol. CV. P. 1—8.

² *Rinck*. Die Religion der Hellenen. Th. II. P. 459: «У Гомера царство теней — это не подземный мир, но оно лежит вне освещаемой солнцем поверхности Земли, по ту сторону океана». Здесь, как и у ряда других авторов, наряду с признанием единого автора «Илиады» и «Одиссеи», мы видим и намек на то, что смущающее противоречие в греческих представлениях об Аиде связано с постепенным его перемещением с запада в глубины Земли, а это мнение вызвано прогрессом в их знаниях. Возможно, следует ввести еще один класс, куда вошли бы представители этого взгляда. Но если это сделать, то понадобится еще и четырнадцатый класс для тех кто, вместе с Чарлзом Френсисом Кири резко «опрокидывает» весь процесс и считает древнейший греческий Аид подземным, а заокеанский западный Аид полагает представлением более поздней эпохи. *The Mythology of the Eddas*. London, 1882. P. 14.

Пятые — те, кто локализует его на дальнем востоке, прямо посреди океанского течения. К ним относятся все, кто помещает остров Цирцеи на востоке и считает, что Одиссей не пересекал океан, чтобы посетить наземный Аид.

Шестой класс — это те, кто тоже помещает его на востоке, но вне океанского течения. Сюда входят те, кто видит остров Цирцеи на востоке и уверен, что Одиссей пересек океан, чтобы посетить наземный Аид.

Седьмые пытаются гармонизировать конфликтные представления, соединяя выражения, относящиеся к Аиду в недрах плоской Земли, и выражения, касающиеся «входа» в место, ведущее вниз от мира живых людей. Этот класс делится на четыре подкласса по признаку их мнений о нахождении входа в Аид — в океане или вне океана, а также о нахождении его к востоку или западу от поэта.

Восьмые считают, что главное затруднение заключается в самом поэте, который смешал две несовпадающие мифологии.

Девятые пытаются решить все разногласия, приписывая разным векам и разным авторам разные представления в обоих поэмах и даже в разных частях одной.

Десятый класс объединяет тех, кто подвергает сомнению: приемлемо ли или нет то, что Гомер говорил о двух Аидах — «подземном» и том, что «лежит под океаном».

В одиннадцатый входят те, кто вместе с Альтенбургом и Герландом преобразуют всю историю схождения Одиссея в Аид просто в астрономический миф¹, или все же вместе с Коксом видят в ней мифолого-поэтическое выражение того прозаического факта, что Солнце, «царь небес», возвращаясь после утреннего

«Odysseus in der Unterwelt». Archiv für Philologie, 1840. P. 170—188. G. K. C. Gerland. Altgriechische Märchen in der Odyssee. Magdeburg, 1869. P. 50.

и дневного путешествий в сторону западного дома, иногда находит необходимым пройти этот путь за облаками¹.

Двенадцатый класс объединяет тех, кто указывает на вопиющие трудности во всех проблемах, но честно заявляет о своей абсолютной невозможности предложить какое-либо решение.

Из числа наиболее важных карт «мира по Гомеру» карты Банбери, Фёлкера и Форбигера построены в соответствии со взглядами членов класса четвертого. Карта Укерта соответствует взглядам членов класса седьмого, которые локализуют вход в Аид на дальнем западе, посреди океана. Карта Гладстоуна² соответствует взглядам членов класса седьмого, локализуя вход в Аид на дальнем востоке, тоже посреди океана. Фёлкер, однако, склонен верить в то, что у Гомера два Аида — один внутриземный, а другой наземный и заокеанский на западе.

Таковы множественные, противоречивые, запутанные и обескураживающие ответы на вопросы, задаваемые наиболее образованными и известными специалистами по Гомеру. Было бы очень легко заполнить целый том цитатами, иллюстрирующими эти разные позиции, и остроумными, но взаимно разрушительными аргументами, которыми защитники этих взглядов стараются их упрочить. Было бы более результативным отвернуться от этого Вавилона идей, на которые как бы обрушился мрак Аида, и спросить самого поэта о данном сюжете.

Mythology of the Aryan Nations. Vol. II. P. 171—180.

² Гладстоун недавно отказался от теории плоской Земли. Он стал жарко защищать идею внутриземного Аида со входом, обращенным вниз. См. его работу «Primer». London and New York, 1878. P. 54—57; and «Homeric Synchronism». London, 1876. P. 231. Возможно, следовало бы и этот взгляд включить в приведенную выше классификацию.

Место мертвых представлено Гомером как место вечной ночи. Его название — Эребос¹. По имени властвующего там божества его обычно называют домом, или прибежищем Аида². То, что он считался находящимся под землей, выявляют постоянно повторяющиеся выражения, как в «Илиаде», так и в «Одиссее», означающие спуск в него и подъем из него³.

В некоторых местах действительно о нем выразительно говорится как о «подземном»⁴; в других — как о находящемся «под углублениями земли»⁵. Отсюда и

¹ «Dénomination assyrienne». Félix Robiou. Questions Homériques. Paris, 1876. P. 13. Семитское происхождение термина знаменательно. Оно подготавливает нас к обнаружению соответствия между идеями Гомера и ассиро-вавилонян, относящимися к царству мертвых. Гладстоун говорит: «Я был поражен первенством иноземного характера и ассоциаций, относительно подземного мира у Гомера в одиннадцатой главе «Одиссеи». Homeric Synchronism. London, 1876. P. 213. О замечательной выразительности клинописного вида идеограммы для слова «эрибу» см. пояснение, данное: Robert Brown. Jun., in: the Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, May, 4, 1880.

² Этот термин тоже, как полагают, восточного происхождения, он точно соответствует аккадскому *Bit Edi*. См. перевод «Нисхождения Иштар». «Талбот считает — и я думаю, что правильно, — что обычная этимология слова Hades — *quasi Aides*, то есть «невидимый» — возникла достаточно поздно». Robert Brown. Jun., The Myth of Kirke. P. 111 n.

³ Iliad, VI. 284; VII. 330; XIV. 457; XXII. 425. Odyssey, X. 174, 560; XI. 65, 164, 475, 624; XXIII. 252; XXIV. 10, etc. «О некоем определенном входе в этот подземный Аид, — замечает Фёлкер (Homerische Geographie, 141), — поэт ничего не говорит; напротив, души проходят повсеместно под землю, ничем не задерживаемые, как погребенные, так и не погребенные». Принимая это, не видишь оснований для его других утверждений. «Этот Аид не под землей, а на ней». Нематериальные тени могут с такой же легкостью проходить сквозь весь земной шар, на другую его поверхность, как они проходят через толстую земную кору в подземные пустоты. Но см. у Гладстоуна (Homeric Synchronism. P. 222): «Во всем тексте Гомера нет ни единого места, которое выражало бы идею или указывало бы на возможность нашего проникновения сквозь плотную землю».

⁴ Iliad, XXIII, 100; XVIII, 333.

⁵ Odyssey, XXIV, 204; Ср.: Iliad, XXII, 482.

сам Аид именуется *Zeus katachthonios* — «Подземный Зевс»¹.

В битве богов есть живое описание и этого подземного мира, и его правителя, охваченного дрожью: «Так возбужденные благословенные боги были обоюдно охвачены гневом, и между ними разыгрывалась страшная битва. Но так страшно сверху гремел Отец богов и людей, а снизу Посейдон сотрясал всю землю и высокие вершины гор. Были сотрясаемы корни и все вершины Иды с ее множеством ручьев, как и город троянцев и корабли греков. Сам Аид, царь нижнего покая, дрожал там внизу и спрыгнул с трона, и в испуге громко закричал, чтобы сотрясавший землю Посейдон не расколол на куски земную твердь над ним и не открылись бы для смертных и бессмертных его покои, ужасные, грязные, которые ненавидят даже боги»².

Но в то время, как прибежище Аида столь ясно представлено как подземное, оно же тем не менее представлено и как находящееся за океанским потоком, куда можно добраться на корабле. В одиннадцатой и двенадцатой книгах «Одиссеи» путь Одиссея в эту область описывается примерно в тех же терминах мореходства, как и путь в страну лотофагов³. И о его беседе с мертвым Хейман говорит: «Вся сцена представлена поэтом как разыгравшаяся на географическом просторе земли за океанским потоком»⁴. Тут нет наме-

¹ *Iliad*, IX, 547. Ср.: III, 278; XIX, 259; XX, 61. Ср.: *Herodotus*, II, 122.

² *Iliad*, XX, 61 ff. Не может быть вопроса о том, что беспристрастен перевод, даваемый в этой работе; мы следуем за широко известной версией Теодора Алоиса Бакли (*Theodor Alois Buckley*, из *Christ Church, Oxford*). Версия, более точно передающая значение глаголов, обозначающих движения кверху и книзу, во многих местах была бы предпочтительнее как более близкая к космологической точке зрения.

³ *Лотофаги* — в греческой мифологии мирное племя, питающееся плодами лотоса. — *Прим. ред.*

⁴ *Henry Hayman. The Odyssey of Homer. London, 1866. Vol. II. Appendix G3. P. XVII.*

ка на схождение во внутренние области Земли или о проходе в подземные пещеры или сквозь них. Путешествие столь же обычно, во всех подробностях, как и путь от одного берега Атлантического океана до другого¹. Вот как начинается одиннадцатая книга:

«Но когда мы спустились к кораблю и морю, мы прежде всего спустили корабль в это божественное море и поставили мачту и паруса на этот черный корабль. И взяли овец и поместили их на борту, и сами тоже взошли на борт, горюя и проливая теплые слезы. Светлокудрая Кирке (Цирцея) — величественная богиня, знающая речь людей, — на наш корабль, имеющий темно-синий нос, послала влажный ветер, наполнивший паруса; (он стал) нашим дивным товарищем. И мы расселись по местам, пустив в ход все нужное на корабле, а ветер и капитан направляли его. И под этим ветром, пролетавшим над морем, паруса накрыла тень. И она достигала дальнего края глубоко текущего океана², где народ киммерийцев и их город укрыты тенью и паром, и никогда сияющее солнце не посылает им своих лучей — и уходя к звездному небу, и поворачивая обратно от неба к земле, и вечная ночь простирается над несчастными смертными. Придя туда, мы остановили свой корабль и выгрузили овец, а сами снова направились в поток океана и, наконец, достигли того места, о котором говорила Кирке».

Здесь герой исполнил должные ритуалы и последовал тем советам, которые ранее ему дала Кирке в следующих выражениях: «О благородный сын Лаэрта, многомудрый Одиссей, не задерживайся в моем доме против своей воли. Но ты сначала должен совершить другое путешествие, в дом Аида и ужасающей Персе-

¹ «Нет никакого следа упоминаний о спуске. Пусть его ищет тот, кто может доказать, что Одиссей был внутри земли». — *Völcker. Homerische Geographie*. P. 150.

² То есть дальнего берега. См. *Völcker*. P. 145.

фоны, чтобы посоветоваться с душой фивянина Тиресия, слепого пророка, чей ум тверд. Его, даже мертвого, Персефона одарила пониманием, его одного сделала благоразумным, а все другие пролетают, как тени.

— Но кто же, о Кирке, будет руководить мной в этом путешествии? Еще никто не появлялся перед Аидом в черном корабле.

— О благородный сын Лаэрта, многомудрый Одиссей, пусть тебя не тревожит желание иметь проводника, но когда поднимешь мачту и расправишь белые паруса, садись, и пусть дуновение северного ветра тебя ведет. А когда ты пересечешь на корабле океан, там есть слегка покатый берег¹ и рощи Персефоны, и высокие тополя, и бесплодные ивы, там останови корабль у глубокого водоворота океана и иди в просторный дворец Аида. Здесь текут к Ахерону Пирифлегетон и Коцит, вытекающий из вод Стикса, и там есть скала и слияние двух громкоревущих рек. И там ты, о герой, приблизившись, как я тебе говорю, выкопай проход шириной в локоть на всем его протяжении и соверши вокруг себя возлияния в честь душ умерших — сначала смешанным медом, затем сладким вином и в третий раз водой и посыпь белую муку на это все. И умоляй бессильные головы мертвых, обещая, что по приходе в Итаку ты принесешь во дворце в жертву телку, лучшую из них, и заполнишь костер лучшими из жертв, и принесешь самому Тиресию черную овцу, самую черную из всех черных овец. Но когда ты умолишь вознесением молитв все собрание прославленных теней, принеси в жертву барана и черную овцу, обернувшись в сторону Эреба; и тогда отойди подальше, направляясь к струям реки: туда явятся многие

¹ Бакли четко выражает недовольство этим пояснением. Фёлкер переводит термин как «низкий берег». Возможно, это нижерасположенный берег как противоположность высокому, или противоположащему.

души мертвых. Тогда немедленно обратись к своим спутникам, повелев им, ободрив безжалостным ножом лежащих там убитых овец, сжечь их и воззвать к обоим богам — к всемогущему Аиду и устрашающей Персефоне. И извлеки свой острый меч от бедра и сядь, и не позволяй бессильным головам мертвых приблизиться к крови, прежде чем ты обратишься с вопросом к Тиресию. И тогда прорицатель сразу явится к тебе, о вождь богов, и расскажет тебе все о путешествии и о длине пути и о твоём возвращении, и как тебе пересечь наполненное рыбами море»¹.

В следующей части Одиссей рассказывает, как он, прибыв «к месту, о котором упоминала Кирке», выполнил ее распоряжение:

«Тогда Перимед и Эврилох принесли священную жертву, но я, извлеки острый меч от своего бедра, выкопал проход в один локоть шириной по всей длине, и вокруг него вы совершили возлияние ко всем мертвым — сначала смешанным медом, затем сладким вином и в третий раз водой, и рассыпал поверх этого белую муку. И я стал просить головы мертвых, обещая, что после прибытия в Итаку я принесу в жертву в моем дворце телку, самую превосходную, самую лучшую, и особо для Тиресия я пожертвую черную овцу, самую превосходную среди моих овец. И когда я обратился к ним, к этим мертвым с их воплями и молитвами, я взял овец и отсек им головы, бросив их в этот проход, и текла черная кровь, тогда со всех сторон стали стекаться к проходу души погубленных мертвых, отойдя от Эреба, — обрученных дев и юношей, и долго проживших старцев, и нежных дев с опечаленным разумом, и много прославленных Марсом мужей, сраженных копьями с острыми бронзовыми наконечниками, с руками, покрытыми запекшейся кровью, — все они во множестве стекались сюда с

¹ Odyssey, X, 488—540.

громкими воплями. И меня охватил страх. Затем, наконец, обратившись к своим товарищам, я велел им, ободрав лежащих там убитых овец, убитых безжалостным оружием, сжечь их и воззвать к богам, к обоим, к Аиду и Персефоне. А я, извлекиши острый меч от своего бедра, сел там. Я не позволял бессильным головам мертвых приближаться к крови, пока я не обращаюсь с вопросами к Тиресию».

До сих пор может казаться неопределенным, были ли герой в Аиде или только приблизился к нему, доступному в какой-то мере и живым, и мертвым. Но сразу за этим следующие строки указывают на то, что он действительно был в «жилище Аида»:

«И первой пришла душа моего товарища Эльпенора, ибо он еще не был погребен под землей, так как мы оставили его тело во дворце Кирке, неоплаканное и непогребенное, ведь нас призывала другая судьба. Увидав его, я заплакал и мысленно стал жалеть его: «О Эльпенор, как ты пришел на этот темный запад? Ты пришел пешком скорее, чем я на черном корабле». Так я говорил, а он, вздыхая, отвечал мне: «О Зевсорожденный сын Лаэрта, многомудрый Одиссей, злое веление божества и обилие вина сразили меня. Лежа во дворце Кирке, я и не подумал спуститься по длинной лестнице, а упал с крыши, и моя шея оторвалась от позвоночника, а моя душа слетела в Аид».

В строке 69 Эльпенор говорит, что Одиссей «шел отсюда, из жилища Аида», а в строке 164 и других местах (X. 502; XI. 59, 158; XII. 21; XXIII. 324) примененные выражения не оставляют места сомнениям в том, что Одиссей в своем путешествии совершил настоящий спуск в инферно¹. Здесь, таким образом, возникают два существенных вопроса по каждому пред-

¹ См.: *Preller. Mythologie. Vol. I. P. 504—505*, где он сказал, что герой пришел «в истинный подземный мир, а не только ко входу в него». См.: *Völcker. Homerische Geographie, § 76*.

лагаемому решению проблемы локализации Аида у Гомера:

1. Его Аид должен быть под землей.
2. Он может быть на поверхности земли за океаном.

Это странное и смущающее разночтение, чтобы не сказать противоречие, не избежало внимания старых комментаторов и авторов, писавших о мифологии. Оно вызвало много проявлений изобретательности у германских ученых. Ф. А. Вольф признал это, но не оказался способным дать объяснение. Дж. Г. Фосс изобрел метод решения проблемы, поместив Аид внутрь земного диска, но «вход в него» — на крайний запад Европы, на край океана. Фёлкер отвергает это решение, но в отсутствие лучшего осторожно предполагает, как мы уже видели, возможность двух царств мертвых у Гомера — одно внутри земли, а другое на темном заокеанском западе¹. Эггерс² и Ницш³ склонились к поддержке компромисса Фосса, и в 1854 году Преллер мог все еще говорить, что этот вариант «сейчас в основном преобладает»⁴. И еще, как утверждают Преллер и ряд других авторов, нет ничего в описаниях западного Аида, что соответствовало бы идее «портала» или «входа» в подземный мир, который простирался бы так далеко к востоку, что находился и под Грецией, и под Малой Азией⁵: в силу чего более поздние

¹ Такое допущение ничего не решает, так как, по словам Хенце, «подземный характер даже Аида в Одиссее не может быть никоим образом отброшен». *Ameis. Anhang*, Book X, 508.

² *De Orco Homeric*. Altona, 1836. Но Эггерс помещал вход в Аид внутри океанского потока, а Ницш — вне его.

³ *G. W. Nitzsch. Erklärende Anmerkungen zu Homers Odyssee*. Hannover, 1840. Bd. III. P. XXXV, 187.

⁴ *Griechische Mythologie*. I. P. 505.

⁵ См.: *Preller. Mythologie*. Vol. I. P. 504. *Eisenlohr. Lage des Homerischen Todtenreichs*, 1872. Банбери удовлетворяется тем, что холодно замечает: «Это определенно не заслуживает траты времени на то, чтобы спрашивать, какая географическая идея сложилась в мозгу поэта об этом визите в область Аида» (!) *History of Ancient Geography*. Vol. I. P. 58.

переводчики были так же свободны, как и более ранние, в своем выборе из числа диких и противоречивых догадок, описанных в начале данной работы. Последняя из них принадлежит Йордану, и хотя она приближается к правде на толщину волоска, ее высмеивали наиболее широко¹.

Как указывалось на предшествующих страницах, основным ложным принципом было безосновательное утверждение, что Земля у Гомера — это плоский диск, но именно он сделал недействительными и запутанными все современные дискуссии о космологии Гомера. Это ошибочное предопределение ответственно за ошибки во всех до сих пор предложенных указаниях на правильное местонахождения Аида у поэта. Стоит один раз представить себе космос Гомера, как он изображен на иллюстрации из «Мира Гомера» («World of Homer»), и проблема местонахождения Аида решается с первого взгляда. Он находится на юге или под верхним полушарием сферической Земли. В этом концептуальном решении он в любом случае «трансокеанский», а также «подземный». Теперь впервые может быть понято, как Леда и ее благородные сыновья могли оказаться на дальнем берегу океана «на географическом земном пространстве», и в то же самое время «под землей» (Одиссея, XI, 298). В этом космосе Аид не может быть за океаном без того, чтобы не быть и под землей. По традиционной теории плоской Земли, это описание есть и всегда должно быть ощутимо несостоятельным, как и представляет это Фёлкер. Это не объяснит и теория о существовании двух и даже двадцати Гомеров. Точно так же обстоит дело и с описаниями, касающимися Эльпенора. Его душа после смерти идет «под землю» и все же находится с другими духами в темной стране

¹ См.: *Kammer*. Einheit der Odyssee nach Widerlegung der Ansichten von Lachmann-Steinthal, Köchly, Hennings, und Kirchhoff. Leipsic, 1873. P. 486—490.

за океанским потоком. И снова то же самое повторяется в отношении теней убитых спутников. Они попадают в подземный мир (XXIV, 106, 203), но по пути к океану по поверхности земли ясно видят движение солнца и звезд Млечного Пути (XXIV, 9—12)¹. Выдающиеся ученые обвиняли поэта в повторных сентенциях, более грубых и досадных, чем уже ставшие привычными в этом прочтении². Но все затруднения связаны не с поэтом, а с его переводчиками. Когда Земля считается сферой, все совмещается и становится таким, каким и должно быть. При такой реконструкции космоса Гомера каждый пересекающий океанский поток, будь то Гермес, или Одиссей, или Геракл, достигает рощи Персефоны и жилища Аида. Где бы ни находился остров Кирке, «дуновенье северного ветра» приведет оттуда путников к царству мертвых. Теперь можно понять, как восхищенная невеста подземного Зевса во время спуска в подземный мир вслед за быстрыми конями могла еще в течение некоторого времени видеть звездное небо, землю, солнечный свет и море, полное рыб³.

Хотя бог способен проникать сквозь твердую сферу⁴, внизу нет зияющей бездны, которая поглотила бы его колесницу. До тех пределов, до которых мы можем проследить и его, и его жертву, они оба остаются на поверхности земли, просто передвинувшись с верхней

¹ Порфириус (*Porphyrius. De antro Nympharum*, 28) поясняет этот камень преткновения комментаторов, «людей снов».

² *Völcker. Homerische Geographie*. P. 152.

³ *Homeric Hymn to Demeter*, 30—35. Форстер считает, что этот гимн был создан в начале VII века до н. э.: *Der Raub und Rückkehr der Persephonè*. Stuttgart, 1874. P. 33—39. См.: *Sterrett. Qua in Re Hymni Homerici quinque Majores inter se different Antiquitate vel Homeritate*. Boston. 1881.

⁴ Строки 16—18. Примерно то же самое в индийском эпосе, в «Рамаяне»: достигается одна и та же точка Аида — Ансуман ли роет землю до ее центра или богиня Ганга следует по поверхности земли и через океан (Книга I, песнь XL. Ср.: Одиссея, XI, 57, 58).

полусферы на нижнюю¹. В полном соответствии с вопросом, сформулированным Фёлкером, Одиссей и его спутники спускаются (XI, 57, 476), тогда как духи поднимаются (XI, 38), чтобы достичь места встречи на нижнем краю океанского потока. Точным и поразительно естественным выглядит теперь заявление поэта, что Тартар «настолько же ниже Аида, насколько земля ниже солнца», заявление настолько же решающее для многих объяснений гомеровского Аида, насколько и для изящной и остроумной диаграммы Флэча, изображающей Аид по Гесиоду². Фосс не должен больше беспокоиться по поводу «облаков», упоминающихся «внутри» опрокинутой полусферы³. Точнее, при правильном восприятии концепции Гомера, касающейся земли и Аида, многие противоречия, приписываемые поэту, немедленно исчезают. И даже более того — двойственная картина Аида, которая столь долго смущала и затемняла зрение переводчиков Гомера, сразу превращается в однозначную, точно сфокусированную стереоскопическую картину поразительной жизненности и красоты.

Но для пытливых умов, возможно, еще остается одно основание для сомнения и опасения. Могут спросить: «Достоверно ли то, что грек ранних времен Гомера, не натренированный в области движений научного воображения, мог представить себе, что подвешенная нижняя поверхность Земли может стать обиталищем духов? Мог ли он, задолго до «дней Ньютона», овладеть таким знанием гравитации, чтобы увидеть как это нижние реки

¹ Много обсуждавшееся поле Нисы, где была похищена богиня, находилось на Земле богов на Северном полюсе. *Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre*. Bd. I, 64—67; II, 25, 87, 93, 100, 122, 148, 345.

² *Das System der Hesiodischen Kosmogonie*. Leipsic, 1874.

³ *Odyssey*, XI, 591. Фёлкер, локализуя этот Аид на Земле на дальнем западе, тоже смущен этими облаками, так как небо Гомера не достигает заокеанской области и даже океанской.

и нижние дворцы могут свисать с нижней полусферы? О познаниях Аристотеля и греческих философов его времени мы знаем из их писаний¹, но правомерно ли считать, что грек гомеровских времен соответствовал таким задачам? Эта предполагаемая концепция Аида требует, чтобы мы подумали о мире, где все опрокинуто вверх ногами, полностью противоположно и антиподно по отношению к нашему миру. Можем ли мы

Олимп

Тартар

«Мир Гомера»

¹ См.: Dr. H. W. Schafer. Entwicklung der Ansichten des Alterthums über die Gestalt und Grösse der Erde. Leipsic, 1868.

поверить в то, что доисторический человек мог достичь такого чуда, как абстрактная мысль?

Уместным и, вероятно, удовлетворительным ответом на эти вопросы могло бы стать указание на весьма любопытный и поучительный погребальный обряд у современных бирманских каренов. Это племя явно не выше одарено и не выше цивилизовано, чем греки героического периода, но они как раз точно соблюдают гомеровскую концепцию Аида-антипода. Наиболее компетентные авторы дают нам следующее описание: «Когда настает день похорон и тело несут на кладбище, они берут четыре бамбуковые палки и бросают их так: одну на запад, говоря при этом: «Это восток», другую на восток, говоря при этом: «Это запад», третью бросают на верхушку дерева, говоря: «Это основа ствола», а четвертую бросают вниз, говоря: «Это вершина дерева». Исток реки указывают, говоря: «Это устье реки», на устье говорят: «Это начало реки». Все это делается потому, что в Аиде все перевернуто вверх ногами по сравнению с этим светом¹.

Как бы ни был поразителен этот ответ на вопрос, но может быть дан и еще лучший. Он укажет спрашивающему всю глупость предположения, что и греки, и карены создали концепцию Аида сами по себе. Оба народа унаследовали от своих отцов старую доэллиническую азиатскую идею об антиподном подземном мире. Много веков назад понятие, предваряющее ритуалы каренов, было столь широко известно восточным арьям, что внезапное и неизбежное изменение точек ком-

¹ Mason in: *Journal of the Asiatic Society. Bengal*, XXXV. Pt. II. P. 28. *Spencer. Descriptive Sociology*, № 5. P. 23. По меньшей мере одно из наших индейских племен еще до времени открытия их знало миф о творении, в котором Земля представлялась шаром. *H. H. Bancroft. Native Races of the Pacific States. Vol. III. P. 536.* О том, что эта же идея принадлежит и концепции Аида у новозеландцев, известно из многих указаний.

паса в результате входа в подземный мир стало поэтическим иносказанием для выражения идеи смерти: так, «до того, как тебя вынесут мертвого в царство смерти по священному велению Ямы... до того, как четыре страны света повернутся кругом... погрузись в глубокое раздумье»¹.

Много веков назад мнение, которое направляло к югу путешествие Одиссея, привело доисторических аккадцев к наименованию основных пунктов компаса, к обозначению юга как «места погребений», и при локализации царства мертвых определило его место «против звезд южного полярного неба»². На протяжении всего периода существования Вавилона и Ассирии, как и в течение всего периода существования Древней Индии³, Гора богов была на вершине Земли у Северного полюса; ее противоположность, — Гора владык смерти — точно напротив, под землей и у Южного полюса⁴. По-

¹ Mahābhārata, XII, 12,080. Muir. Metrical Translations from Sanskrit Writers. London, 1879. P. 220. «Для богов эта звездная сфера кружится вправо; для врагов этих богов — влево». Sūrya Siddhānta, XII, ch. 55. Ср.: Aristotle, De Caelo. Lib. II. C. 2.

² Dupuis. Origine de Tous les Cults. T. I, 624. Lenormant. Chaldaean Magic (English edition). P. 168, 169. О значении юга в религии индусов см.: Colebrooke. Essays. Vol. I. P. 174, 176, 182, 187. Vol. II. P. 390—392; Monier Williams. Sanskrit Dictionary, Art. «Yama»; Muir. Sanskrit Texts. Vol. V. P. 284—327; and India literature passim.

³ Sūrya Siddhānta, ch. XII. Journal of the American Oriental Society. New Haven, 1860. Vol. VI. P. 140—480. Keightley. Mythology (Bohn). P. 240, n. 9.

⁴ Об этой горе Ленорман говорит, что у древних халдеев она «расположена в нижних частях земли», но иногда он ошибочно помещает ее на запад. О Горе богов — это «крайний пункт подъема поверхности земли», но помещает ее не на севере, а часто на востоке или северо-востоке. Origines de l'Histoire. Paris, 1882. T. II, I. P. 134. См. также: Tiele. Histoire Comparée des Anciennes Religions. Paris, 1882. P. 177, где он говорит о входе в Аид с юго-запада. Это, видимо, ошибка, так как выражение аккадцев *mer kurra*, «главная точка горы», должно было изначально обозначать север. А что до горы у Ленормана на западе или юго-западе, то немецкий

этому жизнь и свет распространяются с севера, а мрак и смерть — с юга¹. Таким же образом египтяне считали, что их гора, касающаяся неба, находится на далеком севере, а ее антипод — в Аменти, или пристанище мертвых². Как по мысли древних индийцев, так и по мысли египтян, этот мир мертвых был либо перевернутым миром живых или же его противоположностью³. «Высокая гора Аида», подобно Ку-Меру, является по-

ученый Фридрих Делич, писавший об этом известный ассириолог, говорит, что в клинописной литературе он не открыл и следов такой локализации. *Wo lag das Paradies?* Leipsic, 1881. P. 121.

¹ «По литературе пифагорейцев, орфиков и неоплатоников, северный ветер приносил жизнь, а южный — смерть. Под северным ветром жили святые и боги, творцы и хранители мира, а под южным — все проклятые и злые разрушающие враги». *W. Menzel. Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre. Vol. II. P. 101; а также p: 36, 168, 345 etc.;* Ср.: *A. Maury. Histoire des Religions de la Grece Antique. Paris, 1869. T. III, 354.*

² О первом см.: *Brugsch. Geographische Inschriften altägyptischer Denkmäler. Leipsic, 1885. Bd. II. P. 57; о втором — The Book of the Dead, passim.*

³ См.: *Tiele. History of the Egyptian Religion (English edition, 1882). P. 68, «перевернутый мир»: и еще более сильное выражение в его «Histoire Comparée» (Paris, 1882). P. 47, «мир, противоположный реальному». Ср.: *Book of the Dead (Birch's version),* где сказано: «вывернутые пределы», а в «*Thomson's Egyptian Doctrine of the Future State*» Аид описан как «перевернутая полусфера мрака», и где сказано, что «очевидно то, что ведущие черты греческого Аида были заимствованы у египтян». *Bibliotheca Sacra, 1868. P. 84, 86.* И совсем недавно Реджиналд С. Пул заметил: «Теперь, когда мы видим, что часть греческого пантеона создана на Ведах и в целом носит арийский характер, мы должны поискать — а что в нем не ведическое; если заимствовали балъзамирование из Египта, то почему и не сопровождающие это идеи — картины подземного мира с его судом, блаженством и бедами? Рассказы Одиссея у Гомера, когда он скрывает себя, говорят о знакомстве греков того времени с Египтом». *The Contemporary Review. London, 1881, July. P. 61.* Лучше будет сказать, что Аид Гомера, похожий на египетский, вавилонский и ведический, не заимствован у них, а просто подобен им, так как у них общее наследство: пережиток древнейших идей доисторических предков.*

этому «подвешенной»¹ — южной оконечностью, или нижним концом яйца Земли².

Иногда утверждают, что египетский Аменти располагался над горой к западу от Абидоса³; высказывания достойны таких космологов, как Попси Миддлтон или еще более блестящий автор «Зететической астрономии».

Примерно за тысячу лет до того, как Авраам пошел в Египет — по крайней мере, эта дата устанавливается египтологами, — писец запечатлел на папирусе прекрасную копию истории о кораблекрушении. Сейчас это одно из сокровищ, хранящихся в Санкт-Петербурге. О ее существовании современный мир узнал лишь в 1881 году, когда Конгрессу ориенталистов в Берлине был представлен перевод, сделанный М. Голенищевым. Этот рассказ явно служит своего рода предвестием путешествия Одиссея в царство Аида. Подобно Одиссею, там тоже капитан корабля выступает в качестве рассказчика, описывающего приключения. Там нет ни воображаемых черт, ни поэтических неясностей, касающихся деталей. Корабль был длиной в сто пятьдесят локтей и шириной в сорок локтей. Экипаж состоял из

¹ Records of the Past. Vol. X. P. 88.

² Tiele. History of the Egyptian Religion. P. 67: «Небеса (ночью) стоят над землей, как гусыня над яйцами». Многие авторы (Chabas, Lieblein, Lefevre и др.) поддерживали мысль, что древние египтяне знали о сфере Земли, тогда как Масперо, несмотря на свои высказывания в «Les Contes Populaires de l'Égypte Ancienne» (Paris, 1882. P. LXI—LXIII), в более позднем частном письме соглашается, что, возможно, египтяне знали это уже в XVIII веке до н. э. В связи с этим полезно указать, что Тиле сказал автору о своем отказе от мысли о *Cher-nuter*, выраженной им в «Vergelijkende Geschiedenis van de Egyptische en Mesopotamische Godesdiensten». Amsterdam. 1872. P. 94; French edition, 1882. P. 51; English edition, 1882. P. 72.

³ Как, например, у *Marius Fontane*. Histoire Universelle. Les Égyptes. Paris, 1882. P. 154. Нижеследующее особенно своевременно: «Когда я был в Абидосе, я исследовал горные скалы к западу от города в надежде найти в них древние захоронения. Но в этом я был разочарован, так как нашел лишь несколько могил римского времени». Профессор Сейс в письме из Египта в: The Academy. London, Feb. 2, 1884. P. 84.

ста пятидесяти человек. На океане он потерпел крушение, и его экипаж погиб. Сам же рассказчик был вынесен на остров поблизости от нижнего царства мертвых. Действительно, место это называлось «Остров двойников», и это был, как полагает Масперо, народ теней, невидимых для путешественника лишь потому, что он сам обладал плотным телом. Царем острова был большой змей, имевший длину в тридцать локтей и обладавший прекрасной бородой¹.

В каком же направлении лежит эта таинственная земля?

Не на западе, где все египтологи упорно помещают Аменти, но на юге. Путь странствующего лежал вверх по Нилу, а затем в океан у истоков реки. Как и в случае с Одиссеем, что было много веков спустя, ветер с севера пригнал его к этому месту².

И заключение: если и древние египтяне³, и халдеи⁴ верили, что, подобно звездам северной полусферы,

¹ Les Contes Populaires de l'Égypte Ancienne. P. 145—147. По поводу конфликтных взглядов египтологов относительно перевода терминов, обозначающих пункты компаса, см.: Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1865, 1877, etc.

² Универсальность веры древних в то, что лишившиеся плоти души должны пересечь обширную воду, чтобы достичь своего истинного прибежища, — это привлекло внимание Маннхардта и вызвало его слова: «Это представление было известно древним религиям кельтов, эллинов, иранцев и индийцев, поэтому вероятно, что оно существовало до времени их разделения». Germanische Mythen. Berlin, 1858. P. 364. Это объяснение более разумно, чем слабая попытка Кири в приведенной выше цитате, как и в его докладе Королевскому обществу литературы, озаглавленном «Earthly Paradise of European Myths».

³ Creuzer-Guignaut. Religions de l'Antiquité. T. II. P. 836. Ср. с текстом недавно открытой эпитафии царице Isis em Kheb, теще Шишака, правителя Ассирии (около 1000 года до н. э.): «Она сидит, прекрасная, на своем месте, на троне, среди богов юга, она увенчана цветами». The Funeral Tent of an Egyptian Queen, by Villiers Stuart. London, 1882. P. 34. Не уделяя этому внимания, Стюарт, несколькими страницами позже — как велико влияние традиции! — указывает на Аменти как на место на западе (p. 49, а также 27). Но надпись продолжается: «Она сидит, исполненная красоты, на коленях у своего отца Хонсу, исполняя его пожелания. Он в Аменти, в месте отлетевших душ». Ср.: с. 33.

⁴ Diodorus Siculus. II, 31, 4. Lenormant. The Beginnings of History. New York, 1882. P. 568, 569.

которые светят над миром живущих, звезды южной полусферы стоят над местом мертвых; если, по мысли древних индусов, «боги небес видны обитателям ада так, как будто они двигаются вниз головой»¹; если римляне думали, что:

Мир, который к Скифии и Рипейским твердыням
вздывается
Круто, отлого спускается к южным Ливийским
пределам;
Всегда возвышенна эта вершина, а ту
Под ногами видят и мрачный Стикс, и подземное
Царство теней².

Если в греческой космологии высокий Столб Атланта, по описанию Еврипида, есть непосредственная ось земли и неба³ — тогда Земля древних неоспоримо является СФЕРОЙ, а ад — нижней частью ее поверхности. Мнение о «плоском диске» — это чистый миф, не имеющий оснований. По мнению древних, в смысле, не осознаваемом даже автором нижеприводимых слов, правильно говорится, что:

Мир Жизни,
Мир Смерти являются всего лишь
противоположными сторонами
Единой великой Орбиты⁴.

Garrett. Classical Dictionary of India. Art. «Naraka». См. также: Obry. Le Berceau de l'Espèce humaine. P. 184 n.

² Вергилий. Георгики, I. 240—243. (Пер. с латинского Е. Лазарева).

³ Peirithous, 597, 3—5, ed. Nauck. Ср.: Aristotle. De Anim. Motione. C. 3. Samuel Beal. Four Lectures on Buddhist Literature in China. London, 1882. P. 147. Lüken on Atlas in: Traditionen des Menschengeschlechtes. Münster, second edition, 1869. А также: The True Key to Ancient Cosmology. P. 13—21.

⁴ Morris. The Epic of Hades (fourteenth edition). London, 1882. P. 230.

VII. НОВЕЙШИЕ ПОЛЯРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Недавнее счастливое завершение последней из трех последовательных экспедиций, посылавшихся правительством Соединенных Штатов для спасения лейтенанта Грили и его голодающей группы героев, вызвало необычайно широкий интерес к этому великому международному предприятию, в котором и он сам, и его спутники подвергались серьезному риску. Еще мало кто понимает и размах и надежды, связанные с этой первой адекватной и многообещающей схемой исследования физики Земли вблизи полюса. О. Б. Коль описал в 1883 году содержание и цель этого предприятия так: «В нем заняты представители десяти наций, помимо нашей, и поле наблюдений охватывает и Арктику, и Антарктику, включая и промежуточные области Земли; были созданы восемнадцать полярных станций и сверх того сорок вспомогательных, и наблюдения велись от 1 сентября 1882 года до 1 сентября 1883 года. Они проводились и фиксировались ежедневно по одним и тем же идентичным направлениям исследования. Эта схема наблюдений была разработана вместе с лейтенантом Чарлзом Вейпрехтом, известным австрийским исследователем, который не дожидаясь ее приведения в действие. Он впервые предложил ее на собрании германских натуралистов и физиков в Граце 18 сентября 1875 года. План был официально принят на собрании членов Международного метеорологического конгресса, проходившего в Риме весной 1879 года, а его детали были уточнены на другом собрании этой же организации в Гамбурге 1 октября 1879 года и в Берне 7 августа 1880 года. Наконец, 1 августа 1881 года десять делегатов, в том числе генерал Хазен, глава Сигнальной службы Соединенных Штатов, провели встречу в Санкт-Петербурге и создали официальную Полярную комиссию.

Все члены этой комиссии имели право работать для своих правительств.

Полярные станции были разграничены между нациями следующим образом:

Соединенные Штаты: at Lady Franklin Bay, Grinnell Land; пункт Барроу, Аляска;

Великобритания и Канада: Fort McRae и Fort Resolution, on the Great Slave Lake, Британская Колумбия;

Дания: Godthaab и Upernavik, западное побережье Гренландии;

Германия: Hogarth Inlet, Cumberland Sound;

Австрия: Young Foreland, остров Ян-Майен, север Исландии;

Финляндия: Soudan Kyla, Лапландия;

Голландия: Dickerson Haven, устье Енисея, Россия;

Норвегия: Bossekop, северо-западное побережье Норвегии;

Швеция: Mosel Bay, Шпицберген;

Россия: Moller Bay, Новая Земля, и Lighthouse Point, в устье Лены.

Антарктические станции: Германия — на острове Южная Георгия; Франция — на мысе Горн; Италия — Патагонии и Аргентина — Кордова.

Все полярные станции располагаются в пределах 30° от Северного или Южного полюса, а вспомогательные станции рассеяны по остальным регионам земного шара. В первом представлении своей схемы лейтенант Вейпрехт отметил, что научные результаты арктических и антарктических экспедиций были неудовлетворительными по двум причинам. Прежде всего, главной целью этих экспедиций были географические открытия, а научное обследование считалось вторичной задачей. Вторая причина — эти индивидуальные

путешествия носили изолированный характер, а поэтому и проводимые наблюдения неизбежно были недостаточными по сравнению с тем, что могло бы быть достигнуто настоящими научными исследованиями, которые могли бы выявить, во взаимном сочетании и сравнении, фиксацию магнитных и метеорологических наблюдений, проводимых одновременно в разных частях мира по единой системе. Такое исследование, сказал он, может быть осуществлено только при совместных действиях всех больших стран мира.

После того как был принят план, следующий график работ был согласован для каждой отдельной станции. Метеорологические наблюдения: температура воздуха, температура моря, барометрическое давление, влажность, направление и сила ветра, разновидности, количество и движение облаков, дожди, погодные условия и степень видимости. Наблюдения за магнитными колебаниями: абсолютные значения склонения и горизонтальной напряженности поля, варианты указанных показателей. Все эти наблюдения были признаны обязательными; они должны были проводиться на каждой станции ежечасно каждый день, но на первое и пятнадцатое число каждого месяца их следовало проводить каждые пять минут. Следующие наблюдения были тоже признаны желательными и, без сомнения, проводились в общем плане: варьирование температуры, связанное с высотой, солнечным излучением, испарением, а также гальванические токи Земли, спектроскопические наблюдения за зарей, океанские течения, наблюдения за приливами и отливами, за структурой льда, плотностью морской воды, атмосферным электричеством и силой гравитации. Некоторые экспедиции приступили к работе, прибыв на указанные станции к предписанному для начала работ числу — к 1 сентября 1882 года.

Станция группы лейтенанта Грили в районе залива Леди Франклин, самая северная из всех — она отстоит

от Северного полюса всего на 8° к югу. Трудно было добраться до нее в соответствии с расчетом из-за ледовых масс, скопившихся в Баффиновом заливе. Лейтенант Грили привел туда свою группу на корабле, хотя отбыли они за год до начала работ других экспедиций из опасения, что судно могут остановить льды и придется добираться пешком. Из-за этого наблюдения начались у них в конце 1881 года. У них было намерение остаться на два года, и были сделаны разные запасы, и проведена соответствующая подготовка. В начале лета 1882 года правительством был направлен пароход с нужными этой группе материалами, но он не смог добраться до места из-за мощного льда. Запасы были оставлены в местах, предварительно указанных лейтенантом Грили, откуда он мог доставить их к месту на санях. Другая группа направилась к нему этим летом, и они намеревались доставить ему грузы по воде, а если это не удастся, то двинуться к северу на санях. Он получил инструкцию в этом сезоне отправиться назад на санях в случае неприбытия судна и спуститься к берегу Гриннела. Или по ходу судна, или по линии движения санных групп навстречу друг другу они должны были встретиться, и возможно, что мы услышим от них что-либо определенное к концу сентября...¹

Пункт Барроу находится на берегу Северного Ледовитого океана на 72° с. ш. Группу возглавляет здесь лейтенант П. Рэй. Легкое судно достигло этих мест летом 1882 года, и был сделан вывод, что там все в порядке. Члены группы сообщили, что прошедшая зима была долгой и суровой, но не настолько, насколько ожидали. Ежечасные метеорологические наблюдения проводились непрерывно начиная с 17 октября 1881-года, а наблюдения за магнетизмом — с 1 декабря. С этого дня и до 1 августа 1882 года свыше 90 тысяч

¹ Вскоре после того, как это было написано, пришла горестная весть о катастрофе и неудаче второй спасательной экспедиции.

данных было снято с соответствующих приборов и проведен большой объем работ по метеорологии¹.

Прошлым летом, как раз перед тем, как мир узнал о спасении лейтенанта Грили, начальники разных станций, за исключением Грили, собрались на конференцию в Вене и поздравили друг друга и весь научный мир с достигнутыми успехами. Результаты исключительно важных наблюдений этого не присутствовавшего тогда исполнителя теперь завершили и возглавили величайшее и наиболее удачное предприятие из всех, в которых христианские страны участвовали в течение многих веков. Однако самым замечательным из всего этого стал тот факт, что в составе этих экспедиций было занято свыше пятисот человек из разных стран и они провели больше года за Полярным кругом, добрались туда и вернулись, и ни одна жизнь не была принесена в жертву, несмотря на единственную ошибку в снабжении одной из групп. Что могло быть более обещающим в отношении будущих полярных исследований?

Следует учесть, что вопросам стратиграфии и палеонтологии уделялось еще мало места со стороны научных комиссий, которые планировали последнюю (как и более ранние) арктические экспедиции. После прочтения зачаровывающих страниц книг (*Heer. Flora Fossilis Arctica*; *Count Saporta. Monde des Plantes avant l'Apparition de l'Homme*), или исключительно интересных исследований в изучении Шпицбергена, проведенных бароном Норденшельдом, никто не сможет не признать, что при разумном применении в областях

¹ Краткий вариант статьи, прочитанной перед Научным обществом Бостона (из: *Boston Daily Advertiser*). См. также: *A. Bellot. Observatoires Scientifiques Circumpolaires*, in: *Bulletin de la Societe de Geographie*. Paris, Ier Trimestre, 1883, и периодические научные издания. В последней указанной статье есть ценная карта международной системы станций. О воображаемом открытии Северного полюса см.: *Thos. W. Knox. Voyage of the Vivian*. New York, 1884.

Полярного круга сверла, лопаты и молотка будут почти определенно открыты факты, неизмеримо ценные как для естественных наук, так и для археологии.

Прогресс в науке, достигнутый миром,
Подобен полету кометы, и мы почти можем надеяться,
Что, прежде чем умрем от полного упадка сил, узнаем
Кое-что о нашем детстве...

...Все, что ты видишь здесь, основано на братстве с богами;
...Эти скалы хранят
Их выщербленные временем следы, запечатленные чистым
огнем.

Такими были те времена, древняя юность Земли,
Изначальные годы, когда Земля и Небо
Были едины в священном браке, — царственные боги
Стали их блистательным бессмертным потомством; тогда умы
людей

Были широкими, как континенты, а не такими, как сейчас, —
Крошечными, неразличимыми наделами,
Где целые акры невспаханных мозгов; тогда жила
Великая изначальная Допотопная Раса людей с широко
раскрытыми глазами,

Чья мудрость, подобно этим скалам, поддерживающим море,
Сформировала незыблемую основу неустойчивых знаний мира.

Филип Джеймс Бейли

VIII. ЦЕННОСТЬ ПРАВДИВОСТИ РАННЕЙ ТРАДИЦИИ

Способна ли память удерживать в течение ряда последовательных поколений факты истории или что-либо еще, в знании чего люди всегда заинтересованы? Сначала каждый готов ответить «нет», подумав о том, как редко два человека согласно могут изложить, даже вкратце, самое обычное событие. Но всмотритесь в суть. Заметьте, насколько различна сила памяти у разных людей и как ее можно культивировать, и особенно как она усиливается, когда с чем-либо связана зависимость, и слабеет, когда этого недостает. Вот маленький факт, но не лишенный значения: детям следует запом-

нить, помимо религиозных идей, длинную серию исторических имен, дат и событий (тут и английские короли, и американские колонии, и президенты), и это далеко превосходит по трудности ту историю Израиля, которой, по мнению Куенена, не следует доверять, поскольку она сохранена только в памяти. Это доказывает, что вопрос заключается не столько в силе памяти, сколько в том, насколько память оценивает что-либо как священное и должное сохраняться нетронутым. Что касается свидетельств силы памяти, то разве не известен факт передачи «Илиады» с ее 15 677 строками из поколения в поколение задолго до того, как она был записана? И даже это просто пустяк по сравнению с Ведами. Ригведа, с ее 1017 гимнами, в четыре раза превосходит объем «Илиады». И это только часть древней ведической литературы, ведь она вся была создана, зафиксирована и пронесена только через память, или, как сказал Макс Мюллер, «через память, подверженную строжайшей дисциплине». В Индии и сейчас существует класс жрецов, знающих наизусть всю Ригведу. И любопытно то подтверждение верности, с которой достигалось и передавалось дальше запоминание: они строго придерживались передачи в древней дословной форме законов, запрещающих практику, которая тем не менее была введена.

Так, теперь находят, что сами Веды порицали обычай «сати» (погребения живой жены вместе с телом умершего мужа. — *Н. Г.*). Это было впервые отмечено европейскими учеными, но с тех пор подтверждено и индийскими знатоками Вед. Ничто более точно не подтвердит преданность традиционной памяти и передачи ее. Это имело также дальнейшее влияние на возникновение так называемого мозаичного законодательства. Оно показывает, что обычаи, неизменно существующие в стране в течение веков, не обязательно осуждались лишь в поздние времена. Но есть и более поучительные факты в передаче ведической литературы. Приверженцы ведической традиции никогда не

верили в то, что записано в Индии вот уже 2,5 тысячи лет назад. Они верят в то, что память дисциплинируется путем восприятия в совершенстве и устной передаче священных книг. У них есть рукописи и даже уже напечатанные тексты, но, говорит Макс Мюллер, «они узнают свои законы не из этого; они заучивают их, как заучивали их предки тысячи лет назад, воспринимая слова из уст учителя, чтобы ведическая традиция никогда не нарушалась». В течение восьми лет своей юности они полностью поглощены такими знаниями: «Они заучивают каждый день по несколько строк, повторяя их часами, и эти звуки раздаются во всем доме; и таким путем они усиливают свою память до такой степени, что, когда заканчивается срок их ученичества, вы можете «открыть» их, как книгу, и обнаружить любой нужный вам отрывок, или слово, или ударение». И в правилах, данных в самих Ведах, Макс Мюллер обнаруживает, что такое изустное обучение, в точности как современное, проводилось по меньшей мере еще за 500 лет до н. э.¹

Весьма похожее на это проводилось в раввинских школах, в среде которых возник Талмуд. Вся эта обширная литература, намного превосходящая по объему и Гомера, и Веды, и всю Библию, служила до последнего периода возрастанию изустной традиции. Это была прозаическая традиция, которая наиболее трудна для запоминания, и все же она была вся записана, помнящие ее старики продолжали так же учить в школах; по сути дела, это не прекратилось и теперь: мой друг д-р Готтейль (Нью-Йорк) сказал мне, что в кругу его информаторов по науке есть человек, знающий наизусть весь Талмуд и могущий продолжать цитировать текст с любого заданного слова, повторяя все слог за слогом с абсолютной точностью.

¹ См.: *F. Max Müller. Origin and Growth of Religion. New York edition. P. 146—161.*

При наличии таких фактов нам следует пересмотреть наши представления о том, что именно можно удерживать в памяти — наши идеи порождены весьма ограниченным применением к тому, от чего мы сейчас зависим. Такие факты показывают, что память, сосредоточенная на традиции, может, по меньшей мере, действовать как точный инструмент для передачи многим поколениям того, запоминанием чего люди обеспокоены.

После прочих впечатляющих и интересных доказательств, извлеченных из истории народов самых разных уровней культуры, автор приходит к заключению: «Если в собранных мною фактах есть хоть что-нибудь ценное, то это, по крайней мере, следующее: необходимо воспринимать отброшенные традиции старых героических времен и времен утра мира с гораздо большим доверием, чем все то, к чему мы привыкли за последние годы. Надо читать Гомера и Геродота с новым интересом, и лучше всего старые как мир библейские истории. Я знаю, они не дадут нам детализированных указаний, как бы требующихся для заучивания в школе. Но они дадут нам возможность взглянуть на миновавшие дни, на картины разных мест, где мужчины и женщины любили и боролись, как, например, в таких старых погребенных городах, как Гиссарлык, или размышляли на берегах Ганга, или уходили из Халдеи вслед за Авраамом, или следовали за Моисеем, покидая могучую Египетскую империю и уходя в дикое одиночество Синая, — то есть картины жизни, вехи великих дел, и помыслов, и служения, и законов: рассвет истории, а не абстрактных теорий и не ослепительных солнечных мифов, но реальных народов и реальных людей (*Brooke Herford. The Atlantic Monthly for August, 1883*).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

5

ЧАСТЬ I. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ЭДЕМА: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА 1. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛЕГЕНДАРНЫХ . . . 11

Приближение Колумба к вратам. — Данные Джона де Монде-
виля. — Приключения принца Эйрика. — Путешествия св. Брен-
дана и Огера. — Успех автора Книги Еноха. — Искатель Эдема
Давид Ливингстон. — Анонимный вердикт: «Нон эст инвентус»
(лат. «Не найден»).

ГЛАВА 2. РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕОЛОГОВ . 30

Идеи отцов церкви. — Мнения Лютера и Кальвина. — Сове-
ременное совсем противоречивое мнение. — Неубедительный
характер библейских данных. — Сад «в стороне востока». —
«Евфрат». — Проблема «не разрешена и неразрешима».

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ УЧЕНЫХ-НЕТЕОЛОГОВ: НАТУ- РАЛИСТОВ, ЭТНОГРАФОВ И ДРУГИХ 39

Единство человеческого рода. — Не только одна «математическая
земля». — Десять разных ответов на вопрос о ее месте. — Взгляды
Дарвина, Геккеля, Пешеля и др. — Взгляды Катрефажа, Обри и
др. — Местонахождение утерянной Атлантиды. — Теория Фрид-
риха Делича. — Теория Е. Бовуа. — Теория Джеральда Месси. —
Утопии. — Безнадежность в решении вопроса.

ЧАСТЬ II. НОВАЯ ГИПОТЕЗА: ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЭДЕМ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

ГЛАВА 1. ГИПОТЕЗА И УСЛОВИЯ ЕЕ ПРИЕМЛЕМОСТИ 51

Состояние гипотезы. — Семь видов науки могут быть ею удов-
летворены.

ГЛАВА 2. НОВЫЕ ВАЖНЫЕ ЧЕРТЫ, ВВЕДЕННЫЕ В ПРОБЛЕ- МУ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЭДЕМА. ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА 54

Семь особенностей полярного Эдема. — Наша гипотеза встре-
чается с большими трудностями. — Если неверен ее несомнен-
ный прорыв.

ЧАСТЬ III. ГИПОТЕЗА, ПРОВЕРЕННАЯ И НАУЧНО ПОДТВЕРЖДЕННАЯ

ГЛАВА 1. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ГЕОГОНИИ, ИЛИ НАУКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЕМЛИ 61

Популярное предубеждение. — Вековое оледенение Земли. — Неизбежная запутанность доктрины. — Давление всего этого на нашу проблематику.

ГЛАВА 2. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ. 64

Долгота полярного дня. — Ошибки Гейке и Лайеля. — Реальная длительность дневного света. — Опыты Вейпрехта и Пэйера. — Опыты Баренца. — Цитирование работ барона Норденшельда. — Утверждение капитана Пима. — Объяснение разногласий. — Безопасная постановка вопроса. — Полярная ночь. — Виды полярного дня и его нарастание. — Райское прибежище.

ГЛАВА 3. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ФИЗИОГРАФИЧЕСКОЙ ГЕОЛОГИИ 75

Изначальный циркумполярный континент. — Предчувствие Кли. — Размышления Уоллеса. — Постулировано профессором Гером. — А также бароном Норденшельдом. — Испытание Старки Гарднера. — Испытание Гейке. — Теории о погружении континента в воду. — Теория Адхемара. — Теория о воздействии приливов и отливов. — Теория Лейбница о коллапсе земной коры. — Сумма свидетельств этой главы.

ГЛАВА 4. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ КЛИМАТОЛОГИИ 87

Изначальная температура на Северном полюсе. — Свидетельства научной геогонии. — Свидетельства палеоботаники. — Подсчеты профессора Гера. — Заявление сэра Чарлза Лайеля. — Заключение.

ГЛАВА 5. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОБОТАНИКИ 92

Изначание всех типов растительности. — Замечательное недавнее открытие. — Сэр Джозеф Хукер. — Вклад Гера. — Вклад профессора Асы Грея. — Требование графа Сапорты. — Заключение Отто Кунце.

ГЛАВА 6. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОЗООЛОГИИ. 98

Географическое распределение животных. — Первый знаменательный факт. — Второй знаменательный факт. — Язык профессора Ортона. — Язык профессора Паккарда. — Цитаты из работы Алфреда Рассела Уоллеса.

ГЛАВА 7. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ЛИНИИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ 101

Первое путешествие в Эдем. — Потеря путевых дневников. — Что говорит палеоэтническая наука? — Заключение графа Сапорты. — Взгляды на проблему Ф. Мюллера и М. Вагнера. — Неприемлемость теории.

ГЛАВА 8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ 105

Слово В. Доусона. — Сумма достигнутых результатов. — Неожиданное подкрепление. — «Где началась жизнь?». — Подтверждающие выдержки.

ЧАСТЬ IV. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ ЭТНИЧЕСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ

ГЛАВА 1. ДРЕВНЯЯ КОСМОЛОГИЯ И МИФИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ 119

Ошибочное новое предположение. — «Истинный ключ». — Общее утверждение. — «Мировая гора». — Она же в мифологии Египта. — В аккадской, ассирийской и вавилонской мифологии. — В китайской... — В индоарийской... — В буддийской... — В иранской... — В греческой и римской... — Подземный мир. — Предупреждения относительно интерпретации. — Хорография христианских гимнов.

ГЛАВА 2. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ЯПОНЦЕВ 139

Древнейшие японские книги. — Японская космогония. — Копье Идзанаги. — «Остров замороженной капли». — Сэр Эдвард Рид помещает его на полюсе. — М-р Гриффис приходит к этому же заключению.

ГЛАВА 3. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ КИТАЙЦЕВ. 142

Рай даосов. — Описания. — Громадная Мировая колонна, связывающая земной и небесный рай. — Та же идея в Талмуде. — Сила горы Сиона. — Верхний и нижний дворцы Шан-ди. — О небесном и земном полюсах.

ГЛАВА 4. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ВОСТОЧНЫХ АРЬЕВ И ИНДУСОВ 146

Мир по брахманам. — Прибежище Ямы. — Дожди в верхнем мире. — Северный путь к горе Меру. — Спуск к Уттаракхуру. — Иллюстрации к миру пуран. — Илаврита, индусский Эдем. — Его место северно-полярное. — Язык Ленормана. — Невольное свидетельство Риттера. — «Область полюса — это Меру». — «Древо Жизни в саду Меру».

ГЛАВА 5. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ИРАНЦЕВ ИЛИ ДРЕВНИХ ПЕРСОВ 153

Первичная пара и ее прибежище. — Ключ к иранской космографии. — Мост Чинват. — Распространенное непонимание. — Ответы на 12 вопросов. — Истинная природа моста. — Его место. — Место Кванираса. — Мифическая география персов. — Каршвары в диаграмме. — Полярное местоположение «Древнего Ирана».

ГЛАВА 6. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ АККАДЦЕВ, АССИРИЙЦЕВ И ВАВИЛОНЯН 160

Священная гора. — Халдейская космогония. — Утверждения Ленормана. — Три несовместимости. — Место Мировой горы. — Затруднения Ленормана. — Верное решение. — Два Аккада. — Гора подземного мира. — Это определяет место Харсака. — И это — место аккадского Эдема.

ГЛАВА 7. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН 168

Недооценка египетской науки. — Шесть тезисов египетской космологии. — Земля как сфера. — Северная и южная оконечности. — Четверо поддерживают небо на севере. — Параллель в буддийской космологии. — Южная полусфера как подземный мир. — Высший север — прибежище богов. — Интересный иероглиф. — Египетская история Эдема по Платону.

ГЛАВА 8. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ 177

Предполагаемые разногласия традиции. — Возможные соглашения. — Воспоминания о горе Меру. — Ренан и Ленорман. — Потерянная Атлантида. — Девкалион, человек Севера. — Острова Кроноса. — Золотой век. — Решение Вольфганга Мензеля. — Заключение и переход.

ЧАСТЬ V. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ИЗУЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЯ НА ПОЛЮСЕ

ГЛАВА 1. ЗВЕЗДЫ ЭДЕМА. 185

Движение звезд на полюсе. — Есть ли в традиции воспоминания об этом? — Странная доктрина Анаксагора. — Халдейская и египетская традиции. — Естественное объяснение. — Миф о Фазтоне. — Иранская и ацтекская традиции. — Результат.

ГЛАВА 2. ДЕНЬ ЭДЕМА. 191

Долгота дня на полюсе. — Восход солнца на юге. — Традиция северян. — Традиция древних персов. — Традиция восточных арьев. — Год-день у Гомера. — Традиция навахо.

ГЛАВА 3. ЗЕНИТ ЭДЕМА.

195

Полярный зенит означает полюс. — Истинное небо первого человека. — Концепция иудеев. — Концепция египтян. — Аккадская концепция. — Ассиро-вавилонская концепция. — Сабейская концепция. — Ведическая концепция. — Буддийская концепция. — Финикийская концепция. — Греческая концепция. — Этрусская и римская концепции. — Японская концепция. — Китайская концепция. — Древнегерманская концепция. — Древнефинская концепция. — Как библейский Эдем оказался на Востоке? — Решение проблемы. — Подтверждения и иллюстрации.

ГЛАВА 4. ПУП ЗЕМЛИ.

217

Распространение этого выражения. — Его символический и памятный характер. — Иерусалим как центр Земли. — Этот центр у греков. — Он же у вавилонян. — Он же у индусов. — Он же у персов. — Он же у китайцев. — Он же у северян. — Он же у мексиканцев. — Он же у перуанцев и других. — Результат.

ГЛАВА 5. РЕКА, РАЗДЕЛЯЮЩАЯСЯ НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

239

Происхождение и природа этой реки. — Священная гидрография персов. — Общий источник всех рек. — И одно место их растекания. — Расположение системы. — Аналогичные идеи греков. — Ведическая система. — Система в пуранах. — Следы христианской легенды.

ГЛАВА 6. СРЕДИННОЕ ДРЕВО

249

Дерево посреди сада. — Не было ли их два? — Крайне важно, если это на Северном полюсе. — Иггдрасиль северян. — Мировое Древо аккадцев. — Столб Тат у египтян. — Крылатый дуб финикийцев. — Белый Хом персов. — Космическая Ашваттха индусов. — Священная пальма греков. — Древо Бодхи буддистов. — Ирменсуль саксонцев. — Святое дерево в средние века. — Тон китайцев. — Мировой тростник навахо. — Яблоня Авалона. — Мировое Древо финнов, несущее звезды.

ГЛАВА 7. ИЗОБИЛИЕ ЖИЗНИ

264

Этнические традиции об ухудшении природных условий Земли. — И об ухудшении человеческого рода. — Рост и долголетие древнейшего человека. — Достоверность нашей гипотезы. — Язык профессора Николсона. — Цитата из Фигье. — Гигантская секвойя арктического происхождения. — Животный мир третичного периода. — Несомненная монструозность изначальных форм. — Все богатство фауны произошло с Севера.

ГЛАВА 8. ОБЗОР АРГУМЕНТАЦИИ

283

Характер аргумента. — Местность определяется по семи пробам. — Семь других особенностей места полюса. — Двойное выявление. — Приближение Байи к решению. — Другая неза-

висимая линия свидетельств. — Философская основа предыдущих неудач. — Философская основа путаницы в Средние века. — Апостольское описание внесло ясность. — Мир Козмы Индикоплова. — Мир Колумба. — Как высшее небо оказалось под ногами.

ЧАСТЬ VI. ЗНАЧЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

ГЛАВА 1. СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ИЗУЧЕНИЕМ БИОЛОГИИ И ФИЗИКИ ЗЕМЛИ 295

Непосредственно влияющие науки. — Поддержка археологии биологией. — Поддержка биологии археологией. — Узость биологии с археологией. — Проистекающий отсюда вред. — Верная коррекция. — Новейшие обобщения в палеонтологии. — Возражения в двух мифах персов. — Полнота земной жизни в индуизме. — Это урок для специалистов по вопросу происхождения жизни. — Необычные биологические условия. — Они наиболее благоприятны на полюсах. — Жизненные преимущества на Северном полюсе. — Нарастающая привлекательность исследований полюса.

ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ИЗУЧЕНИЕМ ДРЕВНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 308

Примитивный человек у Дарвина. — Как он открыл небо. — А также бесконечно высокие деревья. — О «короткой памяти» ведических жертвоприносителей. — Океан обилия их представлений. — Мнения Банбери об изучении Гомера. — Искажения в толкованиях древней мысли. — Заново разъясняемая космология Гомера. — Первое — о движении Солнца. — Второе — о месте ада. — Третье — о водной системе космоса. — Четвертое — об Олимпе богов. — Пятое — о Столбах Атланта. — Искаженные методы, выявленные нашими результатами. — Значение их для будущего.

ГЛАВА 3. СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ И ЕЕ САМЫХ РАННИХ ФОРМ. 342

Оценка этнического пантеизма. — Разногласие по Юму. — Доктрина Конта. — Мюллер опровергает примитивный фетишизм. — Схема сэра Джона Лаббока. — Опровержения Роскоффа и других. — Теория Каспари. — Теория Жюль Бэсака. — Распространенная приближенность учений. — И о происхождении искусства. — И о силе интеллекта первочеловека. — И о его сверхфетишизме. — И о его моногамной форме семьи. — И о его склонности к единобожию. — Семь заключений.

ГЛАВА 4. СООТНОШЕНИЕ НАШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С ФИЛОСОФИЕЙ ИСТОРИИ И ТЕОРИЕЙ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 386

Поборники теории первобытной дикости. — Их доктрина. — Связанная с дикостью глупость первочеловека. — Представления доктора Вильгельма Маннхардта. — Важнейшее изначальное открытие. — Дафна — это не дерево. — Настойчивость в утверждении долгой жизни до потопа. — Новое вавилонское смещение языков. — Девять памятных заметок. — Начальная история человека. — Древний библейский и истинный взгляды на народы. — Допотопный век по Платону. — Консенсус всех древних религий. — «Каменный век» по нашим результатам. — Происхождение слепопотопных законов и государств. — Воображаемое собеседование. — Устные показатели язычества. — К тем, кто не слышит Моисея и Пророков. — Заключение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Земля, по Колумбу, не настоящая сфера	411
II. Как была заселена Земля.	413
III. Получение «истинного ключа».	426
IV. Земля и мир у индусов	435
V. Грилл о Мировом столбе в Ригведе	440
VI. Прибежище мертвых у Гомера	442
VII. Новейшие полярные исследования	463
VIII. Ценность правдивости ранней традиции	468

**Издательской группы
«ГРАНД-ФАИР»
можно приобрести**

В МОСКОВСКИХ МАГАЗИНАХ:

- 1. Московский Дом Книги**
Адрес: г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 8
(м. Арбатская). Справочные тел.: 290-35-80,
290-45-07
- 2. Торговый Дом «Москва»**
Адрес: г. Москва, ул. Тверская, д. 8 (м. Твер-
ская). Справочный тел.: 229-64-83
- 3. «Библио-Глобус»**
Адрес: г. Москва, ул. Мясницкая, д. 6 (м. Лу-
бянка). Справочный тел.: 928-35-67
- 4. «Молодая Гвардия»**
Адрес: г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 28 (м. По-
лянка). Справочный тел.: 238-50-01
- 5. «Книга»**
Адрес: г. Москва, ул. Воронцовская, д. 2/10
(м. Таганская). Справочный тел.: 911-14-03
- 6. «Белые облака»**
Адрес: г. Москва, ул. Покровка, д. 4. Справоч-
ный тел.: 921-61-25
- 7. Дом Педагогической Книги**
Адрес: г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 7/5.
Справочные тел.: 229-50-04, 229-93-42
- 8. Дом Книги в Медведково**
Адрес: г. Москва, Заревый пр-д, д. 12 (м. Мед-
ведково). Справочный тел.: 478-48-97
- 9. Дом Книги ВДНХ на территории ВВЦ**
Адрес: г. Москва, пр-т. Мира, Хованские воро-
та (м. ВДНХ). Справочный тел.: 181-97-26
- 10. Дом Технической Книги**
Адрес: г. Москва, Ленинский пр-т, д. 40. Спра-
вочный тел.: 137-68-88, 137-60-19
- 11. МКП «Новый»**
Адрес: г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 24/43
(м. Авиамоторная). Справочный тел.: 362-09-23
- 12. «Путь к себе»**
Адрес: г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 10а
(м. Белорусская). Справочный тел.: 257-39-87

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»

приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

Телефоны:

(095) 721 - 38 - 56

(многоканальный)

(095) 170 - 93 - 67

Факс:

(095) 170 - 96 - 45

Почтовый адрес:

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

e-mail: **office@grand-fair.ru**

Интернет: **http://www.grand-fair.ru**

Серия «История и мифология»

Уильям Ф. Уоррен

НАЙДЕННЫЙ РАЙ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Редактор Н. Барина

Художник обложки С. Даниленко

Дизайн обложки Е. Ярошенко

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.

Подписано в печать 20.06.2003.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз.

Заказ 233

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

«Некогда жил сын короля. Ни у кого не было так много прекрасных книг, как у него. Он мог узнать из них обо всем, что происходило в мире, и увидеть это на великолепных гравюрах по меди. Он мог обрести знания о каждом народе и о каждой земле, но не мог узнать, где найти Райский сад, — об этом в книгах не было ни слова. А между тем именно об этом он думал прежде всего». Книга У. Уоррена — одна из самых дерзновенных попыток ответить на этот вопрос.

ISBN 5-8183-0492-2

9 785818 304922

